

Май 20
ГЕК

Татьяна Тарасова

Май 20
ГЕК

КРАСАВИЦА

и чудовище

Татьяна Тарасова

Татьяна Тарасова

№ 20
Бек

*Мой 20
бук*

**ТАТЬЯНА
ТАРАСОВА**

**КРАСАВИЦА
и чудовище**

ВАГРИУС

**ТАТЬЯНА
ТАРАСОВА**

**КРАСАВИЦА
И ЧУДОВИЩЕ**

МОСКВА • ВАГРИУС •

2001

УДК 882-94
ББК 84.Р7
Т 19

Литературная запись В.Мелик-Карамова

В книге использованы фотографии
из личного архива автора

Дизайн серии Е.Вельчинского
Художник Н.Вельчинская

העמותה לקליטת עליה בחיפה
רח' נ. ל. פרץ 20 חיפה 33041
ספריה 6484
..... מס'

3653/1

Охраняется законом РФ
об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или
любой ее части запрещается без
письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном
порядке.

ISBN 5-264-00194-4

© Издательство «ВАГРИУС», 2001
© Т.Тарасова, автор, 2001

Я очень счастливый человек. Я счастливо живу, я обожаю свою работу, я живу с благодарностью к своим родителям, мужу, моей сестре, моим друзьям и учителям.

Почти двадцать лет назад я начинала свою первую книгу со слов «Зачем человек пишет о своей жизни?» Но ответ на этот вопрос простой. Вероятно, он пытается подвести некий итог. Уже тогда я, еще сравнительно молодой тренер, могла гордиться своими учениками-чемпионами. Теперь же моя биография просится в книгу рекордов Гиннесса. По числу золотых медалей моих учеников на чемпионатах мира и Европы и Олимпийских играх, я лидирую среди всех специалистов в фигурном катании, причем с приличным отрывом.

В прошлом году американцы меня определили в список 25 лучших тренеров мира, об этом я в книге упомянула, но недавно вновь получила поздравления: я единственный представитель России в такой же компании, но уже по итогам 2001 года. Вероятно, нет больше на свете тренера по фигурному катанию, кроме меня готовящего своих учеников уже к 9-й Олимпиаде.

После даже части такого перечня собственных заслуг требуется в дальнейшем отдыхать и, конечно, в большом комфорте. Но я так не приучена. Я живу сегодняшним днем — следовательно, работой.

Почти двадцать лет назад моя первая книга заканчивалась рассказом о Наташе Бестемьяновой и Андрее Букине, тогда еще не имеющих никаких чемпионских званий, финал этой — рассказ о Алексее Ягудине трехкратном чемпи-

оне мира. Кстати, уникальный результат в мужском одиночном катании. Мы работаем с Лешей три последних года. В 2001 году он уступил первое место. Но я в него верю. Верю в его олимпийский успех. Но главное, в соперничестве с ним развивается и идет вперед фигурное катание. «Фигурка», как говорили в моей молодости. Почему я написала эти строки? Вся моя жизнь состоит из жизни моих учеников, тем более, что тренером я стала, когда мне не было и двадцати. И каждый из них мне по-своему дорог. Каждого из них я любила и люблю. Они подарили мне удивительную вещь. Через них я разговаривала с миром. И миллионы людей меня «слушали». Такое не каждому выпадает.

Об этом я дальше и написала.

ЧАСТЬ I
ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА

Мой талисман — черепаха

Я никогда не верила в приметы. Да и не приняты были в те времена, в конце шестидесятых, когда я выступала, всякого рода амулеты. Но вот мы с Жорой (моим последним партнером Георгием Проскуриным) стали ездить на чемпионаты мира и Европы, и я обратила внимание, что девочки в раздевалке сидят кто с куклой, кто с плюшевой собакой, короче, каждый что-то в руках теребит... А у меня — ничего. Я знала только, что ботинки всегда начинаю шнуровать с левой ноги, но это получалось совершенно автоматически. И если я вдруг проверяла себя, не перепутан ли порядок шнуровки, то всегда успокаивалась, убеждаясь, что магическое воздействие на руки остается незыблемым. Даже если надевала вначале правый ботинок, то все равно шнуровку начинала с левого — и так по несколько раз в день.

А когда перешла на тренерскую работу, то так же автоматически неизменно начала шнуровать ботинки с правой ноги...

Ни талисмана в молодые годы не было, ни суеверий, мол, надо надевать на старт что-то одно и ни в коем случае не переодеваться. Теперь же во время соревнований я три дня костюм не меняю. Я выбираю себе удобную одежду или специально ее шью — и, начиная с «Нувели» (так фигуристы называли уже забытый традиционный декабрьский международный турнир на призы газеты «Нувель де Моску»), весь сезон надеваю на все старты только ее. Долго не снимала на соревнованиях шубы, потому что когда-то Буккин назвал ее счастливой. Наташа и Андрей не верят в при-

меты, но если им казалось, что шуба приносит счастье, я готова была ее носить даже летом.

Мой талисман — латаная-перелатаная кожаная черепашка. Известный тренер сборной ГДР, наставник такой популярной пары, как Уве Гросс и Мануэла Кагельман, Йохан Линднер, который одним из первых начал заниматься подкрутками (ими с большим удовольствием и успешно мы все сейчас пользуемся), подошел ко мне, протянул маленькую набивную, обшитую искусственной кожей черепашку и сказал: «Я знаю, она принесет тебе счастье». Черепаха перекочевала в мой карман. Это произошло тридцать лет назад на «Нувели», когда после трех недель совместных занятий я выпустила на соревнования свою первую в тренерской жизни пару — Людмилу Суслину и Александра Тихомирова. Почему Линднер сделал мне такой подарок, не знаю. Он хорошо ко мне относился, а может быть, помнил, как я соревновалась с его парами, и хотел теперь пожелать мне удачи.

Эта черепашка объехала со мной весь мир в кармане или сумке. Она небольшая, с ладонь, и много места не занимает. Сшитая из кусочков, черепаха стала рваться, накануне Олимпиады в Лейк-Плэсиде я дала ее Родниной, и Ира ее аккуратно подштопала. В сезоне 1982 года я черепашку с собой никуда не брала, чтобы она отдохнула, набралась сил, а накануне чемпионата страны 1983 года отдала починить Наташе Бестемьяновой. Наташа вернула черепаху мне перед чемпионатом Европы, на котором они впервые с Андрюшей завоевали золотые медали.

Маленькая кожаная черепашка положила начало целой коллекции.

В Саппоро на Олимпийских играх 1972 года, где я впервые была в роли тренера олимпийской сборной, привезя пару — Ирину Черняеву, ныне маму чемпионки мира Марины Анисиной, и Василия Благова, Юра Овчинников 13 февраля, в день моего рождения, сказал: «Ты сама похожа на черепаху Тортиллу, вот тебе на память игрушечная», — и преподнес хорошенькую черепашку, в шапочке и

с бусами на шее. Он не знал, что вместе с его подарком у меня дома теперь уже две черепахи. Впрочем, эта парочка дала возможность кому-то пустить слух, что Тарасова собирает черепах, да я и сама стала приглядываться к этим игрушкам и кое-что покупать. Но чаще мне их дарили. Спортсмены, родные, друзья. Сейчас в моей коллекции больше четырехсот черепах. Саша Зайцев привез мне с Кубы чучело настоящей черепахи, Марина Неелова нашла для меня стеклянную черепаху в Венеции, моя подруга Ира Возианова купила мне огромную черепаху-подушку в Милане. Большой вклад в коллекцию сделал мой муж, Владимир Крайнев, привозя черепах из всех своих гастролей. Потом черепах стали приносить и Володины друзья.

Они все разные. Бронзовые, золотые, позолоченные, серебряные (одну такую, очень красивую, мне подарили Торвилл и Дин), деревянные, матерчатые. Кстати, две огромные матерчатые черепахи-подушки мне в Лейк-Плэсиде преподнесли на день рождения Роднина и Бестемьянова.

Так и собралась из-за талисмана целая коллекция, может, именно в этом было его предназначение. Коллекция, которую я очень люблю и могу разглядывать, не отрываясь, часами. Я при этом отдыхаю. Правда, моя мама говорит: «Такое впечатление, что ты не с людьми работаешь, а в зоопарке. Все медали и кубки выставляют на полки, а ты черепах».

Ну и что ж. Я люблю их показывать, люблю ими хвастаться, и теперь все наши знакомые знают — Тарасова коллекционирует черепах.

Что же касается талисманов, то я, как и прежде, не придаю им большого значения, однако кожаная черепашка никогда не бывает забыта дома. На соревнованиях я ее ищу в кармане и сжимаю рукой, когда тяжело стоять или нервничаешь. Надо же что-нибудь сжимать! Сжимаю я ее, беднягу, поэтому она и рвется — от моего непосильного труда и нервоза.

Амулеты есть у многих тренеров: например, шапка у Чайковской. Впрочем, последние годы она ее не надевает, но, думаю, носит в сумке.

Когда мне предложили написать книгу о фигурном катании, о том, как я стала тренером, о моих учениках, я долго собиралась и наконец решилась. В первые месяцы работы над рукописью Виталий привез из Дюссельдорфа еще один экземпляр (на сей раз керамический) в черепашьё собрание.

Лежит себе такая довольная, отдыхает.

Пусть она принесет удачу этой книге.

Стадион Юных пионеров

Нет места в Москве дорожке и любимее. Здесь, я знаю, была нужна людям, здесь выучились мои ученики, здесь я провела большую часть своей жизни. Какое счастье — возвращаться из поездки на родной каток. Стадион Юных пионеров — это моя бывшая жизнь.

Иду я сейчас по нему, как шла тридцать лет назад, по Центральной аллее мимо бюста Ленина, но как изменился мой стадион! Слева от меня те же невысокие трибуны, но теперь на поле положен искусственный газон, а справа тянется длинное прозрачное здание крытого манежа для легкоатлетов и, наконец, глухой прямоугольник нашего крытого катка. Как изменился СЮП в 90-е годы, словами не описать — надо видеть. Ленина нет, есть казино. Вместо кортов склады, на велотреке — база мороженщиков, конечно, обязательные салон по продаже автомобилей и магазин мебели, но и спортивная жизнь теплится, не умирает. Народу на СЮПе значительно поубавилось, но детей продолжают туда водить.

На СЮПе прошло мое детство. Кататься я начала в пять лет, но в детском парке имени Дзержинского, на катке, чуть побольше, чем две комнаты обычной квартиры, у Самсона Вульфовича Гляйзера и Ларисы Яковлевны Новожиловой. Но настоящий спорт — занятие по общефизической подготовке, хореографии, тренировки на льду — все это я узнала уже на стадионе Юных пионеров.

В те годы там было два катка. Один и тогда, тридцать пять лет назад, был закрытый, с искусственным льдом, но площадка значительно меньше нынешней, и право кататься на нем имели лишь лучшие спортсмены. Остальные занимались на открытом стадионе. К катку примыкала теплушка. В ней стояли старинные кресла, висело огромное зеркало в раме. Уроки хореографии проходили на другом конце стадиона, в перестроенной церкви, где на втором этаже тренировались гимнасты и акробаты, внизу расположился зал хореографии, с зеркалами и станком вдоль стены. Мотались мы и на трек, погонять на велосипеде.

На СЮПе всегда было шумно и многолюдно. Кто в волейбол играет, кто в баскетбол. Зимой каток на стадионе заливали не только для фигуристов, по краям были проложены дорожки для конькобежцев. С конькобежцами фигуристы дружили — они целый день на льду, и мы тоже. Иногда нам, совершенно незаслуженным, выпадали занятия на маленьком пяточке искусственного льда — они приходили как награды, и мы их не пропускали.

Ах, нет уже сейчас того, что было, — выходишь из теплушки, кружатся вокруг крупные хлопья снега, и ты идешь на лед такая гордая, на коньках в самодельных чехлах, на тебе свитер, который связала бабушка, папина мама Екатерина Харитоновна, идешь под музыку по синему снегу к площадке. Каждый вечер — праздник. Музыка грохотала до двенадцати ночи, из-соседних домов жильцы писали жалобы, а нам все не хотелось расходиться по домам.

Начинала я на СЮПе в одной группе с Милой Пахомовой у Александры Ивановны Нарядчиковой. С самого начала мы считались абсолютно бесперспективными, только «артистками хорошими» (не в лучшем смысле этого словосочетания).

Тем не менее в группе Нарядчиковой, несмотря на отсутствие способностей, мы обе, как нам казалось, процветали. Сами ставили себе программы и изображали черт знает что. Но потом действительно выдвинулись, и в пят-

надцать лет нас с Милой забрал к себе Виктор Иванович Рыжкин, молодой, но уже известный тогда тренер.

Попасть на СЮП в середине пятидесятых — задача не из легких. За нас с Милой хлопотали наши отцы. Отец Милы летчик, Герой Советского Союза, генерал, дядя Леша, он умер очень молодым, лет сорока. Просили они Татьяну Александровну Толмачеву, старшего тренера по фигурному катанию, на СЮПе она тогда, можно сказать, «возглавляла» тренерский корпус в нашем фигурном катании, во всяком случае, была одним из самых известных тренеров в стране. Татьяна Немцова, Елена Осипова (Чайковская), Ирина Люлякова, Александр Веденин, Сергей Четверухин — вот неполный список ее учеников-чемпионов. Она работала исключительно с одиночниками. Нас к себе она, конечно, не взяла, большого впечатления мы с Милой на нее не произвели.

Татьяна Александровна была настоящей хозяйкой на СЮПе. Сколько лет прошло с тех пор, а я до сих пор слышу ее голос, который звенел над стадионом и был слышен, как только выходишь из трамвая. Раньше тренеры работали с мегафоном, сидя в будке, подобной караульной, — катки были открытые, холод страшный, — Толмачева кричала, возмущалась, одним словом, руководила. Услышать ее можно было в любое время дня и ночи. Казалось, что она со стадиона вообще не уходит.

Фанатичная в работе, она, занимаясь со своим последним учеником, Владимиром Ковалевым, приходила на стадион минут на двадцать — тридцать раньше Володи. Старенькая, с палочкой, в полной темноте — одиночники начинают свои тренировки раньше всех — она брела от метро к стадиону.

На просмотр меня привела мама, я показала все, на что способна, после чего была определена к тренеру Нарядчиковой, заодно получив расписание тренировок. Мне шел шестой год. После просмотра больше на СЮП со мной никто из родителей не приезжал. Других же в группе обязательно сопровождал кто-то из взрослых. Мама, бабушки,

няни стояли за загородкой и давали советы, а после одевали разомлевших в тепле фигуристов. В шестилетнем возрасте я довольно спокойно ездил одна по Москве в общественном транспорте и не терпела рядом с собой провожатых. С двух лет я жила и живу по сей день, только в другой квартире, в доме рядом со станцией метро «Сокол», и от него до Беговой, где расположен СЮП, ходил и ходит по прямой, не сворачивая, 23-й трамвай. Давали мне десять копеек на расходы, и я, очень самостоятельная, собирала сама сумку и отправлялась на тренировку. Деньги не экономила, всегда покупала в трамвае билет. «Зайцем» ездить не могла. Мне казалось, что у меня на лице написано, что я не заплатила за проезд.

Позже, уже на соревнования, начала приходиться мама. Отец появился на трибуне, когда мне уже исполнилось четырнадцать лет. У нас проходили соревнования, и я выполнила на них норму первого разряда. Следующий его визит на соревнования фигуристов, в которых участвовала дочка, состоялся спустя еще четыре года, во Дворце спорта в Лужниках.

В четырнадцать лет я вошла в команду фигуристов московского «Труда», и меня взяли на юг, на тренировочный сбор. О, какой восторг и упоенье! Завязывались под южным небом первые романы, с утра до ночи я поедала фрукты, периодически посылая родителям телеграммы, чтобы они выслали еще хотя бы три рубля.

Без СЮПа я не могла представить свою дальнейшую судьбу. И мне выпало огромное счастье, когда после недолгих мытарств в ЦСКА меня, девятнадцатилетнюю, взял на работу Вячеслав Васильевич Хатунцев, тогдашний председатель спортобщества «Труд», и определил тренером на родной стадион. Для тренерской деятельности я не имела ничего, в том числе и образования, но зато было страстное желание работать. И вот я снова вместе с парами, вместе с танцорами оказалась на том же открытом катке. Закрытый, искусственный, все еще принадлежал одиночникам и чемпионам.

Новый каток строили очень долго, и построили его не слишком толково. Зал для хореографии и общефизической подготовки всего лишь один, раздевалок мало, дневной свет на лед почти не попадает, искусственное же освещение слабое. Нет тренерской комнаты. Каток примыкает к легкоатлетическому манежу, вот там-то обилие света и воздуха. Мы ждали, что сначала начнут строить каток, но вышло наоборот. Манеж теперь часто пустует, на него затрачены, кстати, те же деньги, что и на наше неказистое сооружение, а мы выкраивали время, чтобы могло пройти как можно больше фигуристов. И все-таки он самый родной и любимый — наш каток.

Любовь к своему стадиону настолько крепка в сюповцах-фигуристах, что, когда открывался новый каток, на торжество собрались все, кто когда-то тренировался на старенькой площадке. Меня много раз приглашали работать тренером в ЦСКА и «Динамо», но изменить СЮПу я была не в силах. Это был мой дом, где мне удобно, где знаком каждый уголок, где с тобой здороваются даже самые маленькие фигуристы, и ты видишь в них родных для себя людей.

На новом катке сохранились традиции устраивать прекрасные елки, проводить по праздникам показательные выступления для родителей.

31 декабря у нас обычно проходили две тренировки, а в шесть часов вечера мы приглашаем на каток всех своих близких и тех, кто раньше катался на этом льду, приглашаем выпить с нами бокал шампанского, пожелать успехов в Новом году.

Мои родители

Моя семья — это начало начал моей жизненной и тренерской судьбы. Моя семья — с ее дисциплиной, подчинением всего в жизни главной цели, дружбой, связывающей всех ее членов, — помогла мне после травмы вернуться на лед тре-

нером. Огромное место в создании моей биографии принадлежит нежной, настойчивой, а когда надо, то и суровой маме, но особенно важна роль отца, пример его жизни. Тем не менее рассказ о родителях я хочу начать с мамы.

Мама живет в таком ритме, что, мне кажется, если б я попробовала его на себе, то вскоре бы умерла. Работать она пошла с четырнадцати лет: воспитательницей, пионервожатой... Работать приходилось и летом, в дни каникул, когда училась в институте. В семье их было три сестры, брат погиб на фронте, и жилось, прямо скажем, нелегко.

Мама — это продолжение бабушки. А бабушка была уникальным человеком. Звали ее Валентина Константиновна. Доброты необыкновенной, порой казалось, что чужих она любила больше, чем своих. Она вырастила нескольких девочек, помимо своих детей, и они теперь нам — как родные тетки, а их дети — как братья и сестры. Бабушка могла отдать последнее. Ничего не жалела, никого не ругала. И я вижу, что у мамы очень много бабушкиных черт, и чем она становится старше, тем больше на нее похожа, по отношению к людям, к семье, подругам. Та же абсолютная честность. Маме вечно некогда, она все время что-то делает, а главное, все время кому-то помогает.

Основа семьи — это она. Ее слово для нас закон. Мы боимся ее расстроить. По сей день я стараюсь не показывать ей на глаза с сигаретой, не столько из-за того, что она огорчится, сколько из-за страха. Мы ее побаиваемся. И сестра, и я. Хотя отец и был знаменит своим крутым нравом, его мы не боялись, а перед мамой трепещем; глядя ей в глаза, никто не может соврать.

Наша учеба никогда не обсуждалась дома. Само собой разумеется — учиться полагается хорошо. А вот уборка квартиры, натирка полов, стирка — это лежало на нас, и мама железно контролировала домашнюю работу. Нам было запрещено приходить домой после десяти. Никогда мама нас не наряжала, ничего лишнего мы с сестрой не имели, хотя возможности тогда в семье уже появились, да и время изменилось, наши подружки начали расхаживать с

золотыми сережками или колечками. У нас ничего подобного и быть не могло, впрочем, как и у самой мамы. В семье это не признавалось.

Мама прожила с отцом огромную жизнь. Они поженились в двадцать один год. И все это время она была опорой для него, такого сильного, такого знаменитого, такого популярного.

Как мама переживала все отцовские матчи! Она имела возможность довольно часто ездить с отцом за границу, но воспользовалась этим правом всего два раза. Она боялась отца потревожить. Безумно боялась неизбежных на эту тему разговоров, тем более если команда вдруг проиграет. Часто жены или мужа вмешиваются в работу тренера — мама не делала этого никогда. Все ее «вмешательство» заключалось в том, что ей звонили жены хоккеистов, плакались, отец за что-то их ругал, и мама долго наставляла их на путь истинный. И друзья моей сестры Гали, и мои друзья знают, что за человек наша мама — Нина Григорьевна.

Последние пять лет у нее на руках была бабушка. И хотя та жила у Гали, но мама по пять раз на день строго по часам и точно по диете кормила бабушку, подолгу разговаривала с ней, рассказывала о наших делах. Бабушка уже плохо слышала, и маме приходилось кричать, мама выискивала интересные для нее книги, так как бабушка до последнего дня читала, правда, с громадной лупой. Входя в ее комнату, можно было видеть такую идиллическую картину: у окна, сжавшись в комочек, сидит бабушка в косыночке и с лупой в руке. Лицо совершенно просветленное. Из-за бабушки, мама никуда надолго уехать не могла. Ухаживать за ней она считала только своей обязанностью.

Меня воспитывали мама и обе бабушки. Отец всегда или на соревнованиях, или на сборах, он не «вылезал» из своего хоккея. Колготаясь с двумя дочерьми, работая, мама еще успевала следить за тем, чтобы отец, возвращаясь домой, мог отдохнуть в уютной, доброй обстановке. Сейчас я вижу, что мама все в этой жизни делала правильно и — не боюсь показаться нескромной — даже меня сумела правильно вос-

питать, хотя задача эта была не из легких. У нас в семье всегда очень ценились и ценятся родственные узы. Сейчас подобное тяготение не принято, а мы собираемся вместе не только по праздникам. Мы просто любим друг друга — и это тоже заслуга мамы.

Не проходило и дня, чтобы вечером, в половине седьмого, за полчаса до второй тренировки, она бы не позвонила мне и не спросила, как я себя чувствую, не болит ли у меня голова, не нужны ли мне лекарства, не надо ли пригласить медсестру, чтобы сделали укол, но под конец обязательно скажет: «Танечка, ты не опаздываешь?» Это уже отцовская школа. Она не понимает, как тренер может не поехать на тренировку. На работу надо ходить, даже если умираешь, при любой температуре, потому что нельзя оставлять людей, которых ты приручил. Когда я ссылаюсь на усталость или недомогание, мне, конечно, сочувствуют, но стоит мне только обмолвиться, что у кого-то из ребят болит нога, мама тотчас приходит в волнение: «Что же ты сидишь, надо что-то делать, надо искать врача-специалиста». У нас в семье не принято в первую очередь заниматься собой. Но стоит мне сказать, что вечером, после тренировки, поеду к подруге, как мама тут же вспомнит, что я очень устала, очень плохо себя чувствую и мне надо полежать.

Раньше мама не пропускала ни одного моего соревнования, потом ни одного соревнования моих учеников, если оно проходило в Москве, сейчас она уже не успевает. Но у нее есть «НТВ+», и теперь она со мной в прямом эфире. У нее свой взгляд на мои постановки. Она считает, что у меня сильный уклон в сторону драматизма, а народ пришел не для того, чтобы огорчаться. «Почему четырнадцать тысяч зрителей московского Дворца спорта должны грустить, — рассуждает мама, — это неправильно. Хочется чего-то веселого, легкого. Вот посмотри — «цыганочка», замечательный танец». Этими разговорами она меня порой так донимает, что я выхожу из себя и на какое-то время прошу ее ничего мне не говорить. Она понимает, что танцы должны быть разноплановые, но все равно аккуратно вып-

рашивает, какую музыку я взяла: «Фу, гадость — рок-н-ролл» или «Русскую», вот это хорошо», «цыганочку» делаешь, ну, просто прелесть». А потом: «Посмотри, посмотри, я, конечно, ничего сказать не хочу, но после «цыганочки» все браво кричат, и всем так нравится, и на душе у всех хорошо. Вы выступаете последним номером (мои ученики долгое время закрывали программу показательных выступлений), значит, люди должны уходить с хорошим настроением. А то и на работе люди устают, и от забот, к тому же любят ужасы всякие друг другу рассказывать, на каток пришли отдохнуть — и танцы грустные мысли навевают. Хочется смотреть на то, от чего душа радуется».

Мама прочла черновики моих записей и возмутилась: «Что ты пишешь, я же пальцем до тебя не дотрагивалась». А на самом деле — лупила. Она потом сама объясняла, что я из тех детей, не драть которых было невозможно. Я абсолютно ее не слушалась и вообще повадками напоминала мальчишку. Дома я покорно принимала любые наставления, кивала головой, но, как только за мной закрывалась дверь, сразу обо всем забывала. Часами, несмотря на строжайший запрет, сидела в трубах. Около нашего дома прятали под землю речку Таракановку, и залезать в приготовленные для этого трубы почему-то приносило огромное наслаждение. Потом, где-нибудь в последней трубе, слышишь, орут: «Танька, тебя мать ищет!» Выбираешься долго-долго, но в конце трубы тебя за шиворот моментально выволакивают. Мама старалась хотя бы через двор пройти спокойно, но, как правило, не выдерживала и, не доходя до нашего подъезда, начинала меня мутузить.

Вещами меня не баловали, но когда отец привозил что-то новое — со мной сразу же случалась какая-нибудь неприятность. Отец купил мне в Праге ботинки — так ребята бросили меня в стоявшее во дворе огромное металлическое корыто с остывающим варом. Я тут же к нему прилипла новыми ботинками. Довольно скоро все разбежались, потому что всяческие попытки меня вытащить были безуспешны. Полчаса я стояла в этой ванне, ноги по щиколотку в вар засоса-

ло. Ботиночки были красненькие на белом каучуке. Наконец мама увидела меня с балкона. Прибежала. Что делать — неизвестно, хоть снова огонь разжигай, чтобы вар расплавить. Протянула она мне палку и со страшными усилиями вытащила. Я ноги еле-еле после этой ванны передвигала.

Не везло с обновками. Только пальто светлое купили, выпустили на улицу — прислонилась к столбу, он, конечно, крашенный. Эти несчастья преследовали меня очень долго. Когда я уже на свои, заработанные деньги сшила себе первую шубку, мне шел тогда восемнадцатый год, и отправилась в ней кататься с горки, то вернулась домой в шубке без обеих рукавов — так гуляли, что я их оторвала.

Родители мои со мной не скучали. Когда мы попали в сильную аварию — пострадала только я, правда, через два дня мы уже ехали (я с перебинтованной головой) в Москву в той же машине.

Отец научил меня плавать самым простым и самым непедагогическим способом — выбросил пятилетнюю из лодки.

Жили мы с Галей летом на даче у бабушки, маминой мамы, под Серпуховом, папа с мамой отдыхали на юге, как правило, без нас. Мама приезжала на дачу часто. Отец — изредка. В один из таких приездов он посадил меня на свой велосипед, чтобы покатать, и у меня тут же нога попала в спицы.

Купила я машину, какое-то время водила ее сама. Мама, зная мое отношение к новым вещам, сразу же, как я только отъезжала от дома, начинала звонить повсюду. Не успевала я добраться до катка «Кристалл», как раздавался звонок Нины Григорьевны. Не успевала я доехать до какой-нибудь подруги, как она уже говорила с ней по телефону, обязательно в начале разговора подробно расспросив о жизни и здоровье всей семьи: детей, мужей, мам и бабушек — мать знала всех, — потом, как бы между прочим, интересовалась, приехала ли я и долго ли еще собираюсь там находиться. Видя ее переживания, я не выдержала и продала машину.

Можно подумать, что ее любимое занятие — ремонт. На даче, когда отец уезжал, она постоянно делала ремонт, проводила воду, перестраивала дом. Под ее руководством капитально ремонтировалась сначала моя, потом наша с Володей квартира, квартира Гали. Все заняты, кому охота возиться с таким тяжелым делом, как ремонт. Одна Нина Григорьевна его не боится.

Она единственная в семье не ест после шести вечера. Из каждой поездки на юг мама обязательно привозила новую подругу, которая у нее оставалась подругой на всю жизнь. Весь пляж делал под ее руководством по утрам зарядку, женщины занимались с ней физкультурой. Желающих она учила плавать. Так она обычно проводила свой отпуск.

Мне исполнилось десять лет, когда у матери случился инфаркт при двустороннем воспалении легких. Я еще мало что понимала в болезнях, ясно было одно: мама умирает, и неизвестно, смогут ли ее спасти. Отец ничего не знал, он уехал с командой в Канаду, маму с трудом выносили. Ей тогда исполнилось тридцать девять. Через десять лет она пережила еще одну полосу тяжелых болезней. Тем не менее довольно долго она выглядела чуть ли не моложе нас с сестрой — во всяком случае, была легче, чем мы, на подъем. Ей ничего не стоило лет в семьдесят съездить из одного конца города в другой — поднялась и поехала. Широким шагом, всегда в ботинках на размер больше, она успевала за день накручивать столько километров, что я не раз советовала ей пользоваться спидометром для подсчета личных выдающихся результатов. На маминых плечах долгое время, помимо заботы об отце и бабушке, когда они были живы, лежала забота и о моем доме — нас с мужем часто не бывало в Москве. Она заботилась и обо всех моих спортсменах. Те отвечали ей большой привязанностью и за глаза называли «наша мама».

Росли мы с сестрой, как я уже говорила, довольно самостоятельно, без постоянных нравоучений и ненужной опеки. Самый страшный родительский гнев я испытала на себе в восьмом классе, когда решила выделять больше вре-

мени для тренировок и по совету ближайшей подруги Иры Люляковой ушла в школу рабочей молодежи. Я ушла из школы, где уже работала лаборанткой сестра Галя, которая всегда стремилась в школьные учителя. После первой четверти я подошла к директору и сказала, что ухожу в школу рабочей молодежи. Он почему-то сразу отдал мне документы. Я с большим успехом начала с ноября посещать занятия, всего лишь три раза в неделю. И только в феврале — марте мама поинтересовалась: «Ты почему последнее время дома утром сидишь, почему не в школе?» — «Мама, — отвечаю, — я с ноября совсем в другой школе учусь...»

Мама долго бушевала, потом успокоилась. А мы в нашу 18-ю школу, где учились ребята из ансамбля Игоря Александровича Моисеева, из художественного училища и фигуристы, чинно приходили днем на занятия в школьной форме и фартуках, с нами занимались замечательные педагоги, и вся разница с обычной школой заключалась только в том, что в классе нас оказывалось максимум восемь человек, естественно, программа изучалась и качественнее и быстрее, по сравнению с классом, где сидит тридцать — сорок учеников. Там я сдружилась с Никитой Михалковым, который только-только начал сниматься в кино. Такое мизерное количество одноклассников, как ни странно, позволяло нам довольно часто прогуливать занятия. Правда, мама один раз сходила в школу с проверкой и вечером меня спрашивает: «Таня, где ты была с утра?» — «А какой сегодня день недели?» — задаю тут же я ответный вопрос, соображая, к чему это она клонит. «Четверг». — «Где же мне быть, как не в школе», — не задумываясь говорю я и тут же получаю взбучку.

Мамино «рукоприкладство» шло скорее от бессилия со мной справиться. Ведь она бесконечно добрый и мягкий человек. Очень любила встречать меня и провожать. А я, как и отец, не терплю проводов, предпочитаю встречи. Минуты томления на вокзале или в аэропорту, когда уже все сказано и все перецеловались, одинаково мучительны как для отъезжающего, так и для провожающего. Мама обижа-

лась, что я отказываюсь от ее услуг, конечно, ей спокойнее дать последние напутствия дочке у вагона, а не за час до отъезда, но я ничего с собой поделывать не могла.

Родители нам доверяли, не вмешивались в наши дела. Лишь однажды, когда я поняла, что из спорта надо уходить и решила пойти по стопам своей подруги Иры Даниловой, которая из фигурного катания ушла в Государственный ансамбль народного танца СССР, отец круто поломал все мои радужные планы (в них, кстати, входила и мечта поступить в ГИТИС, на балетмейстерское отделение).

Он сказал, что артисток в семье не было и никогда не будет.

Я поступила по его настоянию в Институт физкультуры, где училась долго и довольно безобразно. Впрочем, в фигурное катание ведь тоже определил меня отец: «Уж если родилась девочкой, то пусть хоть на коньках стоит».

И мою дальнейшую судьбу после вынужденного прекращения занятий спортом определил отец. Тренером я не думала становиться, но он посоветовал заняться именно этим делом, сказав, что в профессии тренера я найду себя, найду счастье, найду все, о чем могу мечтать в жизни. Я плохо себе представляла свое будущее. Что такое быть сильным спортсменом, я уже испытала, а вот тренером?..

Я росла очень подвижной девочкой. Лучше всех прыгала, бегала, имела почти по всем видам легкой атлетики третий-второй разряд, прилично выступала в прыжках с вышки в воду. Летом для фигуристов проводился чемпионат по легкоатлетическим видам, и мы с Милой Пахомовой обычно шли в лидерах. Страшно не любила проигрывать — немаловажное для спортсмена качество. Не знаю, как сложилась бы моя спортивная карьера, если бы не травма. Морально она меня надломила. До травмы я не знала, что такое страх. Тренировалась до самозабвения, но это пришло не сразу.

Как сейчас, помню тот день на стадионе Юных пионеров. Мы уже перешли на двухразовые тренировки. Мне четырнадцать лет. Весь вечер идет крупный снег. Я катаюсь,

катаюсь, получаю от занятий невероятное наслаждение. Уходить со льда не хочется. Утомленная до предела, я впервые поняла, что счастье наступает тогда, когда силы уже на пределе, а у тебя все получается.

В свое время отец был против, чтобы я занималась в ЦСКА, то есть там, где он работает. Не хотел лишних разговоров. Мне, маленькой, из всех московских катков проще всего было доезжать до СЮПа, он меня и пристроил туда. Не надоедал моим тренерам советами, хотя уже был популярнейшим в стране тренером. Конечно, отец целиком отдавался своему делу, но я видела, как он счастлив, что я увлечена спортом. Галю тоже определили в фигурное катание, но ходила она туда недолго. У нее пошаливало в детстве сердце, к тому же ей куда больше нравилось читать, она любила поэзию. Галя тоже шла к своей цели — мечтала стать учительницей литературы и стала ею.

Я отцу заменяла сына. И в футбол в детстве здорово играла, и воспитывалась, как мальчик. Он гордился мною и всегда очень хотел, чтобы мои ученики были всегда первыми.

Для него, кроме тренерского дела, ничего на свете не существовало. Он говорил: работа тренера сродни труду шахтера. Тренер, как и шахтер, все время пробивается вперед в абсолютной темноте. И отец работал действительно по-шахтерски. Он приходил домой с катка измочаленный до такой степени, будто вернулся после тяжелой физической работы. И все же труд отца я бы отнесла к умственным занятиям. Тренер обязан быть замечательным психологом. Отец обладал этим даром в полной мере. К тому же свои уроки он проводил очень эмоционально.

Суммируя все высказывания отца, можно сказать, что тренерская профессия — это творчество в сочетании с педагогической деятельностью. Но самое главное, что эта работа была основным смыслом всей отцовской жизни.

Теперь то же самое я могу сказать и о себе.

Отец знал досконально каждого своего хоккеиста. Знал и чувствовал.

После ухода на пенсию он занялся выращиванием на даче цветов. Все, за что он брался, должно было в итоге превратиться во что-то грандиозное. Я не знаю, сколько у нас цвело весной тюльпанов. По-моему, несколько тысяч. В сад залезали мальчишки и обрывали немалую их часть. Но даже оставшиеся цветы некуда было ставить ни дома, ни на даче. Он развозил их нянечкам, врачам в ЦСКА, дарил всем тем, кто его любил и кого любил он. Мама сбивалась с ног, разнося десятки его букетов. А он все сажал что-то новое, экзотическое, из другой климатической зоны или полушария. У него «это» то росло, то не росло, но он, не унывая, носился по участку в наколенниках и в майке с надписью на спине «тренер». Забор был залатан старыми поломанными клюшками, и все кусты подвязаны к клюшкам, и калитка собрана из клюшек.

Как истинно талантливый человек, он все делал по-своему. Любой куст, любое дерево он сажал так, как никто не сажает. Пусть не растет, но воткнет в землю он все равно по-своему. Рад был, когда мы приезжаем, безгранично. Топил баню. Рядом с баней стоит огромная бочка, сделанная по его заказу. И так смешно и трогательно было видеть, когда он в ней купался: выпрыгнет из парной огромное тело и падает в эту бадью.

В Москву отец приезжал два-три раза в неделю. Летом и зимой жил на даче. И друзья к нему туда приезжали. И писал он там. Писал постоянно и очень много. Все на даче сделано его руками — от вешалки до самого дома.

Он до всего доходил сам. Образования у него институтского не было. Отцу долго не разрешали защищать кандидатскую диссертацию из-за отсутствия диплома, он окончил лишь высшую школу тренеров. Там, кстати, они и познакомились с мамой, которая, правда, училась не в ВШТ, а в Институте физкультуры, но занятия у них проходили в одном здании на улице Казакова.

Мама в институт приехала из Тульской области. Она выросла в семье врачей, но там все увлекались лыжами. Ма-

мина сестра Галя, которая тоже закончила институт физкультуры, тридцать лет проработала учительницей в одной и той же школе в Подлипках.

Познакомились родители перед войной, а первого августа 1939 года поженились.

Отец никогда не говорил о себе как о человеке, стоявшем у истоков зарождения хоккея с шайбой в нашей стране. Тем более я никогда от него не слышала, что он у нас один из родоначальников этой игры, поднявший ее до международного уровня, хотя так считают многие. У отца были совсем другие измерения своего места в хоккее. Но свою цену в нем он, безусловно, знал.

Он — патриот, и для него каждый международный матч превращался в ситуацию, похожую на военную. В бой! Я знаю, что это правильно, и для него это было органично. Он обладал таким даром убеждения, что когда он с тобой разговаривал, ты понимал — по-другому нельзя. На собраниях, определяющих предыгровой настрой, спортсмены ему верили.

Оставив хоккей, отец взялся тренировать футбольную команду ЦСКА. Дома он уверял, что ему это по силам. Но заниматься с футболистами он уже не мог: трудно было бегать, ноги не выдерживали его массы. Так успевать, как он успевал на коньках в коробке 30 на 60 метров (он всегда на тренировках стоял на коньках), на 110-метровом поле не получалось.

Что бы там ни было, но те недолгие тренировки, когда отец работал футбольным тренером, собирали уйму народа, даже хоккеисты на них прибегали, потому что уроки отца всегда необыкновенно интересны.

Свои хоккейные законы он оттачивал, доводил и шлифовал десятилетиями. Это глубоко продуманная и отработанная система. И, мне кажется, здесь правомочно сравнение: если театр живет системой Станиславского, то хоккей — системой Тарасова.

Он и в футболе мог бы многое сделать, впрочем, как и в любом деле, за которое брался. Если б не большая нога,

смог бы еще лет десять проработать тренером. Я уверена, что и в футболе, где есть свои законы, родилась бы система Тарасова.

Хотя отец в наши детские годы был одной из самых популярных фигур в стране, на нас с сестрой Галей это никак не отражалось. Мы занимались своими делами и помощи от него никакой не ожидали. Я стремилась достичь первых мест как спортсменка, но мне это не удалось. Правда, золото на Всемирной универсиаде и медали на чемпионате Советского Союза я выигрывала, но большой известности как спортсменка не приобрела. Когда начала работать тренером, звание «дочка Тарасова», возможно, на первом этапе и помогло, но признания я добивалась сама. В нашем деле и не может быть иначе. По знакомству или по наследству хорошим тренером не станешь. Теперь уже многие из болельщиков и не знают, что я дочь «того самого хоккейного» тренера.

У нас в доме не обращают внимание на то, кто в каких наградах и орденах. Мы не живем вчерашним днем. «Тебя вечером носили на руках, — говорил отец, — а ночью ты должна написать план завтрашней тренировки». Вперед и снова вперед — это тренерский девиз. Каждый раз надо самоутверждаться. Каждый раз надо доказывать, что успех неслучаен.

Отец стал тренером, наверно, профессия была заложена в нем с детства, я же прекрасно помню времена, когда папа еще играл. У него была сильно травмирована нога, и, как мне кажется, он очень долго ходил на костылях. Вернее, не ходил, а прыгал на здоровой ноге. Совсем маленькой мама брала меня с собой на стадион «Динамо» — показать отца в игре. «Таня, Таня, смотри — вон папа!», а он был самый худой, с длинной шеей. Они играли тогда в велосипедных шлемах, и из-под шлема у отца выбивался светлый чуб. Светловолосый и кудрявый — разве в это можно сейчас поверить? Был азартен на площадке и в жизни. Отец — вожак. Самый настоящий. За ним, увлеченные им, шли игроки. А за его хоккеем пошла вся страна.

Отец все время писал. Не помню его без блокнота, без огромного количества записок на столе. Нас в двухкомнатной квартире по нынешним меркам собралось много — папа с мамой, бабушка, мы с сестрой Галей, она старше меня на шесть лет. В комнате родителей всегда стоял письменный стол. Стол состарился, пришло время покупать новый, в доме это стало чрезвычайным событием. Отец долго выбирал себе стол, который бы он полюбил сразу, за которым ему бы нравилось сидеть. Выбирал долго, измучил нас своими переживаниями, наконец купил! Каждый день с пяти утра отец писал. Он так и не отдал мне свою картотеку упражнений, которые много лет придумывал. Считал, что я еще мало что сделала в жизни, другими словами, не заслужила еще этой картотеки. У него в ней — тысячи упражнений на разные группы мышц. Это труд не профессора — академика в спорте. Отец не начинал дня, пока не придумывал десяти новых упражнений. Ежедневно.

Любопытны были занятия отца тактикой хоккея. Я помню, он сперва рисовал хоккеистов, потом вырезал их из картона. Тогда еще не было железных коробок, где фигурки двигаются на магнитах, и он приделывал к своим картонным человечкам кружочки-опоры. И колдовал над своим ящиком часами. Все время придумывал, придумывал, придумывал... Писал, писал, писал.

Нас, дочерей, он очень любил, но держал в строгости. Не понимал, как это я могу не вставать в половине седьмого на зарядку, ведь я в отличие от Галки занимаюсь спортом. Он выгонял меня на улицу, на мороз — мама смотрела на это абсолютно спокойно, — и с балкона следил, чтобы я не валяла дурака, а серьезно разминалась. И если я делала зарядку плохо, он выгонял меня снова. Вначале я ревела, потом началась школа, и я опаздывала на занятия, но отец был неумолим.

Отец научил меня работать. Он внушил мне, что любое дело, которым ты занимаешься, должно быть главным в жизни. И думать о нем надо все время. Я увлеклась спортом. Он не говорил общих слов, как это полезно и хо-

рошо, он учил: «Когда ты ходишь по улице, надо не просто ходить, а немножечко на пальцах пружинить, как бы подскакивать — у тебя должен быть сильный голеностоп, заодно и походка будет легкая». Не разрешал ездить на лифте. Такой огромный и толстый, он в то же время был очень легким в движениях и уже в преклонном возрасте спускался по лестнице только бегом. Как же легко он передвигался по дачному участку, опускаясь к цветам, к земле, что-то быстро делал — сажал, пропалывал — затем моментально перемещался к соседней грядке и вновь припадал к ней, на одно колено, по-хоккейному, очень смешно.

Когда мы один раз поехали вместе с родителями отдыхать, наш папочка устраивал со своими детьми такие игры, после которых мы с Галкой с трудом доползали до своей палатки. Он поставил на берегу моря палатки, хотя мог взять путевку в любой дом отдыха, но он не хотел с детьми приезжать на готовое. Погода стояла кошмарная: ливни, вихри. А мы в палатке.

Мало того, что он работал тренером, а это занятие даже одного из членов семьи оборачивается беспокойной жизнью для всех остальных, отец постоянно стремился помочь людям, и наш дом всегда был полон его друзьями, спортсменами, наконец, просто его заботами.

Отец преклонялся перед своим учителем Михаилом Давыдовичем Товаровским, советовался с ним до последних дней его жизни. Любимый педагог Михаил Давыдович заменил ему родного отца. Моего деда, своего отца, папа не помнил — тот умер, когда он был совсем маленьким.

Отец обожал свою мать, она одна вырастила их с братом. Юра, папин брат, погиб в авиационной катастрофе в 1950 году, когда потерпел аварию самолет с хоккейной командой ВВС. Отец этот самолет встречал, так как уже был тренером команды и прилетел в Свердловск на сутки раньше. Друзья у отца как появились в детстве, так и остались до последнего его дня. Папа друзей не менял.

Отец был человеком редкой самодисциплины. Он не понимал, как это можно допоздна гулять, если с утра трени-

ровка. Выйдя на пенсию, он продолжал жить в том же режиме, в котором жил всегда: ложился около десяти, вставал между четырьмя-пятью часами утра. Обязательно спал днем. На даче он будил нас в десять утра. Мы приезжали на один день и, конечно, хотели спать, ведь и Володя, и я — ночные птицы, к тому же дуреем от чистого воздуха. Отец сидел за столом, не ел, ждал нас, потому что редко виделись, а ему хотелось быть в курсе наших дел, он уже часа четыре отработывал, пока мы спали, и был готов к общению.

Фантастический у него был заряд энергии, просто фантастический.

Как отец проводил тренировки! Я ходила на них, как на спектакли.

Наш дом, конечно, жил папиным делом. И когда его команда выигрывала чемпионат мира, мы с Галей целовали на экране телевизора всех наших игроков, которых поочередно показывали крупным планом. И наконец появлялись отец с Аркадием Ивановичем Чернышовым. Это был апофеоз — большего счастья, чем в это мгновение, не помню. Тогда все только начиналось: хоккей, трансляция по телевидению чемпионатов. Отца еще не называли патриархом, он считался всего лишь хорошим тренером, но человеком с очень тяжелым характером.

Его характер не позволял ему выслушивать ничьих советов, если они исходили не от профессионалов. Так, он испортил отношения со многими журналистами. Его не любили за неуживчивость, но переделывать он себя не собирался. Для него попытки людей, не имеющих отношения к хоккею, вмешиваться и давать руководящие указания были как красная тряпка для быка. Дело он свое знал насквозь — даже если судить по его работе в организации всесоюзного детского турнира «Золотая шайба». Но и этого турнира ему, как оказалось, мало, он у нас во дворе организовал детскую хоккейную команду. Проводил занятия три-четыре раза в неделю, заливал лед. Мальчишки каждое утро, как это у отца принято, в половине седьмого делали зарядку. Зачем

ему все это? Летал по всей стране, пропагандировал «Золотую шайбу», писал для детей учебники, собирал детских тренеров, тренеров-любителей, устраивал им семинары. Такой неумности в своей профессии я не встречала. Отец для меня — эталон во всем, но прежде всего в «абсолютном слухе» на спорт. Он, хоккейный тренер, делал мне, тренеру по фигурному катанию, очень тонкие и верные замечания, причем видя мои работы только по телевизору.

У отца была редкая тренерская интуиция. На чемпионат мира в Любляне, в конце шестидесятых годов, не хотели брать Евгения Мишакова, но отец заявил, что верит в этого хоккеиста и что Мишаков способен забить решающий гол. И Мишаков действительно забил самую важную шайбу, после чего бросился обнимать отца. Женя весь был как из железа: ноги железные, руки железные, спина... Короче, он так сжал в объятьях своего тренера, что сломал ему два ребра.

Я знаю точно — отец абсолютно честный человек. Он может ругаться, ругаться страшно, потому что не терпит халтуры. Утвердилось, что у Тарасова нелегкий характер. Но насколько он нелегкий, знаем только мы, и прежде всего мама. Для остальных отец был только требовательным и справедливым, так как ничего не устраивал для себя, а заботился лишь о спорте и о команде.

В 1972 году в Саппоро я поехала на первую свою Олимпиаду как тренер, а отец, как позже выяснилось, на последнюю. Мы почти с ним там не встречались, хотя я и бегала на матчи, но к нему не заходила. Я и сама не люблю, когда меня отвлекают во время турнира. Хоккейная сборная СССР в Саппоро победила, считали, что в Москве его ожидают награды, но наград не дали, а в следующем сезоне отец попрощался с командой. Я до сих пор не могу понять, почему это произошло, и когда вспоминаю, как он уходил из хоккея, начинаю плакать. Он недоработал. Для себя, может быть, даже и перетрудился, но для хоккея недоработал. Как могло такое случиться? Ему было пятьдесят четыре года, а по духу двадцать пять. Отец тяжело переживал свою

отставку. В тот год родители купили дачу, чтобы отец мог отвлечься на что-то другое. Но он не успокоился. Ездил читать лекции в Китай, снялся в учебном фильме, который делали в Финляндии. Я видела, с каким вниманием его слушали канадские тренеры и долго не отпускали после четырехчасовой лекции. Я радовалась за него, когда он входил в зал во время матча — уже не тренер сборной, не тренер ЦСКА, а просто зритель, — и зал аплодировал ему. Он заслужил эти аплодисменты.

Раньше, когда отец тренировал, мы ходили на хоккей. Мама не пропускала ни одного его матча в Москве. Потом перестали. А тогда возвращались домой вместе с папой. И если матч удался, не передать словами, с каким настроением мы его ждали у служебного входа! а если проигран — у нас словно похороны.

В момент возвращения отца, уже пенсионера, как и раньше, наш дом затихал. К этому привыкли. У нас в семье я как тренер, со всеми моими чемпионами, не имела и близко того веса, что отец. Да это и понятно. Он Эверест среди тренеров, и сравниться с ним мало кому дано.

Когда он приезжал со сборов или соревнований, все в доме сразу подчинялось только ему, его настроению, его желаниям. Дома он бывал нечасто, и каждый старался сделать ему что-нибудь приятное. Готовили его любимое пюре, впрочем, он и сам частенько возился с едой и, если бывал дома, обычно кормил нас с Галкой перед отправкой в школу. Пусть даже он ставил на стол нелюбимое нами блюдо, все равно оно съедалось без звука до конца.

Два раза я видела, как отец плакал.

Первый — когда мы перевернулись на машине. Ехали с юга. Помню, как рассыпались по шоссе помидоры. Машина выскочила на кусок дороги, залитый маслом, отец ее удержать не смог. Мне было семь лет. Я спала на заднем сиденье, поэтому и влетела головой в дверную ручку. Больше никто не пострадал. Я очнулась не сразу, сотрясение мозга получила тяжелое, голова вся была залита кровью, платье тоже, а отец лежал на переднем сиденье и рыдал.

Второй — после того знаменитого матча ЦСКА — «Спартак» на чемпионате страны 1969 года, где он, показывая на секундомер, объяснял, что период уже закончился, его не слушали. Он отказался вывести команду доигрывать встречу, и через день с него сняли звание заслуженного тренера. Он сидел дома один, я вошла случайно, отец плакал. Это было очень тяжелое время. Помочь отцу мы ничем не могли. Сильным людям вообще трудно помочь.

Мне кажется, все свои способности он развил в себе сам. Но не на пустом месте, основы их заложила его мать, Екатерина Харитоновна. Моя бабушка была удивительно талантливым человеком, она замечательно шила, вязала, готовила. Без единой ошибки и очень интересно писала. Есть такое определение «золотые руки», так вот бабушка полностью относилась к этой категории людей. Не имевшая никакого образования, она в любом деле, за которое бралась, достигала многого. Этот талант всегда добиваться успеха бабушка и передала отцу. Но то, чего он достиг, он достиг в равной степени талантом и трудом. Мне пришлось легче — отец не жалел советов. Главный — не начинать тренировку без заранее написанного плана и записывать для себя абсолютно все, что может пригодиться в тренерской работе.

Напомню, что на каждую встречу в любом турнире отец выходил, как на последнюю. Потом он учил меня: «Каждое соревнование — финальное. Ошибки надо исправлять в тот же день, откладывать на завтра нельзя. День должен быть использован для работы максимально. Никогда не стесняйся учиться. Учиться у других тренеров, учиться у спортсменов. Каждый день должен приносить новые знания — тогда тренировка не будет утомительной ни для спортсмена, ни для тебя. И каждый день твои ученики должны быть лучше, чем были вчера. Это и есть творческий процесс у тренера — все выше и выше».

На тренировку он ко мне пришел всего один раз, я тогда работала с Родниной. Увидев, что я вышла на лед без конь-

ков, он молча отсидел всю тренировку и, так же молча, ушел. Я долго не знала, как к нему подступиться. Разговаривать со мной он вообще не хотел. И был прав. Потому что коньки — это наш инструмент.

Советы отца помогли мне, как ни странно, больше всего тогда, когда я уже считала себя опытным тренером. И если мне по наследству достался еще и железный отцовский характер, то это проявилось в одну из самых критических минут моей жизни — на зимней Олимпиаде 1980 года.

Лейк-Плэсид: последняя Олимпиада Родниной

До Лейк-Плэсида мы две недели тренировались в маленьком городке под Бостоном. Забавно, что спустя почти двадцать лет я туда же попала с Ильей Куликом. Тренировались немного, я не хотела, чтобы Роднина и Зайцев перекатались, главная цель заключалась в успешной акклиматизации. И хотя все задачи, которые ставились на занятиях, сводились к тому, чтобы не допускать срывов в элементах, даже малейших — и больше ничего, — тренировки проходили все же нервно, Ира с Сашей казались немного зажатыми. Они не любили, когда на тренировках появляются зрители, а тут публики собиралось немало. У входа в зал постоянно торчали эмоциональные американские болельщики, да еще с какими-то плакатами. Выяснив, что плакаты были вполне безобидные, мы решили публику в зал пустить, а заодно и как-то отрегулировать с нею отношения, снять волнующий их и местных журналистов вопрос, кто сильнее: Бабилония — Гарднер, чемпионы мира 1979 года, или Роднина — Зайцев? (Из-за рождения сына Роднина и Зайцев сезон пропустили.) Этот маленький городок, по-моему, весь перебивал на наших тренировках, и если там когда-нибудь вырастет свой чемпион, то это будет заслугой не американской, а советской школы фигурного катания. Мне кажется, хозяйева тех двух катков, где тренировалась наша

сборная, даже продавали какие-то билеты. В субботу и воскресенье трибуны ломились. Зрители ходили к нам в гости, то есть сидели с утра до ночи в холле и в баре нашего отеля, многие приносили сувениры.

Но тренировки, несмотря на то что зрители хлопали любому элементу, уже не могли проходить спокойно. Пресса взхлеб писала о Бабилонии, о том, как она развенчает «непобедимую» Роднину, хотя три месяца назад на показательных выступлениях в Японии специалисты отметили полное преимущество советской пары.

В Японии тоже не все проходило гладко. Устроители заявили, что выступление Родниной — Зайцева последними в программе у них под вопросом, так как здесь чемпионы мира. Роднину это вывело из себя, мы с Еленой Анатольевной Чайковской просидели с японцами всю ночь, объясняя, что десять лет выступлением Родниной завершались любые международные соревнования и что пока ее еще никто не победил. Роднина — двукратная олимпийская чемпионка, и если это требование не будет удовлетворено, то японские зрители вряд ли увидят самую знаменитую фигуристку наших дней. Короче, мы их убедили.

В Японии на тренировку Бабилония вышла раньше Родниной. Через три минуты показалась Ира. Она начала так носиться по льду, с такой уверенностью и напором, что американский дуэт оказался «прижатым» к бортику и простоял так до конца тренировки. Это Ирина проделала психологически профессионально, позже в четырех из пяти прокатов Бабилония падала. Ее надломила первая совместная тренировка. Ира же катала свою короткую программу без единой ошибки. Так что, когда мы оказались в Дейк-Плэсиде, настроение у нас было вполне боевое, но настроженное.

В олимпийской деревне я жила с Ирой в одном корпусе (по тогдашней традиции деревня делилась на женскую и мужскую половины), но в комнате вместе с Еленой Анатольевной Чайковской. Мы с Чайковской сразу же стали передвигать мебель, так как кровати в комнате установлены в два этажа, а никто из нас наверх забираться не хотел. Кро-

вати разбирать начали ночью, и я, устав, уронила эту здоровенную железяку прямо на Чайковскую. До утра мы пытались разместить кровати в нашей каморке. В итоге прохода между ними не оказалось, спали мы в одной, как бы двухспальной кровати, и чтобы попасть в дальнюю, надо было переползть через ближайшую. После всей этой суеты я рухнула как подкошенная и уснула, а Чайковская отправилась стирать олимпийский тренировочный костюм. Проснувшись, я с восторгом и удивлением обнаружила, что сушится мой костюм, который Чайковская ночью выстирала, приняв за свой.

Чайковская, встав раньше, уже проклинала меня, мой костюм, Лейк-Плэсид и комнату, где нам предстояло мучиться две недели. Номер, где жила Ира с Наташей Бестемьяновой, оказался свободнее, а нам повернуться было негде.

С первых же тренировок стало ясно: в парном катании все ждут великого противостояния. Каждые полчаса американскую пару показывали по телевидению. Как они летом отдыхали, как тренируются, как катаются. Каждый день выходили газеты с фотографией Бабилонии. Были удачно сняты их самые эффектные элементы произвольной программы. Если показывали программу и Иры с Сашей, то показывали их сзади или сбоку в самом невыгодном куске программы. Мне порой становилось просто страшно. И судьи начали поговаривать, что Бабилония им нравится, что это новый стиль, что американская пара будет впервые серьезно бороться с советской, хотя до Лейк-Плэсида она никогда еще не сталкивалась на соревнованиях с Родниной.

За три дня до начала соревнований арбитры нашли три ошибки в произвольной программе Родниной. Ошибки, то есть элементы с нарушением правил в незначительных и проходных частях программы, начали показывать по телевидению. И объяснять публике и судьям (порой той же публике), что за них надо снижать оценки. Я попросила выключить в блоке, где мы жили, телевизор, запретила приносить к нам газеты и вообще разговаривать на эту тему.

Меня вызвали к руководству советской делегации, поинтересовались, не собираюсь ли я изменить программу. Я ответила, что за три дня, конечно, могу это сделать, но спортсмены будут чувствовать себя неуверенно. Разговор шел и с нашими судьями. После этих бесед я лежала пластом, у меня такая особенность: в тяжелый момент я должна лечь. Ходила только на тренировки. Чайковская в подобной ситуации все время бегаёт. Она убегает в шесть утра и возвращается за полночь — и все бегом, а я нет, лежу и ни с кем не общаюсь. Я была в таком тяжком состоянии, что боялась, как бы оно не передалось спортсменам.

Они тренировались нормально, и в общем-то я была в них уверена. Для меня по сей день эта ситуация самая сложная в жизни, сложная в выборе правильного решения. Но ребята обо всей этой кутерьме и о моих муках не знали. Я не пускала их на тренировку Бабилонии, хотя сама посмотрела. Осталась после наших занятий в зале. Это была последняя тренировка перед короткой программой, и именно в этот день Гарднер начал падать, исполняя флипп. Сидела я очень близко, около бортика, и ясно видела, что он очень нервничает и не может с собой совладать. Так и не сделав ни одного прыжка, он ушел с тренировки. А села я специально так, чтобы они меня видели.

Бабилония и Гарднер появились на тренировке Родниной и Зайцева тоже всего один раз, сидели на самом верху, незаметно, но я их увидела и сразу сказала Родниной: «Вон забились в угол, сейчас истреплют себе все нервы и уйдут минут через пятнадцать». Так оно и вышло. Роднина оказалась в ударе, и эта тренировка американцев погубила. Они точно через пятнадцать минут встали и ушли. Четверти часа им оказалось достаточно. Роднина производила на них впечатление, как удав на кролика. Еще с Японии. Они морально не созрели, чтобы обыграть Иру.

До старта я никуда не ходила, в последний день ни с кем не общалась. Это мое обычное состояние накануне соревнований. Вечером мы пришли во дворец. У входа толпа. Ира идет в людском коридоре, сосредоточенно опустив го-

лову, впечатление такое, будто она одна в пустой шахте. Подступиться к ней никто не рискнул.

Другие пары я не вышла смотреть — силы в себе копила, они были мне нужны, чтобы вместе с ребятами программу катать. Пошла посмотреть только разминку Гарднера. Вылезла из-под телевизионной камеры — на катке Лейк-Плэсида никуда никого не пускали — и таким образом оказалась в проходе. Справа от меня судьи сидели, а надо мной расположилось руководство ИСУ (Международного союза конькобежцев). На разминке Гарднер упал пять раз. Он упал с волчка, флиппа, перебежки и не мог ни разу поднять партнершу в поддержку. Судьи сидели как парализованные, зал молчал, жуть! Не надо было быть специалистом, чтобы увидеть, как он психически подавлен. Уже закончились шесть минут разминки, а американцы снова выходят на поддержку. Впервые в моей практике спортсмены перекатывали отведенное время, а судьи даже не шевелились, никто не дает гонг. И снова поддержка срывается. Я кричу наверх Валентину Николаевичу Писееву, он член ИСУ: «Время, протест. Подавайте протест». Он бежит вниз, к судьям, но те, как бы очнувшись, дают гонг. На секундомере — шесть минут двадцать три секунды. Я сразу поняла — шансов у чемпионов мира нет никаких. Из этого состояния спортсменов вывести трудно, почти невозможно.

Бабилония — Гарднер катались третьими в группе сильнейших. Они вышли на лед, когда объявляли оценку предыдущих. Она выходит первой, он за ней... и у борта падает. Поднимается, хихикает, а коньки из-под него снова уезжают, ноги перестают слушаться, он белый как мел. Потом говорили, что у Гарднера была травма. Но это все чушь, нас, тренеров, обмануть невозможно, мы знали, что с ним делается. Бабилония берет его за руку и выводит к красной линии. Тут же он поворачивается и убегает со льда, тренер держит, не пускает его дальше. И все это видят, и я стою рядом, в проходе. Гарднер рвется, тренер в него вцепился, все это происходит очень быстро, Бабилония поворачивает-

ся... партнера нет рядом, его уже нет на льду, и начинает рыдать. Едет к борту и рыдает. У каждого фигуриста есть две минуты на выход, тренер и партнерша начинают Гарднера уговаривать, но он вырывается и убегает. Больше я его не видела. Зал молчит, весь увешанный плакатами: «Бабилония лучше Родниной», «Гениальные спортсмены», «Бабилония — Гарднер — лучшая пара».

Я понимаю, надо что-то делать, подобная ситуация может вывести из равновесия кого угодно. Лечу к Родниной, перед дверью, что ведет в женскую раздевалку, несколько раз делаю глубокий вдох-выдох и спокойно вхожу. В раздевалке рыдает вся американская команда. Роднина сидит злая, спрашивает: «Что там делается?» — «Ничего не делается, — отвечаю, — Бабилония — Гарднер с соревнования снялись. Тебе все нервы перепортили, а сами на старт не вышли». — «Как не вышли?» — «Вот так. Видишь, до чего ты их своей тренировкой довела». — «Ну, погодите, — взорвалась Ира, — я всем покажу, как надо кататься». Иду успокаивать Сашу.

Вызываю Зайцева, он ничего не знает, так как Гарднера увели в другую раздевалку. «Ты, Саня, катайся спокойно. Твои друзья со старта снялись». Саша нервничал. И все же они показали блестящий прокат короткой программы. Роднина и Зайцев любили эту быструю двухминутную композицию. Они любили откатать короткую на 6,0! В Лейк-Плэсиде, если бы судили из десяти баллов, можно было ставить десять. Эти две минуты — итог всей их жизни. Скорость, синхронность, абсолютное сочетание движений и музыки — идеальное выступление. Я видела их катание тысячи раз: на тренировках, соревнованиях, показательных выступлениях, но так, как в Лейк-Плэсиде, они не катались никогда. И весь тяжело молчавший зал, страдающий от несостоявшейся надежды, встал. И начал скандировать: «Роднина, Роднина, Роднина».

Но эта короткая программа, этот вечер отняли у них слишком много сил. Через день они вышли на произвольную, катали ее достойно, не ошибались, однако в конце

уже не выглядели такими бодрыми — сказывалась не физическая, а психологическая усталость. Запас эмоций у них выплеснулся за день до заключительного вечера. На табло зажгли оценки. Саша подошел ко мне: «Тетья Таня, держи». Я ему плечо подставила, он в бессознательном состоянии, а у него интервью собираются брать, камеры наставлены. Зато Ира как будто сил у бортика хлебнула: «Тетья Таня, я третий раз олимпийская чемпионка!!!» Я говорю: «Ты что, даже не устала?» — «А что уставать, когда третью Олимпиаду выигрываешь!» — «Саше плохо». — «Отойдет», — отвечает Ира. Мы положили Сашу, дали ему нашатыря... И они поехали к пьедесталу.

Там Ирина заплакала. Плакала и я, понимая, что прощаюсь с ними. В свое время они, знаменитые чемпионы, пришли, доверились малоизвестному тренеру. Шесть лет я работала с ними и теперь прощаюсь, но с легким чувством, понимая, что я сделала все, что могла. Я помогла сберечь эту пару, сохранить ее для спорта, возможно, продлила их спортивную жизнь. Нет, я их не подвела.

Ира и Саша

О том, что Ирина Роднина и Александр Зайцев ушли от Станислава Алексеевича Жука, я долго не знала. Я сидела дома, когда раздался телефонный звонок. Звонил Жора Проскурин, который в те годы работал тренером по парному катанию в Спорткомитете. «Таня, никуда не уходи, — попросил он, — через пятнадцать минут к тебе Роднина с Зайцевым приедут». Я только успела спросить: «Зачем?» — «Ты будь готова, они приедут договариваться с тобой о совместной работе».

Стоял октябрь, сезон только начинался. С Родниной и Зайцевым прежде меня не связывали никакие отношения, скорее наоборот. Когда от Иры ушел Уланов, она решила, что пару Уланов — Смирнова буду тренировать я... И в лучшем случае относилась с тех пор ко мне настороженно.

Первым моим чувством был испуг. Я не знала, что делать: тыкалась по углам квартиры и двадцать минут была сама не своя.

В дверь позвонили. Они вошли, очень собранные. Так тесно и близко я никогда с ними не общалась. Они сели рядышком и, по-моему, хором сказали: «Таня, мы пришли, чтобы предложить тебе работать вместе с нами. У Жука тренироваться больше не будем, мы едем сейчас из Спорткомитета, и там нам уже разрешили перейти к новому тренеру».

Возможно, в подобной ситуации полагается пококетничать немного для приличия и сказать: «Ну, ладно. Я подумаю, сообщу ответ через недельку». Но я совершенно не умею этого делать, к тому же раз вопрос решен и с Жуком, и со Спорткомитетом, значит, я не попадаю ни в какие интриги. И я согласилась сразу. Сказала: «Я постараюсь вас не подвести»

Мы никогда не обсуждали, почему они ушли от Жука. Так, говорили об этом вскользь. У меня по сей день есть на этот счет свое мнение.

«Я попробую, — сказала я в тот день Ире и Саше, — только не судите меня поначалу строго. Я же никогда не тренировала раньше таких выдающихся спортсменов». У меня занимались Черняева — Благов, они были чемпионами Союза, у меня занимались Леонидова — Боголюбов, они ходили в призерах... Но Роднина есть Роднина, и поэтому я сказала: «Давайте попробуем». А они сразу: «У тебя во сколько сегодня тренировка?» — «Вечером, в восемь часов, в Лужниках». Они так радостно отзываются: «Мы приедем, мы выучили много элементов, мы без дела не сидели, не с пустыми руками приедем». Так и сыпали, будто заранее готовились к этому визиту и боялись, что их не возьмут.

Ира с Сашей ушли, а я, обалдевшая, осталась в прихожей. Пришла в себя, позвонила отцу. «Ну смотри, Таня, — сказал он, — берешь на себя огромную ответственность. Теперь не о себе думай, ты ее не можешь подвести (он ласково называл Роднину «великая чемпионесса»). Ты теперь

ночью спать не должна, пока им что-нибудь интересное не придумаешь. Потому что, если ничего нового Родниной не дашь, если она у тебя просто так годик-два покатается, прощения тебе не будет». Обычный стиль папиного напутствия. После этой беседы руки-ноги у меня совсем затряслись. Полетела пораньше на тренировку, в дороге немного пришла в себя. Ведь тоже кое-что в фигурном катании понимаю, а главное, люблю свое тренерское дело и, следовательно, паниковать мне нечего.

На тренировке в лужниковском «Кристалле» — в то время на СЮПе строился новый каток — у меня катались Ирина Моисеева с Андреем Миненковым и Лида Караваева с Вячеславом Жигалиным. Теперь я должна была предупредить ребят и подготовить Иру (самую лучшую и самую капризную), что вместе с ними на тренировку будут теперь приходиться Роднина с Зайцевым. Вопрос непростой. Это вопрос разделения внимания, я сама помню, как ревновала к другим ученикам своего тренера.

Собрала всю группу, сказала, что ко мне приходили Роднина и Зайцев, и с сегодняшнего дня они будут тренироваться здесь, на «Кристалле». Не успела я сообщить эту новость, как появились Саша и Ира.

На той первой тренировке, я помню, Моисеева и Миненков просто встали у борта. Я же смотрела, что делают Роднина и Зайцев. Мы только один день устроили совместную тренировку, потом Саша и Ира приходили в другое время, так как все остальные вместе с Моисеевой стояли.

А ребята были в ударе, у них все получалось, они мне показывали без музыки одни элементы. Прыжки и поддержки. Я думала, чему их тут учить, учить-то нечему. Потом, правда, нашлось и чему учить, и музыку подбирать, и катание делать шире, и элементы новые искать, и над показательными номерами работать. Красивее они стали, на мой взгляд, размашистее в движении. И много новых элементов мы придумали, принципиально новых для парного катания. Но все это не сразу, а постепенно, времени, как выяснилось, у нас впереди много было.

Они приходили по утрам, не только катались, бегали кроссы, на траве делали поддержки, то есть выполняли элементы не на льду, на земле. А я потихонечку нащупывала единственно верный с ними тон, присматривалась, чтобы понять, какую им ставить программу. Потом стала срочно подбирать музыку, так как до начала сезона оставалось совсем мало времени. Пришла пора шить костюмы, находя для них что-то такое, что показывало бы изменение в жизни этой пары. Время, казалось, пролетает с катастрофической скоростью.

Шел октябрь 1974 года.

Я не стала резко менять им программу. Например, они всегда прыгали аксель в 2,5 оборота во второй части, я считала, что его надо перенести в первую, потому что он у Иры всегда был на грани срыва, и она нередко падала. Интересно, никто почему-то не помнит, что Роднина падала. Потом я все же настояла на своем, и он всегда у нас шел вторым элементом. Кстати, после переноса Ира его ни разу не сорвала.

В сезоне 1975 года зрители увидели их почти прежними. С традиционной музыкой, народной, русской. Но был уже в запасе у нас и новый показательный номер, и некоторые новые элементы. Мы поехали на чемпионат мира и Европы. Они победили, но не это для меня было важно. Может быть, они и не стали лучше, но и не хуже, а это позволяло на сохранившемся фундаменте строить что-то новое, предлагать свои проекты. В том же 1975 году впервые выиграли чемпионат мира Моисеева с Миненковым. Две золотые медали. Я поняла в те дни, что такое счастье.

Следующий сезон — олимпийский. Мы взяли для произвольной программы вставной цыганский танец Желобинского из балета Минкуса «Дон Кихот». Ира великолепно смотрелась в этом мощном танце. Она никогда по-цыгански не трясла плечами, и в том не было никакой нужды, но как у нее горели глаза! В ней жила цыганская свобода. Она неслась не по льду, а словно летела над площадкой. В тот год Саша впервые стал олимпийским чемпионом.

Тяжело мы работали, нередко и ругались. Ира не терпела, когда ее сравнивали с кем-то, делили с кем-то. Она мне не позволяла смотреть в сторону. Она занимала все время. Шла на всяческие ухищрения, только бы не отпустить моего внимания от себя. То разговаривать вдруг перестанет на тренировках, то озлится, непонятно с чего. Ира всегда нуждалась в человеческом тепле. Я видела, что ей не хватает добрых слов, и старалась как могла.

Роднину было легко уговорить на новый элемент, правда, если он с первого раза не получался, дальше его испытывать она не желала. Но все дело в том, что, как правило, у нее все получалось.

Сашу раскатать на новый элемент неимоверно сложно, зато когда он его выучивал, то делал классно.

Когда они пришли ко мне, я воспринимала их как временное явление в своей жизни, ограниченное Олимпиадой в Инсбруке. По-моему, они и сами думали так же, а в итоге задержались у меня на шесть лет. Все же, наверное, нам хорошо работалось втроем. А главное, я видела их перспективу дальше, много дальше. Они катались настолько сильнее и интереснее всех остальных пар в мире, что я была уверена — им надо выступать еще один олимпийский цикл, до Лейк-Плэсида.

Мы придумывали новые номера и программы. Они даже демонстрировали совсем уж не «их» танец — вальс, и танцевали его прекрасно. Фантастически исполнили медленный танец под романс Свиридова и проносились на сумасшедшей скорости в показательном номере на музыку «Полюшко-поле».

Мы стали близкими людьми. По имени и отчеству называть им меня было трудно, разница в возрасте невелика — три-четыре года, и Саша стал меня звать тетей Таней, так за мной это и закрепилось. Работали коллегиально. Все решалось на совместных обсуждениях. Долго они не могли рискнуть, как я их ни упрашивала, взять для короткой программы музыку Свиридова из фильма «Время, вперед!». «Тетя Таня, тяжелая музыка, мы с ней не спра-

вимся». Я убеждала Иру и Сашу, что музыка именно для них, доказала им свою правоту, и эта короткая программа — одна из лучших, одна из самых дорогих для меня. А мелодия Дунаевского из фильма «Кубанские казаки»? а короткая программа на музыку Римского-Корсакова «Полет шмеля»? Они любили короткие программы. Никто так не умел и не умеет исполнять двухминутный набор обязательных элементов, как Ира и Саша. Каждый элемент отточен до совершенства. Каждый элемент — бриллиант. Если вращение, то идеально параллельное, если прыжок, то идеально синхронный. И только с акселем в 2,5 оборота у нас произошла заминка. Ира действительно его никогда при мне не срывала, но в ответственный момент он мог разладиться. Я целый год долбила с ней этот прыжок. В 1978 году мы приехали на чемпионат мира в Оттаву, я велела ей прыгнуть аксель сразу, когда еще шла акклиматизация. Ира взлетела... и потеряла прыжок. И на протяжении десяти дней она пыталась прыгнуть аксель, но не могла. Я говорила: «Ирочка, ты не волнуйся, ты все равно его сделаешь». За два дня до старта он наконец получился. Тут вмешался Зайцев и стал требовать, чтобы Ира если уж прыгает, то прыгать должна параллельно. Пришлось успокаивать и его, объясняя, чтобы на параллельность он не рассчитывал. На разминке Ира такую колбасу из прыжка устроила, что я даже собиралась его снять, но, подумав, решила: «Нет, она сделает». И Роднина прыгнула свой злополучный аксель абсолютно чисто. В этом вся она. Десять дней не прыгать на тренировке, а лихо сделать первым же элементом в соревновании. И как она засмеялась, и как понеслась... Шаги на радостях перепутала. Программу катала как безумная. Не устала совсем, хохотала, до того была сильна. Дальше в программе для нее уже ничего не существовало, никакие там тройные подкрутки смутить ее не могли.

Мы отправились в турне по Америке, и зал вставал, когда катались Роднина и Зайцев. Любили их. За мощь, за скорость, за Ирин жест, когда она, вытянув руку и наклонясь

вперед, летит надо льдом. Любили за то, что они такие русские, такие широкие.

Летом, после турне, после отпуска, мы приехали всей командой в Томск, и Ира мне говорит: «Таня, что-то я себя плохо чувствую». — «Ты у врачей была?» — «Нет», — отвечает Ира. «Пока тренироваться не будем». Она несколько раз вышла на лед, но я поняла, что лучше ей этого не делать, и отправила их с Сашей в Москву. А через несколько дней звонит Зайцев: «Тетя Таня, Ира ждет ребенка!»

Событие необыкновенно радостное. И у меня почему-то даже не возникла мысль, что ей придется оставить спорт.

Мы вернулись из Томска. Ира ходила грустная-грустная, вся в себе. Совсем не Роднина. Я сказала ей: «Даже в голову не бери, все равно будешь кататься». До Олимпиады было еще полтора года, и я ни на секунду не сомневалась, что они должны выступить в Лейк-Плэсиде.

Я снова уехала, а Ира легла в больницу. Когда я вернулась, то личико у нее так вытянулось, что я сразу подумала: надо ей сделать что-то очень приятное. Говорю ей: «Ирка, приходи ко мне, я тебе что-то покажу». Я как раз слушала музыку и влюбилась в романс Свиридова, романс такой чистоты, точно для нее. Она приехала, и я ей объявляю: «Я тебе сейчас покажу музыку, под которую вы будете кататься на Олимпиаде». Ира скептически это выслушала. Я поставила пластинку и включила проигрыватель. И смотрю, как у нее начало лицо меняться, глаза загорелись. «Правда?» — спрашивает она. «Конечно, — кричу я, — ты такая сильная. Родишь, через месяц выйдешь на каток. Мама тебе с ребенком поможет. Все будет отлично».

Саша все время ходил на тренировки, сам катался и с молодежью работал. Ира вот-вот родит, а тоже на лед приходила. Я ее умоляла, чтобы она убралась с катка, чтобы я ее не видела на льду. Она же пыталась еще и подпрыгивать и продолжала упорно ходить на каток и помогала мне работать с парами.

Двадцать третьего февраля, в День Советской армии родился Саша-маленький. Саша-большой пришел к нам, и

мы втроем — с нами был мой Володя — поехали к Ире в больницу. Под окнами клиники мы пели, кричали, танцевали, бурно выражая свою радость. А через три дня, двадцать шестого, я стою у роддома, гляжу в ее окно. Ирина жестами просит смотреть внимательнее, и я вижу, как она поднимает ногу. Я, честно сказать, испугалась и стала кричать: «Опусти ногу!» Через неделю она уже с сыном вернулась домой.

Мы уехали весной на чемпионат мира, потом в турне и попали в Москву через полтора месяца. Звонит мне Ира и таким сладеньким голоском говорит: «Сашка плачет, а я знаешь, что придумала, чтоб его успокоить. Я беру его на руки и приседаю сто раз. И ему хорошо, и у меня ноги крепнут. А если он плачет снова, то я его поднимаю вверх, сколько сил хватает». В этом вся Роднина! Она всю жизнь поднималась вверх по лестнице. По одной ступеньке, по две, но только вверх. Она четко знала, какую следующую ступеньку ей надо преодолеть. И преодолевала. Этим телефонным разговором о стократном приседании она меня потрясла, и я часто о нем рассказываю. Маленькая, с грудным ребенком, вся в комплексах и сомнениях насчет своего будущего, она твердо заявила, что придет на тренировку, когда сама поймет, что набралась сил.

И она пришла через два месяца после родов — толстенькая, неуклюжая. Видели бы ее первый выход на лед! Она пытается прыгнуть, а к ногам будто гири подвешены. Так она по сантиметру, по сантиметру отрывалась ото льда, взлетая ввысь. Лица нет, одни глаза горят. Коляска стоит во дворе СЮПа. И так потихонечку-потихонечку, сперва простые поддержки, простые хвататы, а потом все сложнее и сложнее... Через три месяца Роднина уже каталась, прыгала, да и на земле уже кое-что сделала. Я уехала отдыхать на пятнадцать дней, а они сами по два раза в день ходили на тренировки — музыку для них уже выбрали.

Я очень ждала ее первого выступления. Оно состоялось в Одессе. Ира вылетела на разминку, и от радости, что снова на публике, как разбежится... и упала. А падать она не

любила. Встала, собралась. Кататься ей еще надо было с умом, не поддаваться эмоциям. Начались международные выступления на турнире в Японии, где в очный спор вступили с нашей парой тогдашние чемпионы мира американцы Бабилония — Гарднер, стало ясно, что Роднина и Зайцев по-прежнему лучше всех. Даже после пропущенного года.

Я счастлива, что мы работали вместе. Что были вместе весь их последний год в спорте, хотя ссорились и ругались в то время довольно часто. Ире приходилось тяжело, так тяжело, что она вся чернела. Европейский чемпионат накануне Олимпиады в Лейк-Плэсиде они прокатали блестяще, а ведь чемпионат страны в Ленинграде дался нелегко. Короткую прошли отлично, произвольную же очень тяжело, сил не хватало. Еле ее докатали, хотя сделали все элементы чисто.

Наверное, в самом начале нашего союза я невольно оказалась в долгу перед такими замечательными спортсменами, как Роднина и Зайцев, доверившими свою судьбу молодому тренеру. Но после Олимпиады в Лейк-Плэсиде я поняла, что долгов отныне нет, задачу свою я выполнила. И работая вместе с ними, сама сделала большой шаг вперед.

В том, что Ира и Саша не выступали после Олимпиады на чемпионате мира, наверное, есть и моя вина. Мы приехали с Игр вымотанные и усталые. Дать бы им возможность отдохнуть больше обычного, но я назначила тренировку, и на ней Саша впервые уронил с поддержки партнершу. Ира плакала, было видно, как ей больно. Мы сразу отвезли ее в ЦИТО (Центральный институт травматологии и ортопедии) к Зое Сергеевне Мироновой. Там обнаружили разрыв связок, наложили гипс. Ира расстроилась, что к чемпионату мира травма не заживет. За три дня до начала чемпионата гипс сняли. Возможно, она и смогла бы выступить, но рисковать ее именем я не имела права. Тогда мы сообщили в Спорткомитет, что пара Роднина — Зайцев выступать не будет.

Интересно переплетаются в жизни судьбы. Вместо Родниной и Зайцева впервые на чемпионат мира поехали Вероника Першина и Марат Акбаров, а спустя три года Роднина как тренер привезла на европейское первенство 1983 года в тот же Дортмунд первых своих учеников, тех же Першину и Акбарова.

Наши отношения трудно назвать идеальными. Мы часто ссорились в процессе работы, в спорах доходили до крика. По Ириным словам, Саша у Жука рта не раскрывал, а у меня раскрепостился и говорил, говорил — наговориться не мог. Спорил, что заход не такой, рука не такая, он точно знает, что этот элемент вообще никогда не получится. Они кричали друг на друга, я кричала на них, потом мирились. Мало сказать, что я любила их, я их чувствовала.

К их победам привыкли, спокойно говорили: «Ну, Роднина всегда выигрывает». Но не надо забывать: десять лет они доказывали себе и всем, что являются лучшими из лучших. И никто не знает, чего им это стоило. Каждый день заставлять себя работать еще больше, каждый раз доказывать, что ты непобедим. Иру трудно назвать артистичной в общепринятом смысле этого слова — у нее отсутствовала способность к лицедейству, — но в ней бушевал такой темперамент, она так глубинно понимала музыку, что по-своему была необыкновенно артистична. Она любила публику и никогда ее не боялась.

Костюм для чемпионов

Если рассказывать, сколько нервов стоила каждая примерка нового костюма Родниной, можно исписать не одну страницу, но подобная взыскательность шла не от женского каприза чемпионки. Значение костюма для фигуриста огромно, он создает настроение на весь сезон. Он бывает не только удобным или неудобным, красивым или некрасивым, но и тем самым единственным, без которого программисту представить себе невозможно.

Выбор костюма — дело ответственное. Он может не только органично не войти в рисунок композиции, в стиль катания, но даже перечеркнуть их.

Мы шьем много костюмов, и есть среди них любимые и нелюбимые. В свое время начинали с простеньких платьиц. Потом они становились все сложнее и сложнее. Ира Моисеева начала у меня кататься в строгом черном платье, и я любила, когда она выходила на лед именно в черном. В одном из сезонов для исполнения «Румбы» ей сшили бирюзовый костюм, но позже мы его перекрасили в черный, и он мне нравился больше всех. Любила я и черный костюм для их классической программы на музыку Бетховена и Вивальди... Без особых затей, только юбка чуть поддута серым и у Андрюши такие же поддутые рукава. Мне вообще нравятся костюмы строгие, без излишеств, но они почему-то редко удаются. Удачным считаю костюм Наташи Бестемьяновой, в котором она с Андреем танцевала под музыку из чаплинских фильмов — белый с черным рукавом. И хотя мне многие говорили, что в таких костюмах ребята будут смотреться без рук, — этого не произошло, а я по сей день не знаю костюма, который бы так соответствовал стилю танца. Небольшой воткнутый в петлицу красный цветок как завершающая точка в идеальном, с моей точки зрения, по гармонии костюме.

Костюмы шьются только после того, как найдена музыка.

Случаются и неудачные костюмы. Я помню, как Моисеевой из роскошного красного материала сделали платье с широкими рукавами, закрыв ее замечательные руки. К тому же костюм получился очень яркий. Зато раздолье для фотографов, всегда просивших что-нибудь поярче (ведь Ира и Андрей катались только в черном). Их сняли в этом костюме, наверно, все фотокорреспонденты страны, фотография так и кочевала из журнала в журнал, хотя катались ребята так одетые всего один раз.

Таня Войтюк, например, обожала наряжаться в кружева, я же их терпеть не могла. К тому же Войтюк однажды выкинула фокус. Она приехала на чемпионат Европы, не по-

казав мне платья, и когда вышла на лед, я чуть не упала в обморок. Таня никогда не выглядела худенькой, а соорудив юбку в складку, она только подчеркнула недостатки фигуры. Фокус Войтюк послужил хорошим уроком для меня, и больше не было случая, чтобы ученики шили костюм без моего участия.

Ничего с собой поделывать не могу, люблю только черный и белый цвета. Мне они кажутся графичными — программа в этих цветах лучше видится, и движения вроде бы точней. Не люблю широких рукавов, потому что они скрывают пластику рук.

Последние годы до моего ухода из спорта в 1988 году эскизы костюмов для моих сильнейших дуэтов делал известный художник Вячеслав Зайцев. Я всегда восхищалась его мастерством, и, зная об этом, моя приятельница, главный режиссер театра «Современник» Галина Борисовна Волчек, нас познакомила. С Зайцевым было интересно работать. Он долго расспрашивал ребят, как они чувствуют танец, просил их танцевать на полу, слушал музыку — и рисовал, рисовал. Азарт его был заразителен. Как любой большой мастер, он прекрасно чувствовал удачу, успех, и этот единственный из многих вариантов принимался тогда, когда Слава сам себе говорил: «Гениально!» Меня восхищало это его «гениально!». Платья делал он вроде бы совсем простые, без единой блесточка, но такие стильные, изысканные, такие авангардистские. Не знаю более удачных юбок к рок-н-роллу, чем те, что нам сделал Зайцев в сезоне 1983 года, когда этот танец входил в программу как оригинальный. У Наташи Бестемьяновой были полосатые юбкаштананы, они шли ей удивительно. Я счастлива, что судьба подарила мне Зайцева. И я как эхо тоже кричала ему: «Гений!», когда он включал свет в своей мастерской, а на длинном столе лежали эскизы для меня. Своими костюмами он не только создал серию образов, но и помог мне выйти на новый уровень.

Работая с таким великим мастером и выдумщиком, как Зайцев, по-другому начинаешь понимать значение костюма

вообще, значение костюма для фигурного катания в частности. На многое смотришь по-другому, — на моду, на красоту, на то, что приемлемо, что неприемлемо.

В спортивном Доме моделей я с незапамятных времен работала с Асей Белецкой. Многие костюмы Моисеевой и Миненкова шила она, в том числе и тот, в котором ребята победили на чемпионате мира 1975 года. Тогда носили юбки-бананы, и платье черно-зеленое тоже называлось бананом. Очень простое и очень красивое.

Каждый год меняются все костюмы, но есть платья неизбежные, с ними очень трудно расставаться. Например, черное с обнаженной спиной платье Лены Гараниной — мне казалось, оно подходило ко всем ее танцам.

Костюм, в котором фигурист одерживал победу, остается у него навсегда. Тренеру достаточно воспоминаний. Когда я хочу увидеть Иру Моисееву и Андрюшу Миненкова в самом их счастливом году — в 1977-м, мне на память сразу же приходит танец на музыку из «Кармен-сюиты» Родиона Щедрина и черная «испанская» Ирина юбка.

Существуют для костюмов в фигурном катании и свои ограничения. Хочешь сделать костюм из золотой ткани — пожалуйста, но только если ты чемпион. Золотой цвет — цвет чемпионов. Так когда-то в золотом платье выступала Пахомова, потом Линичук, золотое платье надевала Джейн Торвилл. Это негласное, но всеми принятое правило. Если ты в себе уверен — шей.

Очень долго можно рассказывать о костюмах Родниной: сколько они шились, кроились, сколько слез она проливала, потому что «не идет». На нее вообще шить очень сложно. Пока только кроится юбка, мы все испереживаемся. Ира тонко чувствовала, что ей подходит, что нет, до малейшего нюанса. Однажды они решили сделать голубые костюмы. Как я их отговаривала, убеждала, что голубой цвет им не годится ни по стилю, ни по характеру, они все же настояли на своем. Надели новые костюмы на тренировку, потом убрали их и больше к ним не притронулись.

В первый год, когда они стали тренироваться у меня, я, побоявшись отойти от привычного для них стиля, сохранила с небольшими изменениями им прежний облик, и только в следующем сезоне мы начали искать модели костюмов, подчеркивающие их скорость, ход. На мой взгляд, самые удачные костюмы Роднина и Зайцев надели для исполнения программы под музыку Свиридова «Время, вперед!» — темные-синие с серебром. Мы нашли стиль, точно отражавший характер этой чемпионской пары и, перебирая в памяти все их наряды последних лет, понимаю, что ни разу не изменили ему. И даже парадный костюм для прощального выступления, сшитый из красной материи с позолотой, богатым убранством, оставался в спортивном характере Иры.

Возможно, некоторые считают, что костюм в фигурном катании по форме однообразен — купальник, короткая юбка. Но это кажущееся однообразие. Юбочки все разные. Юбки Гараниной — это одно, они идут почти всем, у Бестемьяновой — совсем другое и подходят только ей. У Карамышевой юбки не имеют ничего общего с юбками Бестемьяновой. Юбка — эта важнейшая деталь — подбирается к платью очень тяжело. Потом у нас существует правило, оговаривающее, что костюм не должен быть излишне театральным. В свое время Бестемьянова танцевала обязательный блюз в боа. Выглядела она в нем очень эффектно, но сочли, что подобный костюм все же театрален. Мне нравятся комбинезоны. Они не всем хороши, но у девочек с красивыми фигурами выгодно подчеркивают линии. А вот длинные юбки — не для фигурного катания. Не видна динамика. Может, они и подходят для отдельных номеров, но я считаю, что танец создается не столько костюмом, сколько композицией, характером музыки.

Я все время говорю о девушках, но это не значит, что костюм мужчины имеет меньшее значение. Просто они очень долго выступали во фраках, а потом так же дружно переоделись в комбинезоны. Фрак, конечно, волю фантазии не давал, но приносил массу огорчений. Помню, как моему

партнеру Жоре Проскурину сшили фрак из эластика, и после первой же тренировки брюки вытянулись до двух метров, так как этот материал не держит форму. К тому же фрак был зеленого цвета, ну настоящий крокодил. Жора повесил фрак в дверном проеме, и мне не забыть ужаса, который я испытала, входя к нему в номер и наткнувшись на этот туалет. Казалось революцией, когда мальчики начали надевать рубашки и брюки. Теперь танцоры вернулись к фракам, а одиночники уже никогда не наденут их.

Я вспоминаю свою спортивную молодость, когда не было Дома моделей и костюмы нам шили родственники не из эластика, а из обычных тканей, в особых случаях из панбархата. Что такое колготки, мы тогда не знали и выступали в шерстяных рейтузах. Праздником было, если удавалось выклянчить в Большом театре хлопчатобумажные трико. Трико шились исключительно розового цвета, и все мы с одинаковыми пороссячими ногами по очереди выбегали на лед.

Сейчас танцорам шьют в год шесть костюмов. Все большее значение приобретают и разминочные наряды. В них спортсменов на тренировке впервые видят судьи.

Раньше после окончания сезона костюмы сдавались на склад, их перешивали, переделывали для других спортсменов, классом ниже.

А осенью все начинается снова. Снова выбор материи, долгие муки примерок, слезы учениц: «Не подходит».

Моисеева и Миненков

Один из наших ведущих специалистов и судей по танцам Игорь Александрович Кабанов в середине 60-х годов вел танцевальную группу на стадионе Юных пионеров. Уйдя на работу в Спорткомитет, своих танцоров он передал мне. В его группе катались тогда еще подростки Таня Войтюк и Слава Жигалин и совсем маленькие — им шел тринадцатый год — Моисеева и Миненков. Буквально накануне сво-

его ухода Игорь Александрович поставил их в пару. Я долго не хотела брать танцоров, группа у меня уже у самой набралась достаточная, причем состояла она из представительней парного катания. Но Кабанов убеждал: «Возьми, Таня, не пожалеешь, посмотри за Моисеевой и Миненковым — классными будут спортсменами». А они на коньках еще толком стоять не умели, правда, тренировались самозабвенно. Такие тоненькие, нежные, тихие. У Иры аж ножки подкашивались, и вся она как будто из студня состояла. Только одно было очевидно — они подходили друг другу: и по росту, и по внешним данным. Красивые были дети.

Стала я учить их обязательным танцам, работать над скольжением — мне, впрочем, так и не удалось их научить скользить так, как хотелось бы, — мы проводили много времени на льду, и уставали ребята сильно, натирали ноги, но виду не подавали. Ира вообще очень терпеливая, хотя на нее постоянно валились какие-то несчастья, но особенно досаждали больные голеностопы. Впрочем, неприятности с голеностопами начались позже, пока же они были физически очень слабые, оттого и уставали быстро. Однако мужественно ходили на двухразовые тренировки.

Наступило лето, и мы поехали вместе в город Азов на сбор по общефизической подготовке. Остановились в гостинице на берегу моря, и я начала на морском воздухе подтягивать им силенки. С нами поехал на сбор и маленький Вова Ковалев, который безобразничал и куролесил, как только мог, благо на различные проделки фантазия у него была богатая. А поскольку дурной пример заразителен, я, чтобы пресечь возможное разгильдяйство, моталась за ними по всем кустам, проверяя, бегают ли они кросс или отсиживаются в лесу, дурача меня. За день я перекрывала раза в три их беговую норму. Но спустя неделю убедилась: беспокоюсь зря, Моисеева и Миненков беззаветно тренировались.

Мы учили танцевальные позиции, учили по многу часов в день. Разучивали на полу под музыку обязательные танцы. И этот сбор в Азове, напряженный и плодотворный,

очень им помог. Ребята физически окрепли и закалились. Характер маленькой Моисеевой для меня неожиданно открылся именно на этом летнем сборе в Азове. Какое-то время Ира не тренировалась, у нее болела нога. Сижу я как-то около гостиницы на скамеечке под пальмами, отдыхаю. Слышу, кто-то прыгает и пыхтит за спиной в кустах, оборачиваюсь, а это Моисеева свой здоровый голеностоп качает. Прыгает, прыгает, аж пот с лица течет. Так самостоятельно занималась маленькая, тринадцатилетняя девочка.

В Моисеевой и Миненкове ясно проступали задатки чемпионов — именно задатки, а не замашки. На мой взгляд, чемпионами становятся те, кто пламенно жаждет успеха и, обретя его, получает от этого полное счастье. Так вот, в тринадцать-четырнадцать лет они хотели уже быть признанными. Пусть не зрителями, пока только мною на тренировках. И как они были счастливы, видя, что я получала удовольствие от их катания.

Поначалу мы работали очень легко. Все мои постановки они принимали и понимали мгновенно. И что очень важно, в ребятах буквально с каждым днем все яснее и ярче проступала индивидуальность, без этого тоже чемпионом не станешь. Еще немаловажная деталь. Таких выразительных рук, какие были у маленькой Моисеевой, я не видела ни у кого. При том, что у Иры присутствовала масса недостатков: бедра не развернуты, ноги больные, некоторая потеря координации, когда руки зажаты позицией. Но если Ира высвобождала руки, ей каталось намного легче.

Ира и Андрей — мои первые ученики, кого я от юношеского разряда довела до заслуженных мастеров спорта, до самых больших вершин в спорте. С ними прошло начало моей творческой жизни. И все первые свои задумки в танцах я осуществила тоже с ними. Ира и Андрюша принимали участие во многих моих экспериментах. С каждым днем они становились крепче и крепче, и технически и физически. Выиграли первенство среди юниоров. Шел семидесятый год. Чемпионат Европы среди взрослых проходил

в Ленинграде. Нет, в соревнованиях Ира и Андрей участия тогда еще не принимали, но я добилась, чтобы их отпустили из школы посмотреть на такой большой турнир.

Дождались мы и того момента, когда они стали призерами чемпионата СССР и поехали на первенство Европы в ФРГ. По-моему, шел семьдесят третий год. Точно, семьдесят третий. Вот как бывает — в каком году произошло столь важное событие, сразу вспомнить не могу, зато прекрасно помню их тогдашнюю программу. За два года до их первого старта во взрослых соревнованиях приезжал в Москву Лоуренс Деми, председатель технического комитета по танцам в ИСУ, ему показали на тренировке тоненьких Иру и Андрея. Он долго не отходил от бортика, наблюдая за ними, а потом сказал: «Татьяна, они могут стать чемпионами».

Мы серьезно готовились к первому «выходу в свет», мучительно повторяя обязательные танцы. Не шла у них никак обязательная программа, выдержки не хватало, спокойствия в работе. Ира и Андрей не понимали, что вся она построена на долготерпении, раздражались, когда я пыталась убедить их, что по-другому обязательные танцы не учат, только многократные повторения позволяют их освоить. Но они не могли повторять одно и то же сотни раз. Они были слишком трепетны. К тому же считали себя исключительно творческими людьми, чтобы долго пережевывать одно и то же, а не создавать что-то выдающееся. Я продолжала требовать ежедневно и до бесконечности отрабатывать отдельные позиции.

Их экспансивность с монотонной работой не вязалась. Уже и чемпионами стали, а обязательные танцы все еще катали с ошибками. Времени на них никогда не хватало. Только когда заливочная машина выезжала подготавливать лед к следующей смене — вот тут-то работа над обязательной программой и начиналась.

Они приходили на тренировки — молодые, влюбленные друг в друга, влюбленные в жизнь, в спорт, наверное, влюбленные и в меня. Вспоминается немало забавных слу-

чаев из нашей жизни тех дней. В конце декабря 1968 года мы приехали с ребятами в Ленинград, жили в гостинице «Ленинградская», здесь же собирались праздновать и Новый год. Стол, конечно, накрывали у меня в номере и приволокли туда елку, за что нас всех чуть было не выселили из гостиницы, так как ставить елку в номере категорически запрещалось. Я так плакала, так уговаривала администраторшу, объясняя, что у меня дети, а дети без елки в Новый год не могут, что в конце концов она не выдержала моих причитаний, разрешила остаться и нам, и елке. Мне самой тогда не исполнилось и двадцати двух лет.

Я накупила всякой еды, Моисеева и Миненков отправились в предновогодний вечер за тортом для команды. Они пошли на Невский и исчезли надолго. Вернулись — Ира в слезах, Андрей делает вид, что огорчен, но тихонько посмеивается: «Понимаете, Татьяна Анатольевна, мы поскользнулись... А торты были еще горячие». Они купили два торта, один на два килограмма, другой на килограмм. Упасть они умудрились на оба. После нервотрепки из-за елки сердиться на них сил уже не осталось, и я молча ложечкой сперва всю эту массу примяла, а потом уже стала раскладывать по тарелкам. Привязанность Андрея и Ирины друг к другу зародилась с самого детства. Как ни странно, в Ире, такой хрупкой и изящной на вид, внутри будто бы стальной стержень. Капризной она стала со временем. Вначале такой не была.

Андрюша в детстве обожал ласку. Если я прихожу на тренировку и целую Иру, то тут же подставлялась вторая щека — Андрея. Если я, уходя, опять поцеловала Иру, то Андрюша тут как тут...

Их взаимная привязанность навеяла мне постановку показательного танца, который мы называли «Падам-падам», романтически-трагического характера. Танец на музыку песни великой Эдит Пиаф (когда-то на эту музыку Чайковская хотела сделать программу мне, но так и не успела). До сих пор, когда я приезжаю во Францию, мне напоминают об этом показательном номере Иры и Андрея. Должно

быть, действительно это был хороший танец, иначе вряд ли французам понравилась бы программа, созданная на песню их великой Пиаф... Мне сразу пришлось по душе, как они начали его катать, видимо, вальс понравился и им, потому что выходили они с этим вальсом на показательных выступлениях лет семь. Никак с ним расстаться не могли. В этом танце они делали длинную поездку по диагонали, через весь каток. Неслись, раскинув руки, как две птицы. Они летели к мечте.

Мечта о золотых медалях начала осуществляться с седьмого места на чемпионате мира. Пара Моисеева — Миненков понравилась сразу, они заявили о себе как о самобытных ярких фигуристах. После чемпионата мы уже планировали работу, настраиваясь на большие задачи. Признаюсь, уже в год их дебюта на международных состязаниях я видела в них чемпионов.

Я очень любила ставить им медленные танцы. Создавались они прямо на льду, я надевала коньки и каталась вместе с Андрюшей.

В 1975 году, третьем после их дебюта на международной арене сезоне, мы поставили оригинальный танец — блюз на музыку Мишеля Леграна из кинофильма «Шербурские зонтики». Приехали с ним на чемпионат Европы... и танец, казавшийся мне тонким и изысканным, раскритиковали в пух и прах. Нам указали и на то, что это не блюз, хотя мелодия из фильма была специально мною записана в ритме блюза. В итоге Моисеева — Миненков выше четвертого места подняться не смогли. До 1975 года они никогда не были на международных соревнованиях призерами. А вот Линичук и Карпоносов с первого раза на чемпионате мира сумели завоевать бронзовые медали. Таким образом, сразу стали конкурентами моим «ветеранам». Несмотря на четвертое место, Моисеева судьям понравилась, но особо отмечали то большое впечатление, которое она произвела на публику.

Ира и Андрей вернулись в Москву, я заболела, но за три дня до того, как слегла, успела поставить для них совершенно новый оригинальный танец. В тот год я работала с

хореографом Лерой Кохановской, и она этот скороспелый блюз вычищала, а я валялась дома с воспалением легких.

В марте мы отправились в США. Первенство мира 1975 года проходило в Колорадо-Спрингс. Накануне чемпионата тяжело заболел Саша Горшков. Своим спасением он обязан Чайковской, она буквально подняла на ноги всю Москву. Один из лучших в стране хирургов по легочным заболеваниям Михаил Израилевич Перельман успешно прооперировал Сашу, и через несколько месяцев Пахомова и Горшков снова вышли на лед, а на следующий год стали первыми в истории спортивных танцев олимпийскими чемпионами.

Итак, сборная СССР приехала на чемпионат мира без своих лидеров — Пахомовой и Горшкова, что породило больше прогнозов, чем собралось танцевальных пар. В чемпионы прочили английский дуэт Грин — Уотс, американский дуэт Коннор — Милз, иногда вспоминали о Моисеевой — Миненкове, имеющих в этих раскладках самые мизерные шансы.

Тренировались мы в Колорадо-Спрингс в плохое время: или ночью, или рано утром, так назначили организаторы чемпионата. Тренировались тяжело, нервно. Моисеева с Миненковым поругивались, были недовольны друг другом. Но когда приехали судьи, ребята собрались — они умели прекращать все распри накануне старта — и на последних тренировках показали на высоком уровне свои программы арбитрам.

Ира легче входила в соревновательный цикл, чем Андрей. Она каталась перед судьями всегда лучше, чем на тренировках. Это то замечательное качество спортсмена, которое называется «плюс старт». Я часто во время турнира удивлялась: десятки помарок перед состязанием и ни одной в решающий момент.

По окончании обязательных танцев они шли четвертыми. После оригинального (первое исполнение нового блюза) стали первыми. Удержали лидерство и в произвольной программе. Они выиграли чемпионат, выиграли честно,

красиво, прокатав произвольную программу с большим эмоциональным подъемом. И Роднина с Зайцевым на том же чемпионате победили, будучи уже моими учениками. Не часто на долю тренеров в фигурном катании выпадает такой триумф: из шести чемпионов — четверо твои.

Мы отправились в долгое турне по Америке. Моисееву с Миненковым хорошо принимали, много вызывали на «бис», несмотря на присутствие Пахомовой и Горшкова, лучшей танцевальной пары в мире, которые приехали в Колорадо-Спрингс позже и присоединились к нам в турне. Даже рядом с такими мастерами они не потерялись. Это турне укрепило в них уверенность в собственных силах, что имело, конечно, очень большое значение.

Когда мы вернулись домой, я, не откладывая, стала ставить Моисеевой и Миненкову показательные танцы. Я часто начинаю сезон работой над этой несоревновательной частью будущих выступлений, она для меня обычно как увертюра к новой произвольной программе. В показательных танцах я экспериментирую, ищу новые поддержки, фигуры, позы. Мы готовились к 1976 году, к олимпийскому году.

В Инсбруке, на зимней Олимпиаде, победили Людмила Пахомова и Александр Горшков. В сложной борьбе с ярким дуэтом из США Коннор — Милз Ира и Андрей заняли второе место. За прошедший год их катание изменилось, у них появились мощь и уверенность в себе. От турнира к турниру они набирали класс. После Олимпиады прошел чемпионат мира. Моисеева и Миненков снова вторые после Пахомовой и Горшкова, но теперь уже с большим отрывом от третьей пары. Нам казалось, что без сомнения они наследники чемпионского престола, так как после олимпийского сезона Мила и Саша решили оставить лед.

Работать мы стали совсем не так, как раньше. Чувство лидерства придает даже обычному занятию совсем другую окраску. И на тренировке спортсмены не забывают, что они чемпионы мира. Готовить программу к 1977 году мы уехали из Москвы в Челябинск, взяв с собой новую, отобранную для постановки музыку, и там на льду я поняла, что

это совсем не те мелодии, что нужны Моисеевой и Миненкову. Не чемпионские, слишком легковесные. И я улетела обратно в Москву. На следующее утро уже сидела в Доме звукозаписи и с музыкальным редактором искала другую музыку. Мы за один день «склеили» все четыре части программы. Теперь она состояла только из произведений Баха, Бетховена, Вивальди.

Программа 77-го года — пожалуй, одна из самых моих любимых программ Моисеевой и Миненкова. В ней они были удивительно органичны во всем. Они сливались, они были продолжением музыки.

Первый же старт в сезоне начинается с того, что во время разминки на чемпионате страны на Иру налетает Андрюша Витман, катавшийся у Чайковской в паре с Мариной Зуевой. Ира падает, Андрюша валится на нее и больно ударяет ее по голове. Моисееву подводят к бортику, она приходит немного в себя и, как потом выяснилось, с сотрясением мозга катается! Я уже говорила, что она человек мужественный, умеющий терпеть боль. Пара завоевывает звание чемпионов Советского Союза. Потом Ирину укладывают в постель, неделю она лежит не двигаясь, после чего летит со сборной в Хельсинки на чемпионат Европы. В Хельсинки во время оригинального танца Ира падает... Но произвольную программу они исполняют блестяще, и впервые Моисеева и Миненков становятся чемпионами Европы, причем конкуренции у них практически никакой.

К сезону 1977 года мы подготовили новые показательные номера. Они, думаю, получились удачными, потому что ребята катали их очень долго и проехали с ними много стран. В том числе и танец, поставленный на фугу Баха, и танец на песню Эдит Пиаф.

В 1977 году Моисеева и Миненков второй раз выиграли чемпионат мира, проходивший в Токио.

О Моисеевой и Миненкове всегда говорили и спорили очень много. То они нравились, то не нравились. То руки Ирины раздражали всех журналистов, то эти же руки делались у них неповторимыми, потом не нравились ее глаза,

они у Иры так поставлены, что некоторые считали, что у нее злой взгляд, а она девочка очень добрая. Меня такое несправедливое мнение публики о спортсменке ужасно обижало. Выступая на встречах со зрителями, большую часть времени я посвящала рассказу об Ириной доброте.

Внешности Иры я придавала всегда большое значение. О костюме уже было сказано, не меньшую роль играла и прическа. Когда я ее, еще подростка, причесывала к соревнованиям, то накладывала шиньон — это было модно. Но потом пришла к убеждению, что маленькая кичка (узел на гладко зачесанной голове, обычная прическа классических танцовщиц) больше всего к лицу Моисеевой — и любила ее именно в этом стиле. Все фигуристки коротко стриглись, и одна Ира выходила с гладко причесанной головой, посаженной на длинную красивую шею, на которую в ряд, на верное, можно было надеть сто коле.

Как мне нравился этот профиль! Потом она постриглась, но это дело уже не моих рук...

А тогда в Японии, после того как они выиграли чемпионат мира, Ира сказала: «Татьяна Анатольевна, поехали платье выбирать». Мне не надо было объяснять, что предстоит покупка свадебного наряда. Мы с Ирой отправились в английский магазин, потому что в японском на Ирине ничего купить нельзя, и не вылезали оттуда целый день, пока не выбрали самое-самое... Денег платье стоило больших, но шло Ире необыкновенно. Все свадебные фотографии Иры и Андрея я храню. Я даже была их свидетелем во Дворце бракосочетания. Из дворца они поехали к могиле Неизвестного солдата, а потом красивые и счастливые явились в Лужники на каток «Кристалл», где шла тренировка. Занятия прервались, дети бросились к Ире и Андрюше. То, что Моисеева и Миненков в свой самый счастливый день пришли на каток, без сомнения говорило о том, какое огромное значение имеет для них фигурное катание.

Победа в Японии — последняя их победа на чемпионате мира. Были еще успехи, но уже не столь значительные, и, увы, их случилось немного. На следующий год в Канаде, в

Оттаве, где проходил очередной чемпионат мира, Моисеева и Миненков проиграли. Проиграли с одной из самых любимых моих программ, построенной на мелодии Леонарда Бернштейна из «Вестсайдской истории». Обычно в программах при сменах темпа меняется музыка, а здесь шло одно произведение, которое нельзя было резать. Этот танец оказался для Иры и Андрея очень близким, отвечал их душевному настрою — катались они вдохновенно. Еще до чемпионата мира, на чемпионате Европы во Франции, я поняла, что с подобного рода программой мы несколько поторопились. Мне говорили: «Технически все, конечно, безупречно, но скучно, весь танец под одну мелодию...» Но скучать, судя по реакции зрителей, никому, кроме специалистов, не приходилось. Спустя шесть лет произвольный танец с единым, или, как говорят, сквозным, сюжетом на единую музыку показали двукратные чемпионы мира англичане Джейн Торвилл и Кристофер Дин — и стали трехкратными. Их программа была принята с восторгом.

Да, мы немного опередили время. Но не только это помешало Моисеевой и Миненкову заставить поверить судей в жизненность необычной в те годы программы. Чемпионы мира — как правило, законодатели моды, однако это право получают, как мне кажется, только многолетние лидеры. Чемпионский стаж Иры и Андрея в то время измерялся всего одним годом, вот почему то новое, что предлагали мы, легко находило противников.

Впрочем, чемпионат Европы 1978 года ребята выиграла. Но не вызывало сомнений, что на чемпионате мира основными конкурентами Иры и Андрея будут Наташа Линичук и Гена Карпоносов. Ученики Елены Анатольевны Чайковской больше и лучше тренировались, я бы сказала, более целенаправленно. Мои же питомцы, как никогда, подолгу выясняли на льду отношения. К тому же в тот год у Наташи и Гены получился отличный, на мой взгляд, лучший за всю их спортивную жизнь произвольный танец и замечательный в оригинальной программе пасодобль, который органически соответствовал характеру этого дуэта.

При исполнении обязательного танца — романтическое танго — Ира споткнулась. И тут же, на этом же шагу, вслед за ней споткнулась и Наташа, но оценки Линичук и Карпосов получили выше. Такая ситуация не смутила, а, наоборот, раззадорила Моисееву и Миненкова, произвольный танец они прокатили на таком высоком уровне, вложив в него столько экспрессии, что в зале установилась абсолютная тишина. Кроме музыки, можно было услышать, наверное, только мое дыхание. И когда в финальном такте Андрей поднял Иру на руки, я сказала: «Всё». Я не сомневалась — победа за нами. Он повторил за мной: «Всё!» И тут же споткнулся, уронил партнершу, и они покатались кубарем по льду.

Потом Андрюша говорил, что я его сглазила, но, конечно, дело не в одном слове, сказанном вроде бы под руку. Они могли выиграть, но могли и проиграть, что и случилось. В тот год дуэт Моисеева — Миненков не выглядел абсолютно сильнейшим, это был не чемпионский дуэт. Они плохо тренировались накануне решающего старта, тратя время на выяснение, кто в их паре главный, и совсем перестали меня понимать.

Ира и Андрей всегда занимались очень нервно, а тут они, почувствовав себя полноправными чемпионами (в 1975 году они знали, что Пахомова и Горшков вернутся на лед), совсем распустились и стали выяснять и оспаривать правильность каждого шага, пропустив в спорах буквально месяцы тренировок. Я разными способами пыталась пресечь разгильдяйство. Наконец обратилась к родителям, но и вмешательство родителей ни к чему не привело, они словно закусили удила.

Перед отъездом в Канаду я сказала дома о своем желании ехать, потому что знала — ребята проиграют. Так готовиться к чемпионату мира нельзя.

С Родниной и Зайцевым я уехала после чемпионата в турне по Америке. Там все время думала об Ире и Андрее. Накупила пластинок, подобрала им музыку, придумала, какие танцы мы с Леной будем им ставить.

О Елене Матвеевой, балерине Большого театра, надо сказать особо. В жизни Иры и Андрея она сыграла большую роль. Лена — моя давняя подруга, ее я пригласила хореографом в 1976 году. Мы работали с ней очень дружно. Ира и Андрей стали ее любимцами, она в них просто души не чаяла, и когда я отдала их Пахомовой, она ушла вместе с ними.

Летом на тренировках, предшествовавших чемпионату в Канаде, мы еще работали вместе, вчетвером. Идея показательного танца «Кармен», одного из лучших танцев Моисеевой и Миненкова, с которым они объездили весь мир, принадлежит Лене. Мы подбирали к этому танцу движения, репетировали его с Матвеевой дома задолго до сборов. Лена всегда мечтала поставить Ире и Андрею «Кармен», она их «видела» в этом танце. Мы много спорили, но никогда не разделяли, какой элемент придумала она, какой я. Редкий случай, когда я уживалась с хореографом. Единственное, что мне не нравилось, так это то, что когда я ругала ребят (или их наказывала) и они, оскорбленные, обычно уезжали в угол катка, следом за ними туда отправлялась и Лена — успокаивать их. Она «в углу» разучивала с ними то, что им хотелось, или так, как им нравилось. Я считала подобные уступки капризам спортсменов антипедагогичными, у тренера и хореографа должна быть единая линия в работе с учениками. У меня же не было ни сил подстраиваться под настроение учеников, ни времени. Помимо Моисеевой и Миненкова, в группе занималось еще семь дуэтов. Отношения наши зашли в тупик. Переносить постоянное психологическое напряжение на тренировках мне становилось все труднее и труднее. Меня ругали за их слабые (конечно, применительно к ним) обязательные танцы. А что ругать: обязательные танцы — это прежде всего огромный и постоянный тренинг. Ира же и Андрей все, о чем не договорили дома, приходили выяснять на тренировках. Настоящей работы уже быть не могло. Миненкова я предупреждала: «Возьми себя в руки, или я передам вас другому тренеру». Я так измучилась, меня всегда угнетает, когда трени-

ровка проходит непродуктивно. Но мое предупреждение они всерьез не приняли.

Я пошла на прием к председателю Спорткомитета СССР и сказала, что хочу передать свой танцевальный дуэт Моисеева — Миненков другому тренеру.

— Кому? — спросил он у меня. — Людмиле Пахомовой?

— Они мои любимые дети, — ответила я, — дороже у меня не будет никого, но как тренер я уже не могу им ничего дать.

Конечно, в какой-то степени на мои отношения с ними накладывалось и то, что у меня тренировались Бестемьянова и Букин. Я ходила влюбленная в них, как девчонка, не скрывала этого, что очень раздражало Иру. Как любимым и избалованным детям, им хотелось, чтобы на первом плане стояли только они. Даже то, что Бестемьянова и Букин делали первые шаги в большом спорте, а Моисеева и Миненков ходили в признанных мастерах, не успокаивало Иру. Она ревновала, и это чувство с каждым днем все больше и больше накаляло атмосферу в группе.

За месяц до чемпионата мира 1979 года в Вене я привела к ним Милу Пахомову, и до отъезда на соревнования мы тренировали их вместе. На чемпионат, где ребята стали третьими, пропустив вслед за Линичук и Карпоносовым еще и венгерский дуэт Ракоци — Шалаи, мы отправились вдвоем с Пахомовой: официально Мила еще не стала их тренером.

Сразу же после возвращения с чемпионата Пахомова начала работать с парой одна. Но через год-полтора их содружество распалось. Ребята продолжали ссориться. Тренировки проходили впустую, а ни один настоящий тренер терпеть этого не будет, какие бы ни были ученики великие-развеликие.

Ира и Андрей сами лишили себя возможности вернуться на высшую ступень пьедестала. Последние годы с нами занималась Елена Матвеева, делала им хорошие показательные номера, программы, но для спорта, где живут чемпио-

ны, они себя потеряли. Так работать, как работали они, тем, кто думает о победе, непозволительно.

Когда они начали тренироваться на другом катке, я вдруг ощутила необыкновенное облегчение. Складывалась парадоксальная ситуация: с одной стороны, мне их не хватало, с другой — у меня как будто бы прибавилось сил, хотелось радоваться и смеяться.

Но из души их не вычеркнешь, и их место в моем сердце никто не займет. Я до сих пор с удовольствием с ними встречаюсь. Был момент, когда, не произнеся ни единого слова, они дали мне понять, что хотели бы вернуться. Может, кто-то и сочтет, что я поступила неправильно, но я ответного жеста не сделала.

Они остались в моем сердце, и я помню все, что связано с ними. Ира и Андрей совсем разные, хотя внешне очень похожи друг на друга. Ира любит выглядеть лучше всех, чтобы платья у нее были самые модные, чтобы еда, приготовленная ею, была самой вкусной. Но в конце спортивной карьеры ее трудолюбие и старательность, которыми она так выделялась в обыденной жизни, на пороге зала умирали, наверное, она сильно устала или не очень любила фигурное катание.

Мне кажется, Ира очень рано потеряла удовольствие от катания, а Андрей пытался продолжать совершенствоваться, и это ему удалось. В последние годы как фигурист он стал ярче, чем она, несмотря на ту фору, которую ей давали выразительные руки. Андрей работал на льду больше, высчитывал радиусы дуг и угол наклона к ним, используя свои математические способности в тренировках. Андрею многое в танцах давалось тяжело, но если он что-то выучивал, то, как Зайцев, выучивал навсегда. Андрей относился к спорту серьезнее, он больше любит кататься. А вот настоящая чемпионская закваска досталась все же Ире. Необъяснима сила вдохновения! Она могла собраться и блестяще откатать программу, которую полностью провалила на тренировках. Это происходило, вероятно, потому, что каждодневная работа ее утомляла, не нравилась ей. Но чемпион-

ство, сидящее в Ире, покоя ей не давало, оно требовало выхода. Это же качество, редчайшее и сразу же заметное у спортсмена, делало ее на редкость терпеливой к боли. Сколько одних только уколов — и внутривенных, и обезболивающих — перенесла она.

Андрей любил выходить на старт в последнюю минуту, когда их уже объявили. А Ире хотелось раньше оказаться на льду, постоять на нем. Он все же добился своего: они выходили в последнюю минуту, и Ира очень нервничала. В какие-то моменты в жизни надо идти на компромиссы, делать не только то, что нравится тебе, но и считаться с желанием партнера. Андрей пойти на такое не мог, да и не хотел. Ирину уже трясет, а он не спеша идет из раздевалки. Но она терпела.

Моисеева и Миненков заражались моими идеями мгновенно. И пока я ставила программу, вели себя идеально. Им было интересно. Все у них сразу получалось, все с первых же дней выглядело очень красиво. Но потом наступал период тончайшей обработки, постоянных однообразных тренировок, и мы возвращались на круги своя...

27 ноября 1983 года Моисееву и Миненкова во Дворце спорта в Лужниках торжественно провожали, приурочив их уход из спорта к окончанию турнира на призы газеты «Нувель де Моску». Прощаясь с публикой, Ира ни разу не назвала моего имени, не поблагодарила за десять лет работы с ними. Я поймала себя на мысли, что ничуть не расстроена. Пока они ничего не поняли. Не я отказалась от них, как считают они, и, наверное, не они виноваты в том, что мы расстались, как утверждаю я на этих страницах. Просто есть жизненные законы и изменить их не дано никому. В какой-то момент наш союз стал невозможен — кто в этом виноват? Если б они пытались вести себя по-другому, так, как хотела я, кто знает, существовал бы тогда дуэт Моисеева — Миненков, дуэт двукратных чемпионов мира? Они во всем были неповторимы, даже в том, что, добившись высшего звания, не захотели ничуть себя изменить. А без этого удержаться в лидерах невозможно.

Простились я с ними намного раньше, чем в тот торжественный вечер, простились по-своему. В Вене в 1979 году на последний их выход в показательных выступлениях я как обычно встала с ними вместе перед стартом на свое привычное место у борта. Они катались, а я плакала. Так мы прощались.

Если же спросить, кого из своих учеников я любила больше всех, нет, кто был дороже всех, — конечно, Ира Моисеева и Андрей Миненков.

Пять минут у льда

Всегда, насколько я помню, во время соревнований фигуристов тренер стоит у льда. Ну, если не у самого льда, то в проеме, откуда выходит спортсмен. Пять минут, не больше, торчит он около борта. Не знаю, что движет остальными, но о себе могу сказать точно: убеждена, что помогаю взглядом своим ученикам кататься. И если они падают, я ощущаю такую же боль, только что синяки не появляются.

Я не замечаю, кто стоит рядом со мной, когда на лед выходят мои ученики. Я долго устраиваюсь — надо встать удобно, чтобы ни разу не покачнуться, — и не слышу в этот момент никого, кто бы ни обращался ко мне с вопросом. Я шумно дышу, ребята говорили, что на льду можно услышать мое дыхание. К тому же у меня начинается такое сердцебиение, что, как ни дыши, воздуха в легких все равно не хватает.

Я дышу, задыхаюсь, пульс у меня такой же, как и у них, — это проверено, измеряли. Когда Роднина и Зайцев выходили на лед в Лейк-Плэсиде, у меня руки свело так, что в течение получаса после их короткой программы кисти буквально окостенели, и мне пришлось делать уколы, чтобы снять напряжение в руке и я могла бы пошевелить пальцами.

Не люблю, когда стараются обратить внимание зрителей во время выступлений спортсменов на их на-

ставников. Что там показывать? Тренер в эти минуты — каменный истукан. А я еще тихо голову начинаю втягивать в плечи. Пока она почти полностью в шубе не исчезает. Отвлечься на что-нибудь, когда выступают твои спортсмены, нельзя ни на секунду: надо все время их вести, управлять их шагом, чувствовать каждое их движение. Мне кажется, что я передаю им и свои силы, чтобы появились у ребят на льду дополнительные возможности. Я верю, что между тренером и учениками во время соревнований существует какая-то необъяснимая телепатическая связь. Иначе отчего же я чувствую каждый жест спортсменов так, будто сама на льду? Все выступление через себя пропускаю. И замечаю ошибки, которые не видит никто. И ощущаю, когда ребята устали, когда надо им помочь. Иногда за полчаса до старта я оказываюсь в состоянии тревоги. Сделать с собой ничего не могу. Знаю, сегодня кто-нибудь из них упадет. Но если внутри никакой тревоги нет — это тоже плохо.

Тяжело стоять у льда. Все равно что выходить на сцену. Привыкнуть к этому невозможно. Состояние свое в эти минуты регулировать невозможно. Нельзя ни на секунду расслабиться и выпустить воздух. Надо катать с ними и катать до самого конца. Но вот когда они кончили, можно сбросить все напряжение и с улыбкой смотреть в камеру. И пусть кого-то раздражают наши объятия. Ведь это все естественно. Это первая и искренняя благодарность за совместно пройденный кусок жизни. Потому что жизнь наша измеряется от проката до проката. Так проходят месяцы, годы.

Помню, меня ругали дома, когда в Одессе, на чемпионате страны, Наташа упала и все телезрители видели, как я от нее после выступления отвернулась. Не могла я в эту минуту смотреть на Наташу, но не потому, что рассердилась на нее, а не знала, что ей сказать? Ругать? Сразу нельзя, надо разобраться, надо понять, почему это случилось. Это надо и самой осмыслить, и ей дать возможность подумать.

Камеру в такие минуты не замечаешь. Живые ведь люди. И не актеры. Не хочется улыбаться, когда проиграл. Вот когда победил, настроение другое, и радостью этой возникает желание поделиться. Когда все хорошо, машешь рукой, прежде всего домашним: мол, жива еще и могу сама передвигаться. А если твой ученик откатался плохо, зачем улыбаться, зачем обманывать людей. Второй попытки у него не будет. Я стараюсь сама и учу своих ребят вести себя всегда естественно. Быть органичными в любой ситуации, в которой оказались.

Зал, зрителей я не вижу. Слышу только его реакцию. Да и в лица ребят я не смотрю. Слежу за их ногами. По ногам я могу определить, с каким настроением они катаются. Много лет назад я, выступая сама, во время проката посмотрела в глаза моему тренеру Елене Чайковской. В ее взгляде было столько напряжения, что я сразу же упала. С тех пор я смотрю выступления своих учеников, не поднимая глаз.

Вывести из состояния отрешенности, когда во время выступления своих учеников ты стоишь у льда, не может никакой человек и никакое событие.

Я наблюдала за другими тренерами во время соревнований. Все стоят, захваченные целиком выступлением своих учеников. Никто не позирует, никто не следит за камерами, а женщины-тренеры забывают, что они женщины и что их показывают крупным планом. Все помнят только одно — они тренеры. И для них то, что в течение пяти минут происходит на льду, — главное событие жизни.

Лично у меня никакого особенного напутственного ритуала никогда не было. Родниной и Зайцеву я обычно говорила: «Ну, давайте, милые!» Впрочем, говорила это скорее для себя, чем для них. Бестемьянова и Букин с последними аккордами предыдущего дуэта становились рядом и смотрели мне в глаза. Я по очереди кивала и одному и другому: мол, мы все трое готовы. Они кивали мне в ответ и выезжали вперед, а я оставалась у кромки льда. Скольких я их уже так провожала?

Рассказывать о Наташе Бестемьяновой и Андрее Букине мне труднее всего. Они долгое время были моей главной парой. В них я была влюблена, как когда-то в Иру Моисееву и Андрея Миненкова.

Летом 1983 года в судьбе и Наташи и Андрюши многое изменилось. Наташа вышла замуж за Игоря Бобринина и весь «фигурный» мир гулял у них на свадьбе в ресторане «Прага». По эскизам Вячеслава Зайцева для новобрачных сшили костюмы. Наташа была ослепительно хороша. Сыграли свадьбу в начале лета, танцевала на ней жена Андрюши Букина Ольга, а через три месяца праздник пришел в семью Букиных — родился у них сын, которого родители, не мудрствуя, назвали Андреем.

Через десять дней после свадьбы Наташа уехала на сбор. Ничего не поделаешь: надо работать, готовиться к новому сезону, к олимпийским стартам.

Наташа и Андрей попали ко мне уже взрослыми ребятами. Ей — семнадцать, ему — девятнадцать. Бестемьянова занималась у Эдуарда Георгиевича Плинера, одного из лучших специалистов в одиночном катании. На чемпионате страны 1977 года она заняла четвертое место — это неплохой результат, но на следующий год оказалась десятой. Бестемьянова прыгала тройные, но у нее полностью отсутствовал старт.

В турне по Сибири я обратила внимание на эту фигуристку. Показательная программа Наташи была поставлена на песню Пугачевой «Арлекино», которая позволила ей раскрыть свои артистические возможности. А может быть, она мне приглянулась и потому, что рыжая? Я рыжих люблю. Впрочем, с первого взгляда в ней проглядывалась искра Божья.

Андрей, напротив, рос в спорте как танцор. Вместе со своей партнершей Ольгой Абанкиной, позже ставшей его женой, они завоевали звание чемпионов страны в юношеском первенстве. Но потом тренерский совет посчитал, что

партнерша у Андрея бесперспективная, и предложил их тренеру Антонине Ивановне Карцевой заменить Ольгу другой девочкой. Тогда ребята решили оставить спорт — им в те годы казалось легче уйти, чем расстаться друг с другом. Однако Андрей помаялся дома пару месяцев и с разрешения Ольги, которая действительно уже не хотела возвращаться на лед, пришел проситься ко мне в группу. Ольга, кстати, на каток все же вышла, но уже как детский тренер, закончив вместе с Андреем Институт физкультуры.

Букина я к себе в группу взяла без долгих напутствий; раздумий, сказав что-то вроде: «Ладно, раскатывайся пока, через три дня я тебе что-нибудь скажу». Через три дня я улетела. Он продолжал ходить каждый день тренироваться. Вернувшись в Москву, я стала собираться в Томск, захватив с собой и Букина.

Вдруг в Томске я обратила внимание, что у меня катается ну просто замечательный мальчик с грустными, доверчивыми глазами и катается печально в полном одиночестве, но мне некогда было подумать о партнерше для него. Он же регулярно деликатно спрашивал: «Татьяна Анатольевна, может, партнершу какую-нибудь возьмем?» — «Возьмем, возьмем, — бодро отвечала я, — приедем в Москву и возьмем». Приехали в Москву, но никого не взяли, а вот в Северодонецке, где мы встречались на тренировках с одиночниками, я увидела грустную Наташу, стоящую у бортика, и послала к ней на переговоры Андрея.

Он что-то пробубнил ей около борта, она не ответила ни «да» ни «нет». На следующий день, проходя случайно мимо как раз в тот момент, когда она безуспешно разучивала тройной прыжок и все время падала, я сказала: «Нечего биться, тело портить, переходи-ка в танцы». Она пришла... через полгода.

Андрей уже потерял всякую надежду найти партнершу и был готов танцевать в паре с кем угодно. Но с «кем угодно» ему как раз танцевать не годилось. Он заслуживал большего.

Когда Букин наконец привел Наташу на стадион Юных пионеров, она чуть слышно пробормотала, что хочет у

меня заниматься, но не может бросить своего тренера. Эти ее слова меня сразу подкупили. Наташа пережила нелегкий разговор с Плинером, беседовала с ним и я. Он понимал, другого пути у Бестемьяновой в спорте нет, но расставался с ней нелегко. С учениками всегда расставаться больно.

Дав ребятам задание — Андрей должен был научить Наташу танцевальным позициям, — я уехала на соревнования. А вернувшись, отчетливо поняла, что у меня появилась Пара. Потенциальный чемпионский дуэт. Такие минуты в жизни тренера дорогого стоят.

На следующий же день, забыв обо всех остальных (все остальные — это Моисеева, Миненков, Роднина и Зайцев), я ухватилась за первую попавшуюся мне музыку и начала ставить новому дуэту показательный танец. Это основное проявление моего восторга, когда я вожусь с кем-то одним и уже больше ни на кого не обращаю внимания. Это непрофессионально — но факт.

Я была уверена, что их возьмут на первенство Европы и мира в том же, 78-м году. У Бестемьяновой и Букина получилась замечательная программа. Как жалко, что живут программы всего год и ту, первую, так никто толком и не видел. Правда, я все же оставила из первой их композиции фрагмент в будущем показательном выступлении.

Всем специалистам, увидевшим Наташу и Андрея впервые, стало очевидно, что в наших танцах появилась оригинальная пара. Их первый танец — на испанскую мелодию, горячую, страстную. Она полностью исключает улыбку. Это я отмечаю особо, потому что некоторые утверждали, что Бестемьянова и Букин только и могут, что смешить публику. Первая программа Наташи и Андрея полностью опровергала эти странные выводы. Но вспомнят: ведь был танец на музыку из чаплинских фильмов? Да, был такой танец. Нужна была программа, чтобы их заметили. И чаплинский танец сделал свое дело. Смешить людей тоже большое искусство.

Кстати, уметь смешить — одна из самых сложных задач. Заставить плакать куда легче. Великих комиков значительно меньше, чем великих трагиков. Никто, кроме Ната-

ши и Андрея, да еще Игоря Бобриня, не умел этого делать на льду — смешить публику. Умение заставить зрителя хотеть — это еще и использование своих сильных сторон. Чем были сильны Моисеева и Миненков? Никто лучше них не мог показать любовь. Они решили изменить стиль — и задуманного эффекта это не дало. Мне думается, даже что-то меняя в стиле, необходимо сохранять свое лицо.

Да, Бестемьяновой и Букину принес известность танец на чаплинскую музыку. На чемпионате мира в Вене зрители устроили восторженный прием новой паре. Вопреки всем писаным и неписаным законам их, дебютантов, занявших к тому же десятое место, включили в программу показательных выступлений. Включили по настоянию Лоуренса Деми, которого я уже упоминала. Постановка этого танца далась нам трудно, история работы над ним так же трагична, как и сама программа.

Когда мы уже работали над ней, но у нас еще мало что получалось, Андрюша вдруг уселся на бортик и начал кричать, что мы зря все это затеяли, зря тратим время, он себя знает и уверен, что умрет, а выкатать танец, где нет ни одной медленной части, не сумеет. Он сидел и плакал на этом дурацком бортике, я стояла рядом, гладила его по голове и внушала, что через эту ступеньку ему необходимо перешагнуть. Вся наша жизнь и состоит из таких вот ступенек. И не пройдет и полутора месяцев, как он сумеет катать две части, потом три, потом всю программу.

Дело происходило в Томске. Перед выходным днем я хотела устроить прогон для двух частей, но Андрей упал и не мог кататься дальше.

Ночью Букин исчез. Я сидела на окне гостиницы на четвертом этаже, свесив ноги на улицу, ожидая, когда он выгуляется. Он пришел, когда уже светало. Увидев меня с ногами наружу и с завязанной полотенцем от сумасшедшей боли головой, он, бедный, чуть не лишился чувств. Потом я кричала, что люди, у которых нет сил, так себя не ведут. Они спят, а не шляются по ночам, и пообещала поставить

ему еще одну такую программу. Я не подпускала Андрея к себе целый день, не выходила из номера сама. И он все это время сидел за дверью, ждал, когда я его прощу.

Моисеева и Миненков уже ушли к Пахомовой. Роднина и Зайцев оставили спорт, и я начала заниматься с Наташей и Андреем много и упорно. Наташа была довольна партнером, они почти не ссорились, случай очень редкий в паре. Криминальными считались даже те моменты, когда они повышали друг на друга голос. И то, что Андрей женат, как они считали, только улучшало их отношения. Они не уставали от постоянного общения друг с другом и чувствовали себя независимо.

Когда Бестемьянова и Букин вышли на международную арену, вместе с ними заявила о себе еще одна молодая танцевальная пара — Наталья Карамышева и Ростислав Синицин. Тренерский совет решил чередовать эти пары на международных соревнованиях. В 1979 году Бестемьянова и Букин отправились на чемпионат мира, а Карамышева и Синицин на первенство Европы. В 1980 году Наташа и Андрей выступают на континентальном первенстве и Олимпийских играх, Наташа и Ростислав принимают участие в чемпионате мира. Причем результат обеих пар почти одинаков. Но сезон 1980/81 года вывел Бестемьянову и Букина вперед. Они стали третьими на чемпионате страны (на высших ступенях пьедестала стояли Линичук — Карпоносов и Моисеева — Миненков), в декабре — призерами традиционного международного турнира на приз «Московских новостей» и, наконец, на международных соревнованиях в Голландии чисто победили Карамышеву и Синицина.

И вдруг в конце сезона подходит ко мне Букин и говорит: «Татьяна Анатольевна, возьмите к себе в группу Ростика и Наташу». Я только руки развела от удивления: «Ну, надо быть таким ненормальным, как ты». Взять Карамышеву и Синицина, первых конкурентов Бестемьяновой и Букина? Кто бы еще мог об этом попросить — не знаю.

Вот за это же я их и любила, за то, что они такие честные, открытые, добрые. У меня были дуэты, которые меж-

ду собой спорили, поругивались, просто ругались. С Бестемьяновой и Букиным у меня появилась возможность все отпущенное время заниматься работой, а не примирением сторон.

Чего я боюсь больше всего? Чтобы не истощилась моя фантазия и не пропало у них желание быть любимыми зрителями.

Таким спортсменам, как Бестемьянова и Букин, психологически очень сильным и по-спортивному абсолютно зрелым, не надо показывать, что необходимо сделать. Я объясняю состояние танца, и из ста движений, показанных или рассказанных мною, выбирается одно — так рождается новая пластика. Я, например, не могу работать с хореографами, я должна все ставить сама. Я уже говорила, что первые годы мне хорошо работалось лишь с Еленой Матвеевой, но ей были близки только Моисеева и Миненков, и в основном она занималась ими. Потом успешно я сосуществовала как с хореографами: с подружкой детства Наташей Ульяновой, а позже с Ирой Чубарец и ее мужем, увы, уже ушедшим, Стасиком Шкляром. Однажды знаменитый Дмитрий Брянцев поставил показательный танец Наташе и Андрею. Работать с Брянцевым — удовольствие, но я именно так и могу работать с хореографом, приглашая его поставить один танец. В основном же мне нужен только последний взгляд на законченную программу.

Не знаю, видела ли я когда-нибудь в жизни идеальную пару. И что это такое? Чтобы партнеры подходили друг к другу по росту? И чтобы любили они в танцах, и в жизни друг друга одинаково? Нет. Идеальных пар нет. Кто-то в дуэте всегда ведущий, кто-то ведомый.

Например, в нашей золотой паре Пахомова — Горшков Люда была ведущей. Мы смотрели много лет на этот дуэт и ловили себя на том, что смотрим на нее. Правда, Пахомова могла заставить нас делать это только благодаря Александру Горшкову. Что касается английской чемпионской пары Торвилл — Дин, то я вижу, как он ведет партнершу, а ее не

замечаю. Но тоже благодаря тому, что партнерша она замечательная.

Бестемьянова и Букин удивительны тем, что у них одинаковое дарование. Но у Наташи чуть больше темперамента.

Каждый раз перед новым сезоном, как на экзамене перед чистым листом, я трясусь, не могу придумать ни одного движения. Я даже плакать не могу — рыдаю. И еще пугает время, оно подгоняет, есть сроки постановки, и их изменить нельзя. Пустота внутри становится пропастью. И я уже почти уверена, что надо позвать учеников и сказать им: «Извините, я в этом году ничего поставить вам не могу, я не знаю, что делать, так получилось». Но когда эта пропасть вырастает до невыносимых размеров, вот тогда и приходят новые мысли и идеи.

Я хотела в 1984 году поставить им танцы без всякой темы. Просто красивые танцы, чтобы зрители, сидящие на трибунах, приходили в восторг. Да и чемпионские медали выиграть, как мне казалось, уже пришла пора. Золото европейского первенства 1983 года для нас было не высшей пробы, так как на чемпионат не приехали Торвилл и Дин.

В соперничестве этих дуэтов есть обидные для нас моменты.

Андрей с Наташей впервые встретились со своими главными конкурентами на чемпионате мира в 1979 году в Вене. Там в обязательную программу входил венский вальс, и я впервые обратила внимание, как Дин делает чоктао — типичный элемент, основа основ в танцах, — у него ножка так аккуратненько, развернуто подходила к другой ножке, просто картинка. Тогда он еще не считался идеальным партнером, не так тонко чувствовал музыку, но поразил меня выворотностью. Мои ребята проиграли англичанам обязательные танцы. В венском вальсе Букин зацепился за борт. За произвольный танец наши оценки получились выше, чем у Торвилл — Дин. Но в конечном счете они тогда заняли девятое место, а мы — десятое.

А на следующий год ситуация резко изменилась. На чемпионатах мира для судей имеет большое значение, ка-

кие места занимают спортсмены во внутреннем первенстве, так как по неписаному правилу спор за высшее звание ведут прежде всего национальные чемпионы. Так вот, англичане уже в 1980 году стали чемпионами своей страны, а Наташа и Андрей впервые победили на чемпионате СССР лишь в январе 1982 года.

К зимней Олимпиаде в Лейк-Плэсиде мы подготовили русскую программу. Никто, я считаю, озорнее, чем они, русского танца на льду еще не показывал.

Пока Наташа и Андрей после чемпионата мира 1983 года, прошедшего в Хельсинки, где они заняли второе место, ездили в турне по европейским странам, я мучительно думала об олимпийской программе, о том, как представить в таком важном году их, набравших значительно в мастерстве, выросших в понимании танца. Имеющих свое лицо, свой стиль.

Хотелось создать что-то более значительное, чем в прежние годы. И не только из-за предстоящего олимпийского экзамена, но чтобы они могли показать себя как лидеры национальной танцевальной школы.

Я приехала к ребятам к концу турне во Францию. Приехала, привезла новую музыку, испанскую. Несколько отдельных миниатюр, каждая из которых представляла собой колоритнейшую испанскую новеллу. Нам давно хотелось сделать испанскую программу. Долго слушали музыку. Что-то нравилось, что-то нет. Мы находили в ней замечательные моменты, постепенно компоновалось нечто цельное. Но когда приехали в Москву, я решила все же поменять испанские мелодии на русские: потому что Олимпиада, потому что мы русские, никто, кроме русских, не может показать наш танец с нашей музыкой, показать его характер, как это могут Бестемьянова и Букин. Музыкальный редактор Миша Белоусов отбирал мне музыку, и я ее слушала, даже не часами, измеряли ее километрами пленки.

В это время готовилась премьера программы у Игоря Моисеева. Игорь Александрович пригласил меня с мужем посмотреть его новую работу «Ночь на Лысой горе» на чер-

новом просмотре в репетиционном зале. Я была потрясена грандиозностью балетмейстерской работы. Невероятная фантазия во время всего действия, миллионы новых движений, уйма находок. Я в полном восторге смотрела работу Моисеева. Еще не было костюмов, еще существовали какие-то помарки, но меня околдовало происходящее. Невозможно себе представить, что человек — тогда Моисееву уже было семьдесят семь лет — способен так поражать своим искусством. Это под силу только гениям. Я видела сотни репетиций Моисеева, десятки его спектаклей, но ничто не производило на меня такого впечатления, как этот прогон. Нет, я не собиралась ставить русский танец так же, как Моисеев, мне самой хотелось находить новые движения. Но основное направление будущего произвольного танца Бестемьяновой и Букина определил именно этот просмотр — Наташа и Андрей должны показать на льду веселье, задор, лихость русского характера, передать дух русской ярмарки.

Я вернулась домой из Зала Чайковского и не могла уснуть всю ночь. Хотелось рассказать всем, что мы видели, чтобы люди бежали, записывались, становились в очередь за билетами «на Моисеева». Чтобы никто этого не пропустил, чтобы все это посмотрели.

Мы начали ставить программу в Одессе: собирать материал, то есть искать позиции, элементы, связки для каждой из частей, пока не компоуя их вместе. Мы — это Ирина Чубарец и Станислав — известные мастера балльных танцев, тренер Светлана Львовна Алексеева и я. Совершенно забыв о времени, работали и работали. Ира и Стасик пробовали что-то в зале, потом показывали мне, я приносила свои задумки и все это переносила на лед. В зал я специально не ходила, чтобы своим присутствием не давить на хореографов. Наташа и Андрей любое их предложение старались развить, изобретали и сами движения — и за четыре дня мы полностью собрали материал для произвольного танца. При этом сами пребывали от него в полном восторге. Во второй части танца есть такая проходочка в мелодии,

я понимала, что она должна быть в движении проста и гениальна. Потом Ира и Станислав взяли и прошли сами. Это было действительно просто и гениально. А когда по-своему на льду эту проходочку воспроизвели Бестемьянова и Букин, мне стало ясно: произвольный танец нам удался.

Одна мысль не покидала: только бы вот так продержаться до конца, когда каждый шаг — находка. «Вы только темп вытяните», — просила я ребят, а темп дикий, программа очень сложная, нет ни одного такта из тех, что ребята танцевали раньше. Все совершенно новое: поддержки, шаги. Я больше всего боялась повторов, потому что устала смотреть программы, состоящие из одних и тех же элементов, как будто постоянно катают одну и ту же программу, только музыка меняется.

Ребята выходили с этой программой за зиму раз пятьдесят, не меньше, на различных показах, просмотрах, соревнованиях, но я не уставала смотреть на нее.

Первый показ состоялся в Одессе. В это время там проходили гастроли «Современника», и я пригласила на тренировку Галину Борисовну Волчек. Пришел Миша Жванецкий, смеялся, потом и сам хохмил. Катали ребята программу удачно, хотя со времени начала работы над танцем прошла всего неделя, и когда закончили, Галина Борисовна закричала: «Таня, браво!»

Теперь мы еще больше утвердились в мысли, что произвольная программа нам удалась. Это потом она отработывалась, вычищалась, сокращалась, одним словом, доводилась до ума, но практически наш русский танец был создан за несколько дней.

Настоящая премьера проходила в Томске, через три недели. Программа еще выглядела сырой, но приняли ее очень хорошо. Ребята иногда спотыкались, многие жесты выглядели незаконченными, однако каждый день то в жесте, то в шаге, то в повороте головы Наташа и Андрей демонстрировали что-то новое — танец давал им возможности для импровизации. Сколько я провела тренировок, но двух одинаковых движений в этом танце так и не увидела.

Может быть, это и плохо, меня же это радовало. Я не могу смотреть на одинаковые заученные жесты, улыбку, если они повторяются в одном и том же месте. Это замечательно, когда в зависимости от внутреннего состояния, тренированности фигуристов танец преобразуется, вернее, они его преобразуют. И то, что Наташа и Андрей привносили в танец много своего, а это им, кстати, очень помогло, возможно было только благодаря их большому мастерству, их высочайшему таланту.

Такова история рождения программы олимпийского года. Мы проиграли в том сезоне чемпионам мира, проиграли «Болеро» Торвилл и Дина, их вершине в спорте, но мы шли своим путем, в фигурном катании нет двух первых мест, а приходилось сравнивать два совершенно различных направления. Я была убеждена, что Бестемьянова и Букин достойны в танцах самого высокого звания. Что ж, их путь в спорте в роли одной из ведущих в мире пар тогда только начинался...

Наташа перед стартом в Сараево очень нервничала, но вспоминать об этом я не хочу. Мы это видели по телевизору и больше не увидим. Серебро Олимпиады-84 завоевано ими в борьбе с выдающейся парой, которая раньше вышла в лидеры и у которой шансов победить было больше. Но любая олимпийская награда — высочайшее достижение. Нет у спортсмена в жизни важнее соревнований, чем Олимпийские игры.

Вечером, когда я из Шереметьева приехала домой, ждал меня накрытый нашими мамами, моей и мужа, стол, и во главе его восседал отец, главный гость на любом семейном празднике. Он произнес тост, поздравив меня, когда же пришла моя очередь говорить, я напомнила ему, как он твердил мне постоянно: «Мало работаешь, мало работаешь». — «Сколько ты провел Олимпиад?» — спросила я у отца. «Был на пяти, но тренером работал на четырех». — «Вот и я вернулась уже с четвертой своей Олимпиады». И он как-то притих: «Врешь, Татьяна». —

«Ну как вру, ты в 1972 году в Саппоро заканчивал, а я там начинала».

Я не знаю, с чем можно сравнить первую в жизни Олимпиаду. Я не нахожу сравнения, потому что, когда впервые попадаешь на Игры, испытываешь чувство безграничного счастья, хочется только летать. Тем более что, когда я попала на первую свою Олимпиаду, передо мной стояли задачи менее сложные и ответственные, чем на всех остальных. В Саппоро мои ученики, спортивная пара Черняева — Благгов, должны были принести команде одно очко, и они его принесли. Это тоже серьезное испытание для двадцатичетырехлетнего тренера, но все-таки не такое, когда надо бороться за призовые места, когда на твои плечи ложится обязанность вывести учеников в чемпионы. А Наташа и Андриуша боролись за первое место! Букин однажды так разволновался, что мне стало за него страшно. Торвилл и Дин сделали в обязательном танце мелкие ошибки, Крис нервничал, но ошибки заметные, судьи же ставят им 5,9—6,0. Букин, как ребенок, чуть не заплакал: «Что ж происходит, Татьяна Анатольевна, посмотрите!» Он понимал, что судьи им оценку выше, чем англичанам, не поднимут, но в душе оставался спортсменом и стоял за честную спортивную борьбу. Как тренеру мне реакция Букина доставила удовольствие, мы с Наташей поплелись за ним, успокаивая и объясняя, почему нас за малейшую неточность наказывают.

В Саппоро я на своей первой Олимпиаде бегала смотреть другие виды, сейчас же коплю силы для своего дня и никуда не хожу. Тренеры на Олимпиаде должны, как и спортсмены, быть в пике своей формы, поэтому нельзя распылять внимание и необходимо отдыхать.

Не могу сказать, какая Олимпиада мне дороже, все они очень разные. Понятно, что последняя занимает в памяти самое большое место.

Как известно, Бестемьянова и Букин оказались вторыми на турнире газеты «Московские новости» в декабре 1984 года, а главное, что и на чемпионате страны в Днепропетровске в январе ничего не изменилось. Говорят, что судьям

виднее. Однако не только мы, но и зрители не хотели мириться с этим решением. Когда Наташа и Андрей закончили произвольную программу, на лед полетели букеты, весь каток был сплошь усеян цветами. Можно, пользуясь профессиональной терминологией, запутать зрителя, но обмануть его нельзя.

Несмотря на два поражения в начале сезона, мы приехали в Швецию на чемпионат Европы 1985 года с уверенностью в победе. Никто перед соревнованиями не тренировался так много и с таким подъемом, как Наташа и Андрей. После всех тяжелых переживаний, которые выпали на их долю, казалось, что сил у них только прибавилось. Они прокатывали каждый раз весь танец целиком и делали это безупречно. Когда их увидел Лоуренс Деми, он бросился ко мне прямо через лед, на глазах его были слезы восхищения, он кричал: «Татьяна, это фантастика!»

Во дворец «Скандинавиум» во время исполнения произвольного танца Бестемьяновой и Букиным мог войти любой: контролеры, полицейские, служители катка — все собралось у бортиков. А французский арбитр, г-жа Лерэ, зарыдала! Услышав довольно громкие всхлипывания, к ней поспешили Л.Деми и член ИСУ Г.Кучера. «Вам плохо, Лизиан?» — встревоженно спросил Деми. «Нет, мне хорошо, я в восторге!» — ответила г-жа Лерэ. Надо сказать, что французский судья — женщина твердого характера и в высшей степени объективная. В свое время на чемпионате Европы в Цюрихе в 1971 году она не побоялась поставить нашу пару Пахомову и Горшкова выше пары из ФРГ — Анжелики и Эрика Бук, что наделало много шума. В своих оценках она оказалась права. Надолго Пахомова и Горшков стали лидерами в танцах на льду. Г-жа Лерэ тонко чувствовала направление и стиль, по которому пойдут дальше танцы.

Наташа и Андрей выступили идеально во всех трех видах — обязательном, оригинальном и особенно произвольном танцах. Семь судей поставили им 6 баллов за артистичность. Безупречна была и их техника, оценку 6,0 за техническое исполнение ставят крайне редко, но мои ученики

сумели получить ее, что было для меня особенно дорого. Кстати, в зале была великая Майя Плисецкая, и она стоя аплодировала Наташе и Андрею.

Хочу отметить, что в произвольном танце на протяжении сезона от первого до последнего старта практически ничего не изменялось: ни элементы, ни шаги, ни позиции. Однако, точно следуя логическому ходу танцевального сюжета, ребята умели придать танцу импровизированный характер, и каждый раз он выглядел по-иному. На чемпионате мира в Токио, например, «Кармен-сюита» была совсем другой, чем в Гетеборге.

На чемпионате мира судьи пошли на нарушение. В произвольном танце Наташа и Андрей по жребию выступали первыми в группе сильнейших; по правилам судьи не имеют права давать первой паре высшую оценку, и все же двое выставили ребятам шестерки. Беспрецедентный случай! И еще хочу отметить, что самые высокие оценки из всех четырех видов фигурного катания по сумме чемпионатов мира и Европы принадлежат Бестемьяновой и Букину.

«Кармен» в их исполнении наделала много шума. Нас хвалили, нас ругали, но сейчас признают все — танец стал событием. Джейн Торвилл и Кристофер Дин увидели его до чемпионата Европы, в записи на видеокассете с чемпионата страны в Днепропетровске. В Гетеборг они прислали телеграмму, где заранее поздравляли своих бывших соперников с золотой медалью. В свою очередь, критически настроенные любители фигурного катания иронически замечали: не следует ли теперь раздавать программки с либретто накануне соревнований. Думаю, не стоит. Каждый человек, без сомнения, знает историю любви Кармен. Но дело даже не в известном сюжете: талантливые танцоры доступными им средствами создают художественный образ, который понятен зрителям. Здесь и раскрывается их талант и мастерство. Сюжетную канву танца должны знать спортсмены, чтобы в каждое свое движение на льду они вкладывали бы смысл, чтобы зрители понимали, о чем «говорят» партнеры.

До этого состояния тоже надо дорасти. В том году я уже с полной уверенностью могла сказать, что Наталья Бестемьянова и Андрей Букин по всем показателям — человеческой зрелости, спортивного опыта, понимания своего места в фигурном катании — были достойны звания чемпионов мира. Они проделали долгий семилетний путь, который не всегда был усеян розами. Они достойно выдержали все испытания, доказав, что лидерство в мировых танцах на льду принадлежит им по праву.

Великие имена

В своей книге, которая вышла пятнадцать лет назад, я посвятила большую главу выдающимся фигуристам — тем, с кем была хорошо знакома, с кем вместе выступала, дружила, с кем соревновались мои ученики. Я вспоминала и о тех людях, которые никогда не становились, да и не могли стать чемпионами, но речь шла о тех, кто поразил именно меня, кого уже столько лет я забыть не могла, чье катание осталось навсегда в моей памяти.

Чьи же я называла имена?

Англичанина ДЖОНА КАРРИ, он не совершал на льду ничего особенного, но имел абсолютно классические балетные линии. Что ни фото — скульптура. Полное отсутствие проходящих поз.

Любимца советских зрителей начала 70-х ТОЛЛЕРА КРЭНСТОНА. Иногда Толлер катался, не попадая в музыку, но катался так органично, что, казалось, творит прямо на льду на наших глазах. Безумный. Безудержно мечущийся по площадке, он открыл эмоциональное катание. Его показательные номера перевернули всякие представления об этом жанре.

Еще один англичанин, РОБИН КАЗИНС. Его, как говорится, захлестывало, но я люблю такое человеческое состояние. Естественно, на тренировках Робин делал куда больше, чем на соревнованиях. Мне казалось, он забывал, что вдоль бортика сидят судьи.

Американка ПЕГГИ ФЛЕМИНГ, чье катание — эталон прекрасного. И вся она и внешне — точеная фигура, роскошные черные волосы, огромные глаза — осталась в сердце воспоминанием невообразимой красоты.

Легендарная немка, точнее, представительница ГДР ГАБИ ЗАЙФЕРТ, такая крепенькая, такая складненькая, сейчас с такой сложной из-за всех исторических перипетий судьбой. Габи, проповедовавшая силовой стиль в женском катании.

И сразу за ней американка ДЖАННЕТ ЛИНН, проносящаяся по льду, как ветер.

Наконец, танцоры. ДЖУДДИ ШВОМЕЙЕР и ДЖОН СЛАДКИ — дуэт из США. Так, как эти два коротких, толстеньких человечка катали обязательные танцы, так никто до сих пор не умеет. Virtuозное владение коньком. Англичане ДИАНА ТАУЛЕР и БЕРНАРД ФОРД с их типично английскими танцами, где гениальный партнер и идеальные по синхронности движения.

И, наконец, ЛЮДМИЛА ПАХОМОВА — АЛЕКСАНДР ГОРШКОВ и ДЖЕЙН ТОРВИЛЛ — КРИСТОФЕР ДИН. Тут парой слов я не могу ограничиться.

ЛЮДМИЛА ПАХОМОВА — АЛЕКСАНДР ГОРШКОВ. С Милой нас связывала дружба с детства и совместное пребывание в группе бесперспективных спортсменов на стадионе Юных пионеров. И меня, и Милу переводили одновременно все ниже и ниже, пока окончательно не свели к бесталанным, уменьшая время занятий на льду. Одна отрада была в том, что мы любили ставить сами себе программы и, как нам казалось, с большим успехом их исполняли. Затем Мила ушла в парное катание, потом тренировалась у Виктора Кудрявцева и выиграла как одиночица первенство России и, наконец, оказалась в танцах. Ее партнером стал Виктор Рыжкин. Мила в те годы выходила на лед пухленькая, румяная, с огромной прической — целая башня на голове. Их дуэт — первая советская танцевальная пара серьезного уровня. Пахомова и Рыжкин первыми в нашей стране показали интересный произвольный танец, построен-

ный на русской музыке. С этим танцем можно было рассчитывать на приличное место в международном турнире. Что касается меня, то я никогда не сомневалась, что Мила одаренный в спорте человек. Возможно, эта мысль родилась еще в ту пору, когда мы восхищались друг другом на СЮПе.

Я последний год занималась у Лены Чайковской, когда Мила рассталась с Рыжкиным, осталась одна. Я привела ее к Чайковской. Хотя Пахомова и Рыжкин сумели сделать в танцах немало, мне не нравился этот дуэт, я находила неудачным подбор партнеров: Виктор Иванович, будучи очень техничным фигуристом и опытным специалистом, а впоследствии одним из лучших тренеров в стране, по темпераменту мало подходил Пахомовой.

Однажды Мила перед тренировкой сказала мне в раздевалке: «А я нашла себе партнера!» — «Кого?» — спросила я. «Ты его знаешь, очень красивый мальчик! Вы учитесь в институте в одной группе». — «Красивые мальчики со мной вроде бы не учились». — «Ну такой худенький, с большими глазами. С печальными». — «Кто это?» — недоумевала я. «Саша Горшков». А Саша Горшков был тогда настоящий крючок, весь согбенный, катался всегда с ужасными партнершами. И его неудачные партнерши мне запали почему-то в память больше, чем его действительно прекрасные глаза.

Пахомова с Горшковым начали тренироваться вместе. На первом же тренировочном сборе, который проходил у нас на Украине, в Плютах, Саша меня поразил. Он работал с такой энергией, которая нам и не снилась. Мы бегали кроссы, выполняя часовые пробежки на песке. Горшков опережал нас в три раза. Только успеваешь выйти на дорожку, а он уже пропыхтел рядом и обогнал тебя. Смотришь — уже бежит навстречу. Туда и обратно, туда и обратно, а мы, несчастные, гонимые палящим солнцем и Чайковской, мотались еле-еле. Занималась с ним не только Чайковская, но и сама Мила. И с первого же года их выступлений, глядя на Пахомову, было видно, какое место в спорте она хочет за-

нять, и не приходилось сомневаться, что так оно и будет. И «крючок» Саша распрямился.

Работали Пахомова и Горшков столько, что их занятия нельзя было даже назвать тренировкой. Они с утра до вечера разучивали обязательные танцы на полу. Приседали вместе, шагали вместе, дышали вместе и овладели полной синхронностью движений. Впервые они вышли на лед в Горьком, где находилась вся команда Чайковской. В этот город приехал и муж Лены — спортивный журналист Анатолий Чайковский. Он посмотрел наши новые программы и сказал: «Ленуся, у меня есть любимый танец «Кумпарсита», прошу, сделай мне его в подарок». Чайковская начала ставить «Кумпарситу». Мы все попробовали этот танец, даже парники. Чайковская, например, проверяла некоторые элементы на мне, конек у меня был неплохой, и я бегала, крутилась, исполняла зубцы — специфический элемент в танцах. Пахомова с Горшковым время тоже не теряли, разучивали позиции и, когда впервые вышли с «Кумпарситой» на соревнования, то сразу же произвели фурор. Танец оказался новым и свежим ветром в этом виде фигурного катания.

«Кумпарсита» безоговорочно нравилась всем, танго стало событием сезона, а наша группа лопалась от гордости, что именно у Чайковской, нами очень любимой, родился столь бесподобный танец, которому предстояло стать классикой.

На следующий год после рождения дуэта Пахомова — Горшков я оставила фигурное катание и первые соревнования Милы и Саши смотрела как зритель. Прекрасно помню, как они впервые вышли на лед «Кристалла» в Лужниках, в черных костюмах с белыми цветами по воротнику.

Рассказывать, кем они стали потом, глупо, это все знают. Рассказывать об их судьбе прежде всего надо Саше и Елене Анатольевне. Каждый год все любители фигурного катания ждали, что покажут Пахомова и Горшков. И наши ожидания были не напрасны. Чайковская любила своих спортсменов, ставила им великолепные программы. Пере-

оценить роль этого трио в мировом развитии танцев на льду трудно.

Каждый год они потрясали. «Соловей», «Вдоль по Питерской», «Гори, гори, моя звезда», вальс из «Маскарада», о котором сейчас вспоминаешь, и по телу бегут мурашки. Они прожили огромную творческую жизнь. И когда Ира Моисеева с Андреем Миненковым выиграли чемпионат мира, где из-за болезни Саши наш прославленный дуэт не участвовал, я прекрасно осознавала, что Моисеева с Миненковым еще не достигли чемпионского уровня. Впрочем, пока Мила и Саша катались, трудно было поверить, что кто-нибудь способен их обогнать.

Конечно, никто из танцоров не вписал столько золотых страниц в историю танцев на льду, сколько Людмила Пахомова и Александр Горшков. Я говорю даже не о количестве их наград, а о совершенном ими качественном сдвиге в этом виде. Не надо забывать, что и олимпийским он стал во многом благодаря их выступлениям. Что же касается советской школы танцев на льду, она целиком и полностью обязана своим развитием Чайковской, Пахомовой и Горшкову. Имея лидера, ясно видишь, куда идти и к чему стремиться.

ДЖЕЙН ТОРВИЛЛ И КРИСТОФЕР ДИН. Они появились в тот год, когда последний раз на чемпионате Европы в Страсбурге победили Моисеева и Миненков, и сразу же обратили на себя внимание. Я их запомнила еще на тренировочном катке — для английских пар у Джейн и Криса была довольно большая скорость. Их тренировала тогда Солбридж, известная спортсменка, тренер чемпионов мира и Европы. Но на следующий год, когда я привезла впервые на первенство мира Бестемьянову и Букина, с ними уже была Бетти Калловэй — знаменитый английский тренер, о которой я еще расскажу. До того как Джейн и Крис стали чемпионами, Наташа с Андреем уже проиграли англичанам три старта: два чемпионата Европы (1979, 1980) и мира (1979) — это много, это большой разрыв в умозаключениях судей, какой дуэт лучше. Тем более что с 1980 года Тор-

вилл и Дин выступали от своей страны первыми номерами. Бестемьянова — Букин и здесь проигрывали им почти два года.

Как известно, в 1980 году в Дортмунде сразу после Олимпиады в Лейк-Плэсиде Линичук и Карпоносов проиграли чемпионат мира. Победили тогда венгерские танцоры Ракоци и Шалаи, а Торвилл и Дин были на этих соревнованиях четвертыми. На следующий год они уже чемпионы. А в нашей сборной Наташа и Андрей считались третьими номерами, следовательно, для судей интереса не представляли. А ведь два года до всех этих пьедестальных пертурбаций, еще когда и англичане не входили в призеры, Бестемьянова и Букин дважды с ними соревновались на турнире в Морзине и оба раза выигрывали.

Я так подробно рассказываю о всех нюансах перехода с одной ступени на другую, потому что Торвилл и Дин для меня не только выдающиеся фигуристы, четырехкратные чемпионы мира и Олимпийских игр, великолепные танцоры, но и все это время постоянные и основные соперники Наташи и Андрея. Но даже если бы в те, уже, кажется, далекие годы мои ученики поднялись выше Торвилл и Дина, я все равно бы считала английскую пару событием в спортивных танцах на льду. Три их последние программы могут нравиться или не нравиться, по правилам они или не по правилам, но забыть их невозможно. Говорю это с точки зрения профессионала.

После их выступлений изменили правила в танцах. Раз арбитры приняли их акробатические поддержки и не снижали за них оценки, то, следовательно, их следует разрешить всем. Правила запрещают не двигаться с места более десяти секунд, а они начинали произвольный танец на Олимпиаде на музыку «Болеро» Равеля, не сходя с точки тридцать пять секунд, а закончили программу через четыре с половиной минуты, вместо разрешенных четырех. Но это неважно. Во всяком случае сейчас несущественно. На Олимпиаде в Сараево их победа не вызывает сомнений.

Я очень люблю их показательный танец — румбу. Этот танец, как когда-то пахомовская «Кумпарсита», «Кармен» Моисеевой, «Лезгинка» Линичук, — золотой фонд мирового фигурного катания, спортивных танцев на льду. Чтобы достичь таких высот, надо очень хорошо знать свой вид спорта. И англичане не раз доказывали, что они прекрасно помнят все, что происходило на льду до них.

В этом дуэте я всегда выделяла и выделяю Криса, хотя Джейн надежнейшая партнерша и к тому же она стала со временем намного артистичнее. Но главное действующее лицо в паре — Дин. Светловолосый с хорошим лицом, крупной головой, посаженной на мощную шею. Я не сомневалась, что, уйдя в ледовый балет, они и там добьются многого.

Мы не раз вместе не только выступали, но и тренировались. В Морзине, где нас свела судьба на совместном сборе, Наташа в выходной день сварила русский борщ. Мы обедали, гуляли, не разлучались весь день, Джейн и Крис контактные ребята, правда, это не относится к дням соревнований.

Торвилл и Дин объявили заранее: сезон 1984 года для них как для спортсменов последний. Этот дуэт искал в спортивных танцах новые пути. Но для меня они запомнятся не только экспериментами. Идеальное скольжение и абсолютная синхронность, безупречные по чистоте линии обязательных танцев и, конечно, фантазия в произвольном — вот какую память оставил после себя выдающийся английский танцевальный дуэт Торвилл — Дин.

Выдающиеся тренеры

Выдающихся специалистов в фигурном катании немного. Я говорю о тренерах, чью работу видела, о тренерах, оказавших большое влияние на мое становление. Конечно, не случайно, что именно у них больше всего чемпионов. Это — Е.Чайковская, С.Жук, Т.Москвина, И.Москвин, К.Фасси, Ю.Мюллер, Б.Калловэй, Э.Целлер.

ЕЛЕНА ЧАЙКОВСКАЯ. Свой рассказ начну с Елены Анатольевны Чайковской — моего наставника, человека, близкого мне на всю жизнь. Если бы я в свое время не оказалась у нее в группе, может быть, никогда и сама не стала бы тренером. Пример Чайковской был для меня слишком заразителен.

Про Елену Анатольевну я могу рассказывать очень долго. Но прежде чем вспоминать, когда и при каких обстоятельствах мы с ней встретились, я должна предупредить, что Чайковская — мой товарищ, мой педагог; нас с ней связывали разные отношения, от самых близких до тяжелых, когда мы превратились в тренеров-соперников.

Познакомилась я с ней на Петровке, 26, на маленьком динамовском катке, популярном у москвичей и зимой, и летом (с мая там открываются теннисные и волейбольные площадки). Я каталась в паре с Жорой Проскуриным, нам было по шестнадцать лет, тренировал нас Виктор Иванович Рыжкин, а хореографом к нам пришла 21-летняя студентка балетмейстерского факультета ГИТИСа Лена Новикова. Пришла она в валенках и тулупе, пахнувшая французскими духами, в большом мохеровом платке, модном в те годы. Забот у нее дома, пожалуй, было больше, чем на работе, — родился сын. Потом Игорь окончил Институт международных отношений, работал за рубежом, стал бизнесменом, а тогда это был четырехмесячный Игоряша, постоянно требующий внимания и заботы.

Новый хореограф сразу же произвела на нас сильное впечатление: красивая, стройная, с загадочными глазами. Не заметить Лену в толпе прохожих невозможно. Мы знали, что она была чемпионкой Советского Союза (тогда Осипова) и тренировалась у Татьяны Александровны Гранаткиной (Толмачевой).

Занимались мы с ней не только на льду, но и на полу. Тогда не катались так много, как сейчас, и урокам хореографии отводилось немало времени. На занятия мы ходили с Ирой Даниловой, чье будущее определила Лена, учившая нас характерным танцам, о которых мы вообще понятия не

имели. Надела она на нас сапоги, юбки, и мы с упоением — сначала под счет, потом, когда Лена привела концертмейстера, и под музыку разучивали танцы. Для Иры эти уроки закончились тем, что она по совету Чайковской оказалась в моисеевском ансамбле.

Дробить, то есть отбивать чечетку, нам хотелось с утра и до ночи. Не говоря уже о том, что мы сразу же привязались к новому хореографу, — человеком она оказалась открытым и добрым, стали пропадать у нее дома, нянчить ее ребенка. Она вошла во вкус тренерской работы, набрала себе группу, тем более что Рыжкин, оставив нас, начал кататься в паре с Милой Пахомовой, и теперь уже Лена придумывала нам программу. Короче, события развивались довольно стремительно. Рыжкин из тренера превратился в ученика, Чайковская из хореографа сделалась тренером Рыжкина. Такое было возможно лишь в годы становления фигурного катания в нашей стране. В итоге мы с Жорой попросились учениками к Елене Анатольевне.

Своего тренера мы полюбили до самозабвения. Ужасно боялись ее в чем-то подвести, не дай бог, расстроить. Так получилось, что мы с Жорой стали ее основной парой. И на своем первом чемпионате Европы — для нас, кстати, тоже первом международном старте, который в 1965 году проходил в Москве, — Елена Чайковская выводила на лед Тарасову и Проскурина. Позже она воспитала немало сильных спортсменов, но, мне кажется, мы с Жорой тогда были для нее дороже всех. Чайковская творчески подходила к тренировкам, каждый день проводя их по-разному, и создавала по тем временам необычные программы. Нам, первым в стране, она поставила танец под песню. Взяли песню Бабаджаняна «Не спеши» в исполнении Муслима Магомаева, и под нее мы с упоением катались с Проскуриным, пользуясь неизменным успехом у публики.

Я ходила за Леной, как тень, забыв про свой родной дом. Бегала в молочную и булочную, химчистку и прачечную, сидела днем с Игорем и стала просто членом ее семьи. Все ее друзья стали моими. Не было такой тайны, ко-

торой бы я не могла поделиться с ней. Нас связывала очень тесная дружба. Впрочем, и сейчас в тяжелые дни мы рядом.

Мы ездили вместе отдыхать, и я не переставала удивляться, что даже летом на восстановительном сборе, по сути дела, на отдыхе, Лена постоянно работала, придумывая каждый раз что-то новое. Как-то она попросила конькобежного тренера Горкунова помочь нам подобрать упражнения для общефизической подготовки. Заметив, что не все его упражнения подходят к нашей специфике, она переделала их, и на следующий год мы катались с Жорой намного увереннее.

Масса различных историй происходила у нас с Еленой Анатольевной. Мне было восемнадцать лет, когда в Горьком она отпустила меня и Лену Котову погулять. Нас пригласили в кафе молодые люди. Чайковская не возражала, но велела в десять быть дома. В десять мы, естественно, не пришли, в одиннадцать тоже, добрались до гостиницы где-то без четверти двенадцать. Первое, что мы увидели, когда крались по коридору, это ее голову, выглядывавшую из комнаты. Я жила вместе с ней, и, когда вошла в номер, Чайковская встретила меня зареванная — она уже представила себе все ужасы, какие могли с нами случиться, и довольно конкретно сказала, кто мы такие есть и что она о нас думает. Легла она вся в слезах, повернувшись к стенке. Я не спала полчаса, час, мучилась, что расстроила тренера, и наконец решила: сейчас с ней помирюсь, прыгну к ней на кровать, обниму ее, поцелую, и она мне все простит. И при погашенном свете я делаю большой прыжок со своей кровати и падаю на Чайковскую, которая уже безмятежно спала. Ох, как она кричала!

Лена мне прощала любые выходки. Даже те, какие красивая женщина девочке простить не может. Мы возвращались летом с юга в Москву. Ей предстояла важная встреча, и было необходимо выглядеть особенно эффектно. Пива, чтобы накрутить волосы, мы не нашли, и тогда я лягнула, что накручиваю в таком случае бигуди на арбузный сок.

Я старательно причесала Чайковскую, и мы легли спать. Утром бигуди отрывались от головы только вместе с накрученными волосами. Понятно, что на свидание, которое невозможно было отменить, Чайковская пришла с прической, не соответствующей значительности момента.

Она была для меня образцом во всем. Одевалась Лена тогда совсем не так, как сейчас мы видим ее по телевизору, жили они материально не очень легко, но она всегда выглядела ослепительной женщиной, источающей тонкий аромат французских духов. Чайковская купила по дешевке (за десятку) для тренировок валенки сорок пятого размера, но, надевая на каток тулуп и валенки, она умудрялась сохранять изысканность и элегантность. Когда она шла, все оглядывались. А летом! Высокая, красивая, стройная. Туфли у нас нередко были на двоих. Я на нее мало чем походила. Лена всегда и во всем искусный дипломат, а я очень часто в тех вопросах, где надо проявить некоторую, будем говорить, тонкость, выбрать момент, чтобы что-то попросить или где-то вовремя промолчать, удивительно неуклюжа. Обращаюсь с просьбами не вовремя и говорю то, что думаю.

Как складывалась у меня дальше жизнь в спорте? Очень печально: я вывихнула плечо. Раз вывихнула, второй... Вывих стал привычным — это трагедия в парном катании. У Лены появилась Пахомова, но теперь уже с Горшковым. Чайковская начала с ними готовить «Кумпарситу».

Не вызывало уже сомнений, что у Чайковской свой стиль, свое видение фигурного катания, что она незаурядный тренер. Понимая это, я любила ее еще больше, старалась из последних сил. А силы действительно были последними, все время из плечевого сустава вылетала рука, ни о каких поддержках и речи быть не могло. Я догадывалась, что Чайковской уже не до меня, что с появлением Пахомовой и Горшкова перед ней встали более серьезные и важные задачи в фигурном катании, чем те, что ставились передо мной и Жорой. Понимала, но очень обижалась. Чайковская, естественно, все меньше и меньше обращала на

нас внимание, много работала с Пахомовой. Конечно, пора было оставлять спорт. Постоянная травма руки болезненно влияла не только на мою психику, но и на психику Чайковской. Она ведь была не только моим тренером, но и подругой и резко расстаться со мной не могла. Между нами начали складываться очень тяжелые отношения. Я ходила угнетенная и подавленная.

В итоге, назло Чайковской, перешла в ЦСКА. В ЦСКА тренировалась несколько месяцев, сменив парное катание на танцы, но ничто уже помочь не могло — рука не позволяла кататься в полную силу. Надо было подыскивать себе работу. Все это время я ходила, надувшись на Чайковскую, считая, что она поступила со мной жестоко.

Потом дружить нам стало очень трудно. У нее росли свои пары, у меня — свои, наши ученики почти все время противостояли друг другу, следовательно, противостояли и мы. Я внимательно следила за ее работами. Ведь долгое время она ставила программы лучшим в мире танцорам, Пахомовой и Горшкову. Помню, как на одном из традиционных соревнований на призы «Нувель де Моску» оригинальным танцем была румба. Я приехала с соревнований в таком восторге от танца Пахомовой и Горшкова, что не смогла себя сдержать и в двенадцать часов ночи позвонила Чайковской, сказав, что она гениальный тренер, что ничего подобного я в своей жизни не видела. Я говорила, что преклоняюсь перед ней только за то, что она дала мне возможность увидеть такой неподражаемый танец.

В 1976 году на зимней Олимпиаде в Инсбруке мы жили в одном номере. И хотя задачи у нас как у тренеров в танцах были разные (Пахомова — Горшков считались первой парой сборной, Моисеева — Миненков могли рассчитывать только на второе место), трудных дней хватило и ей, и мне. Ведь, кроме танцоров, у Чайковской еще выступал Владимир Ковалев, а у меня Роднина и Зайцев. Поддерживали мы друг друга как могли. Бегали по очереди в шесть утра за соком. Сама издерганная ничуть не меньше меня, Чайковская, когда мне становилось совсем плохо, садилась

рядом успокаивать меня. И наше общее тренерское дело, которое развело нас, в эти нелегкие дни вдруг объединило. В Инсбруке я поняла: никто и никогда из тренеров не был и не будет мне ближе, чем Чайковская. Никого я так не понимаю, как ее. Мне может в ней что-то не нравиться, и что-то ей не нравится во мне, но это не мешает нашей дружбе. И даже соперничество наших танцевальных пар не поколебало ее. Какое это имеет значение в моей привязанности к Елене Анатольевне? Чайковская — мой тренер, благодаря ей я стала тренером, а может быть, назло ей, но все равно примером служила она. Она привила мне много хороших человеческих качеств. Моя забота об учениках воспитана отношением Чайковской ко мне. И постановочный период для меня такой радостный потому, что радостным был для нее, я видела, какое наслаждение она получает, ставя танец. То, что я работаю обычно без хореографа, — это тоже от нее. На Олимпиаде в Лейк-Плэсиде, когда у меня сложилась трудная ситуация с Родниной и Зайцевым — менять или не менять им программу, — я смогла сохранить выдержку и не шла на уступки во многом благодаря поддержке Чайковской. Я радуюсь и горжусь, когда она, обычно очень скупая на похвалу, поздравляет меня, моих ребят.

В Лейк-Плэсиде немало неприятностей было и у нее. Заболел корью Ковалев, и мы по очереди носили ему еду, передавая кастрюльку через хоккеистов, в олимпийской деревне проход женщинам в мужские корпуса был запрещен, как, впрочем, и наоборот. Когда у меня на душе неспокойно, я ложусь и лежу пластом. Лена, наоборот, бегаёт. С шести утра до глубокой ночи.

Я знаю, как она любит своих учеников, буквально их обожествляет. Их недостатки у нее превращаются в достоинства, мало того, она и других умудряется заставить в это поверить. Между прочим, такой дар — тоже одно из великодушных тренерских качеств, и им обладают немногие. Она заставила всех поверить, что Ковалев — лучший в мире фигурист, хотя нередко он катался не на самом высо-

ком уровне. Но он умел выигрывать, когда она была рядом с ним. Она учила и научила его побеждать, учила его быть злым. Потом она тренировала в мужском одиночном катании Владимира Котина. Мне нравились их программы, я видела всю Лену в его композициях. То, что она незаурядный тренер, подтверждает история восхождения танцевальной пары Линичук — Карпоносов. У этого дуэта были отлично поставленные танцы, но самих фигуристов я не могу назвать выдающимися — это не чемпионская пара. Чайковская сумела заставить всех судей в течение нескольких лет отдавать Линичук и Карпоносову первые места. Вот Пахомова по своим природным данным — талантливейшая фигуристка. Горшкова Лена подняла до уровня партнерши исключительно своим трудолюбием. От «Соловья» у меня просто дух замирал. Я забывала, что ее ученики — наши соперники, восторгалась Ковалевым в «цыганочке», именно таким и должен быть этот танец. Хорошо смотрелись в паре мой прежний партнер Георгий Проскурин и Галина Карелина. Они показывали в парном катании интересные находки Чайковской, прекрасно придуманные ею поддержки, а программа Карелиной — Проскурина на музыку из фильма «Восемь с половиной» была просто новаторской. Однако почти все ее ученики расстаются с ней тяжело, не сохраняя потом отношений. Тем не менее на ее шестидесятилетие пришли все!

Очень трудно вот так, на нескольких страницах, рассказать о Чайковской. Она очень разная — нетерпеливая, добрая, злая, великодушная, как любой неординарный человек. И говорить о ней однозначно нельзя. Тем не менее я могу выразить свое к ней отношение одной фразой: Лена Чайковская — дорогой и близкий для меня человек. И в трудные минуты откровения она мне говорит: «Люблю тебя, Тарас!»

СТАНИСЛАВ ЖУК. Станислав Алексеевич — тренер, который, кажется, из любого мог сделать чемпиона. Он, как никто, был предан фигурному катанию. Человек, которого нельзя было не уважать за то, что он вот такой, какой

есть: то со зверским выражением лица, то с чрезмерной радостью, но никогда не стремившийся выглядеть лучше, чем есть, перед телевизионной камерой.

Не понимать и не отмечать, что Жук — тренер милостью Божьей, может только человек, далекий от фигурного катания. Великолепно знающий технику катания, умеющий находить для себя материал — и только для себя. Предугадывающий на год, чему надо учить и, главное, как, какие мышцы накачивать, сколько часов провести в зале, с какими предметами. Сколько нужно пробегать, сколько нужно проплакать, сколько нужно выкатать, сколько нужно выстрадать... Энциклопедические познания Жука в фигурном катании нельзя не признавать любому тренеру, даже и тому, кто не любит Станислава Алексеевича.

Как трудно было тем спортсменам, кто тренировался у него. Жук был в спорте фигурой сильной (и в то же время в каких-то вопросах очень слабой), по характеру всегда тяжелой. Я наблюдала за ним еще в бытность свою спортсменкой. Он постоянно что-то изобретал в фигурном катании, постоянно экспериментировал, не щадя спортсмена, но в первую очередь самого себя. Рассказывали, что когда распался его союз с первым и единственным тренером Петром Петровичем Орловым, Жук себя и Нину (свою партнершу и жену) тренировал сам. Тренировал много и жестко. Я плохо помню, как он катался, но зато прекрасно помню его первых учеников — Татьяну Жук (его родную сестру) и Александра Гаврилова. Глядя на них, точных, как хорошие часы, было очевидно, что молодой Станислав Алексеевич — незаурядный тренер. Его питомцы не срывали элементы, каждый шаг отточен, движения строго параллельны. Они делали элементы, которые никто в парном катании не делал, а то, что уже было известно, исполняли с абсолютной чистотой. Потом Гаврилова заменил Горелик. Я тогда сказала сама себе, что, если мы с Жорой их не обыграем хотя бы раз, я перестану кататься, а может быть, вообще умру. Мы у них выиграли на отборочном турнире накануне первенства Европы, заняв второе место, а Жук — Горелик стали

третьими. Им в катании не хватало эмоций, но все окупалось отточенной техникой. Наступали они стремительно, довольно быстро получив титул второй пары мира. Стали знаменитыми, объехали полсвета — и все это заслуга Станислава Жука.

Сколько же учеников прошло через его руки и сколько же из них стали чемпионами! Назову только тех, кого помню. Галя Гржибовская, Сергей Четверухин — это первые наши одиночники, которые уверенно выступали на чемпионатах мира и Европы. Причем тренерская тактичность Жука в работе с Галей проявилась в том, что он сохранил Гржибовской не свойственный для него самого стиль — тонкий, романтический. Великолепная техника Четверухина, призовые места Сергея на мировых первенствах — это тоже заслуга Станислава Алексеевича. Потом у Жука появилась Роднина.

Я первый раз увидела эту маленькую девочку с партнером — мальчиком лет семнадцати по фамилии Уланов на льду в Лужниках. Мы с Жорой выступали с любимым мною и зрителями показательным номером «Не спеши». Девочка в первом отделении, задолго до нас, катала турнирную программу — показательных номеров у нее еще не было. Для меня, наблюдающей за ней из прохода, откуда фигуристы выходят на лед (сколько раз я потом буду стоять в нем в роли тренера Родниной), было очевидно, что девочка скоро всех обыграет — да и не одна я, должно быть, это отметила.

В 1971 году на чемпионат Европы в Гармиш-Партенкирхен Жук не поехал, у меня уже катались Войтюк и Жигалин, но на соревнования я попала в составе группы журналистов, договорившись писать и передавать материал с чемпионата в газету «Красная звезда». На чемпионате Роднина и Уланов оказались без тренера, и я провожала их на лед. В тот год они впервые победили. Так уж случилось в жизни, что на первую и последнюю победу Роднину напутствовала у кромки льда я.

Ира — маленькая, смешная, чудная, подстриженная коротко, похожая на медвежонка, просидела со мной всю

ночь. Мы баловались, хохотали, болтали, нас одинаково приводила в восторг эта победа. Ее богом был Жук. Через несколько лет он сумел найти замену ушедшему Уланову.

Александра Зайцева я хорошо помню еще до того дня, когда он стал партнером Родниной. Он ездил вместе с нами в турне по Сибири. Как фигурист Саша был незаметный, только что высоко прыгал и в нем чувствовалась большая физическая сила. А Жук разглядел в Зайцеве что-то, чего никто разглядеть не смог, взял из Ленинграда, перевел в Москву. Через несколько месяцев в Запорожье на показательных выступлениях я впервые увидела новый дуэт Жука. Но до этой премьеры на запорожском льду у меня в Москве произошла короткая встреча с бывшим партнером Родниной. Леша Уланов и Люда Смирнова (двое новобрачных) пришли ко мне убежденные, что я возьму их в свою группу. Я им отказала. Как тренер, как человек, выросший в спорте, я не могла примириться с тем, что сделал Леша. Речь идет не о том, что он женился на Люде. Это прекрасно, что они полюбили друг друга и решили создать семью. Но для этого совсем не обязательно ломать пару. Ведь для Иры Родниной с уходом партнера спорт, причем в самом расцвете ее сил и возможностей, мог закончиться навсегда. Нельзя, невозможно оставлять товарища, с которым уже так много пережито, но путь еще не пройден до конца. Леша и Люда почему-то решили, что я очень добрая, что я буду их тренировать, и первое, что спросили, придя ко мне, когда будем планы писать. Я сказала, что планов писать не будем, потому как совместных занятий не предполагаю. С той поры мы долгих бесед не завели.

Жук создал новую пару: Роднина — Зайцев. И весь тренерский состав сборной сидел и смотрел их тренировки. Зрелище — феноменальное. Чувство нереальности происходящего в Запорожье не покидает меня по сей день. Невозможно себе представить, чтобы за такой короткий срок можно сохранить чемпионский почерк дуэта, где осталась только партнерша. Мало того, сделать ката-

ние новой пары лучше предыдущей, чемпионской — мощнее и интересней. Первая победа Родниной и Зайцева — настоящая победа — пришла к ним не на международном турнире, а именно на том выступлении в Запорожье, когда лучшие специалисты страны увидели, какие еще есть резервы в фигурном катании. Я помню, как Ира и Саша впервые поднялись на пьедестал, — это было на европейском первенстве в Дортмунде в 1973 году, на табло горели оценки в шесть баллов, и Жук хохотал. Я помню, как на следующий год в Братиславе, на чемпионате мира, во время произвольной программы отключилась музыка, и свою композицию Ира и Саша докатывали в абсолютной тишине. Потом, когда на видеозапись наложили музыку, выяснилось, что спортсмены двигались точно в мелодию. Такое самообладание под силу исключительно ученикам Жука. Он, как скульптор, лепит не только великих спортсменов, но и великие характеры.

Уйдя от Чайковской в ЦСКА, я на три месяца попала к Жуку. Даже за это короткое время, что я провела у Станислава Алексеевича, я очень ему благодарна. Он научил меня выкладываться в работе до конца. Я выходила на каток в шесть утра и крутилась на нем при свете единственной горящей лампочки, так как знала, что в семь появится Жук и будет смотреть, что я выучила. Тогда он вел помимо прочих и танцевальный дуэт (Бережкову и Рыжкина), танцами хотела заняться и я. Очень старалась и работала без устали. Видела, как все замирают, когда он приходит на каток, как все хотят показать ему самое лучшее из того, что сделано. Нельзя у Жука было не выучить то, что он велел подготовить на завтра, не полагалось стоять у бортика. Много чего было нельзя, и только одно разрешалось — совершенствоваться.

Потом Жук начал экспериментировать. Он объединил в одной паре маленькую Марину Черкасову и высокого Сергея Шахрая. Многие говорили: «ужасно», а мне пара нравилась, хоть и было понятно: Марина вырастет и дуэт исчезнет. Все его поиски в создании «идеальной пары» — это

поиски талантливого тренера, человека, способного на большие дела. У Жука, как всегда, тренировались лидеры, в одиночном катании — Елена Водорезова и Александр Фадеев, в парах — Марина Пестова — Станислав Леонович, Вероника Першина — Марат Акбаров. Правда, после болезни Лена окончательно решила оставить спорт. С Водорезовой Станиславу Алексеевичу пришлось нелегко, он в полном смысле слова испытал вместе с ней ее тяжелый недуг, вместе с ней страдал, вместе с ней не терял надежды на будущее. Лене было очень трудно после болезни прыгать, а он вселял в нее уверенность, и она совершала на льду то, что вообще за гранью логики и рассудка. Лена первая, кто принесла нам медали в женском одиночном катании. Вот пример тренерской самоотверженности, тренерской преданности и любви. У Водорезовой, на мой взгляд, даже в пору расцвета никакого особого дара не наблюдалось, она лишь хорошо, причем до болезни, прыгала. А когда казалось, что все уже в прошлом, Лена начала удивительно красиво кататься. И это немыслимое возвращение Водорезовой в большой спорт — ее подвиг и подвиг Жука. Здесь тренерская победа ничуть не меньшая, чем воспитание за несколько месяцев партнера для Родниной.

Сараево — последний старт Лены. Седьмое место на Играх — не лучший результат. Но любителям спорта надо сказать спасибо тренеру и ученице, потому что в бронзовой медали Киры Ивановой и в пятом месте Ани Кондрашовой на этой Олимпиаде есть большая доля заслуг Водорезовой с Жуком.

А Фадеев, Фадик, как его называют фигуристы, первым в мире продемонстрировавший прыжок в четыре оборота! Фадеев выиграл в 1984 году золотую медаль Европы. Как Жук хотел, чтобы его ученики боролись за медали в Сараево. Но Лену уже подготовить к Играм не смог, а Фадик получил травму, растянув связки буквально за две недели до отъезда в Югославию. Это несчастный случай, но в нем есть определенная закономерность. Мне кажется уже тогда, в 1984-м, Жук устал.

Говорят, что он жестокий. Конечно, Жук суров, но только по отношению к работе. Я не раз видела, как его ученики, правильнее сказать, его дети, по рассказам, будто бы замученные и угнетенные им, обнимали Стаса, буквально ползали по нему, когда мы еще летали вместе на чемпионаты и турниры. Они всегда относились к Жуку, как к отцу с тяжелым характером, но единственному и родному. Но он пил. И им было с ним нелегко. Дети не хуже взрослых понимают, кто определяет их судьбу. Его было так жаль, жаль, что он терял себя, а вместе с этим терял и учеников, так ему преданных. Мне могут нравиться или не нравиться методы работы Жука, стиль исполнения его ведущих учеников, но я не могу отрицать: Жук — тренер, который всегда стремился к прославлению своей Родины.

Не испытывая к Жуку теплых чувств и практически не встречаясь с ним, видела, что ему нелегко, что он страдает и мучается, и тренерский хлеб достается ему не только с потом, но и со слезой, хотя он никогда не жаловался. Впрочем, мы почти с ним не разговариваем. С ним трудно общаться, он обособленный человек, не хочет никого к себе подпускать.

Когда у меня оказались Роднина и Зайцев, прошедшие рядом со мной шесть и счастливых и тяжелых лет, дважды за это время победившие на Олимпийских играх, я никогда не забывала, что их воспитал Жук. Я могла подобрать им музыку, на мой взгляд, лучше, чем он, поставить программу, на мой взгляд, интереснее, чем он — все равно они были его детьми. Он «родил» их, он их воспитал. Точно так же, как и Моисеева и Миненков, какого бы тренера ни меняли, оставались моими учениками, моими детьми.

После того как Ира и Саша начали заниматься у меня, Жук много лет со мной не здоровался, считая, что я их позвала к себе. Конечно, это было не так, но понять я его могла.

Я отдаю должное тренерскому таланту Станислава Жука. Историю мирового фигурного катания без него написать невозможно.

ИГОРЬ МОСКВИН и ТАМАРА МОСКВИНА. За работой Игоря Борисовича Москвина я наблюдала еще в те годы, когда каталась сама, так как он вел тогда две сильные пары. Работал он с ними очень интересно, но по-своему, несколько парадоксально, вроде бы вопреки всем канонам, зато на льду сразу было видно, кто их тренер. Повторить Москвина очень сложно, у него трудный почерк. Игорь Борисович, пожалуй, больше других наших тренеров работал в мужском одиночном катании. Многократный чемпион страны Владимир Курбенин, фигуристы мирового уровня Юрий Овчинников, Игорь Бобрин, Владимир Котин, перешедший потом к Чайковской, — все они вышли из «школы» Москвина. С семи-восьми лет эти фигуристы начинали познавать спорт у него. Он их вырастил, выучил, воспитал, поставил на коньки. В то время, когда только начал раскрываться талант Юры Овчинникова, у меня пошел отсчет по годам тренерского стажа. Мы с Игорем Борисовичем оказались на совместном сборе (он привез Овчинникова), и какое-то время я работала рядом с ними на одном катке. Наблюдение за великолепным спортсменом и прекрасным тренером, их общение на занятиях и на отдыхе вылились для меня в хороший семинар по тренерскому мастерству. Огромная популярность Овчинникова, а позже и Бобриня заслонила собой, возможно, даже и от специалистов такую простую истину, что тонкий вкус, остроумие, с каким эти фигуристы выполняли свои композиции, был им привит Игорем Борисовичем. Несколько лет Москвин ни с кем не работал. Мне кажется, он тяжело переживал уход сразу четырех своих учеников: Овчинников вообще оставил занятия спортом, выбрав поначалу тренерский путь, к нему перешли Игорь Бобрин и Леня Казнаков, Котин уехал в Москву. И было радостно, когда Игорь Борисович нашел в себе силы, чтобы вернуться к нашей сумасшедшей жизни.

Но не просто вернуться. Он взял пару — Ларису Селезеву и Олега Макарова. Они у него выиграли юниорский чемпионат мира, позже стали второй парой в стране, чет-

вертой в Европе, а в Сараево, вопреки всем прогнозам, обошли два сильных дуэта из ГДР и стали бронзовыми призерами. Я снова вижу почерк Игоря Борисовича в новых элементах и нестандартном подходе к парному катанию.

Игорь Борисович начинает работу с учениками сразу с подбора музыки, как правило, классической или из нового балетного спектакля. Когда-то он поставил Бобрину программу под музыкальные пьесы Мусоргского «Картинки с выставки», и это, безусловно, было тогда новаторством. Выбор Москвиным музыки для спортивных пар всегда предусматривает и предопределяет образность программы, четкое взаимодействие партнеров, а не автоматическую параллельность движений. К тому же на протяжении всего проката, как мне кажется, Москвин требовал от партнеров не терять выработанных взаимоотношений, то есть постоянно придерживаться, даже в момент подготовки к выполнению сложного элемента, того образа, который в данной композиции придумали тренер и хореограф, что в парном катании сделать очень сложно. Композиция Москвина — это не просто скольжение из угла в угол с накручиванием сложных элементов. В его программах всегда есть идея или, другими словами, сложный художественный образ. Впечатление такое, будто он вначале пишет либретто. Даже в короткой программе Селезневой — Макарова (показанной в Сараево) он удивил всех, поставив им ее на блюз — мелодию, принятую у танцоров. Если пары и используют блюз, то только в произвольной программе, но никак не в короткой. И то, что показали Селезнева — Макаров, действительно настоящий танцевальный блюз, с совершенно неординарными соединениями между элементами. Такой эксперимент, с одной стороны, риск, а с другой — новый путь в парном катании, где всем уже надоели заученные диагонали — в одну сторону прыжки, в другую — поддержки. Риск заключается в том, что сложность нестандартных соединительных шагов между элементами отнимает у спортсменов много сил. К тому же необычный подход к

обязательным элементам короткой программы забирает уйму времени в репетиционной работе. Он не только тренер, но и человек, на которого можно и нужно равняться.

Особых слов заслуживает семья Игоря Борисовича, но это уже и рассказ о Тамаре Москвиной.

ТАМАРА МОСКВИНА — фантастическая по внутренней организованности женщина, сумевшая лет за двадцать успеть столько, на что у других всей жизни не хватит. Она заслуженный мастер спорта, призер чемпионата мира и чемпионка Европы в паре с Алексеем Мишиным, окончила институт, аспирантуру, вышла замуж, защитила кандидатскую диссертацию, выучила английский язык, родила одну дочку, потом вторую, воспитала пять чемпионских пар: Воробьеву — Лисовского и Валову — Васильева. Затем Артура Дмитриева с Наташей Мишкutenок, после Дмитриева, но уже с Оксаной Козаковой. И, наконец, Елену Беретную и Антона Сихарулидзе. Но еще до всех этих перечисленных мною важнейших событий из жизни Москвиной она успела выступить как одиночница, тогда еще под фамилией Братусь, и быть неоднократной чемпионкой Советского Союза.

Энергия этой маленькой женщины поразительна. Она способна в течение всего лишь одного дня проделывать титаническую работу. Преподавание в институте, тренерские заботы, воспитание дочерей — все это, без всяких преувеличений, лежало на ее хрупких плечах. Взяв в свою группу одиннадцатилетнюю Иру Воробьеву, она провела ее через годы, травмы, разочарования до звания чемпионки мира. Она сумела убедить руководство Спорткомитета включить в состав команды на чемпионат Европы 1983 года Валову и Васильева, в которых никто не верил, а они, дебютанты международных соревнований такого класса, сразу же стали вторыми на европейском первенстве, затем выиграла и мировое. Сама же Тамара чуть не опоздала на чемпионат Европы, так как ее документы не оформляли и посылать за рубеж не собирались. В Сараево ученики Москвиной Елена Валова и Олег Васильев стали олимпийскими чемпионами.

Невероятный, ни с чем не сравнимый взлет пары получился во многом благодаря психологической устойчивости партнеров (о их выучке я не говорю — это само собой разумеется), но его целиком сделала Москвина.

Дочки Москвиных занимались английским языком в спецшколе. Старшая окончила еще и художественную школу. Младшая тренировалась в гимнастической секции, дома обе учили с преподавателем еще один язык. И хотя им помогала мать Игоря Борисовича, Тамара моталась на машине с дочерьми по Ленинграду из школы к учителям, от учителей в секции, как сумасшедшая. Продукты — Тамара, готовит — Тамара. За все отвечает Тамара. И два раза в день в обязательном порядке тренировки. Как положено мужчине, Игорь Борисович занимается прежде всего работой и счастлив в своей семье. Как Тамару на все хватало? Как она всюду успевала — загадка. Теперь дети выросли. Старшей уже тридцать, младшей — двадцать шесть, а Тамара и Игорь Борисович перенесли свою школу в США.

Личные качества человека для меня определяются его окружением и преданностью к нему друзей. На протяжении многих лет Тамара не расставалась со своим хореографом Валентиной Вигант — человеком редкой доброты и порядочности. Впрочем, одна из отличительных черт характера Москвиной — это доверие, которое она вызывает у окружающих. Я знаю, что с Тамарой можно поделиться самым сокровенным, и Москвина сохранит твою тайну.

Сейчас Тамара Москвина ведущий специалист в мире в парном катании, и не только благодаря победам учеников на крупных турнирах, но, прежде всего, нешаблонностью своих программ, открытиям, которые эта маленькая женщина сумела сделать в этом виде спорта. Она показала своих учеников не только как фигуристов, владеющих труднейшими элементами, но и в то же время сумевших, не потеряв в программе сложности, остаться лирическими, тонкими, какими-то по-балетному ленинградскими. В парном катании такая красота, которую можно увидеть в выступлениях Лены и Антона, наблюдается нечасто.

Никогда прежде Тамара не пила успокоительных таблеток, а теперь говорит: «Татьяна, я, как и ты, с лекарствами не расстаюсь, нервы ни к черту».

Все нынешние знаменитые ленинградские фигуристы выросли как спортсмены у четы Москвиных. И Леша Мишин тоже из этого клана. Безусловно, семья Москвиных определила направление в развитии парного катания, именно они стоят у истоков нового стиля в этом виде спорта. Я очень ценю их отношение ко мне. Похвала Москвина для меня камертон в моей работе.

Я обожаю наблюдать за Москвиными. Игорь Борисович держится всегда особняком, Тамара человек очень контактный. Трогательна ее забота о нем во время поездок. А как он целует жене руку после победы ее учеников!

ЮТТА МЮЛЛЕР. Габи Зайферт, Соня Моргенштерн, Аннет Петч, Ян Хоффман, наконец, Катарина Витт — все эти чемпионы и призеры мировых первенств разных лет в одиночном катании (причем Аннет Петч и Катарина Витт — олимпийские чемпионки, первая завоевала это звание в Лейк-Плэсиде, вторая в Сараево и Калгари) — ученики маленькой женщины Ютты Мюллер, без сомнения, одной из основательниц одиночного фигурного катания в ГДР.

У меня с ней за много лет знакомства сложились теплые отношения. Она всегда высказывала мне свои замечания по поводу программ моих учеников, хорошо понимала мои проблемы, поздравляла с успехами. Мы проехали с ней турне по Северной Америке, и я обратила внимание, что своих питомцев даже после соревновательного сезона она держит в большой строгости. Но в то же время я вижу, с каким обожанием они смотрят на нее. Может быть, мне кажется, но из всех своих учениц она больше всего любила Катарину Витт, хотя, конечно, Габи ей ближе, Габи ведь дочь. Но и к Витт она проявляет буквально материнские чувства. Даже в том, как одевалась Катарина, видны рука и стиль Мюллер.

Мюллер — тренер высочайшей квалификации. На протяжении стольких лет возвращать учеников-чемпионов может только выдающийся тренер. Ее спортсмены всегда велико-

лепно подготовлены в школе, стабильно, без малейших срывов, катают произвольную программу. В своем чисто немецком стиле, возможно, не таком артистичном, но до предела насыщенном техническими элементами, Ютта создала собственную методику освоения многооборотных прыжков, и я, приезжая в Карл-Маркс-штадт, где живет и работает Ютта, видела, как быстро и качественно она обучает прыжкам в два с половиной и в три оборота фигуристов.

Вызывала восхищение непрерывность смены классных спортсменов у Мюллер. Не успела сойти одна чемпионка, на ее месте уже другая. Я помню, как вместе с Моргенштерн Ютта привезла на соревнования Петч. Это была слабая девочка, и не поймешь, зачем ее вообще включили в команду и на какое место, кроме последнего, она может рассчитывать. А на следующий год Петч уже ходила в призерах.

Не могу сказать, что я поклонница стиля Ютты Мюллер, он далек от моего понимания фигурного катания, но должна заметить: на сегодняшний день из зарубежных тренеров по титулованным ученикам Ютта на первом месте. Она и Фасси.

КАРЛО ФАССИ. Один из самых именитых в мире тренеров по фигурному катанию. В США, где он работал, почему-то он не признан, хотя заниматься в его школу ездили отовсюду — и из Финляндии, и из Японии. Во всяком случае, не один сезон в списках чемпионов Соединенных Штатов не было его учеников, но в то же время питомцы Фасси и его супруги из других стран носили звание национальных чемпионов в разных концах света. У Фасси была даже не школа — «фабрика чемпионов», расположенная в Колорадо-Спрингс, известного американского зимнего курорта.

Фасси был очень общительным, энергичным и деловым человеком. Если он появлялся в кулуарах соревнований, то можно быть уверенным: он точно знал, с кем и по поводу чего необходимо переговорить. Фасси на развлекательные прогулки и пустые беседы времени не тратил. Все его ученики долго оставались на коньках и пополняли ряды различных ледовых шоу. Занимался он только с одиночника-

ми, и список его учеников-чемпионов с именами и титулами займет не одну строчку. Это Хэмел, Карри, Линн, Казинс, Флеминг, Скотт, не считая призеров.

Он умер на чемпионате мира в Лозанне, на льду, как артисты на сцене. Мы все хоронили его там под флагом ИСУ. Приехали прощаться все его чемпионы. Фасси был гений и легенда.

БЕТТИ КАЛЛОВЭЙ, известный английский тренер, прочно вошла в историю спортивных танцев на льду. Тридцать лет назад она привела к высоким наградам и званию чемпионов Европы пару из ФРГ — брата и сестру Бук. То, что успех Бук и стабильное выступление английского дуэта Джаннет Солбридж и Бернарда Форда не случайны и что Бетти — выдающийся тренер, доказали ее ученики Кристофер Дин и Джейн Торвилл, четырехкратные чемпионы мира и чемпионы Олимпийских игр. Сильнейшей тренерской стороной Калловэй, я считаю, является ее глубочайшее понимание обязательного танца. Ее почерк можно угадать, даже не зная, тренируется ли у Калловэй эта пара или нет. Я абсолютно точно могу по обязательным танцам определить, занимались ли эти фигуристы хотя бы год у Калловэй.

В чем это выражается? Специалисты знают: школа Калловэй — это прежде всего очень близкая и абсолютно правильная позиция партнеров, наиболее рациональные перестроения в позиции, правильность расчета: в каком положении удобно выполнять элементы, наконец, манера скольжения и удивительная синхронность, помноженная на стопроцентную точность при исполнении элементов. Что касается произвольного танца и оригинального, то мне кажется, что она сама их не ставит, а подбирает исключительно сильных хореографов.

Долгое время, по вполне понятным причинам, из-за Торвилл и Дина, мне приходилось внимательно следить за работой Калловэй, возможно, поэтому она и попала в этот список, но и так ясно, что имя Бетти Калловэй заслуженно стоит в шеренге сильнейших тренеров мира.

Музыка — основа основ в фигурном катании. С музыки начинается рождение новой программы, иногда благодаря музыке возникают новые элементы.

С музыки для меня открывается новый сезон. Какую музыку выбрать для танца будущего года, начинаешь думать в разгар зимы, еще тогда, когда твои ученики вовсю катаются, еще выступают на соревнованиях с программой, которую называют новой.

Музыка определяет для меня стиль, характер, направление программы, и лишь потом я задумываюсь о поиске движений. В тот же момент, когда я почувствую себя свободной от поставленной программы, я начинаю слушать и искать мелодии для новой. Как только появляются клочки свободного времени, я слушаю музыку, выбирая ее для программы.

Выбор мелодии — невероятно трудное и ответственное занятие. Какой характер будет у пары в новом сезоне: драматический, романтический, лирический — определит музыка. Может, она должна состоять из нескольких кусков? Может, она должна быть из единого произведения?

Итак, я начинаю подбирать музыку в январе. Она должна быть готова в апреле, а если ее еще нет и в мае — это катастрофа! Пока не подобрана музыка, в отпуск не уйду. Нельзя уехать без музыки. На юг я беру ее с собой. Слушаю. Сколько нервы позволяют, не насилюю себя — все же отпуск. Потом понемногу прибавляю время прослушивания. И так по часу, два, три в день. Сперва ни о чем не думаешь, смотришь на море. Потом потихоньку что-то складывается, что-то хочется под нее делать. И вот она уже живет в тебе со всеми своими нотами. Теперь приходит очередь движений.

Невозможно сразу сделать драматический танец под сложную незнакомую широкой публике музыку, тем более что фигуристы обычно выступают под знакомые мелодии, а кататься, используя произведение, узнаваемое только про-

фессиональными музыкантами, могут себе позволить лишь очень известные спортсмены. До использования в программах классической музыки спортсмены должны дорасти, подняться. Когда Бестемьяновой и Букину был поставлен показательный танец на бетховенского «Эгмонта» — для меня этот номер звучал как победа на соревнованиях, потому что мои ученики открыли в себе новые качества. В следующем сезоне я поставила Наташе и Андрею танец на музыку Альбини «Непокоренная». Она была понятна им, и они смогли раскрыть в ней движением каждый нюанс. Они выступали с этим номером лет десять, и всегда с большим успехом.

То, что людей, профессионально связанных музыкой, не только не коробит от такого обращения с классикой (уже это немало), а они говорят: «Танец смотрится блестяще», — свидетельствует о настоящем интеллектуальном катании — таких пар, поверьте, немного.

Но все же какую музыку я предпочитаю слушать сама, вне спорта?

Так сразу не ответишь. На мой вкус большое влияние оказал мой муж. Конечно, я не понимаю музыку так, как Володя, но чувствую ее душой.

Володя для меня незаменимый помощник по любой музыкальной справке. Когда я ставлю танец, он подбирает мне литературу: когда написана эта вещь, в каких условиях, кому посвящена. Он разбирает ее со мной буквально по нотным знакам. Он садится за рояль и проигрывает в разной манере фрагменты. Безусловно, я советуюсь с ним, какую музыку мне выбирать, что мне послушать и что может мне пригодиться.

По примеру тренера все мои ученики ходят на концерты в консерваторию, и я вижу, как гармония звуков, очаровавшая их в зале, наполненном музыкой, находит воплощение потом на льду.

В шестнадцать лет я впервые серьезно познакомилась с концертами Рахманинова. Его музыка меня потрясла. Тогда я начала собирать для себя фонотеку классики, чего, по-мо-

ему, не делал никто из моих друзей-ровесников. Я оставалась одна, ставила на проигрыватель пластинку — мне искренне казалось, что я понимаю эту музыку и тонко ее чувствую. С годами выяснилось, что мое представление о собственном понимании классической музыки несколько не соответствует действительности.

Я с детства не то что влюблена — помешана на балете, на этом слиянии музыки и движения, на разговоре, который проходит без слов, где их заменяют жесты и фигуры. Конечно, вся балетная музыка любима с детства, как и все балетные спектакли, сначала у нас в стране, потом во всем мире.

Впрочем, говорить о балете я могу очень долго, а времени у меня мало, и подходит пора слушать музыку. Конечно, я не собираюсь часами слушать все подряд. Так не бывает и быть не должно. Я еду слушать музыку определенную, того направления, которое выбрала для будущей программы, но пока не имею права сказать какое. Это секрет. Тайна предстоящей постановки. Но для примера можно взять 1983 год, когда готовилась программа к олимпийскому сезону.

Тогда мне помогал музыкальный редактор Михаил Белосусов, которому я очень доверяла. Я говорила Мише, в каком стиле я вижу программу следующего года, и он подбирал мне для прослушивания конкретную музыку, благо сам в то время работал в Доме звукозаписи.

В свое время очень много как музыкальный редактор сделал для наших фигуристов пионер в этом деле — Александр Гольштейн. Он был первый, кто начал скрупулезно подбирать мелодии для выступлений и привил профессиональное отношение к поискам музыки и нам, фигуристам. Он и сейчас мой помощник, но уже в Америке.

Но вернемся к 1983 году. Стиль танца определен, начинаем перерабатывать весь материал, который есть дома, у друзей, у учеников, в Доме звукозаписи. Я той весной переслушала, по-моему, все русские мелодии, во всех видах обработки, какие только были. Невозможно сосчитать эти километры пленок и сотни пластинок. Как есть скороче-

ние — умение просматривать страницу по диагонали, так и у меня выработалось быстрое прослушивание, наверное, также по диагонали.

У меня в то время занималось семь танцевальных пар. Значит, ищу музыку для семи произвольных танцев, семи оригинальных и, как минимум, каждому по показательному номеру, а кому-то по три-четыре. И каждый год всем разное. И движения им надо подыскивать разные. Получалось в сумме, что каждое лето я ставила большой балет в трех действиях.

Если что-то в музыке не нравится, пусть маленький кусочек, — лучше под нее не ставить, программа будет неудачная. Надо биться, биться, искать, искать, до самого конца, пока не почувствуешь душой — вот музыка, которая поможет тебе создать танец!

Музыка должна до того доводить и так нравиться, что пожелаешь ты даже от нее избавиться, она тебя уже не отпустит... И вдруг замечаешь, что внутри тебя эта музыка разложилась на маленькие нюансы, маленькие картинки, и это ощущение так приятно, что словами не передать.

Иногда решение приходит сразу. Например, Родниной и Зайцеву я взяла увертюру Г.Свиридова из фильма «Время, вперед!» после единственного прослушивания, потому что знала, что хочу. Родниной так же быстро выбрала романс Свиридова из фильма «Метель». Прекрасный романс! Музыка Марка Фрадкина из фильма «Человек с другой стороны» тоже не потребовала долгих поисков, по сей день я очень ее люблю. Но бывает... Еще раз повторяю, поиск музыки, на мой взгляд, — одно из самых трудных тренерских занятий в фигурном катании, особенно для ведущей пары. Ведь она определяет моду в танцах, в парном катании. Как здесь боишься промахнуться. И чтобы людям нравилось, и тебе нравилось, и повторов чтобы не было. Поэтому поиск музыки для ведущей пары обычно длится до тех пор, когда уже и искать нельзя.

Делались попытки заказать музыку композитору. Путь этот очень непрост. Композитор пишет, приносит, а тебе

его опус не нравится. И сказать ты ему об этом честно не можешь: обидишь человека. Он представляет себе музыку к выступлению твоих учеников только так и не иначе. Тебе же не нравится мелодия — и всё. Почему, объяснить не можешь, от этого стыдно вдвойне, ну, разве скажешь: «Не волнует, не плачу под эту музыку и не смеюсь»?

Другое дело, обратиться к композитору с просьбой сделать аранжировку своего произведения. Когда-то мне очень нравилась мелодия из мультфильма «Бременские музыканты», и я преследовала композитора Геннадия Гладкова повсюду. Где я только его не находила! Он был от этого в ужасе, потому что избавиться от меня не мог: уехал отдыхать в Рузу, за 110 километров от Москвы, я появилась на следующее утро к завтраку. Увидев меня на пороге столовой, он потерял аппетит на неделю. Потом мы стали большими друзьями, но первый мой натиск на талантливого, тонкого и не очень общительного человека привел его в негодование. Но Гладков быстро догадался, что я отношусь к категории одержимых, и сказал, что готов сделать аранжировку и продиржировать на записи, но только в бывшей кирхе, в ней расположился зал фирмы «Мелодия», где пишутся лучшие наши пластинки, предполагая, что меня туда на порог не пустят.

Я села в кабинете директора «Мелодии» и целый день вела вместе с ним прием граждан. Директор сказал мне, что я сумасшедшая и что в зале, где сейчас записываются Рождественский, Рихтер, Коган, «Бременские музыканты» исполняться не будут. А я твердила, что мне надо для записи всего лишь четыре минуты. Выгнать меня из кабинета не могла никакая сила, и чтобы от меня отвязаться, директор «Мелодии» дал прямо на следующий день один час на запись. До сих пор я не могу понять, как мне удалось завершить это фантастическое мероприятие.

На следующий день Геннадий Гладков приехал на фирму «Мелодия» и в знаменитом зале четыре минуты из «Бременских музыкантов» были записаны. Гладков же окончательно убедился, что тренер Тарасова потеряла рассудок,

когда я, стоя в дверях кирхи, из собственного кармана расплачивалась с каждым музыкантом, пришедшим на запись. Оформлять официальные бумаги времени не оставалось. Татьяна Войтюк и Вячеслав Жигалин катали под эту музыку произвольную программу, зрители были в восторге. Не звучали знаменитые «бьяки-буки», так как в наших выступлениях (исключая показательные) использование голоса запрещено, но мелодию эту в конце 60-х годов очень любили и пели повсюду.

Трудно сказать, какая музыка больше подходит для использования в фигурном катании. Самая разнообразная. В большой программе оркестр может смениться одной струной. И этот переход может прозвучать замечательно. Все зависит от тысячи факторов.

Меня все время окружает музыка. На тренировке магнитофон работает непрерывно, дома репетирует муж... Закономерен был бы вопрос: не надоела ли мне музыка вообще? Возвращаясь домой, я выключаю все, что можно выключить: телевизор, магнитофон, телефон. Радиоточки у меня нет. Я отдыхаю только в тишине. Володя обычно репетирует, когда я на работе. Но если он играет при мне, я только счастлива. Люблю его слушать. Наверное, у каждого есть мелодии, дорогие сердцу. У меня — Второй концерт Рахманинова. Я в восторге от музыки Шварца в кино. От всех его песен. Когда у Марины Нееловой дома делался ремонт, она жила у нас, и каждое утро, два месяца подряд, мой муж будил нас, включая запись романса Шварца и Булата Окуджавы «Кавалергарда век недолог». Мы с упоением подпевали пластинке и готовы были это делать полдня. Марина прекрасно поет. У нее замечательный прозрачный голос.

И я люблю петь. И если рабочая неделя проходила благополучно, мы в прежние времена со Светланой Алексеевой, тренером, которая работала со мной много лет, сидели рядышком и, как нам кажется, тихо распевали. Русские романсы. Нет ничего на свете лучше русского романса. Хорошо поет Володя. Мой с ним дуэт чаще всего возникает, когда он везет меня куда-нибудь в машине. Его беско-

нечные гастроли, мои соревнования и сборы... и мы поем «Когда два сердца разлучаются».

Пою всегда, когда хорошо на душе. Когда раньше возвращались с чемпионата мира и Чайковская видела, что настроение у меня хорошее, то сразу же просила: «Пой». И я, невзирая на то что голос у меня давно осипший от вечно-го крика на катке, начинаю петь, увлекаюсь, и остановить меня невозможно.

Однажды я возвращалась с тренировки. В Москве началось лето, окна были распахнуты, и, еще идя по двору, я услышала пение. По всему нашему подъезду были выставлены стулья и открыты двери, практически все соседи переселились из квартир на лестничную площадку. Дома Володя репетировал с Евгением Нестеренко. И все на лестнице сидели и слушали.

Я, естественно, знакома с множеством людей, чья профессия в той или иной степени связана с музыкой. Но были среди них те, кто особенно мне дорог. И прежде всего — Альфред Шнитке. Талантливый, тихий человек, избегающий шумных компаний. Я познакомилась с ним давно. Преследовала в свое время так же, как и Гладкова. Музыка Шнитке к фильму «Спорт, спорт, спорт» полностью перевернула мое представление о современной классической музыке. Я очень хотела ее использовать в своей работе. Долго звонила Шнитке. Звонила, пока не добилась согласия составить для меня партитуру. Альфред посвятил Володе один из своих концертов.

Полная противоположность замкнутому Шнитке Евгений Баранкин, музыкальный критик, журналист. Редчайший дар общения с людьми. Необыкновенно остроумный человек, к тому же музыкально эрудированный. Если Вова чего-то не знает, он звонит Жене.

Жизнь с Володей подарила мне много прекрасной музыки, дружбу с самыми замечательными музыкантами. Я говорю об этом и сразу вспоминаю первое прослушивание парного фортепьянного концерта Крайнева — Вярдо, когда они сыграли «Вариации на тему Паганини» Литославс-

кого. Нас, будущих зрителей, которые сидели на кухне за чаем, они позвали к Володе в кабинет. И мы долго, после того как они перестали играть, не могли вымолвить ни слова. Вова подарил мне много своих талантливых друзей: Спивакова, Рудина, Башмета.

День тренера

Он складывается по-разному, но всегда превращается в бесконечную гонку. Тренеры одиночников встают обычно в шесть утра, потому что заведено неведомо кем и когда — с семи у одиночников тренировка, тренеры пар и танцоров появляются на катке после, но и уходят позже. Приходит тренер на работу, переодевается во все зимнее (если даже на улице лето), раньше в валенки и шубы, а сейчас во все надувное и поролоновое, становится похожим на шар, надевает коньки — неважно, сколько тренеру лет — и идет на лед вместе со своими учениками. Только так и не иначе начинается день у любого тренера по фигурному катанию.

Я, например, много лет начинала работу в девять тридцать. Первая утренняя тренировка — занятия с парами. Два часа урок, пятнадцать минут — заливка льда и снова два часа, теперь уже с танцорами. После утренней тренировки приблизительно три часа перерыв. Наступал вечер, и опять пары, потом танцоры. Так до десяти — раньше не получалось, чаще задерживалась. В трехчасовой перерыв надо не только пообедать, но еще успеть с массой дел, казалось бы не связанных с твоими прямыми обязанностями, но неизбежных: поездки спортсменов, питание, медицинское обследование и даже учеба ребят — в школе, институте — тоже забота тренера. Часто надо ездить на примерки, когда шьются новые костюмы для твоих спортсменов. А если сложить число учеников и костюмов, которые им шьются (это очень важное дело и нельзя его никому доверить), то получается, что я отсидела в Доме спортивной моды месяцы.

Так проходят дни, недели, а теперь уже, можно сказать, и годы.

В любой семье, где один из супругов тренер, самым главным невольно становится его работа, так как семья, никуда не денешься, начинает жить в режиме тренировок, сборов, соревнований. Муж в гости без меня идти не хочет, в кино не пойдет. Он может поехать на концерт, так как это ему надо по работе. Но обязанности хозяйки на мужа я перекладывать не могу и не собираюсь. Да и вообще как-то странно представить Володю — известного пианиста — за уборкой или готовкой. Но обедать надо, и вообще в доме, учитывая мои отлучки, должны быть запасы еды. Я приезжаю с тренировки, ставлю на маленький огонь огромную кастрюлю супа и ложусь спать, заведя будильник. В два часа ночи встаю, иду снимать кастрюлю с огня. Вот у меня уже готов и бульон. Утром я его заправляю. Котлеты или отбивные я готовлю в таком количестве, как небольшая заводская столовая к обеденному перерыву, и так же, как в столовой, они все съедаются за день — у нас дома всегда бывает много людей. Хотя я по наивности рассчитываю, что Володе обедов хватит недели на две.

Конечно, совмещение в одной семье наших с мужем профессий, связанных с постоянными разъездами, невысказанным расписанием, требует от членов семьи большой любви, терпения, доброжелательного отношения друг к другу.

Нам помогает то, что у нас одинаковые характеры. Володя, как и я, уживчивый и отходчивый человек. Нам не надо друг другу объяснять свои поступки. Он понимает меня моментально.

Человек с тонким, хорошо развитым вкусом, Володя помогает в работе и мне. В Москве я не пропускаю ни одного его концерта. Очень нервничаю, когда он играет. Просто колотун бьет. Внимательно слушаю, сколько аплодисментов, считаю, сколько «бисов». А я не помню концерта, чтобы его не вызывали еще и еще... Слушаю, как и кто его по-

здв­ряет. Уши у меня вырастают до необыкновенных размеров. Мне очень стыдно, но как же иначе?

Я всегда и во время и после выступления своих учеников очень внимательно слушаю аплодисменты зала. Всегда их тщательно взвешиваю. Зала видеть я не могу, не могу на него отвлекаться, но слушаю его с первой же секунды... На сколько больше аплодисментов у меня, чем у других? Где они теплее, где равнодушнее? Да, бывают и равнодушные овации. Иногда вместо аплодисментов наступает пауза, мертвая тишина, порой она дороже любых криков.

Нет, я ничего не вижу, но дыхание зала ощущаю как свое. Зал меня вывести из себя или раздражать не может. Публика, если она не принимает программу, в этом не виновата. Наверное, ужасно обидно, когда ос­вистывают твой труд. За все время моей тренерской работы я, к счастью, подобного не испытала.

Аплодисменты — это же точная оценка твоей работы. И у Володи, и у меня.

В гости я ходить люблю, но мне это делать нелегко. Сложностей возникает немало, и прежде всего у хозяина, когда гость вваливается в дом ближе к полуночи. Все уже пьют чай, а ему надо разогревать еду. Но если устроишь себе праздник и сходишь вечером к друзьям, потом отправишься на следующий день к другим, то к третьим уже выберешься не скоро. Нельзя выбиваться из ритма, ведь вечером полагается готовиться к утренней тренировке, сидеть, записать план, просто продумать, как ее завтра построить.

Многие тренеры днем спят. Хотя бы пятнадцать минут — полчаса. Это дает силы на вечернюю тренировку. Когда идет какой-то интересный спектакль и пропустить его невозможно, я уйду в театр, оставив ребятам точное задание на весь вечер, но удовольствия от спектакля я получаю меньше, чем остальные зрители, потому что, целиком доверяя ребятам и даже зная, что с ними мой помощник, мой ассистент, мне кажется, этот вечер для спортсменов прошел зря и ничего они на льду не делали. Бегаю в

антракте звонить на стадион. Кто пришел? Кто не пришел? Как тренируются? В разгар сезона на какой-то из рядов выходящий спектакль (прежде всего балет) беру их с собой, но мучаюсь не меньше, так как смотрю на сцену, а вижу пустующий лед на СЮПе. Хотя разумом понимаю, что вечер, проведенный на хорошем спектакле, порой дает спортсмену не меньше, чем хорошая тренировка. Правда, сильным ученикам необходимо давать время для самостоятельных тренировок — это вырабатывает у них очень важные навыки, но я живу в постоянном страхе, чтобы ничего не прошло мимо моих глаз.

Если я пропустила день, то у меня создается впечатление, что я не появлялась на катке два дня, так как ежедневно проходит две тренировки. Заболеть и пропустить три дня работы — катастрофа. Пропустить неделю — просто страшно об этом подумать! Поэтому тренер старается не болеть. Так работаю не только я, так работают все тренеры.

За много лет я ни разу не была в отпуске положенных 24 дня. Две недели, вот и весь отдых. Первую неделю я отсыпаюсь. Сплю столько, что теряю человеческий облик. Семь дней не открываю глаз, встаю только на завтрак, обед, ужин. Если отдыхаю на побережье, бывает, что в первую неделю моря не вижу.

На вторую неделю отпуска меня начинает мучить страх, что время идет, скоро сезон начнется, а у меня еще ничего не готово. Ни одной программы. Достаяю из чемодана магнитофон. Начинаю слушать музыку, привыкаю к ней, вживаюсь в нее, возникают образы будущего танца, что-то уже придумывается конкретно, в движениях. Отдыхая, незаметно перехожу в работу. Насколько я знаю, точно так же проводит отпуск любой тренер в фигурном катании.

Мне нравится быть тренером большой группы. Я тогда чувствую себя сильной. Я не люблю работать с одной парой или одним учеником, надо сказать, что никогда так и не работала. Да это и не интересно. Должны быть ведущие, должна быть молодежь. Их всех надо воспитывать, выводить в жизнь, в люди.

В большой группе быстрее растут результаты у спортсменов. Они друг на друга смотрят, друг у друга перенимают. Выучив одного технически правильно делать какой-нибудь элемент, облегчаешь задачу второму изучить то же самое — он осваивает этот элемент в два раза быстрее, третьему надо объяснять пять минут, не больше, четвертый, глядя на трех предыдущих, выучивает сам. Как ни странно, максимум информации в единицу времени тренировки усваивает фигурист не тогда, когда на катке занимается единственный ученик, а когда на льду работает группа.

Наш вид спорта развивает эгоизм — спортсмен отвечает только за себя, в фигурном катании нет команды. У меня она была — мои «тарасята». «Тарасята» выпускали стенгазету, справляли вместе праздники, все дни рождения, вместе ходили в театр и кино и не расставались даже тогда, когда уходили из спорта.

Работа над созданием команды — большой педагогический труд. Задача тренера, в данном случае тренера по фигурному катанию, — научить спортсмена не только набору элементов и умению скользить по льду, нет, прежде всего из детей, которые видят нас чаще, чем своих пап и мам, сделать настоящих людей. Чему ты научишь детей, то они и будут любить всю жизнь. Они же все время около тебя, они влюблены в тебя, они подражают тебе — смотришь в детские глаза, а там такая преданность!

Все шаги на льду у фигуристов состоят из «тройки», «крюка», «выкрюка», и «скобки». И, используя этот набор, можно столько придумывать, сколько хватит фантазии. Одиночники к тому же еще и прыгают. Об обязательных элементах парного катания известно практически всем, но и в танцах существуют свои непреложные позиции, которые так же объективно оцениваются, как и элемент парного катания, они определены по графе сложности и в правилах четко указывается, на что судьям следует обратить особое внимание. Если я буду об этом толковать даже очень подробно, все равно мои объяснения будут понятны лишь специалистам: «Вензель в звездном вальсе надо де-

лать так, а не так». — «А что такое вензель?» — тут же спросит у меня обычный зритель. Я веду свой рассказ к тому, что не следует считать, будто танцы подчиняются лишь субъективной оценке судей. Да, действительно, судить их сложнее, чем одиночное катание, и понимать сложнее, поэтому мнения арбитров и зрителей часто расходятся, хотя порой зритель бывает в своих пристрастиях и прав.

Арбитраж в фигурном катании, как и в любом другом виде спорта, где нет четких измерений в килограммах, метрах, секундах, всегда был и будет сложной задачей. Но для танцев есть твердое определение, которое требует максимального числа элементов в единицу времени. В танцах быстрое катание должно цениться выше, чем медленное, так как оно связано с определенными физическими возможностями спортсменов. А главное, в быстром катании куда больше заложено риска, чем в медленном, а спорт, любой спорт, будь то фигурное катание, гребля или тяжелая атлетика, всегда связан с риском. И фигуристы должны, танцуя, рисковать. Тогда понимаешь, что танцы тоже спорт, потому что первенство в спорте всегда завоевывается на грани риска.

Танцы должны выделяться блестящим скольжением. Конечно, спокойное, красивое, плавное скольжение вполне достойно внимания, но мне по душе все же резвый стиль.

Тренер должен заниматься доводкой мельчайших деталей в технике, а не проверять, соблюдает ли режим его ученик. Тренировка заканчивается, а мысль спортсмена — что сделано и что еще предстоит сделать — должна продолжать работать. Уже сейчас чемпионами становятся только фанатики, только те, которые целиком отдают себя спорту. О чем бы я ни заговаривала с Родниной, разговор все равно перескакивал на ее подкрутки и поддержки, хотя человек она широко образованный, начитанный, любящий театр, но со мной, с тренером, она постоянно обсуждала только наши проблемы. Поэтому она и была чемпионкой десять лет. Другие позволяли себе некоторые послабления, немно-

го отвлекались, совсем немного, но этого было достаточно, чтобы покинуть пьедестал на следующий же год. Только такие, как Ирина Роднина, становятся великими чемпионами, чемпионами не на «раз».

Фигурное катание изменилось до неузнаваемости даже за те тридцать с лишним лет, как я тренирую. Остались, как и прежде, только названия элементов: «аксель», «кауфман», «сальхов». Но «аксель», когда этот элемент так называли, прыгали, вращаясь вокруг своей оси всего лишь раз, а сейчас крутят четыре оборота, все прыжки достигли четырехоборотного вращения — и нет этому предела.

Изменился и подход к фигурному катанию. Раньше выступление спортсмена сводилось лишь к демонстрации набора прыжков под какую-нибудь музыку, да и музыку-то брали порой всего лишь за два дня до соревнований. Сейчас целые спектакли разыгрываются за несколько минут на льду. Нет в первой десятке участников чемпионатов мира во всех четырех видах фигурного катания, которые невнимательно бы отнеслись к подбору музыки, не придумали бы своего личного элемента. Наши фигуристы многое почерпнули из классического балета. И программа теперь составляется так, чтобы между элементами не просто было два шага, а это должна быть целостная композиция, в которой прыжки, поддержки, позиции расшифровывают смысл в музыке.

Разве было что-нибудь похожее двадцать лет тому назад?

И разве можно было себе представить, каким будет фигурное катание через двадцать лет?

Наверное, технически оно будет выглядеть идеально. И выигрывать в нем будет тот, кто сумеет придумать что-то новое. А что придумают, какие немислимые танцы поставят, не знаю. Но хочется и самой что-нибудь придумать через двадцать лет.

Что будет со мной через двадцать лет?

Думаю, и через два десятилетия я буду приходить на каток с таким же удовольствием, с каким прихожу сейчас. Не

хочу потерять ощущения счастья от своей прекрасной работы. Не хочу сделаться в своем деле ремесленником. Хочу оставаться и через двадцать лет таким же сумасшедшим тренером, каким я была, какая я есть. Так же бояться, что не сумею поставить программу перед новым сезоном, как боюсь этого уже три десятка лет. И все-таки ее поставить. И стремиться сделать ее самой лучшей в мире.

Я хотела бы иметь таких же преданных и любимых учеников, каких я имела и имею. Я хотела бы так же волноваться на тренировках. Страдать при каждом прокате.

Хочу, чтобы, как всегда, мои воспитанники приходили в мой дом и чтобы я была здорова и могла их принимать, как принимала всегда, — вкусно кормить, долго беседовать. Хотела бы, чтобы каждое последующее поколение моих учеников знало, что делало предыдущее. Знали бы, как они дружили, как относились друг к другу, как вместе тренировались и катались. Как они жили и кем стали потом. И сколько было пролито пота и слез, чтобы кем-то стать.

Работать, пока есть силы, не знаю, на сколько их хватит, хотелось бы, чтоб их хватило надолго.

Мне нравятся все цветы, которые нам дарят. Отовсюду, где проходят соревнования, я везу домой цветы. Мои ученики отдают мне свои букеты. Им остаются аплодисменты. Дома я долго разворачиваю огромные пакеты, потому что ничего так тщательно перед дорогой не упаковываю, как цветы. Порой огромные целлофановые мешки, в которые я укладываю букеты, весят до десяти килограммов. Десять килограммов цветов!

Цветы потом долго стоят у меня дома, расставленные во все вазы.

После чемпионата 1983 года в Хельсинки я забыла в холле гостиницы букет. Как вспоминаю об этой потере, сразу хочется плакать. Там было не менее пятисот роз!

Честно говоря, мне больше всего нравятся незабудки, но их почему-то никто и никогда не дарит.

Однажды в сибирском турне сборная приехала в Кемерово во время страшного снегопада и дикого холода. А в

Кемерове открытый каток, и, естественно он засыпан. Мы сами его расчищали каждые пятнадцать минут, но все равно ребята катались буквально по колено в снегу. Люди, которые пришли на наше выступление, казались снежными бабами, тем более они смотрели на лед стоя и без перерыва. Полтора часа стояли зрители под снегопадом, а потом стали бросать на площадку цветы, выращенные на окне. В основном на снег ложилась герань. Ребята доставали из-под сугробов букеты, отряхивали живую красную роскошную герань. И еще к нам летели огромные белые, похожие на лилии, цветы — декабристы.

Люди делились с нами красотой. Отдавали выращенные в домашних горшках для домашнего уюта цветы. И, наверное, каждый из зрителей принес их с собой, потому что букетов мы собрали очень много. Вспоминая тот давний вечер, я могу сказать только одно: как же наши зрители любили фигурное катание!

* * *

Так заканчивалась моя первая книга, выпущенная в свет в 1985 году. В конце последней главы я не раз восклицала: «Разве можно себе представить, каким будет фигурное катание через двадцать лет... И что будет со мной через двадцать лет?»

Прошло уже пятнадцать.

Тогда я мечтала остаться таким же сумасшедшим тренером, каким была. Эта мечта состоялась даже в большей степени, чем я себе желала, что хорошо видно во второй части книги.

Часть II
КРАСАВИЦА И ЧУДОВИЩЕ

В первой части книги я уже рассказывала о постановке в 1985 году произвольного танца на музыку Бизе—Щедрина «Кармен» для Бестемьяновой и Букина. Мы дружно работали еще три года. В 1988 году Наташа и Андрей в Калгари выиграли олимпийское золото. О нашем счастливом времени, когда мы были вместе, я написала и дальше, в главе, посвященной им.

Году в 1984-м, одновременно, как раз когда я заканчивала свою первую книгу (здесь это — Часть I), начал создаваться коллектив, ставший впоследствии театром «Все звезды». Это большая и важная часть моей жизни. Но прежде чем я перейду к ней, небольшое воспоминание о том, как я прощалась с единственной своей профессией. Думала — навсегда. Но разве кому-нибудь из нас суждено знать, что с ним будет?

Отлучение

Конечно, моя профессия, профессия тренера — это как наркотик, неизлечимое заболевание. Трудоголия. Я смотрю на то, что написала, и получается так, что все, о чем ни рассказываю, все происходило очень тяжело и рождалось уж очень страшно. Так, наверное, складываются отношения с наркотиками. Принимать ужасно, но отказаться не могут. Так тянет и тянет моя профессия. Видно, я родилась на этот свет для того, чтобы учить. Свои знания я должна отдать, передать, заставить их принять. Увидеть и вынуть в ком-то искру божью. Нет — это самый настоя-

щий наркотик, от которого убегаешь, от которого отдыхаешь время от времени. Раны, которые он наносит, залечиваешь только у себя дома. А выйдя из тяжелого состояния, в котором есть и шок, и страх... и успех (а это тот же страх, потому что будет в следующий раз? что ожидает за успехом?), и физическая нечеловеческая усталость, и обиды, и оскорбления, и потери... опять его принимаешь.

Какой же тяжелый получился у меня уход из Спорткомитета после Олимпиады в Калгари... Я уже не помню, что за заседание у них проводилось. Наверное, президиум федерации. Точно, выборы нового президента. Я решила уйти из спорта в искусство, несмотря на то что у меня собралась хорошая группа, пять танцевальных пар следом за Наташей Бестемьяновой и Андреем Букиным. Какое-то время я еще подумывала, а может, взять мне опять парное катание или выбрать кого-то из одиночников, но мои отношения со Спорткомитетом не складывались, подталкивая меня к уходу. Во-первых, я очень устала, во-вторых, я совершенно не могу с руководством ладить, находить общий язык с разными начальниками. Они для меня все на одно лицо, и все они одинаково меня измотали. И наконец упала последняя капля, что переполнила меня, и я взорвалась. Попала я на прием к спортивному министру Марату Грамову и там кричала и скандалила, пытаюсь доказать, что нельзя у спортсменов, особенно у тех, кто принес стране всемирную славу, забирать после турне почти все деньги, оставляя им буквально крохи — 10, а то и 5 процентов от заработанного. Я кричала о такой несправедливости сначала у Грамова, а потом на коллегии Спорткомитета. Именно я должна была отъехать руководителем в этот последний для Наташи и Андрея тур, и именно мне велели, чтобы я этим и занималась — отъемом денег. Я заявила, что никуда не поеду, что не имею права отбирать у своих спортсменов кусок хлеба. Пусть комитет возьмет себе хотя бы пятьдесят процентов из их гонорара, но пусть имеют совесть и не отправляют практически в «последний путь» спортсменов без единой копейки. Речь шла о том, что Бес-

темьянова и Букин прощались со спортом, и мне не хотелось, чтобы они, как сотни советских чемпионов, оставались с копеечной пенсией.

Мне ответили: «Не хочешь ехать, ну и не надо. Другой руководитель поедет» — и посоветовали быстро сдать все паспорта и документы. Нашли некоего Блинова, тогда работавшего во Дворце спорта «Спартак» в Сокольниках, — впрочем, он и до сих пор там работает директором, — сказали: «Вот человек, который поедет и будет выполнять решение Спорткомитета». Именно это решение и стало той последней каплей, переполнившей мое терпение. Со всей очевидностью мне стало ясно, что правды я никакой не добьюсь и сделать ничего не смогу.

Как только в Спорткомитете прослышали, что я собираюсь перейти на другую работу, что отныне меня не будет в сборной, тут же уволили тех людей из отдела фигурного катания, с кем еще можно было иметь дело, с которыми я дружила. Уволили Александра Веденина, прекрасного специалиста по одиночному катанию, государственного тренера, возглавлявшего это направление. При Саше вырос первый наш олимпийский чемпион в одиночном катании Виктор Петренко, Саша занимался созданием в стране школ, формированием сборной команды, помогал молодым тренерам. Но у Веденина было одно темное пятно в биографии — мы с ним дружили с детства, — и его в 24 часа уволили.

Специалисты из Спорткомитета не мне одной помогали, они помогали каждому тренеру, а если и занимались мною, то не ради моего личного благополучия, а чтобы облегчить работу с первыми номерами сборной, что вообще-то составляло их святую обязанность. Но именно от тех, кто каким-то образом был со мной связан не только профессионально, а просто по-человечески, к чьему мнению я прислушивалась, от них избавлялись. Так произошло и с высококлассным арбитром Ирой Абсолямовой, судившей чемпионаты Европы и мира, судьей с огромным опытом. Судейство в фигурном катании — это сложное и серьезное дело. А Ира — человек высокообразованный,

она работает в Институте физкультуры всю свою жизнь, она кандидат наук.

Все, кто имел высокий человеческий уровень и планку выше пола, все эти люди были изгнаны. Впрочем, до сих пор в Спорткомитете, во всяком случае в фигурном катании, ничего не изменилось.

Я никогда не просила спустя много лет, в то время, когда работала с Илюшей Куликом, чтобы со мной на крупные турниры ездил определенный судья, — это общая практика поддержки, тем более когда в команде лидер. Но лишь один раз я об этом заикнулась, тут же сделали все наоборот. Находиться со мной в хороших профессиональных отношениях, а тем более дружить, это значит подписать себе приговор. Карьера такого человека — прежде всего в СССР, а сейчас в России — обречена на провал. Сейчас в танцах все диктует Наташа Линичук: какого судью и с кем посылать, куда посылать и когда. В одиночном катании — Алексей Николаевич Мишин. Тамара Николаевна Москвина и Лена Чайковская в этом деле голоса не имеют. Тамаре вообще всегда было все равно, каких судей назначают. Мне тоже пришлось про это забыть. Теперь я знаю: единственное, на что я способна, — быть лучше, другого варианта стать первой — нет.

Как проходил мой уход... Проводили президиум федерации, на него пригласили тренеров. Шло обсуждение кандидатур на должность президента федерации, после обсуждения — голосование. Намечалось проголосовать за Валентина Николаевича Писеева, он действительно сильный человек. Если наше государство желает сохранить фигурное катание, то Писеев в этом виде спорта — государственный деятель. Тем не менее у нас с ним отношения никогда не складывались. Не любил он меня, хотя с годами стал ценить — видимо, перестройка подействовала. Надо отдать ему должное, он единственный, кто способен принимать решения в нашем деле. Тем более — и это надо отметить — он все нити управления держит у себя в руках. Есть у него своеобразные черты характера, я не буду давать им оценку — хорошие они или плохие,

но они есть. И именно они позволяют ему так долго удерживать власть.

На обсуждении кандидатур, я и решила выступить. Я произнесла речь, после чего в зале образовалась гробовая тишина. Дело в том, что я решила говорить только правду. Я ни к чему специально не готовилась, я никогда не участвовала ни в каких коалициях, никогда не подписывала никаких совместных писем. Если я что-то и задумывала, то пыталась это сделать сама, хотя любая моя инициатива, естественно, всегда была обречена на провал, потому что я, как правило, оставалась в одиночестве. Что же я сказала этому высокому собранию? Что я не буду ни за кого голосовать, что я предлагаю всем покинуть зал. Факты обирания спортсменов вопиющие. И пока оно не прекратится, говорить не о чем и выбирать некого. И первой, кто покинет это помещение, буду я сама. Говорят, что после моего ухода, а я долго шла через ряды, уходя от них от всех, как мне казалось навсегда, в зале еще какое-то время никто не произнес ни слова.

Уходила, как Ельцин на съезде, правда, не собиралась им класть на стол звание «Заслуженный тренер СССР», потому что это звание мною заработано долгим и адским трудом. Я уходила, и никто, включая Иру Роднину, которая там сидела и говорила, что согласна со мной, никто не поднялся. 1988 год. Перестройка и гласность. Но страх еще был очень велик.

На прощание я им сказала и о том, как уничтожают тренеров. Как стравливают между собой тренеров и спортсменов. Приводила голые факты. Но во всем зале, где находилось, наверное, сто человек, никто меня не поддержал. Мои друзья, что готовы были за мной пойти, потом мне сказали: «Если бы ты нас заранее предупредила»... А я не хотела никого предупреждать, я не хотела собирать никакие коалиции. Более того, я и не собиралась выступать. Но меня какой-то доклад так вывел из себя, что я решила сказать все, что думаю. Первый раз в жизни я поняла, что жестокую правду говорить очень сложно. И только, наверное, очень сильные люди могут говорить ее

с трибуны, когда перед тобой сидят люди, которых ты много лет знаешь, которые могли и могут решать твою судьбу.

Помню, что выходила я, но ног не чувствовала. Как вдруг потом, уже на улице, я ощутила себя совершенно свободной. Я победила сидящий внутри страх, я его поборола. И себя за то выступление я очень уважаю. Но у остальных случился шок. Мне потом Анна Ильинична Синилкина сказала: «Татьяна, после тебя больше трех минут никто не мог ни о чем говорить». А это много, три минуты, когда никто не мог ни встать, ни продолжать, ни освить и вообще пошевелиться.

Но я сама, когда вышла, а заседание происходило в «Олимпийском» на проспекте Мира, упала как подкошенная, ноги меня уже не несли. Валялась в траве, рядом мальчишки играли в мяч. Лицо я, в общем-то, известное, а встать никак не могу. Я уже тогда жила с высоким давлением и букетом разных болезней. Я не поехала в тот год на чемпионат мира, после Олимпиады у меня случился микроинфаркт и я отлежала чемпионат в больнице.

Мальчишки меня обступили, узнали, принесли водички. Я попила своих таблеток, еще немножко передохнула. Потом дала им денег, они купили мне мороженое, себе тоже. Я посидела на траве, поела мороженое, потом оставила такси и уехала к нашему другу Жене Баранкину на дачу, в Жуковку.

Конечно, вечером мне позвонили сто человек и все сто сказали, что они мною гордятся, что я такая смелая и мне, наверное, за них обидно, потому что они меня не поддерживали.

Вот как я уходила из спорта, уверенная, что снова в нем не окажусь. А через четыре года вернулась с Климовой и Пономаренко. И какое же ко мне могло быть отношение всех тех оставшихся на своих местах людей? а потом я еще раз возвратилась, теперь с Илюшей Куликом, с Пашей Грищук и Женей Платовым. И каждое мое возвращение — это всегда большой риск, потому что я никогда не чувствовала, а это обязательно нужно чувствовать — поддержку своей страны. Поддержку не народа, а Спорткомитета или феде-

рации. Я же всегда испытывала только противостояние. Оттого я вдвойне рада, что мои ученики выигрывают, потому что те, кто делают все возможное, чтобы этого не произошло, вынуждены меня награждать.

Сейчас уже другие медали, другие ордена. Я еще с советских времен со своей наградной колодкой похожа на генерала, если не на маршала. Кстати, тогда, после Калгари, меня представили на орден Ленина, а я как раз устроила скандал за спортсменов, в Спорткомитете сказали: «Характер у нее плохой», — и орден не дали.

Ледовый театр

Когда Бестемьянова с Букиным выиграли Олимпийские игры? В Калгари в 1988-м. Значит, в Югославии в Сараево Зимняя Олимпиада проходила в 1984-м. За год до Игр, а может, чуть раньше, сидя у нас дома, в Москве, на кухне, мой муж придумал способ изъять меня со сборов и тренировок. Вова все время хотел, чтобы я ушла из спорта, да я и сама к тому времени устала от соревнований. Сараево — это пятая Олимпиада, к которой я готовилась, и нервы, казалось, уже на пределе.

Жил у нас тогда Юра Овчинников, он ночевал в гостинице, так как слонялся без работы, а в Москве у него никакого жилья, естественно, не было. Из Ленинграда Юра уехал и обитал большей частью в нашем доме. История, о которой я рассказываю, произошла чуть ли не двадцать лет назад, но мы по сей день с Юрой очень дружны. Сидим как-то вечером на кухне, беседуем, Вова начал придумывать, хорошо бы мне сделать театр из знаменитых фигуристов, ушедших из спорта. Наверное, неприкаянный Юрик, сидящий напротив, его на эту мысль надоумил. Наш друг Виталий Мелик-Карамов сразу же придумал название этому театру «Все звезды» — мечтая, что театр будет все время гастролировать за рубежом (главная цель советского человека), следовательно, это скорее английское название «All stars». Букин, который с самого начала

страшно ревновал к любому моему отвлечению от их дуэта, тут же обозвал наш проект «Old stars», то есть «Старые звезды». Идея мне понравилась. Потихонечку я начала говорить с людьми, как-то собирать труппу, сначала хотела взять человек пятнадцать. Но народу пришло меньше. Честно говоря, мечтали мы не о театре, а о группе выдающихся спортсменов, которые только что распрощались с соревнованиями. Как раз заканчивала свою карьеру плеяда хороших фигуристов, артистически готовых для профессиональной работы. Мне не хотелось создавать нечто похожее на «Холидей он айс», я мечтала о такой труппе, по типу ансамбля Игоря Александровича Моисеева или «Виртуозов Москвы» Володи Спивакова, где каждый мог выйти на авансцену солистом. Именно такое направление я выбрала для создания коллектива как базовое, а потом, как выяснилось, оно оказалось основным направлением и для работы будущего театра.

В мире подобных трупп не существовало, обычно все шоу на льду опирались на троих — пятерых классных катальщиков-исполнителей, а вокруг них крутилось сорок — пятьдесят человек кордебалета. Этот путь меня не привлекал, мне хотелось если и заниматься чем-то другим, то обязательно новым. Я всегда считала Игоря Александровича Моисеева своим учителем и наставником, хотя он не только для меня, для тысячи людей, балетмейстеров или специалистов, занимающихся движением, самый настоящий педагог. Но в отличие от тысячи у меня вся жизнь ансамбля Моисеева проходила на глазах. После его артистов я была первая, кто имел возможность постоянно следить за работой этого мастера. И вот, следуя принципам знаменитого ансамбля, у меня как-то начал складываться первый набор — Елена Гаранина и Игорь Завозин, Инна Валянская и Валерий Спиридонов, Наталья Карамышева и Ростислав Синицын — все они были моими учениками, а с ними еще любимцы народа Игорь Бобрин, Юрий Овчинников. Костяк — да еще какой! — состоялся, оставалось к ним только набрать кордебалет, но, повторю, меня это не прельщало. Я провела успешные переговоры с Ириной Во-

робьевой и Игорем Лисовским. В таком составе мы начали работать. Все ребята в разное время завоевывали звание чемпионов страны, большинство — призеров первенства Европы, а Воробьева и Лисовский — чемпионов Европы и мира. Главное, все они победители, а значит, спортсмены высочайшего класса и, что совсем немаловажно, не чужды артистизма.

Я продолжала работать на своем СЮПе, мы, как обычно, собирались вечером на кухне, правда, теперь обсуждали конкретные планы. Вова мог быть доволен, если бы не одно обстоятельство. Все то небольшое свободное время, что оставалось от спорта, теперь занималось театром. Юра Овчинников стал не только артистом, но и директором коллектива, поэтому организационный воз тащил на себе. Он провел гастроли: одни, вторые, третьи. Ребята могли мотаться по Союзу бесконечно, одни города сменялись другими. Поначалу их представление выглядело как обычные показательные выступления, которые так любила публика.

Я принялась активно ставить им разные номера. Хотя все мои пары имели много показательных танцев, я всегда ставила с большим запасом, но у других репертуар оказался меньше. Первая программа нового коллектива состояла из отдельных номеров и двух совместных выходов для открытия выступления и на его закрытие. Конечно, подобное мероприятие никаким театром нельзя было назвать — это был ансамбль. Но название, придуманное Виталием, — «Все звезды» — осталось (они таковыми и были), несмотря на то что в вожденную «заграницу» никто пока не ездил.

Начав гастролировать, ребята сразу стали пользоваться большой популярностью. Зрителя невозможно обмануть, а халтурить эта группа не умела. Из-за большого числа выступлений новоявленные артисты стали зарабатывать по тем временам довольно приличные деньги. Но дело даже не в деньгах. Они все как один оказались совершенно одержимы работой, готовы были репетировать по ночам, иначе говоря — настоящими профессионалами, что в те

годы в нашей стране явление, прямо скажем, нечастое. Все буквально помешаны на новом деле, все поняли, что у них продолжается жизнь на льду, что им не грозит уход в неизвестность. Не ушли зарабатывать на свою дальнейшую жизнь ни в парикмахеры, ни в мясники, ни вообще непонятно куда. Потому что в те славные времена расцвета советского спорта «непонятно куда» должен был уйти любой, кто не стал олимпийским чемпионом, хотя и олимпийский чемпион нередко тоже мог исчезнуть «непонятно куда».

Тут же началась конкуренция с Московским балетом на льду, Ленинградским балетом на льду, которые тогда благополучно существовали. В отличие от них, у нас маленькая труппа, очень мобильная, нас с удовольствием приглашали, поскольку недорого стоило наше передвижение, наши гостиницы и наши гонорары. Но представление — высшего качества, и оно всегда собирало полные трибуны. Мы же начали с родной страны, а Бобрин, Овчинников, Гаранина, Завозин — это популярные имена, люди их любили. И вся Сибирь, конечно, была изъезжена труппой по многу раз, и, наверное, все города Советского Союза, где имелся искусственный лед. Мне кажется, что не осталось ни одного катка в стране, где бы они ни выступали. Представление было мною выстроено. Номера шли один за другим не случайно. Специально делались музыкальные заставки, чтобы действие шло без объявлений, не прерываясь, не зажигая свет в зале. Мы с Юрой старались максимально уплотнить каждое выступление, чтобы сделать программу зрелищней. Неким образом получилась неплохая компания, а правильнее сказать — очень сильный ансамбль.

Наконец я созрела для спектакля. Решила попробовать себя в роли режиссера и балетмейстера. Начинаясь 1985 год, страна готовилась праздновать 40-летие Победы. Как всегда весной, я уехала на чемпионат мира, он в тот год проходил в Японии. А после него предполагалось азиатское турне: Япония, Сингапур, Австралия, Новая Зеландия. Я уже готовилась к долгому путешествию, но мне позвонил Юра, потом мне позвонил мой Вова, и оба сказали:

ты никуда не поедешь, надо делать программу к 40-летию Победы, давай-ка возвращайся в Москву. Думаю, тому, кто помнит советскую жизнь, ничего объяснять не надо. В родном государстве мы денег заработать не могли, хотя моя зарплата равнялась 350 рублям и считалась довольно высокой. Единственный честный способ получить приличные деньги — загранкомандировка. Тем более Сингапур! Аппаратура! Несколько тысяч рублей — на них можно было жить и жить. Не говоря уже о том, что такой тур раз в жизни выпадает, мне так хотелось посмотреть Австралию, Новую Зеландию, тем более лимонно-бананный Сингапур, про который даже в «Клубе кинопутешествий» не рассказывали. Кто же знал, что всего через пять-шесть лет наступит время, бери билет — и лети. Наконец, хотелось со своими чемпионами проехаться по туру, но выбора Володя и Юра мне не оставили.

В то время Лена Чайковская оказалась в сложном положении, у нее неважно выступили ученики, мне хотелось как-то поправить ей настроение, и я решила пригласить ее поработать вместе со мной над постановкой. Тогда же коллективу потребовался директор. Мы решили, что Юра станет художественным руководителем, а директором надо брать настоящего профессионала. Юра уже не справлялся, труппа разрослась до 12—14 человек, он сам много катался, а ему еще приходилось заниматься и художественной частью, и административной работой. Так в ансамбле «Все звезды» появился Евгений Волов.

Виталий Мелик-Карамов повез нас с Юрой к Алле Пугачевой, они давно уже дружили. Мы объяснили Алле, что хотим взять опытного человека, знакомого с концертной деятельностью, потому что пришла пора коллектив по-настоящему раскручивать и ставить на конкретные финансовые рельсы. Шоу-бизнесом наше дело тогда еще не называлось, но мы хотели сразу организационно сделать все так, как делают подобные коллективы на Западе. Мы с Вовой переговорили с Юрой заранее, тот не возражал, наоборот, с удовольствием отдавал все хозяйственные дела. Алла с Женей Болдиным, тогдашним ее мужем и директо-

ром, долго перебирали всех их знакомых администраторов, пока не остановились на Волове. Но она сразу нам сказала: «Волов человек сложный, могут быть интриги». И добавила, что в то же время он очень опытный администратор, правда, ему нельзя давать большую власть, иначе все плохо кончится. Я не раз потом вспоминала ее пророческие слова, но нам так был нужен опытный человек, что все остальные его качества нас не волновали и мы не придали советам мудрой Пугачевой никакого значения.

...Итак, я улетела в Москву из Токио, чем вызвала полное недоумение у руководителей тура и у своих спортсменов, те просто оказались в шоке. Меня понимала только Наташа, да и то потому, что в ансамбле работал Игорь Бобрин, а дело любимого мужа для нее всегда стояло на первом месте.

В Москве я позвонила Чайковской: «Лена, давай вместе сделаем что-то». Не могу сказать, что в тот момент мы находились в хороших отношениях, но ей тогда было так плохо... Меня вопросы единовластия не волновали, впереди маячило большое дело. Придумывать танцы я всегда очень любила, тем более мне было интересно пробовать себя в большой постановке, я уже много знала, много видела, у меня складывалось свое понимание наших целей. Мы начали работать вместе, Лена приходила, когда могла, она занималась массовыми сценами, я же торчала на льду днями и ночами. Наш первый спектакль сложился на удивление быстро. За две недели мы сделали двухчасовое представление. У всех фигуристов получилось по два, а то и по три номера, а через весь спектакль шло сквозное действие. Музыкальным редактором в ансамбль я взяла Мишу Белосова, я уже писала о нем раньше. Он и сделал нам музыку для спектакля. До конца Миша со мной не рисковал, спектаклем занимался параллельно с работой в Радиокomite, где числился в штате. Музыка, которую сложил Миша, — песенная антология войны. Начало — это любовь, молодые собираются играть свадьбу, а вместо праздника — война. Потом все великие песни военных лет — до Победы. Начиналось представление с одной пары и

раскручивалось, пока на лед не выезжал весь коллектив, который кружился в летнем балу и замирал, когда слышал известие о войне... Мне кажется, что все было сделано так искренне, я сейчас вспоминаю, а у меня мурашки по коже, потому что некоторые вещи в этом спектакле получились по-настоящему. Возможно, потому, что тема войны в нас неумирающая!

Спектакль мы показывали, наверное, лет десять, всегда на 9 мая. Во всех городах, где в этот день гастролировали, давали бесплатные представления для людей, прошедших войну, для ветеранов. А премьера к 40-летию Победы проходила в Лужниках во Дворце спорта. Анна Ильинична Синилкина, светлая ей память, дала нам свою площадку. И в дальнейшем мы все премьерные спектакли театра открывали в Лужниках — Дворец спорта стал нашим домом, а Анна Ильинична — нашей матерью.

Успех получился ошеломляющий. Первый раз я попробовала ставить танец не для пары, а для тройки, четверки фигуристов. Впервые я придумывала номера на шесть — восемь человек. Вкалывали артисты так, что их костюмы промокали до последней нитки, даже плавки приходилось выжимать. Спектакль шел два часа, и чтобы ребята успевали переодеваться, костюмы придумали совсем простые, да и деньгами на что-то особенное мы не располагали. Белые хитоны — довоенное время, черные хитоны и военные гимнастерки — война и финал, никаких других костюмов больше не имелось. Так как в программе звучали самые пронзительные песни военных годов, а они всегда «царапают» душу, ставить под такие мелодии танцы было очень сложно и очень ответственно. «И помнит мир спасенный» — так называли мы постановку — первый мой спектакль. Моя первая проба как балетмейстера целого коллектива. Для прежних выступлений ребят я придумывала отдельно мужские номера, отдельно женские, но тут я себя первый раз попробовала на цельном спектакле. Мне было одновременно страшно и не страшно, много нового интересного материала я изобретала быстро и легко. Настоящий драгоценный камень — Инна Валянская, которая

могла сделать абсолютно все: могла крутиться на поддержке, могла перевертываться, ничего совершенно не боялась. Притом такая эмоциональная, так тонко все понимающая, что в состоянии танцевать репертуар от собаки до умирающего лебедя. У Инны в душе накоплено много, я ее считаю выдающейся парницей современности, но в спорте ей не повезло. А парница она от бога. Сравниться с ней может только Катя Гордеева, возможно, Бережная, но даже не Роднина. Просто у каждого в спорте, как и в актерском деле, своя судьба, и не всегда она счастливая.

Покатился наш спектакль по городам и весям. Как позже выяснилось, даже по странам. Еще не появились новые границы, а нас очень любили в Риге, нас любили в Таллине и в Вильнюсе. Теперь туда надо оформлять визу, а тогда мы просто ездили в самые европейские советские столицы и «холодный прибалтийский» зритель на неделю был наш. По ходу дела мы с Юрой учились тому, что такое театр, зал и зритель. У меня впереди предстояли сезоны с Бестемьяновой и Букиным, я не присоединилась к ним целиком, а только ставила номера, когда они возвращались в Москву. Букин всегда категорически возражал, чтобы я на кого-то или на что-то от них отвлекалась. Он считал меня чем-то вроде их собственности. Наташка стояла за мной и тихо молчала во время этих, периодически возникающих скандалов. Мы трое были полностью заняты своей работой, но Наташа уже входила и в проблемы театра, потому что разговоры у нее дома с Игорем так или иначе касались «Всех звезд».

Объехали мы всю страну с первым своим спектаклем и сразу начали думать о том, что пора браться и за второй. Когда Вова составил мне план моей жизни на десять лет, я не придавала этому серьезного значения. Но, как ни странно, он довольно точно расписал будущие мои спектакли. Может быть, из некоторых спектаклей получились только номера или мини-спектакли, но почти весь этот план оказался выполнен. В список, что он мне написал, я никогда не заглядывала, честно говоря, я его сразу и потеряла, — меня же знать надо. Но угадал он почти все правильно,

оттого что как никто изучил мое эмоционально-драматическое направление и предложил самую разную, но близкую моему сердцу музыку.

Мы стали думать над репертуаром, чего нам только не хотелось попробовать. Но практика мирового шоу-бизнеса такова: если спектакль удался, его должны катать, пока он приносит деньги. У нас пока одно отделение состояло из разных номеров с общим финалом, а второе — из спектакля «И помнит мир спасенный». И, наверное, год, а может, чуть больше, мы проездили с таким репертуаром.

Год пролетел быстро, у меня образовалась очередная «дыра», когда Наташа и Андрей вновь уехали в турне после чемпионата мира. И опять, вместо того чтобы ездить по заграницам, зарабатывать деньги, я вернулась в Москву. Стало ясно, что театр — это дело моей жизни и меня уже не привлекают никакие турне, я отработала спортивный сезон и сразу помчалась ставить новый спектакль.

Я выбрала «Русскую ярмарку». Ее я уже делала одна, Чайковская от нас ушла, а если и заходила, то изредка. На премьере «Русской ярмарки» в Лужниках появился Игорь Александрович Моисеев. Он сказал: «Да, ты придумала интересную вещь. Для начала (он так и сказал — для начала) ты молодец». И спросил: «Сколько человек у тебя в труппе?» Признаюсь, я старалась создать некую иллюзию присутствия на льду большого числа людей за счет того, что ребята без отдыха, буквально изнашивая ноги, только и делали, что убегали за кулисы и тут же выскакивали из них, чтобы постоянно происходило мелькание, мне всегда нравилось, когда на сцене много действия. Ответила: «Вообще немного, а как вы думаете?» Моисеев: «Думаю, что у тебя около тридцати человек». Я была польщена: «Одиннадцать». И с этими одиннадцатью, а потом тринадцатью проворачивалась адская работа. Честно говоря, я и не вспомню, когда у меня она была другой, но хочется думать, что мои артисты вспоминают меня с удовольствием, так как у них набралось много разных и интересных ролей. Они были предельно заняты, не щадили себя, и за это я им признательна. Но и они должны быть мне благодар-

ны: тогда, нещадно подгоняемые мною, они были молодые и сильные, зато эта потовыжималовка дала им возможность кататься до сорока. В середине 80-х я заложила в них колоссальную репетиционную и концертную выносливость. Иметь на всю оставшуюся профессиональную жизнь такой запас прочности — все равно что иметь хороший счет в надежном банке. А эта прочность отработывалась и вырабатывалась мною совершенно сознательно, она от спортивной выносливости отличается, потому что в спорте ты вышел на лед на четыре с половиной минуты, а в спектакле — по четыре с половиной минуты, но шесть раз за полтора часа. А еще выходы в массовых сценах, а еще тебе, кровь из носа, нужно пробежать по всему катку на каком-то одном движении, а потом сделать какой-то трюк. И все это одно за другим, одно за другим...

В тот год, когда я поставила «Русскую ярмарку», была сделана и визитная карточка коллектива — «Танец с саблями». Он открывал на протяжении нескольких лет все наши представления, открывал и совместные представления с Торвилл и Дином (о чем я расскажу позже). Музыка Хачатуряна для начала шоу любого ранга фантастическая для завода публики. Но для нас «Танец с саблями» оказался как находка крупного алмаза, он был общим на всю труппу, но каждый имел в нем и сольный кусок. Танец, как пуля, бешеный ритм, сумасшедшие скорости и на этих скоростях — феноменальные трюки. Выдающийся импресарио, австралиец Майкл Эджели, сразу и безоговорочно заявил: «Этот номер в вашей программе будет всегда стоять первым».

«Русская ярмарка», народное гулянье, ставилась на русскую народную музыку. У каждого в «Ярмарке» тоже были сольные номера, она придумывалась как одноактный балет, собранный из разного рода номеров, без сквозного сюжета, но тем не менее как цельное законченное произведение.

«Русская ярмарка» имела шумный, веселый успех, спектакль получился смешной, с забавными приколами и шутками, что стало возможным благодаря высочайшему

уровню исполнителей. Я поставила для Игоря Бобрин «Гопак», который потом танцевал Леня Казнаков, уже и не сосчитать, сколько сезонов, а потом — Юра Цымбалюк с ним в очередь. Но «Гопак» остался «фирменным» Лениным номером. Он с таким смаком его исполнял, будто в руках у него горилка и сало. У Бобрин помимо этого тяжелейшего, кстати, номера, коронным стало «Яблочко» с чудесными, очень смешными находками. Юра Овчинников навсегда запомнился «Барыней» и «Цыганочкой». Валянская и Спиридонов блистали в «Питерской». Мы стали развиваться в единственно правильном направлении — отталкиваясь от уникальных спортивных и цирковых возможностей артистов. Шились костюмы, рассчитанные на быстрое переодевание. Они задумывались таким образом: одевается некая основа, а сверху что-то быстро меняется — для меня необычная и тоже очень интересная работа.

Волов благополучно работал директором, но уже назревали какие-то скандалы, я от них держалась в стороне, все силы уходило на работу в спорте. Возникли разногласия у Волова с Овчинниковым, у Овчинникова с Бобриным. К началу склоки коллектив уже имел три спектакля: «Дивертисмент», «И помнит мир спасенный» и «Русская ярмарка». Без всякой натяжки это смело можно назвать репертуаром. Мы уже могли менять номера, что в первый год существования казалось немыслимым и недостижимым. Правда, серьезно никто не болел, не травмировался, слава богу, и замен не требовалось.

С таким репертуаром возникло желание поехать на гастроли за рубеж, тем более что нас стали уже замечать. Появились первые импресарио, понимающие, что «Все звезды» можно не только показывать, но на них будут и смотреть. По-моему, первой страной нашего выезда стала Польша. Для утверждения каждого нового имени требуется время. И в наш первый приезд за границу толпами к нам не валили и буквально двери не ломали. Но зато те, кто пришел, получили огромное удовольствие, с представления уходило они уже нашими зрителями. Какой-ника-

кой, но успех появился, теперь полагалось его развивать. И тут произошел раскол в коллективе.

Юра оказался в больнице, причем надолго, с сильными болями в спине. Тяжелое состояние, беда с позвоночником. Выдающийся доктор Лившиц поднимал его с койки, наверное, в течение полугода. Но коллектив продолжал работать, а Женья Волов начал, как и предупреждала Алла, потихонечку среди ребят сеять смуту — типичная эстрадно-театральная склока. Они неискушенные, ни Игорь, ни Юрка, в подобных делах, кстати и я, естественно, тоже никакого опыта в них не имела. Я умела бороться с начальством в Спорткомитете. Начало конфликта я упустила, так как сидела в Москве, а они ездили по стране. Там, на гастролях, Волов начал проводить какие-то собрания, смещать Юру, заменять его Игорем, вместо того чтобы поддерживать обоих. Мне полагалось заменить его самого и поскорее, но я не очень понимала, что у них там происходит, а Волов в это время объяснял спортсменам-артистам, что Юра как художественный руководитель несостоятелен, хотя эти вопросы совершенно его не касались. Что касается меня, то пока Волов занимал должность директора, я не получала в театре зарплату, что казалось мне немножко странным. Я получала от директора, которого сама привела, 200 рублей за постановку, а с гастролей, хотя там шли все мои номера, мне не отчислялось ни одной копейки. Я не очень-то над этим задумывалась, но однажды со мной долго пообщались профессионалы советской эстрады, после чего сразу показали мне на голову, советуя немножко полечиться. Меня же тогда не волновали меркантильные соображения, мне хотелось ставить, ставить, ставить, продумывать дальше программы, подбирать музыку.

И все это, еще раз замечу, для меня параллельно основной работе. А основная — это Бестемьянова и Букин, и главная цель — Олимпийские игры. Наташа и Андрей — моя самая дорогая пара, моя жизнь и моя судьба, моя песня и моя любовь. Я была так закручена, что меня уже не хватало на скандал в коллективе, не говоря уже о вопросе по поводу моей зарплаты. Я пыталась возникший пожар

погасить, но Женя успел провести, как он считал, определяющее собрание, где шесть артистов из одиннадцати проголосовали за замену Овчинникова на Бобрину и, кажется, пять — за сохранение Овчинникова. Игорь приехал ко мне домой с вопросом, буду ли я у них художественным руководителем? Я сказала, что готова стать и директором, и художественным руководителем, кем они хотят... я не помню уже деталей, так все было ужасно... только бы не разрушить коллектив. Полагалось срочно склеить все обратно, но ничего не получалось, артисты разбрелись. И я решила остаться с пятеркой тех, кто голосовал против Игоря. С Юрой мы были близкими людьми чуть ли не с детства и предать нашу дружбу я не могла. Ужасное время, тяжелые дни. Прежде всего мой выбор повлиял на отношения с Наташей, о чем я не могла не горевать, так как была безумно к ней привязана. Не хватило у меня тогда времени и, наверное, ума каким-то образом ансамбль сохранить. Я сначала пыталась что-то сделать, потом обозлилась; отсутствие времени не позволяло соревноваться с Женей Воловым в интригах, но главное, я совершенно не была к этому расположена. Так образовалось два коллектива.

У нас, как в разделившемся в то время МХАТе, тоже получились женский и мужской театры. Женя Волов ушел директорствовать к Бобрину, мы с Юрой остались вместе, Юра опять получил должность директора, я стала художественным руководителем «Всех звезд». Труппы, состоящей из пяти человек. Насколько мне известно, позже уже у Игоря Волов также устраивал какие-то разборки.

На дворе стояла весна, теперь уже весна 1987-го, и я опять, как три года назад, начала строить коллектив. Я созвонилась с Валерой Левушкиным, предложила ему объединиться. Левушкин вел чудесную программу со своим ансамблем «Бим-Бом». А к оставшимся пяти артистам я стала добирать новых. Пять — это Гаранина, Завозин, Валянская, Спиридонов и Овчинников. Тогда же пришли и Леня Кознаков, и Крыканова — Шпильман. С Леной связан прекрасный отрезок моей жизни, поэтому мне кажется, что он с самого начала участвовал в создании труппы.

Леня вначале выглядел каким-то замухрышкой, а вырос в матерого актера. Игорь Шпильман, кстати, сейчас работает ведущим тренером Америки по спортивным танцам. Труппа все увеличивалась и увеличивалась. Пришла танцевальная пара Чайковской — Воложинская со Свиныным, и я им тоже стала делать новые номера. Работа с Воложинской и Свиныным стоит отдельного разговора, потому что я их считаю выдающимися исполнителями. Позже, когда многое изменилось, а ансамбль стал театром, я всегда говорила: пока у меня есть Воложинская, Валянская, а потом еще и пара Пестова — Акбаров, у меня есть театр. Потом к нам пришли Ирина Жук и Олег Петров, Светлана Ляпина и Георгий Сур — уже мои ученики. Все четверо актерски талантливые, трудолюбивые, но не достигшие главных вершин в спорте, зато желающие каждый день выступать. Ребята с настоящим, глубоким талантом. Вот такой стала наша бригада, когда мы начали совместные выступления с «Бим-Бомом».

С такой маленькой компашкой трудно было давать целое представление, требовалось с кем-то объединиться. Мы построили программу таким образом: «Бим-Бом» играет, ребята танцуют под их музыку. Отдельно — наши номера, отдельно — их. Сквозного действия никакого, но общее направление — веселье со сцены должно перетекать на лед, со льда в зал. Они играли, мы танцевали, они пели, мы брали микрофоны и тоже подпевали, иногда поднимаясь на сцену. Получилась довольно забавная штука, «Бим-Бом» работал в маленьких клубах, а Валере хотелось выйти на большие залы, ему нужен был Дворец спорта, никак не меньше (от этого сильно зависела зарплата его артистов), а мне хотелось только одного — продержаться.

Тогда полагалось любую программу предъявлять на сдачу худсовету, в нашем случае Московской областной филармонии, по-моему, «Бим-Бом» был к ней приписан. Собрался художественный совет принимать наш спектакль. Но мне пришлось больше рассказывать, чем показывать. Дело в том, что на репетиции Юра пробил коньком себе ногу. Мой дружок травмировался в первом же моем номе-

ре после распада труппы. Танец назывался «Балет, балет, балет», он был поставлен на песню Пугачевой, которая исполняла ее так пронзительно, что, когда я ее слушала, у меня ассоциативно, внутренне рождалось то же чувство, что и на просмотре балетного спектакля. Я не могу дальше ничего объяснить, но вот этим голосом, этим трепетом каким-то, я не знаю чем, но, конечно, прежде всего талантом своим невероятным, она так пела свой «Балет», что я немедленно захотела поставить танец на эту песню. Не музыку, а именно песню. Что я и сделала — на две оставшиеся у меня пары и Юру. Получился замечательный номер, который, если показать его сейчас, а прошло уже 15 лет, он имел бы такой же успех. Может быть, только почувствовав уверенность после этого номера, я взялась за «Болеро»?

Но прежде всего с «Балетом» и еще с массой всяких других танцевальных номеров мы с «Бим-Бомом» поехали — я была свободна — вместе на гастроли, по-моему, в Томск. Моисей Миронович Мучник, директор томского Дворца спорта, нас туда позвал, как на испытания.

Но сперва мы устроили премьеру совместного концерта, конечно же во Дворце спорта в «Лужниках». Анна Ильинична Синилкина вновь пустила нас к себе во Дворец, где билеты были проданы все без остатка, только углы, где выгородили сцену, оставались свободными. А полный Дворец спорта вмещает 12 тысяч зрителей. И я, из самых лучших побуждений, пригласила Аллу, потому что знала — на ее песню я поставила очень хороший номер, и мне хотелось ей его показать. Я не особо прислушивалась к тому, что пел «Бим-Бом», а они в основном пародировали ее репертуар. Я никак не могла себе представить, что она может так бурно реагировать, что она так не любит пародий на себя. Это не мешало бы учитывать, но у меня никакого опыта общения с выдающимися звездами эстрады, кроме как с ней, не было, но ведь именно она мне помогла, давала советы, приходила ко мне в дом. Я ее очень любила и люблю по-прежнему как певицу, как нашу самую яркую звезду, перед чьим талантом я преклоняюсь.

И новые ее песни я обожаю. У меня всегда в машине ее записи, и когда я прожила первых два тяжелых года в Америке, Пугачева незримо рядом со мной находилась все время.

...Она приехала во Дворец, как королева, дождалась, когда погасят свет и в сопровождении Евгения Болдина и Ильи Резника прошествовала на свои места. В зале все встали, все двенадцать тысяч, и начали ей аплодировать. Все равно Пугачеву даже в темноте люди сразу же увидят. Наконец зал на нее насмотрелся, все сели, начался концерт. И тут же я услышала свист и какой-то шум в ее ложе. Номер «Балет» стоял по программе в самом конце, и, приглашая ее, я сказала: «Ты не приходи сразу, потому что тебе будет неинтересно смотреть весь концерт. Приходи к восьми часам, ко второму отделению». Так вот сама же Пугачева начала свистеть, а я сначала и не поняла, кто там безобразничает.

Я стояла внизу, в проходе около льда. Я всегда стояла там около стеклянной будки, где сидят звуковики, пока идет спектакль, мало ли что может случиться, чтобы раз — и сразу за кулисы. Но нарастает шум на трибуне, бежит ко мне Синилкина, за ней бежит ее заместитель Антон: «Анна Ильинична, Анна Ильинична, там Пугачева скандалит». Мне нужно срочно принимать какое-то решение, я уже сама вижу, что Алла хочет выйти на лед, как раз с того угла, где я стою. Нас с Синилкиной не видно, в проходе полная темнота. А с углов выскакивали пары, и сцена была устроена таким образом, что в этих же углах еще и находились встроенные лестницы, потому что во время действия мои артисты поднимались со льда на сцену, Алла хочет пройти именно туда. Но я ринулась ей навстречу, я тоже крепенькая, и встала стеной. Тут поменялась музыка, а она пробует, как ей выйти в туфлях на лед, это же непросто, тем более надо пройти полтора-два метра до лесенки. Я понимаю, что она хочет подняться на сцену.

Сейчас-то я ужасно жалею, что помешала Алле выйти на сцену, потому что мог произойти фантастический, поворотный момент в спектакле. Тогда я плохо знала законы

шоу-бизнеса, потому страшно боялась скандала. Сейчас я бы ей постелила ковровую дорожку, потому что концерт приобрел бы невероятную известность — что дается только скандалом, более того, зная непредсказуемость нашей звезды, я теперь понимаю, что она могла и сама запеть. В этом случае вечер в Лужниках вошел бы в историю, а мы бы с ней потом как-нибудь по-доброму всегда бы разобрались. Но легко об этом рассуждать сейчас. А тогда была советская власть, и от этого такой испуг, все так тряслись и так всего боялись... Теперь-то я понимаю, что среди нас действительно одна только Пугачева чувствовала себя свободным человеком.

...Так вот, она попробовала ногой лед, а в это время выскочили с углов пары, ведь уже пошла их музыка, фигуристов, а не пародистов. Она отшатнулась прямо на меня, потому что действительно страшно, они выскакивают на диком ходу, как тигры в цирке. Алла почти упала на меня, а я ее взяла за руки и повела за кулисы. Разбираться, мол, будем там. Она кричала: «Какое ты имеешь право такое показывать, почему эти суки меня пародируют... ты меня для чего позвала!!» — «Господи, Алла, пародии делаются на всех популярных певцов, и все воспринимают это спокойно. Ты выдающаяся актриса, что тебе на это обращать внимание». А она хочет, поскольку мы уже за кулисами, снова подняться на лестницу и пойти на сцену, чтобы сорвать спектакль. Я ее держу и держу крепко. Говорю: «Не пойдешь туда, не пойдешь, ты тоже поешь «Белую панаму», и мы тебя вынуждены слушать. Прекрати, прекрати, это тебя недостойно». Даже в такой экстремальной ситуации я ее прошу: «Останься со мной, останься на мой номер, он же тебе посвящен», — мне не стыдно было ей этот танец показать. Но тут сломался тот настрой, что был, я по-прежнему держала ее за руку, и мы пошли совсем уже за кулисы, от сцены все дальше, дальше, дальше. Я думала, что она отойдет, но она не успокоилась, отдышалась и ушла.

Потом, через несколько лет, я ходила на ее концерты, но уже не подходила к ней никогда. Через общих друзей

передавала приветы. Она мне тоже передавала приветы, но мы больше не встречались, хотя, повторю, я была и остаюсь ее большой поклонницей...

Однако вернемся к истории до этого злополучного вечера. Итак, я остановилась на том, что Юра пробил ногу и ему наложили гипс. Естественно, у нас не хотели принимать программу, потому что никто из комиссии ее не видел. Да потом, вспомните, кто принимал нашу работу! Инструктор из райкома партии. В спорте я привыкла отвечать за качество своего труда и всегда считала, что никто не имеет права вмешиваться в мою работу. Я никогда не позволила бы себе выйти на арену Дворца спорта, чтобы позориться или чтобы показать что-то непристойное. Кстати, с этой программой мои ребята проехали с «Бим-Бомом» по многим городам страны и благодаря двойной публике (поклонникам «Бим-Бома» и болельщикам фигурного катания) спектакль принимали хорошо, он даже собирал аншлаги. «Бим-Бом» любили в Прибалтике, нас — в Сибири, и люди шли поглядеть, что же у нас получилось, что это за винегрет такой вышел.

Так мы и стали жить дальше: Юра — директор, я — художественный руководитель. Бобрин сделал свое представление, но у меня не нашлось ни времени, ни желания его посмотреть. Они пригласили хорошего балетмейстера, Наташу Даббади, которая поставила им спектакль «Чаплин», целиком рассчитанный на Игоря. Наташа не только отличный балетмейстер, она интересный, умный человек, и очень хорошо, что они стали работать вместе. А мы восстановили «Русскую ярмарку» уже для другого состава, добавляя к ней все время что-то новое. В том же году у нас, уже без «Бим-Бома», начались гастроли во Франции. По-моему, я перед поездкой поставила небольшой спектакль на музыку Равеля «Болеро», но точно не помню. К сожалению, я в жизни ничего не записывала и не записываю, не собираю никаких кассет, не храню выступлений своих спортсменов и своих артистов. Мне папа всегда говорил: «Смотри вперед и не оглядывайся назад. Запомни только ошибки. Ошибки проработала — и вперед».

Поэтому сколько мне ни говорил мой друг, журналист Юрий Рост: «Что ты делаешь? — а я ставила в год спортсменам по двадцать программ. — Почему ты их не записываешь? В каждой из них есть то, что ты могла бы дополнить и перерабатывать». А я отмахивалась, я объясняла, что так работать не умею и никогда не научусь. Короче, я, бестолковая, ничего для себя не писала, хотя у меня всегда сидел на тренировках видеомагнитофончик, мой Андрюша, с которым я работала долго и счастливо. Скорее всего, все, что на моих занятиях было записано, давно уже стерто и выброшено. Ничего у меня нет, ни одного собственного спектакля на пленке. Ничего. Трудно себе представить подобную безалаберность.

Так, незаметно, наступил 1988 год, прошли Олимпийские игры в Калгари. Наташа и Андрей стали олимпийскими чемпионами, и я решила закончить со спортом. Артисты мои меня дождались, я погрузилась с головой в новую работу, хотя какая она новая? Каждый день я ставила танцы, каждый день репетировала. Каждый день придумывала. Постепенно у меня собралась большая команда, много замечательных артистов. Это был удивительный коллектив. Мы хотели быть лучшими, и, похоже, нам это удалось.

День постановщика

Почти двадцать лет назад я описывала свой день тренера. Прямо скажем — сумасшедший день. Выбрав театр, я думала, что вот теперь-то меня ждут спокойные деньки. Но я жестоко ошибалась. В театре день строился не менее круто, а объем работы оказался значительно больше. Постановочный день обычно превращался в постановочные сутки. А сам постановочный период начинался у меня с того момента, когда мною выбрана музыка для спектакля. Бывает, что мне присылают музыку, написанную специально для постановки, как это было со спектаклем «Красавица и Чудовище», когда я ездила несколько раз к композитору в Англию. Но обычно я останавливалась на му-

зыке великих русских композиторов — Петра Ильича Чайковского для «Спящей красавицы» или Сергея Сергеевича Прокофьева для «Золушки». «Держать в руках» такую музыку уже большое счастье. Я работала с отличным музыкальным редактором Геннадием Папиным, нас познакомил мой дорогой дружок Евгений Баранкин, о достоинствах которого я уже писала раньше. Когда музыка великая, переложить ее на требуемые два часа — это большое искусство, и с этим блистательно справлялся Гена Папин.

К первому дню постановки у меня всегда лежало готовое либретто. Писал его обычно Баранкин, вернее — переписывал сто пятьдесят раз. Оно бесконечно нами обсуждалось. Женя мне прочтет вариант, мы поспорим, потом он его переписывает, что-то дополняет, что-то убирает. Наконец нами определены действующие лица, а мною — исполнители: список вывешивался на доске. Я приказов никогда никаких не писала, артистам достаточно списка, кто в первом составе, кто во втором. Все знают, что я не определяю: эти первые, а эти вторые, мне несколько составов нужны на случай болезни и травм. Любая роль должна быть взаимозаменяемая, тут все не раз и четко продумано. Подготовительная работа — подводная часть огромного айсберга, и она не измеряется временем. Я не работаю от и до. Нет у меня такого: пришла на каток в девять часов утра и ушла в девять часов вечера. Впрягаешься и тянешь этот воз. Замертво падаешь, не спишь, а если и заснула, то просыпаешься и сразу в дело. Это работа на износ, но от нее такой кайф! Я арендовала лед на своем любимом тренировочном «Кристалле» в Лужниках. Мне помогал генеральный директор стадиона Владимир Владимирович Алешин. Заказывала лед с десяти утра до шести часов вечера. На самом деле я с раннего утра готовилась к репетиции дома. А на «Кристалл» приходила обычно за полчаса до десяти, но еще раньше, за час до ледовой репетиции, ребята собирались в балетном классе с балетмейстером-репетитором Владимиром Николаевичем Ульяновым. Он устраивал для них небольшой класс, потом шли предварительные репетиции, артисты разучивали новые элементы.

Все они приезжали на «Кристалл» со своими бутербродами, с термосами кофе.

Обычно я отводила себе на постановку шесть недель, но, как правило, ставила двухчасовой спектакль за три, реже за четыре недели. Я не знаю, сколько времени на постановку такого спектакля положено на Западе, но я не могла себе позволить больше полутора месяцев. Мой день вне дома начинался с того, что я садилась в машину и включала в магнитоле музыку, которую я уже слушала тысячу раз. Но пока еду, значит, еще сорок пять минут могу поработать с ней. Почему я приезжала на каток за полчаса до репетиции? Пока разложишь все вокруг по своим местам, пока настроишься. Главное, я всегда знала, с чего сегодня начну. Я готовила каждый день примерно семь — десять минут постановки и должна была эти семь — десять минут отрепетировать сразу с несколькими составами. Так и сижу на катке с десяти часов утра до четырех или до пяти дня. Потом мы обычно оставались еще на час, обсуждали то, что сделано.

Когда я ставлю определенный кусок, я всегда иду с самого начала. В подготовке спортивных программ я могла со своими учениками разбираться с любой части, но здесь я шла только от начала, точно, как по сценарию. Нам предстояло выступать на маленькой сцене, поэтому мои несколько составов разъезжались по разным углам площадки. На «Кристалле» я выкраивала четыре условные «сцены». Все одновременно разучивают одно и то же, все очень удобно, так как при такой системе запоминание идет быстрее. Иногда собираемся вместе, когда делаем массовые сцены с участием всей труппы.

И так каждый день. Сперва мы на пару вместе репетируем, а потом, после того как они расходятся по группам, Владимир Николаевич занимается с ними по очереди, перемещаясь из угла в угол. А я сижу. Сижу и ставлю, сижу и ставлю. Выхожу на лед, что-то показываю, или сама на коньках, или в зимних ботинках. Потом, когда репетиция на льду заканчивается, иду на какое-то время в зал: новые элементы отрабатываются сперва на полу. Наконец я уез-

жаю домой и, пока еду обратно, снова слушаю музыку, но это уже музыка на завтрашний день. Дома у меня выключаются телефоны, я ни на что не в состоянии отзывать. Обедаю, ложусь, час-полтора после работы я должна поспать или полежать. Встаю около восьми вечера. Вновь два часа слушаю музыку. Слушаю, пока голова ее может выдержать, и наконец ложусь спать. А затем наступает утро, и, проснувшись, я опять слушаю музыку. Завтракаю — слушаю, сажусь в машину — слушаю, но обычно уже с вечера я знаю, как надо делать сегодняшний кусок. Приезжаю на «Кристалл», сажусь на стульчике на лед. И так день за днем, неделя за неделей.

Я все время повторяю: слушаю музыку, слушаю музыку, и, наверное, может возникнуть впечатление, что сидит человек и наслаждается мелодией. Но в это время я придумываю, представляю себе новую мизансцену, передо мной возникает картина, которую мне предстоит поставить. Я слушаю музыку, для того чтобы придумать движения.

В спортивной своей карьере я ставила танцы, ставила без конца, десятками, но только парам. А здесь передо мной целый ансамбль, но человек, пока живет, всему может научиться, если занят своей профессией. Я не исключение — я училась. Наташа и Володя Ульяновы мне помогали, и о них я еще расскажу. Но прежде всего я училась на репетициях Игоря Александровича Моисеева. Глаз у меня хороший, поэтому я на его репетициях многое сумела рассмотреть.

В субботу я редко репетирую, но если это и происходит, то обычно недолго. Как правило, в этот день уступаю Наташе с Володей, которые просят меня дать им возможность технически «вычистить» то, что я поставила за неделю. Они любили это делать без меня. Тогда я уезжаю на дачу, беру с собой музыку и готовлюсь к следующей неделе. Два дня отдыха, два дня подготовки к предстоящим пяти дням. Нередко со мной и следующий акт спектакля, я с ним работаю, делаю отметки его читая, что-то смотрю... А с понедельника, как я уже говорила, беру в себя музыку маленькими кусочками.

Балетная память у меня хорошо развита, но я всегда просила своих артистов относиться к моим указаниям внимательно, потому что я могу потерять движение, потерять то, что мною уже сделано, поскольку уже сосредоточена на другом. То, что пройдено, должны уже помнить они и репетитор, а я иду дальше.

Ледовый театр-2

За год до Олимпийских игр в Калгари мне поступило предложение от знаменитого австралийского импресарио Майкла Эджли. Точнее, от него, еще от одного австралийца Эндрю Гилта и от самого Кристофера Дина — о совместном шоу, больше того, о совместной работе на много лет. Ближайший сезон: восемь месяцев гастролей по Австралии и Новой Зеландии. Следующий сезон: полгода в Америке и Канаде и, наконец, на третий год: семь месяцев в Англии. Такие у них родились планы на три года вперед. То, что они обратились ко мне, я считала своей большой победой. Надо ли говорить, как мне хотелось работать с выдающимися танцорами на льду — Джейн Торвилл и Кристофером Дином. К этому времени мои ребята уже съездили в Югославию, выступили с успехом во Франции, пару раз побывали в Польше и в Финляндии. Небольшой, но хоть какой-то опыт зарубежных гастролей они уже приобрели. В те годы гастроли на Западе для новых наших коллективов считались из ряда вон выходящим явлением, а получить такое предложение... я не знаю, как это охарактеризовать, наверное, чудо. С другой стороны, я так работала, что удивляюсь, отчего хребет не сломался. Я же вела не только Бестемьянову и Букину, у меня еще восемь пар выходили на лед. Мила Пахомова тяжело болела и отдала мне своих лучших — Анненко и Сретенского, попросила, чтобы я их готовила к Олимпийским играм. Сама Мила уже не выходила из больницы. Ответственность огромная, подвести ее я не имела права.

Но за полгода до Игр получить такое заманчивое предложение! И все-таки я решила: до Олимпийских игр больше ни о чем кроме спортсменов не думать. С ансамблем все закрутилось, гастроли запущены, и я от них на время отошла. Я занималась олимпийскими программами, шли очень тяжелые дни, спортсмены взбрыкивали по поводу и без. Впрочем, дни перед стартом всегда тяжелые, тем более когда он раз в четыре года, но это отдельная тема.

Эндрю Гилт дал мне на отдых всего один день. Вечером в субботу Бестемьянова с Букиным выиграла, весь следующий день я лежала пластом, отходила, а в понедельник утром Гилт пригласил меня к себе в номер. Он приехал специально ко мне, в Калгари, на переговоры. Эндрю австралиец, но у него русская жена и очень хороший русский язык, а главное, именно он позже сыграл большую роль в формировании меня как активного участника шоу-бизнеса, кем мне предстояло стать в ближайшие годы и о чем я, естественно, не подозревала. Гилт — крупный импресарио. Я очень потом к нему привязалась, во всем слушалась — хотя я мало кого слушаюсь, — к тому же человеком он был душевным, что нас с ним сблизало. Рядом с ним я чувствовала себя защищенной. Эндрю, конечно, делал то, что хотел, но он нашел ко мне подход, и я, которая обычно, когда что-то мне не нравится, резко возражаю, с ним, как правило, соглашалась.

Так вот, Эндрю Гилт прилетел в Канаду, чтобы со мной встретиться. Дал мне день передыха, а потом прислал за мной машину. С подобным сервисом я уже сталкивалась, но все равно было приятно. Только я вошла, он сразу сказал: «Таня, я за тебя позавчера так боялся, так боялся, так нервничал, мне казалось, что с тобой что-то случится». А я действительно всю Олимпиаду проходила в наилучшем состоянии. Но он недолго рассыпался в комплиментах, мы тут же стали обсуждать его предложения по поводу Торвилл и Дина. Гилт с партнерами много лет возил в Австралию советский цирк, поэтому у них были налажены хорошие контакты в Союзгосцирке, и он мне предложил пе-

рейти со своей труппой в эту организацию. Переговоры выглядели абсолютно конкретно. Когда мы возьмем в Москве репетиционный лед? Когда приезжать Торвилл и Дину? Когда они начнут работать с труппой? Когда мы начнем с Дином вместе ставить? Предполагалось, что мы с ним вместе распишем программу и музыку. Эндрю просил, чтобы я к встрече готовилась, чтобы заранее поставила пару номеров для труппы, какой-то номер предложила бы англичанам, и вообще чтобы я внутренне настроилась к совместной работе.

Вот с какими новостями я вернулась из Канады в Москву. Принципиально я для себя все решила, пришла пора прощаться со спортом, передо мной открываются большие перспективы. Забегая вперед, скажу, что действительно три года у нас проходили изумительные совместные гастроли. Как сейчас все ломаются на «Ривер-данс», так рвались на наше представление. Все в нем крутилось, как в отлаженных часах. И выглядели мы не хуже, чем хорошее бродвейское шоу.

Но для начала великие Торвилл и Дин собирались приехать в Москву. Мне было что им показать: я сделала «Болеро» Равеля. Ребята выступали с новой программой «Танго, танго». Опять точно не помню, но, по-моему, я уже ставила «Половецкие пляски», готовя труппу к будущему туру. Я совершенно не задумывалась о чисто развлекательной программе, необходимой в шоу-бизнесе, к такому мы не привыкли. Я работала над труднейшей хореографией, мы готовили сложнейшие трюки — большие, настоящие номера. «Танец с саблями», «Русская ярмарка». Мне полагалось показать все, чем я богата, чтобы из моих кладовых выбрать что-то для общей программы с Дином. Нам с англичанами предложили сделать спектакль на два отделения и не меньше чем на два часа.

В Москву они прилетели чуть ли не тайно, мой друг вечером привез их ко мне домой. Мы так все замаскировали, что никто из журналистов и «друзей»-тренеров не узнал, что Торвилл и Дин в Москве. Я сказала Крису и Джейн: «Прежде чем вместе работать, вы должны знать, с кем вы

будете вместе на льду. Вам нужно посмотреть, чем мы занимаемся». Наступал май, гастроли «Всех звезд» проходили в Ленинграде, и мы отправили туда великих чемпионов, но с задержкой на день, чтобы подготовиться к их встрече. Весенние гастроли у нас проходили во второй русской столице традиционно. Господи, я сейчас вспоминаю те дни, как будто это происходило не со мной, сколько же всего я в своей жизни перелопатила?

Для Джейн и Криса мы заказали номера в дорогущей «Европейской», а сами жили в дешевой «Октябрьской», но, по-моему, мы с Юркой тоже перебрались в «Европейскую», чтобы не опускать планку. Нам никто не оплачивал интуристовскую гостиницу, денег больших у нас с Овчинниковым не водилось, но мы не хотели ударить в грязь лицом, не хотели, понимая, что же потом с нищих братья, а главное — как же таким нищим платить? Ведь впереди три года работы.

Они приехали в Ленинград в такой день, что смешнее не придумаешь. Прямо на первомайскую демонстрацию. А у меня из головы вон, что завтра демонстрация пойдет по Невскому проспекту. И только когда я утром-то вышла из гостиницы, до меня дошло, что весь центр оцеплен, что придется от «Европейской» на вокзал идти пешком, а главное, англичан придется встречать без машины! На вокзал я бежала, расталкивая праздничные колонны трудящихся. Из поезда они вышли какие-то маленькие, совсем не такие великие и гордые, какими я их знала много лет. С переводчицей, постоянно работавшей с Эндрю в Москве, Риммой Васильевной. Приехали-то приехали, а выйти с вокзала куда? Стоит оцепление — машины военные, милиция. И объясняют, что нужно ждать три-четыре часа, пока пройдет демонстрация. Но как же ждать три-четыре часа, когда ко мне приехали Торвилл и Дин! Хорошо хоть, что меня люди узнают, слава богу, я человек в стране популярный. Я — к военным в оцеплении, прошу: «Пропустите нас, товарищ командир, пропустите, товарищ майор. Я Тарасова Татьяна Анатольевна». А он отвечает: «Да вижу, вижу». Я причитаю: «Я тут со своими спортсменами, мне

нужно пройти». Он сурово: «Ты сейчас никак не пройдешь и не проедешь. В «Европейскую» можешь попасть только с демонстрацией». Это оказался ценный совет, мы пролезли под грузовиками оцепления, и олимпийские чемпионы англичане Торвилл — Дин слились с первомайской демонстрацией ликующих трудящихся города-героя Ленинграда. И мы походным маршем с вещичками двинулись по «колыбели Революции». Спасибо, что чемоданы у них были на колесиках. Правда, их пришлось волочить в колонне недолго. Мы погрузили чемоданы в машину, которая то ли осталась ждать, то ли поехала в объезд, а сами, уже с одними сумками, где главная ценность любых фигуристов — коньки, с чем мы никогда не расстаемся, прошли с колоннами до «Европейской». Хохотали до упаду, для них это все экзотика: идет толпа, песни поет, с красными флагами. Народ у нас, понятно, с утра выпивши, ну как же — праздник ведь. С цветами, с детьми на закорках. Джейн и Крис такой шок пополам с восторгом вряд ли еще испытают.

Дошли до «Европейской», с трудом откололись от народа, потому что тяжело выйти из колонны, вокруг нее оцепление, людей не выпускают, поскольку они не совсем сами на демонстрацию от радости попали, а некоторым образом добровольно-принудительно. Поэтому, чтобы демонстранты не рассасывались до главного места — трибуны партии и правительства, — на всякий случай оцепление и вдоль Невского стояло. Я опять: «Товарищ милиционер, пропустите, я Тарасова Татьяна Анатольевна, вот со мной спортсмены, мы тут живем». Вынырнули из толпы. Вижу по глазам будущих партнеров, что им очень интересно, но очень страшно, потому что у нас в толкучке задать могут и от радости, а не по злобе.

Вошли в «Европейскую», Юра заказал самые лучшие номера. В «Европейской» еще оставались такие старинные, анфиладные комнаты, с прежней еще дореволюционной обстановкой. Все любят жить в роскоши, и мы любим, хотя стесняемся это говорить. А роскошь — это такая вещь, к которой привыкаешь очень быстро. В гостинице «Европейской» всегда была замечательная еда, что для

меня, как для хозяйки, тоже имело большое значение. Мы с Юрой, конечно, купили на всякий случай икры и напрягались насчет какой-то развлекательной программы. Развлекаться не получилось, потому что пришлось сидеть безвылазно на трибуне Дворца спорта «Юбилейный» и смотреть на «Все звезды». Первого мая спектакль шел вечером, а уже на следующий день два спектакля — и дневной, и вечерний. Крис и Джейн хотели посмотреть все три представления, неважно, что они одинаковые. Мы не меняли основной репертуар, но все же вставили в него все самое лучшее. Артисты не щадили себя, труппе не пришлось ничего объяснять. Они сами пообщались с англичанами, все же друг друга знают, никаких новых лиц, все с одной международной спортивной площадки. Мы продолжали скрывать от общественности, что приехали Торвилл и Дин. Крис и Джейн приходили в зал в темноте, тихо садились. Мы не знали, получится ли у нас что-то вместе или нет, а конспирация входила в их условие. Пока же они внимательно изучали труппу, с которой собирались вместе работать. Крис хотел посмотреть исполнителей, это важная деталь для любого балетмейстера: надо же знать, на кого какие номера потом ставить. По нашему соглашению, что-то мы должны были делать вместе, что-то должно идти только мое, что-то — только Криса. Обязательно два репетитора: один — английский, другой — русский. О нашем репетиторе Надежде Крыловой я еще скажу дальше. Надя — моя подруга с самого детства. Она танцевала двадцать лет в Большом театре, с ней мы всю жизнь рядом прожили. В Большом Надя танцевала в премьерных спектаклях, но звездой не стала, не всем выпадает счастливый билет, но держалась в театре на хорошем счету. Я ее позвала работать в ансамбль, и она совершенно помешалась на новом для себя деле. Стала блестящим хореографом-репетитором. Наверное, она имела такой дар от природы: вычищать танец до идеального состояния. У Надежды периодически возникали проблемы со здоровьем; что неудивительно, она тянула на себе дикий воз. На Наде были и свет, и музыка, и репетиции; артистов она воспитывала, лелеяла, жалела.

А в свободное от всего перечисленного время бегала за кулисы, помогая им переодеваться.

С Надюхой англичане быстро сошлись, профессионалы, они сразу друг друга чувят. Меня они знали хорошо, Юру — хуже. Такой пятеркой мы сидели на трибуне как вкопанные и вместе, не отрываясь, смотрели на лед. Зал собирался не полный, процентов на восемьдесят, но зрители «Всех звезд» в Ленинграде всегда принимали хорошо. Работали, конечно, наотмашь. Посмотрели на нас Торвилл и Дин со всех сторон и уехали. Мы на прощание с ними шампанского попили и пришли к соглашению делать вместе спектакль. Летом они уже появились в Москве — работать! Но и до их приезда мы продолжали создавать новый репертуар, я поставила «Половецкие пляски» из «Князя Игоря» Бородина.

Так начался мой первый за двадцать три года сезон вне спорта.

Я собрала труппу на стадионе Юных пионеров. Стояло очень жаркое лето. Мы арендовали лед на восемь часов в день. Торвилл и Дин заранее прислали мне музыку того, что нам полагалось ставить с Крисом совместно. «Игру в покер» Джоплина. Номер «Египет» оставался за Дином, а «Половецкие пляски» — мои. «Половецкие» никак не обсуждались, импресарио взяли номер сразу, им закрывалось первое отделение. Последним танцем шло «Болеро», сразу после «Половецких», и всегда публика устраивала овации стоя. В жизни не так уж многим можно гордиться, но своей постановкой «Половецких плясок» я буду всегда горда. С каким бы настроением ни собиралась публика, вихрь «Половецких» всегда взрывал зал.

Нам всегда хотелось выглядеть лучше, чем Торвилл — Дин, это понятно. Такое стремление порождало сложные взаимоотношения, что тоже понятно. Конечно, Торвилл и Дин нас подхлестнули, заставили подняться на новый уровень. Не было у моих пар такого мастерства, как у англичан, но зато подгонял кураж, помогал талант, помогала и я, поэтому в итоге выглядели мы достойно, на равных. Открывался концерт нашими «Саблями», а закрывался номе-

ром, где Джейн и Крис отбивали чечетку — «Степ» Фреда Астера и Джинджер Роджерс, а весь ансамбль работал как кордебалет. Для Торвилл и Дина я сделала балет на музыку Сергея Рахманинова «Рапсодия на тему Паганини». Так родилось совместное шоу, где главные роли исполняли Юрий Овчинников, Джейн Торвилл, Кристофер Дин и Ольга Воложинская. Замечательный получился спектакль! Для Криса и Джейн это была абсолютно новая работа, потому что они никогда в своем катании не использовали рук. А руки — это душа русского танца. Англичане, наоборот, всегда работают в позициях, где нет нужды помогать себе руками. И вот первый раз Джейн «танцевала», как русская.

Работали мы следующим образом. С десяти утра пять часов льда, после часовой перерыв и еще три часа. Жили англичане в центре, в гостинице «Берлин», где их искушали клопы до полусмерти. Пришлось перевести их в «Советскую». Жара стояла под сорок градусов, когда они меня спросили, а как в отеле насчет кондиционера? «А никак!» — гордая за свою страну, ответила я. Зато я варила варенье — они называли его джемом — и приносила на каток. На рынке покупала фрукты, но с едой в Москве становилось ощутимо неважно. Англичане оказались непривередливыми, но привезли с собой много продуктов. Я их честно предупредила, что с питанием у нас возникают сложности. Ели мы один раз, вечером, после работы, по-другому не получалось, а днем — чай, кофе и мой домашний джем. Джейн и Крис ходили в разные рестораны. Они, насколько мне известно, и по сей день только ужинают. Голова целый день кругом идет: и работаешь, и варишь. Но я очень старалась, чтобы они чувствовали себя комфортно. Мы-то от рождения привычные к походной жизни, с нами всегда бутерброд и термос, у нашего артиста нет денег пойти в ресторан, если только не на фабрику-кухню (одно название чего стоит!) напротив СЮПа забегать. Но за час перерыва откуда возьмешь силы куда-то бегать? За полчаса пили кофе, чай, ели свой бутерброд, еще полчаса отдыхали и выходили опять на лед. Я смотрела, как Крис ставит, он смотрел — как я. Что-то делали

параллельно, во всяком случае лед был целиком освоен. К тому времени я с «Половецкими плясками» расправилась, и мы занимались только тем, что должно войти в программу как общие номера. Я работала над танцем «Покер», где артисты, одетые в игральные карты, изображали реальные комбинации в игре. Финалом представления занимался Крис.

Как же выглядела наша программа? Она состояла из нескольких маленьких спектаклей, прежде всего «Половецких плясок», затем «Игра в покер», Юра, Джейн и Крис имели в нем свои сольные партии. Я внимательно следила за тем, чтобы никого из моих артистов не обидели, чтобы все они вошли в спектакль со своими номерами, чтобы всем досталось поровну. Мне казалось, что разнообразная программа, а не исключительное выступление Торвилл и Дина с кордебалетом, даст больший эффект. Как же мои старались и, конечно, кататься стали совершенно по-другому. Каждый пытался свой выход сделать запоминающимся. Подошел момент, когда ребята начали работать с Джейн, ее предстояло поднимать вверх, таскать на вытянутых руках, чего она никогда не испытывала — подобные поддержки в танцах запрещены. Я ей сказала: «Джейн, можешь делать в воздухе все что угодно, потому что ты в надежных руках. Никто никогда тебя не уронит». Дин получил возможность изобретать любые элементы, мои ребята все делали в лучшем виде.

Когда все было отрепетировано, мы провели небольшую разведку, чтобы посмотреть, что и как воспринимает зритель. Все телевизионные каналы я подключила для рекламы. Тогда появились молодые мальчики, которые открыли новую программу на телевидении — «Взгляд», они приезжали к нам в гости в Лужники, мы репетировали уже во Дворце спорта.

На какое-то время мы разъехались, отдохнули, затем собрались вновь и уже в нюансах готовили спектакль, тем более, он выходил довольно длинным. Прилетели нас смотреть западные импресарио. Мы начинали с «Рапсодии на тему Паганини». Как я теперь жалею, что у меня нет

пленки с «Рапсодией», знаю, у кого-то она есть, но снятая любительской камерой. О, какой же получился спектакль! Первое представление — в Москве, потом переехали в Ленинград. Два спектакля, не в «Юбилейном», а в СКК — большом Дворце на Московском проспекте. Грандиозное шоу, зал битком! Всем же интересно, что вышло у русских с англичанами. Мы собрали в программу все, что имели, гнали ее без аплодисментов, даже не объявляли номера. Одно за другим, танец за танцем. Нам хотелось выбрать то, что зрителя захватывает больше. Шло «Болеро» мое и шло олимпийское «Болеро» Дина. Почти три часа с двумя антрактами!

Два сорок — только чистое катание! И «Египет», и финал, и все номера, которые мы вместе поставили в Москве, да еще Джейн и Крис приехали с пятью новыми номерами. Всего состоялась лишь одна репетиция, на которой они нам их показали. Мы встали вдоль бортов и Джейн с Крисом откатали подряд пять танцев уникальной сложности. Труппа завелась, мы им аплодировали в полном восхищении. Перед людьми, которые так работают, я преклоняюсь. Я Криса и Джейн и сейчас очень люблю и свою любовь пронесу через всю жизнь. Я всегда восхищалась большой работой, большим талантом, не просто исполнительским, а таким, когда человек, как в шахте, рубит и рубит, все глубже и глубже.

Мы потом выстроили программу, но, конечно, много спорили. Первые споры, как и что нам делать. Приехал из Англии художник по костюмам, оттуда же привезли материалы, стали ребят обмерять, но шили костюмы без нас в Австралии, и к нашему приезду что-то было готово, но какие-то костюмы с артистов спадали. А в Москве мы как-то оделись, ребята что-то на себя накинули и провели генеральную репетицию со сценическим светом, с тем, что, естественно, был в «Лужниках». Никакого компьютерного света, откуда его взять? Свезли все, что можно было в Москве собрать. Тут мы с Юриком постарались. И то, что имелось у Синилкиной во Дворце, все повесили. Проектора взрывались и дымились, Торвилл и Дин какие-то

лампы привезли, я сама какие-то приборы покупала, по невысказанным ценам. Впрочем, по тем временам для нас, нищих, любая покупка за сто долларов казалась роскошью.

Народ заходил в восторге, на лед выезжала девочка и на счастье нас осыпала лепестками роз. Незабываемый концерт, почему он не записан на пленку, я до сих пор не понимаю? Концерт самого высокого мирового уровня, кассеты с записями продавались бы до сих пор. Но суeta суeta, всем некогда, надо вперед смотреть. Потом, я уже говорила, переехали в Ленинград. Начала с импресарио обсуждать планы, а у них уже готов проект гастролей. В конце сентября — начале октября отъезд на семь месяцев в Австралию и Новую Зеландию. И только там мы организовали спокойный двухнедельный репетиционный период, где спектакль сводили воедино и доводили до ума. Репетировали, привыкали к новой ледовой площадке, она оказалась меньше, чем дома. Лед специально положили для нас, и не в привычном крытом помещении — а под шатром! В Москве, перед отъездом, мы, конечно, устроили банкет, обнимались, целовались, счастливы были, что у нас все получилось, что зрелище настоящее. Споры продолжили в Австралии, выбирали программу очень тяжело, каждый хотел сохранить свой номер. В конечном итоге эти вопросы решил импресарио. Там, в Австралии, я начала делать первый свой полный спектакль — «Кармен». Хотела начать этот балет в Москве, но времени на него не хватило. Моя «Кармен» родилась в Австралии. Я обговорила для себя репетиции, объяснив, что иначе труппа заскучает, что звучало странно, так как ребятам приходилось и так нелегко: семь спектаклей в неделю, два выходных, но и два двойных выступления. Никто не имел права заболеть, ни у кого ничего не должно было сломаться или вывихнуться. Никто и не заболел, никто не получил серьезной травмы.

Австралия — наши первые настоящие гастроли и более или менее серьезные заработки. Работали ребята, как звери, нам казалось — вот оно богатство, хотя настоящие деньги Эндрю платил не нам, а Союзгосцирку. Мы с Юрой выбивали ставки для артистов в Министерстве

культуры. Именно ставки, для того чтобы получать хоть какие-то деньги за границей, а не наши вечные суточные, ради которых, чтобы хоть немного осталось на покупки, мы много лет отказывали себе в еде, а труд же физический. Выбили: я получала за концерт семьдесят австралийских долларов, что в два раза меньше американских, Юра — примерно столько же, а ребята получали по пятьдесят австралийских долларов. Уже что-то, но, честно говоря, — это не плата за спектакль. Труппа маленькая, 17 человек, мы взяли из Москвы врача, он же работал как передевальщик. С нами поехали Галина Ивановна, костюмер, и моя переводчица, которую до этого долго не выпускали за рубеж, — Оля Чопорова. С Олей я потом прошла рядом долгий и счастливый период жизни. Оля понимала меня с полуслова, и если бы я сейчас надумала провести семинары по фигурному катанию, то проводила бы их безусловно с Олей, потому что у нее уже высочайший уровень знания предмета.

...Мы летели в Австралию 38 часов. Через Югославию, почему — не знаю, но зато я первый раз в жизни летела в бизнес-классе. А жизнь моя к тому времени могла бы уже и закончиться, я говорю о трудовом стаже, потому что за спиной пять Олимпиад и почти все небезуспешные, все с золотыми и серебряными медалями. Десятки чемпионатов мира и Европы. Я заслуженный тренер страны, отработавший 24 года в фигурном катании. И первый раз летела не в экономическом классе. Мы с Юрой все вокруг оглядывались — ах, как просторно, ах, какие широкие кресла. Труппа была счастлива лететь и в экономическом классе. Переводчицу сразу со мной не послали, она приехала к нам только через месяц. Мне приходилось вначале тяжело, возникали серьезные вопросы по труппе, по номерам, что оставлять, от чего избавляться, а это значит — споры, обиды: «если вы это не поставите в программу, я заберу труппу и уеду». Я им тоже прилично трепала нервы, но мне хотелось, чтобы каждый мой артист имел свой номер, гастроли же длинные, вот я и добывала им эти номера. Все равно с чем-то пришлось попрощаться. Исчез мой люби-

мый номер под названием «Любовь», навеянный американским фильмом с Мерил Стрип и Робертом Де Ниро; я его сделала за два часа для Воложинской и Свинына. О судьбе персонажей из фильма я до сих пор помню и думаю, интересно, как у них сложилось дальше? В фильме происходила случайная встреча благополучных в семейной жизни героев, которые рвут все ради встречи в конце. Мы были очень увлечены этим сюжетом.

Артисты в Австралии вытворяли на льду черт знает что, превзойдя самих себя. И условия идеальные, и свет компьютерный. На самом же деле все здесь подготовили так, как обычно готовят в хорошем западном шоу. Но мы-то такого никогда в жизни не видели. Я сидела ночами с Крисом — мы писали световую партитуру. Из Англии вызвали лучшего компьютерщика по свету, но он Крису не понравился, и компьютерщика отправили обратно, через пять дней вместо него приехал другой специалист. Наконец установили свет, который нас устраивал. Правда, теперь большую часть ночи сидели они вдвоем, но я тоже каждое утро регулярно вносила свои предложения. Под шумок я познакомилась с компьютерным светом, 30 — 40 часов я за этим пультом провела и поняла, как он работает. В Москве мы, кстати, тоже его достали с Юриком — эти сводящиеся и разводящиеся лучи. С разноцветовой партитурой. Их было немного, но они были!

Итак, через две недели репетиций мы запустились. Нелегкий получился старт. И хотя я знала, что Австралия находится на самом краю света, я первый раз чувствовала себя в невообразимой дали от дома, от мамы, от Вовы. Порой думала, что оттуда я уже никогда обратно не долечу. Откуда вдруг возник такой испуг, при моем опыте ежегодных стрессов на всех наших и мировых чемпионатах, понятия не имею. Скорее всего, нервы уже не выдерживали, а потом все закрутилось, эти семь спектаклей в неделю шли с большим успехом. Я прожила в Австралии два месяца, когда мне импресарио разрешил вернуться на месяц, максимум на два в Москву. Я оставила труппу на Юру. Мы ощущали себя спаянной командой: Надя, Юра, Джейн,

Крис. Я вернулась в Москву с мыслью, что мой коллектив вышел на какой-то совершенно другой уровень.

Мне хотелось, чтобы Юра, замечательный исполнитель, больше работал на льду, а для администрирования — тогда слово менеджмент мы не знали — требуется человек со вполне определенными знаниями, какими он не владеет, и полагается вновь искать профессионала. Я поговорила с Юрой, сказала: «Ты должен уступить место директора, мы с тобой вдвоем не справимся с управлением, у труппы начинается другая жизнь. Давай возьмем человека, который займется гастрольными договорами». Юра со мной согласился, с этим я и уехала в Москву. Накануне отъезда из Австралии я позвонила Володе Панченко и попросила мне помочь. Володя, директор Госконцерта, близкий друг моего мужа, хорошо знал всех директоров в любом артистическом коллективе. Связалась я и с Иосифом Кобзоном и тоже просила его помочь. И Панченко и Кобзон приходили в Москве на мои спектакли, видели, что это настоящее и большое дело, что в стране образовался новый перспективный ансамбль — с постоянными выездами за границу, что по тем временам было немаловажным обстоятельством. Поэтому, когда я вернулась в Москву, одно предложение с кандидатурами следовало за другим. С кем-то я встречалась на кухне, кто-то не проходил дальше гостиной, все кандидаты — уже известные директора из больших коллективов. Но чувствую, с ними все по-старому будет, а я ждала новых предложений, я уже вдохнула отравленного воздуха западного шоу-бизнеса, и опытные советские администраторы меня не вдохновляли. В стране начала проклевываться какая-то свобода, в театрах заговорили о переходе на самоокупаемость. А кто может перейти на самоокупаемость? Да никто, кроме моих «Всех звезд». Только мы можем ездить и сами себя содержать. Я хотела найти человека нового направления. И однажды Володя Панченко мне сказал: «Есть такой парень, зовут его Семен Могилевский». «Парень» жил в Кузбассе, в городе Кемерово, заведовал там филармонией и сделал Кузбасскую филармонию одной из лучших в стране. Более того, он так

все в своем Кемерове устроил, что филармония всегда располагала деньгами, а артистов он понимал и принимал, как никто. Потом Могилевский работал в Москве с Хазановым и помог тому создать театр. «Он очень мобильный, — объяснял Панченко, — молодой, для художественного руководства не годится, а как коммерсант тебе подойдет». Я позвонила Моисею Мироновичу Мучнику, бывшему директору томского Дворца спорта, а потом директору Томской филармонии, старому моему товарищу. Спрашиваю: «Моисей Миронович, просветите меня, кто такой Могилевский?» Мучник отвечает: «С хорошими мозгами, сильный малый, ему лет 33 или 35, очень энергичный, понимает, как жить в новом мире». Но как с ним связаться? Попросили Панченко, и Володя организовал, чтобы Могилевский получил мой телефон. Вскоре он мне позвонил. Я сказала: «Ой, я вас давно жду, давайте наконец встретимся». Сеня пришел к нам домой, сгорбленный, с тяжелой спиной, застегнутый на все пуговицы, очень скрытный. Но глаза хорошие, внимательные. Говорил неторопливо, каждое слово как бы взвешивал. Мы втроем — Вова был дома — сели с ним в комнате, Могилевский у меня спрашивает: «Как вы представляете себе нашу совместную работу?» И что-то высказывается по поводу моего характера, мол, я крутая, одеяло всегда тяну на себя. Я объяснила: «Во всем, что касается вашей работы, обещаю: никогда не буду в нее влезать. Мне нужен человек, которому бы я абсолютно доверяла. Я хочу, чтобы театр стал самостоятельным. У нас такие-то перспективы, такие-то гастроли... Где вы будете доставать деньги и как будете оплачивать лед для репетиций театра, это ваши проблемы». Он ответил: «Я зайду к вам через неделю-две. Я должен подумать. Если приду, то уже с какими-то предложениями». Вот так и познакомились.

Через неделю он вернулся: «Я буду работать в том случае, если вы с труппой уйдете из Союзгосцирка». Но страшно же пусть уже в то, но еще советское время уходить из государственной организации в никуда, ох как страшно. Я привыкла работать только в государственных

учреждениях, хотя бы в том же Спорткомитете. Но неожиданно для себя я сказала: «Вернусь в Австралию, переговорю с труппой и оттуда вам позвоню. Начинайте работать, начинайте готовить документы». — «Вы должны уйти из Союзгосцирка в первый же день, как только вернетесь в Москву после гастролей». Я пытаюсь возражать: «Семь месяцев в поездке, люди должны отдохнуть, пусть немножко, а мы их тут же теребить». Он: «Нет, в первый же день все должны написать заявления об уходе. Только в этом случае я приду к вам работать». На прощание я ему сказала: «Я не буду влезать в бухгалтерию, не хочу в ней разбираться, и не буду вас проверять. Вы видите, я человек совершенно неискушенный в денежных делах. Но в театре все должно происходить честно, мне нужен лед, мне нужны гастроли, и прежде всего мне нужна организация гастролей. У меня есть творческие планы, я ими занимаюсь сама и этой нагрузкой с себя не снимаю. У вас нет таких связей с западными импресарио, как у меня, но тут я буду вам помогать».

Я вернулась в Австралию. А там — полный успех. Но только я появилась, Дин «сломал» спину. Спина у Криса «полетела» за два часа до спектакля, он кататься не может, а представление отменять жалко. Ко мне подошел Эндрю Гилт и говорит: «Можешь сейчас вывести «Русскую ярмарку»?», а я притащила в Австралию все наши костюмы. Пусть ничего из прежнего и не предполагалось показывать, но я-то с собой все собрала. На всякий случай. Потому что подспудно мне все время очень хотелось продемонстрировать исключительно свои достижения. Поэтому я костюмчики прихватила, они лежали упакованные, нетронутые четыре месяца. Я сразу, как пионер: «Могу!» Тут же — к ребятам, а для них такая перемена — дополнительная нагрузка. Но мы же все вышли из пионеров, мы «всегда готовы». Четыре человека сдали билеты из зала в шесть тысяч. Объявили, что Дин болен, спектакль будет, но чисто русский. И мы три дня без англичан, без великих чемпионов, при полном зале имели не меньший успех — была большая ответственность, но и большая победа. Не могу сказать, что своей «сломанной» спиной Крис вывел

нас в люди, но невольно продолжилось мое многолетнее соревнование с ним. Когда он поправился, импресарио ходили довольные, что мы не прервали гастроли, что билеты никто не сдает, что спектакли идут и зритель на них собирается. Дину поправили спину не до конца, мы ввели вставные номера: что-то он мог исполнять, а что-то нет. Так целую неделю мы выглядели хозяевами положения. Это было феноменально. Я всегда любила подобные импровизации, обычно благодаря им вспыхивают звезды, кого-то надо заменить — и... Похожая ситуация случилась спустя год в Америке — тогда я впервые показала «Кармен»...

Мы с Юрой собрали труппу, я объявила, что отныне мы должны работать по-новому, меня не устраивают ни их зарплаты, ни моя, но прежде всего мы должны стать свободными. Если они много работают, то должны и много получать. Всех денег никому не заработать, но нормальные гонорары — хотя бы сто долларов за спектакль — они получать обязаны. Моему мужу — народному артисту, знаменитому пианисту — выдавали 170 долларов за сольный концерт, точнее, 170 долларов ему оставляло государство от его контракта. (Конечно, Вова получал бы тысячи за концерт, если б остался на Западе. Потом, как выяснилось, все «невозвращенцы», став богачами, перебрались обратно или приезжают в гости — и ничего со страной страшного не случилось.) Люди должны жить по своему таланту. А талант, он у всех разный. И «Всем звездам» пришла пора с деньгами определиться, нам надо на развитие откладывать, на костюмы, на тот же лед. Не будем ждать милости от других, решим все сами. И хотя я выступила с зажигательной речью, окончательный ее смысл понимал только Сеня, который ждал моего решения в Москве, я и сама не во всем до конца разобралась. Но я объявила, что будет новый директор, что мы должны принять общее решение — в первый день приезда уволиться из Союзгосцирка. Мне мои артисты все как один ответили: «Как вы скажете, так мы и сделаем». Кроме как друг с другом им в Австралии обсуждать такие сенсационные новости было не с

кем, хотя возникла абсолютно новая идея и она их будоражила. Но думаю, причина такого единогласного порыва прежде всего заключалась в том, что все они хотели немножко больше зарабатывать, и это вполне нормальное желание.

По дороге из Австралии домой мы накупили в Сингапуре радиоаппаратуру для продажи. Все копили, всем хотелось сделать какие-то приличные деньги, всем хотелось решить свои квартирные вопросы, главную проблему советского человека. Мы покупали компьютеры — это были чуть ли не первые компьютеры, привезенные артистами в СССР. Наши мужчины звонили прямо из магазина в Москву, домой к молодому, но уже известному компьютерному специалисту*. Советовались, что выгоднее всего покупать — очень уж хотелось оправдать гастроли, ни у кого же из нас ни копейки за душой не водилось. Девчонки, конечно, заглядывались на туфли и сумки, но ребята придерживали деньги, чтобы квартиру построить и машину купить. В Сингапуре, ожидая рейс, мы сидели двое суток и чуть ли не все это время девочки стояли у витрин магазинов с обувью и ждали, когда мужья им дадут денег, а деньги не выдавались до тех пор, пока не определится выбор техники.

Так происходило не только в нашем, во всех самых известных гастрольных коллективах. Как ни странно, но это означало, что мы встали на ноги. Вернувшись, наши ребята начали устраиваться: купили жилье, отделились от родителей. Покупали пока еще однокомнатные, реже двухкомнатные квартиры, но даже своя однокомнатная квартира — это же советский рай. Они начали по-иному думать о жизни, не все сразу, но начали думать о том, как жить дальше. Теперь мы знали, что нас ожидает, знали, что мы можем тратить деньги, потому что впереди длинные гастроли в Америке и Канаде. Да, работа очень трудная, но зато хорошо оплачиваемая.

* Зовут его Степан Пачиков, сейчас он живет в Америке, ворочает миллионами и до последнего времени занимал пост вице-президента одного из компьютерных гигантов США.

После приезда в Москву все ушли в отпуск, потом вновь собрались на работу. У нас сохранились еще и свои гастролы, без англичан. С совершенно иной программой, но память же у моих артистов в ногах. Продолжили и то, что я в Австралии начала делать, — новый спектакль. Я истосковалась по большой работе, для меня постановочный период — это прекрасное время, в постановках я отдыхала от соревновательного стресса. Со спортом покончено, но каждый спектакль — волнение, это другое, не спорт, не соревнования, но все равно дергает нервы.

Репетировали мы много даже в Австралии. Каждый день Надя проводила часовой балетный класс, каждый день мы начинали как настоящая профессиональная труппа (к нам на класс пришли Крис с Джейн). Несмотря на то что ежедневно проходила еще и раскатка перед спектаклем, я проводила днем двухчасовую репетицию. Все жили в сумасшедшем тренинге. Я попросила льда еще на час и потихоньку делала с Олегом Петровым номер «Тореадор». Музыка у меня уже была скомпонована. Так незаметно я входила в «Кармен». Постепенно сложился план постановки и потихоньку-потихонечку я сделала спектакль. Потом доделывала его в Москве, но основную канву провела в Австралии.

...Надюха работала с нами и в Австралии и в Америке. Сейчас она преподает в Южной Африке. Позже я расскажу, как я ее там оставила. В ЮАР первые гастролы советского ансамбля, то есть нашего коллектива, прошли в то время, когда эта страна еще была закрыта миру из-за апартеида. Правда, через две недели ее «открыли», наверное потому, что Могилевский устроил там гастролы «Всех звезд».

Постановка «Кармен» много времени не заняла. «Балет» я ставила на Ольгу Воложинскую, Александра Свиньина и Олега Петрова. Большая, интересная работа. К гастролям в Америке «Кармен» я с ребятами отрепетировала, хотя в программу этот балет не входил, костюмы я опять с собой на всякий случай взяла.

Еще за месяц до отъезда в Австралию Евгений Баранкин созвонился с Родионом Щедриным и попросил, чтобы

тот меня принял, потом к Щедрину перезвонила я сама, и он мне сказал: «Пожалуйста, Танечка, заходите». Я и зашла к знаменитому композитору с сообщением, что собираюсь ставить на льду балет «Кармен» и вынуждена сделать некоторые купюры в музыке и — «прошу, чтобы вы посмотрели их сами»... В течение часа я рассказывала Родиону Константиновичу свою концепцию «Кармен».

Шла я к Щедрину по улице Горького не торопясь. Вышла из дома заранее, не дай бог опоздать, надо прийти точно к назначенному времени. Мы были с ним знакомы, но шапочно, в их доме я никогда прежде не гостевала. Щедрин меня принял с большой теплотой, что и помогло мне легко рассказывать ему о своих планах, хотя при этом я очень волновалась. Рассказывала о людях, которые закрываются и становятся масками. Я их задумала в спектакле. Я показала, где бы мне хотелось сделать купюры, и он сказал, что это возможно. Я объясняю: «Вы не беспокойтесь, я все сделаю с профессиональными людьми, никоим образом изуродована или испорчена ваша музыка не будет». А он: «Что вы, Танечка, мне кажется, получится интересно. Я не против сокращений, хочу потом посмотреть спектакль. Пригласите на премьеру?»

Много лет «Кармен» входила в репертуар «Всех звезд». Воложинская исполняла главную роль замечательно. «Кармен» — это большая работа, которой я горжусь. Я придумала в этом балете все до мелочей. С первого же номера с веревкой, когда Хосе связывает Кармен руки, но этой же веревкой она притягивает его к себе. Для Оли эта роль — начало ее второй жизни, она в «Кармен» показала себя выдающейся исполнительницей. И Олег Петров оказался совершенно блистательным тореадором, он работал с плащом так, как работают испанцы или профессиональные танцовщики в Большом театре. Олег крутил его двадцать четыре часа в сутки. Ему не просто сшили плащ, он был весь вымерен, весь из специальной ткани, чтобы на катке на большой скорости плащ летел и не заворачивался. А каким же Саша был прекрасным Хосе! Когда идет постановка в любом театре — это всегда событие. Репетиции «Кар-

мен» собирали всю труппу, хотя каждая девочка понимала, что спектакль только на Олю. Правда, я сразу стала придумывать параллельно еще несколько номеров. Я всегда беспокоилась, чтобы мои артисты не ходили бы обиженные, все же этот спектакль делался всего лишь на трех исполнителей, а остальные — в кордебалете. Все без исключения. Но у всех получились небольшие партии, например, Инна Валянская стала «заводилой» во всех женских танцах и прежде всего у «работниц табачной фабрики». Она там очень выделялась, ее не могли заменить, даже когда она умирала от усталости. На этом месте я всегда ждала появления Инны. Тем не менее позже там оказалась Марина Пестова, жена Марата Акбарова, которую я, приехав в Москву немного передохнуть от гастролей, выдержала из дома.

Я встретила с Мариночкой, которая только родила ребеночка, и говорю ей: «Ну что ты тут сидишь?» В спорте Вероника Першина была партнершей Акбарова, а Пестова каталась в паре со Станиславом Леоновичем. Першина с Акбаровым работали у меня, Леонович стал тренером, занимался с Гордеевой и Гриньковым — тогда еще совсем детьми, — а Марина одна сидела в Москве. Я говорю: «Муж работает, и ты к нам причаливай». Она: «Татьяна Анатольевна, роденькая, я же не каталась шесть лет, у меня ноги трясутся, я даже не представляю, как на лед выйти?» — «Такой талант и пропадает! Я для тебя все сделаю, я тебя научу в театре работать». Марина действительно светлый талант, позже она не раз это доказывала. А тогда я ей сказала: «Ты начинай кататься понемногу. Ребеночка пусть соседи часик покачают, но, главное, каждый день приходи на стадион Юных пионеров. Пока мы в Австралии, постарайся войти в форму. Марату пока ничего говорить не будем, но ему без тебя тяжело. Тебе нужно у нас работать». — «А как же ребенок?» — «Ребеночка будем возить с собой, как возят все цирковые, будем качать в автобусах, в поездках, в самолетах».

Так и выросла Анжелка Акбарова у нас на руках. А из Марины получилась потрясающая актриса и чудесная

мама. Мне кажется, она никогда не спала. Уже не один спектакль мы выпустили с ней в театре, как я встречаю ее, она идет навстречу и плачет. Спрашиваю: «Мусечка, что случилось?» Она отвечает: «Ничего. Я просто устала». Ребенок на ней, муж на ней, а она ведущая актриса, ей надо выкладываться без остатка. Ведущие, они потому и ведущие, что ничего лишнего себе позволить не могут. Она никогда не присутствовала на банкетах, потому что пока укачает Анжелку, сама с ней заснет. Иногда она выползала в двенадцать — в полпервого ночи, полумертвая. Но выносливость у нее феноменальная, воспитанная еще Жуком, да, наверное, и просто от всей нашей жизни. Они, вся четверка — Пестова, Першина, Леонович, Акбаров — приехали в ЦСКА из Свердловска, жили даже по тем меркам в ужасных условиях, полуголодные и полухолодные, неодетые и необутые, и в жару и в мороз — тяжелейшие тренировки с раннего утра до поздней ночи. Такой у нас спорт, впрочем, других условий и не предполагалось. Но мы, тренеры, хотели, чтобы они сверкали звездами, и, не жалея ни себя, ни их, лепили из них чемпионов.

После того как я сделала «Кармен», «Все звезды» поехали на гастроли в Сибирь, и там состоялась премьера. С того дня прошло лет десять, но каждый раз, сколько бы я ни смотрела «Кармен», вот сейчас включаю видеомэгнифон, и тут же бежит мороз по коже. Я так счастлива, что этим спектаклем смогла открыть талант Воложинской. Ольга дальше исполняла много разных ролей, но «Кармен» — постоянная наша козырная карта. «Кармен» и «Половецкие пляски». Они уже были сделаны на блистательных Инну Валянскую с Валерием Спиридоновым и Леню Казнакова. «Болеро» я поставила на все пять ведущих пар ансамбля и на Юру Овчинникова в главной роли. Я старалась, чтобы каждый исполнитель получил свой спектакль, чтобы у них не пропадал интерес к работе, чтобы у всех имелась возможность тянуться вверх и в голову брать высокие задачи искусства, а не нашу тяжелую бытовуху, с которой мы сталкивались каждый день.

Работать с Ольгой я любила, приятно иметь дело с профессионалами. Она мне ни на кого посмотреть не давала, я злилась, но в то же время ее «эгоизм» ценила. Потому что это истинная творческая жадность. Она меня ревновала, она устраивала так, чтобы я всегда смотрела на нее, где бы она ни кружилась, в любой части катка. Оля, как никто, умела, в хорошем смысле этого слова, «тянуть одеяло на себя». Злилась вся труппа, но я Олю понимала.

Когда балет «Кармен» окончательно сложился, мы отправились на гастроли в Швейцарию, потом вновь во Францию. И, наконец, через полгода после Австралии, открыли новый сезон, сезон 1990 года, в Америке.

Могилевский при моей поддержке переименовал ансамбль в театр. В Лужниках у нас появился офис. Нам помогал молодой генеральный директор Центрального стадиона Владимир Владимирович Алешин и, как всегда, поддерживала Анна Ильинична Синилкина. Офис Могилевского — это комната, холодная, как погреб, потому что во Дворце спорта огромные окна, но все равно свой угол. Сеня сразу начал в нем организовывать пошивочный цех, нам нужны были свои костюмы. Работал у нас администратором Александр Гордеев, папа Кати Гордеевой, которого я привезла еще в Австралию на последний месяц гастролей. Я пригласила в театр Валентину Алексеевну Сырчину, свою подругу из Дома моделей спортивной одежды, которая шила платья еще для моих спортсменов. Валя набрала себе нескольких помощников, но кроила только она сама. Я попросила у Анны для цеха еще одну большую комнату во Дворце — Ленинский уголок, кстати. Что такое наши мастерские? Это два стола и новые швейные машинки, которые я тащила то ли из Австралии, то ли из Новой Зеландии. Кто-то отвел меня там в специальный портняжный секонд-хэнд, где я приобрела оверлок и две машинки. Из Австралии мною был вывезен и материал на костюмы, я ходила, днями искала рулоны недорогой ткани. Не знаю, сколько метров я перетаскала на своем горбу, думаю, что в общей сложности не меньше трехсот, а может, и больше. Перла через весь город, как где что увижу — хватаю и несу

в гостиницу. Я грузила эти рулоны в багаж не от жадности, в Москве уже ничего невозможно было не то что купить, а даже достать, как обычно мы говорили. Только настоящий крепдешин и остался в продаже. А я покупала немнущиеся шифоны и эластичные материалы. Все эти шифоны и эластички я перетаскала на своей больной спине, своими больными руками, сначала в отель, потом я лично их сдавала в багаж. Первые мои рулоны путешествовали из Австралии, вторые из Америки, на третий год они ехали из Англии. Таким образом я собрала в театре большой запас материи, к тому же еще и гладильные машинки подкупила. Могилевский приобрел точильные станки для коньков, лазерные аппараты для физиотерапии.

Мы с Сеней с самого начала подружились, я ему абсолютно доверяла, хотя он совсем по-другому действовал, нежели я представляла себе. Мне казалось, что прежде всего необходимо все, что можно, захватить, а главное — скорее, скорее, скорее! Я плохо понимала, что такое бюджет и бухгалтерия. А если честно сказать, вообще ничего в этом не понимала. Оттого и происходили между нами постоянные скандалы, но без злости, по-доброму. Со мной, в общем, можно работать. Я понимала, что Могилевский человек умный и профессиональный, помнила, что обещала в его проблемы не влезать, и как могла, держалась. С той поры прошло уже лет десять. Сеня по-прежнему мой дорогой друг. Я знаю, что всегда могу на него опереться. Он живет сейчас в США в трех часах езды от моей работы, и я нередко приезжаю к нему.

Взгляд из зала

Когда-то давным-давно я написала короткую новеллу, которая называлась «Взгляд из-за бортика». В ней я рассказывала о том, как смотрю на своих спортсменов, стоя на катке у борта. В театре бортика у меня не стало. Теперь уже я смотрела на своих артистов из зала, хотя они, как и спортсмены, тоже стояли на коньках. И тут я выяснила,

что испытываю совсем другие ощущения. Нет той степени риска, потому что все уже миллион раз отшлифовано и отрепетировано, уже не три-четыре старта за год, а сотни выступлений. Никто не должен упасть, но даже падение, если оно паче чаяния случится, не может сломать спектакль (если вдруг кто-то упадет, то всегда потом подходил ко мне и просил прощения). Волнение начиналось не из-за оценки, а из-за того, как примут? Ждешь реакции зрителей на определенные места в спектакле, где ты рассчитывала, что люди должны смеяться или должны аплодировать или плакать. А если в зале гробовая тишина? Как поведет себя публика, ты же не знаешь? Какие будут аплодисменты и сколько их будет? Сидя в зале, я без конца это взвешиваю. Что я сама увижу на спектакле? Я ни одного их выступления, если находилась вместе с театром на гастролях, никогда не пропускала. Я переставала смотреть свой балет только тогда, когда нацеливалась на следующую работу, на новую постановку. Я переключалась на другую музыку, и прежняя меня отвлекала. Я знала, что мои артисты обожают, когда «Татьяна в театре». Боятся, но обожают. Они, если я в зале, работают на меня, а кто же еще для них самый строгий и любимый зритель?

У бортика я всегда имела пусть на пять минут, но свою точку. А в зале я люблю, когда нет свободного места и мне надо стоять. Нет ничего лучше, чем стоять опершись о стенку, — это означает, что все билеты проданы. И на своих уже не столь резвых ногах я могла стоять и стояла и по два с половиной, и по три часа, но, честно говоря, можно стоять сколько угодно. Игорь Александрович Моисеев на своих спектаклях никогда не садился, он и в девяносто всегда стоял в проходе.

Изменилось и чувство зала. В спорте и в театре — разные ощущения зала, который дышит за спиной. В спорте я на него не обращала внимания, все сконцентрировано на том, как спортсмены катаются. А здесь я все время слушаю зал, очень внимательно слушаю. Забрало или не забрало их действо? Зал каждый день разный, но и спектаклей одинаковых не бывает. Каждый раз он немножко дру-

гой, и я это тоже сразу ощущаю. Энергетика, идущая со сцены, сразу определяет уровень восприятия спектакля. Есть в моем деле какая-то метафизика. Откуда что идет, какие волны? Но они действительно есть. Почему ты сразу понимаешь — это всерьез или это обман. Если всерьез разыгрываются и трагедии, и скандалы, и драки, тебя сразу захватывает. Если наигранно — нет.

Ледовый театр-3

В 1990 году мы поехали в Америку. Там наши шестимесячные гастроли организовала одна известная в ледовых шоу фирма. Тяжелые, изматывающие переезды. Мы мотались по Штатам в автобусах, в них же в дороге и спали. Ребятам приходилось нелегко: каждый день новый город. В этой фирме прежде работали свои труппы, но сейчас их нет. Старинная компания, устраивающая десятки гастролей в стране. Они-то и занимались представлением «Торвилл — Дин энд Рашн Олл старз». Я спорила, страдала насчет величины букв «рашн олл старз» на афише. Я не давала покоя буквально никому, за каждый сантиметр слова я боролась до последней капли крови. Зрители приходили, конечно, на Торвилл — Дина, а уходили, как мне казалось, унося в своих душах «Олл старз» — «Все звезды». Мы очень старались. Наша программа сначала была выстрадана, а потом и выстроена. У нас не было громких имен, во всяком случае таких, как Торвилл и Дин, но мы работали на очень высоком уровне. К тому же Торвилл — Дин в Америке не так популярны, как в Англии и в Австралии, хотя они и провели там не одно турне. Но американцы любят американцев, в отличие от русских, которые испокон веков преклоняются перед иностранцами. Народу собиралось на представлениях немного, от пяти до восьми тысяч, поэтому импресарио провели большое совещание, куда пригласили меня и Могилевского. Дин отказался от своей доли прибыли ради того, чтобы довести гастроли до конца. Дворцы же в Штатах огромные, двадцатитысячни-

ки, а дело наше новое, нераскрученное, тем более то, что мы показывали, они еще не видели, до нас так еще никогда никто не выступал, а зритель подобных шоу любит привычные образы. Поэтому не всегда даже ползала собиралось. Двадцатитысячник вообще тяжело заполнить — это удастся только Тому Коллинзу, у которого в шоу выступают все олимпийские звезды, буквально все. Тридцать человек, и все тридцать — чемпионы. Теперь есть еще один подобный коллектив, в нем, кстати, работают Катя Гордеева и Илюша Кулик, он называется «Старз он айс» — «Звезды на льду», принадлежащий крупнейшей корпорации IMG, имеющей возможность своих звезд раскручивать.

Мы начали свои выступления зимой, в самое неудобное время, сразу после Рождества, когда люди от праздников отдыхают. Но гастроли шли бодро, пусть и не собирая огромных залов. У нас состоялись прекрасные премьеры. Мы работали в «Мэдисон Сквер-гарден» — главном зале Америки. Мы работали в Голливуде, в голливудском театре. Вот там мы имели огромный успех, хотя в этот театр наша постоянная программа не вписывалась. Для «Египта» там оказалась слишком маленькая площадка. Дин не смог так разложить спектакль, чтобы он уместился на «пяточке», и тогда мне было предложено, поставив меня в известность за 24 часа, показать премьеру «Кармен». Опять же я по-пионерски ответила: «Всегда готовы!» Однако мы уже несколько месяцев гастролитировали по Америке, а это значит, ребята давно не прокатывали спектакль. Тем не менее тут же принялись гладить юбки, которые достали из багажа, пока артисты репетировали, вспоминали свои мизансцены. Кстати, в Америке возникла еще одна проблема, связанная с авторскими правами Фила Гласса, на музыку которого Дин и поставил этот «Египет». Англичане, похоже, не купили права, поскольку и в дальнейшем «Египет» заменялся на «Кармен». И хотя замена спектаклей происходила буквально на ходу, мы никого не подвели и этим, безусловно, подкупили импресарио. Прежде всего, у него не требовали дополнительных денег, во-вторых, — это выглядело настоящим чудом — за день восстановили спектакль,

к которому ноги не прикасались полгода. Восстановили почти без репетиций. Но все катались на полном пределе, «Кармен» для труппы — функционально тяжелый спектакль. К тому же он добавил ребятам лишней работы. Тем не менее до конца тура они выходили с «Кармен», и таким образом я смогла показать американцам наш ледовый балет во всей его красе.

Появились хорошие рецензии. Главная — в «Нью-Йорк таймс» по поводу «Половецких плясок», эти рецензии писала Анна Кисельгоф, ведущий балетный критик газеты, а значит — США. Кисельгоф проработала в «Нью-Йорк таймс», наверное, с того дня, как в Новый Свет привезли классический танец. Любое ее высказывание висит на доске объявлений во всех балетных театрах Америки. Только и слышишь: это сказала Кисельгоф, это написала Кисельгоф. Сама же Анна оказалась очень милой женщиной, с которой я познакомилась, конечно, после ее рецензии. Я ей позвонила, у нее русская мама, мы могли объясняться и неожиданно подружились. Анна была настолько любезной, что брала меня с собой в театр. У нее, как у ведущего критика, есть постоянное приглашение. Мы ходили с ней на Нью-Йоркский фестиваль балета, и она мне советовала, что стоит посмотреть, а что можно и пропустить. Я специально осталась в Нью-Йорке, чтобы поглядеть на авангард, моталась, как савраска, целую неделю, чтобы увидеть новое, впитать его в себя, понять, в каком направлении работать дальше. Анна мне помогла разобраться, куда идти, без нее я бы попала только на то, что сверху лежит, что имеет большие афиши. А маленький театр, где зрителей всего полсотни, я бы вряд ли вообще смогла найти. Я ей звонила, и она меня направляла туда, где, по ее мнению, мне должно быть интересно. Я благодарна Анне за добрую помощь. Но прежде всего мне было приятно, что она высоко оценила «Половецкие пляски». Я впервые почувствовала, как ждут на Бродвее после премьеры «Нью-Йорк таймс», когда застала там на гастролях «Современник», и видела, что Галина Борисовна Волчек плачет еще до того, как газета выходит, впрочем, никто в театре

всю эту ночь не спит. Я не настолько оказалась подвержена таким страданиям по поводу «Нью-Йорк таймс», но утром, когда ко мне прибежали и сказали, что в «Таймс» о нас есть рецензия и, более того, нас в ней хвалят, я вдруг почувствовала, что взбудоражена этим событием.

Американский тур катился дальше то хорошо, то не очень. Я взяла себе недельный отпуск, Могилевский остался с трупной, а я вновь поехала в Нью-Йорк, на этот раз к своим друзьям Шуровецким. На Бродвее начался новый сезон, и мне не терпелось посмотреть премьерные спектакли. Только я приехала, как раздался телефонный звонок, меня разыскивали из Москвы — у Оли Воложинской умер папа. Визы мы все получили одноразовые, и если Оля улетит, обратно вернуться ей будет очень и очень трудно. На дворе стоял 1990 год. Еще существует Советский Союз, и отношения с США совсем иные. На той же машине, что приехала к друзьям, уезжаю снова в аэропорт и два с половиной часа лечу обратно туда, где оставила театр. Лечу, высчитываю, что успею до спектакля. Я не имела права ничего решать сама, с Ольгой должна была поговорить ее мама. Мало того, что виза одноразовая, самолеты летали из Москвы в Нью-Йорк далеко не каждый день, а мы не в Нью-Йорке, получалось, что этот день уже потерян, а папа у Оли умер накануне вечером. Пока моя мама дозвонилась до Шуровецких, чтобы они мне передали трагическую новость, — уже заканчивался второй день. Первый, кого я увидела, — Саша Свинын, многолетний Олин партнер в спорте. Говорю ему, такое у нас несчастье. Не могу ей сказать о нем до спектакля, Оля танцует «Кармен», у нее главная партия. Но не могу взять на себя смелость молчать до конца спектакля. Дошла до нее: «Оля, звони маме». И ей уже мама сказала: «Дочка, ты не успеешь, папа военный человек, в армии ждать не могут, папу хоронят завтра». А завтра ей не улететь, потому что нет самолета. Даже если б на перекладных западными рейсами она добралась до Москвы, из-за разницы во времени все равно попрощаться с папой не успевала. Тогда виза советским делалась американцами ровно три недели. Улети она до-

мой, мы бы лишались ее на все гастролы. Но когда такое несчастье, все расчеты побоку. Мама разрешила не приезжать. У Оли два родных брата и сестра — мама все-таки была не одна. И в этот вечер Оля выступала в «Кармен». Я же тот спектакль в провинциальном американском городке никогда не забуду.

Как-то у нас образовались десять дней перерыва. Мы жили в Торонто, ничего не делали, получился небольшой отпуск. Но отдых хорош тогда, когда есть деньги, а деньги у нас, наоборот, таяли, концерты срывались. И я почувствовала, что моя молодая поросль что-то замышляет, они стали исчезать, куда-то звонить, по углам собираться. Тогда немало народу осталось на Западе, обратно в Союз многие старались не возвращаться, но у меня с моими артистами такой вопрос никогда не возникал. Пока я наблюдала возникновение двух пар: Алика Спирина, мастера по свету, и Лены Крыкановой, Вероники Першиной и партнера Крыкановой Игоря Шпильмана. Я видела, что они как-то кучкуются отдельно. Гастролы уже подходили к концу. Но я не перестала волноваться, так как отмечала некоторую странность в их поведении. Замечу, что Лена Крыканова, без сомнений, высокопрофессиональная фигуристка и очень активная девочка. Правда, ее партнер Игорь Шпильман всегда немножко засыпал, он обладал таким вот сонным темпераментом. Перед американским туром я взяла в театр как трюкача Володю Боголюбова. Взяла еще одного мальчика, Сережу, он мог работать с разными партнерами, делая с ними тоже различные трюки. Всех этих ребят я вспоминаю не случайно, сейчас поймете, почему.

Мы приехали в Нью-Йорк, у нас оставалось еще два дня до отлета в Москву. Было решено разойтись по разным бродвейским спектаклям. Я вся в творчестве, так как задумала новую постановку «Воспоминание о Нью-Йорке», которую сначала именовала «Русские на Бродвее», но быстро выяснилось, что это название уже принадлежит кому-то (Сеня потом позвонил в Москву из Америки, ему и сказали, что мы не имеем права его использовать). Пришлось переименовывать спектакль, хотя Могилевский уже напе-

чатал афиши, потратив кучу денег. Я задумала показать антологию знаменитых бродвейских мюзиклов от «Вестсайдской истории» до «Фантома оперы» («Призрак оперы»). Вот почему все и разбрелись по Бродвею. «Фантом» я собиралась поставить на Валянскую и Спиридонова — они отправились смотреть этот спектакль. Для Гараниной и Завозина я выбрала «Кошек», причем дала ей самой разрабатывать хореографию. Лена уже кое-что поставила, и ей очень хотелось сделать самостоятельно серьезную работу. Я собиралась пригласить в театр чемпионов мира Селезневу с Макаровым, они потом действительно с нами работали, тогда, в Америке, я выбрала для них «Скрипача на крыше», хотела сделать по этому мюзиклу маленькую миниатюру. Я взяла в Америку Витю Барышевцева, очень интересного одиночника, он по сей день мне звонит, не забывает, работал он, и вроде неплохо, в Диснейленде а сейчас тренер.

Пришел вечер, все разошлись по театрам. Я позаботилась и всем заранее заказала билеты. Поскольку я сама все эти мюзиклы пересмотрела по многу раз, то пошла на Джерома Робинсона, его балет тоже шел на Бродвее. Могилевский один остался в гостинице.

Точно не помню, как все происходило. Вроде бы на следующий день проходило собрание, где я объявила, что оставляю Валянскую со Спиридоновым в Нью-Йорке и еще, по-моему, кого-то, потому что их пригласили в Рокфеллер-центре выступить в каком-то шоу. Мы улетали утром. Я встретила перед уходом Гошу Сура, входящего в отель с безумными глазами. Мне показался его вид более чем странным, и я вечером сказала Сене, что хочу зайти к Суру. Могилевский пошел со мной. Стучим, никого нет. Мы попросили открыть номер Гоши. Там пусто. Я попросила горничную открыть и номер Крыкановой, но и там никого. Постель застелена, вещей никаких нет.

Слава богу, шел не первый год перестройки. Я же никому не рассказывала, что ходила в ЦК КПСС, просила разрешения делать с Торвилл — Дином совместное шоу, первое совместное шоу наших артистов с западными звезда-

ми. Мне там давали добро очень долго, никак не могли понять, зачем это они должны санкционировать отклонение от советских норм. В то же время Могилевский оформил документы на театр. Он какими-то немыслимыми путями получил разрешение на негосударственный театр и прошел регистрацию. Тогда стояли дикие очереди, люди регистрировали кооперативы, Сеня совершил подвиг — сделал это за шесть дней. Все, можно вздохнуть, теперь, казалось, только работай. И тут в Нью-Йорке такой ужас, несколько человек исчезли! Меня чуть столбняк не хватил.

Через две недели у нас гастроли в Финляндии, пятнадцать концертов. Я поняла, не то что в Финляндию, а, не доезжая ее, еще в Москве, с протянутыми руками я должна идти впереди всех, чтобы мне удобнее было надевать на эти руки кандалы и сразу вести меня в тюрьму. Партбилет на стол! Я не понимала, что мне делать. Я не курила до этой ночи четыре года, а тут потянулась за сигаретой и тут же выкурила пачку. Потом взяла себя в руки и стала их разыскивать. Всех троих я нашла. Как мне это удалось — неважно. Но обнаружила их в машине американского тренера, уже проехавшего вместе с ними пять часов. Они его обманули, сказав, что гастроли закончились и Татьяна якобы им разрешила доехать до Детройта или куда-то поближе, где их ждут друзья. Я снова в шоке, Могилевский чуть ли не падает замертво, он к тому же еврей, беспартийный, в Москве семья — сын, жена, и вся жизнь порушена.

В тот вечер сбежали Гоша Сур, Алик-осветитель и Крыканова, у которой был роман с Аликом. Вероника Першина и Шпильман задержались. Они пришли, когда я ночью сидела с остатками трупы. Но я сразу поняла: вскоре уйдут и они. Я сказала Сене: «Я не буду никого держать. Эти двое уйдут ночью или под утро, но уйдут». Так оно и оказалось. Со слов этой пятерки написали потом несколько мерзких статей, какой я была ужасной и как я над ними издевалась. А я их любила, я дала им профессию и, что скрывать, я же их в Америку привезла, а как бы иначе они там оказались, визы сами не получали, билеты сами не покупали. В Москве бы влачили жалкое существование.

И только благодаря моему театру и тому, что я их в этот театр взяла, и театр назывался «Все звезды», они сумели встать на ноги — и ни слова благодарности, только грязь.

Они попали на разные катки, им дали возможность работать. К беглецам из СССР относились не как к обычным эмигрантам — эти вроде бы спасались от коммунизма. Никто из них, кроме Шпильмана и Сура, в Америке не проявил себя. Я же разговаривала с Гошей, когда он удирал, Сур — это мой ученик. Я попросила его перезвонить, и он позвонил: «Татьяна Анатольевна, не вернись». Единственное, что я у него спросила, знает ли мама. Он сказал: «Мама знает». Когда мама знает, когда мама думает о благополучии своего сына, что тогда можно сказать. Шпильман с Вероникой, как я и предполагала, ушли под утро. Не помню, как долетела до дому, в памяти осталось только то, что у Могилевского температура поднялась до 40° и его не хотели пускать в самолет. Уговорила, чтобы моего директора посадили в салон, отхаживала его всю дорогу до Москвы. Мы летели домой в совершеннейшем потрясении. У нас же не многочисленная труппа Большого театра. Четверть коллектива испарилась в момент. Не успела войти в дом, как тотчас позвонили с телевидения. Сниматься я отказалась, потому что глаза отсутствовали, лицо зареванное. Советовалась с друзьями, что мне делать? Уже в ночных новостях про нас рассказали. Театр в стране пользовался известностью, публике любые новости о нас послушать было интересно. Рано утром я помчалась к Михаилу Ульянову, в Союз театральных деятелей. Вбежала к нему в председательский кабинет. Он: «Что с тобой?», я пытаюсь сказать, вот так-то и так, а говорить не могу. Спазм. Ульянов: «Татьяна, успокойся, все нормально. У меня вчера во Франции двое остались». Ах да, в Нью-Йорке я еще ночью побежала в консульство, мне открыл дежурный: «Татьяна Анатольевна, что вы волнуетесь? Сейчас каждый может жить, где хочет». Я спрашиваю: «Это вы мне говорите?» — «Это я вам говорю». Я: «Господи, полгода в Москве не была, и такие изменения!» Дело в том, что мы, жившие в спорте под постоянным надзором КГБ,

представить себе не могли, что при въезде на родину нас не поведут в кутузку.

Но то, что мой коллектив отныне никуда за рубеж не выпустят, я считала само собой разумеющимся. «Что мне делать, что мне делать?» а Ульянов мне так ласково: «Таня, Таня, успокойся. — Дал мне чайку или водички попить. — Не бойся, дальнейшие твои гастроли оформляются, никто ничего не запретит, только думай о заменах». А что означает коллективу в семнадцать человек потерять пятерых? Нужно срочно кого-то принимать, срочно нужно опять учить.

Так закончился наш второй год работы с Торвилл и Динном. Если в Австралии мы имели полный успех, то в Америке такого не произошло, но гастроли не провалились, мы пристойно добрались до их конца. Единственный отрицательный момент — не очень большое число выступлений. За 160 дней 70 концертов, правда, пара недель ушла на переезды. Жили артисты в прекрасных отелях, имели возможность смотреть, как крутится американский шоу-бизнес, две недели работали в Голливуде. Но скажите мне, кто из русских лет десять — двенадцать назад работал хотя бы пару дней в Голливуде? Да никто! а мы — каждый вечер. Ребята увидели всю Америку. И я уверена, что у нас был успех, да, зал собирался неполный, но успех был, успех не всегда связан с аншлагом.

А поездку в Финляндию нам никто не запретил. Я взяла новых ребят, выучила их тем номерам, что исполняли сбежавшие. Едем в Финляндию в полупустом вагоне, входят таможенники, и наша пара Боголюбовы попадают на том, что у них в разных местах спрятана валюта, хотя деньги ими честно заработанные: мы ведь только-только приехали из Америки. Я даже не знаю, что я готова была с ними сделать, настолько нервы уже оказались взвинченными. Их высаживают из поезда с вещами. И в этот же день на границе работала телегруппа ленинградской программы «600 секунд» Александра Невзорова. И они сразу репортаж в эфир, а программу эту тогда смотрело полстраны. Разговора с таможенниками не получается: «Татьяна

Анатольевна, отправляйтесь дальше, к вам претензий нет». Я их уговариваю отпустить Боголюбовых, объясняю, что не справлюсь, у меня считанные люди. Но тут же, буквально в ту же секунду, прикидываю, кем и как их заменить. Всегда сразу надо дело делать, тогда не так страшно.

«600 секунд» свою работу тоже исполнили. Я приезжаю в Хельсинки, звоню домой, а мама мне говорит: «Тебя опять ославили на всю страну». Коллектив вновь «отличился». Только пережили ужасную историю на одних гастролях, тут же получаем еще одну — не доезжая до других. Там осталось пять человек, тут двоих сняли с поезда за валютные нарушения. До сих пор считаю, что даже по тем советским законам их проступок не представлял собой значительного нарушения, во всяком случае такого, чтобы людей задерживать и не пускать на гастроли. Володя Боголюбов потом еще раз появится в моей жизни и вновь, сделав мне много плохого, исчезнет, надеюсь, теперь навсегда.

В Финляндии гастроли проходят хорошо. Правда, на катках очень холодно, да, это не Майами. Зато потом мы едем в Турцию и там, отогреваясь, начинаем готовиться к третьему раунду — семимесячным гастролям по Англии с Торвилл — Дином.

У себя дома Джейн и Крис — национальные герои. Билеты проданы за много месяцев до начала гастролей. Впервые они выступают с русской труппой, это тоже прибавляет ажиотажа, нет газеты, которая об этом не написала. Наконец начинается великолепно организованный тур по Великобритании. Но теперь наши английские друзья уже начинают немножко давить на то, что тут нас надо подсократить и там урезать. А я же вижу, что мои артисты принимаются публикой «на ура», успех у нас большой. У ребят немного закружились головы. Я понимала по их настроению: им захотелось работать самим, без премьеров. Наверное, я поступила неправильно, полагалось еще немножечко потерпеть, чтобы еще больше получить в мире рекламы. Но всегда на твоём пути оказываются люди, которые хотят тебя использовать, поэтому многое

обещают. Мы с Могилевским объяснились с Эндрю Гилтом, объяснилась я с Майклом, сказала, что мы работаем с Крис и Джейн в последний раз. И тот и другой меня не отговаривали, обещали, что постараются сотрудничать с нами и дальше. Благодарили. Мы действительно выступали очень хорошо и доброе слово заслужили. Гастроли по Англии шли с ошеломляющим, с умопомрачительным успехом. Не то что аншлаговый зал — яблоку некуда упасть, и так буквально каждый день. Не знаешь, как знакомых провести на спектакль. Мы живем в хороших старинных гостиницах, заполняя их родным духом, русский артист, сами понимаете, он все равно при любом гонораре на сковородке что-нибудь пожарит. Мы не можем без кипятильника, включая и меня. Дело даже не в экономии, привыкли к своей еде. И гастрольная жизнь предполагает такое поведение. Завтрак нам в гостинице полагается, но утром все спят, представление ведь заканчивается поздно. После него ребятам нужно поесть, но все уже закрыто, кроме пабов и дорогих ресторанов. К тому же мы мотаемся по разным городам, поэтому с ужином всегда проблема, а таких денег, чтобы каждый вечер по ресторанам ходить, естественно, нет. Еду мы покупаем в магазинах и приспособиваемся ее варить. Но ведь они же советские спортсмены, им стейки нужны, вот они и жарят мясо на электросковородках. А куда деться? Без конца свет в гостинице гаснет, каждый вечер в гостинице срабатывает пожарная сигнализация. Регулярно вся труппа встречается внизу в холле в трусах и в майках, поднятые по тревоге. Уже привычный ко всему, к нам выходит голый Дин. Организаторы обещают, что больше в отель селить нас не станут, но ничего, приезжаем в новый город, устраиваем пожарную тревогу в другой гостинице, будто мы проводим противопожарные учения. Куда же от нас деваться с нашей сковородкой? Мы в любой ситуации картошечку с селедочкой, подсолнечным маслом залитые, должны на закуску сделать и куском хорошего мяса заесть. Невозможно восемь месяцев без родной еды находиться, такой уж у нас менталитет. Ну, перехватят ребята фиш энд чипс, можно съесть два-три

раза в неделю гамбургер, но, в конце концов, мы любим свое. Живем подолгу, по неделе в каждом городе, а то и по две. Гастроли хорошие, не то что в Америке, где мы переезжали каждый день. Поэтому теперь каждый день репетиции, каждый день станок, каждый день хореография...

Прощаемся с Динами трогательно, целуемся и обнимаемся. Плачем. Я эти гастроли не забуду никогда. Они сыграли важную для меня роль, они помогли нам из новичков в шоу-бизнесе вырваться в первые его ряды, участвовать в том, в чем никто не участвовал и заслужить право на гонорары, почти равные гонорарам западных артистов. Для труппы трехлетнее турне с Торвилл и Дином — большая демонстрация ее возможностей. Как-то, спустя несколько лет, Марик Акбаров меня упрекнул: «А почему вы не стали и дальше с Торвилл и Дином работать?» Но тогда бы тот же Акбаров никогда не танцевал бы главные роли. Он мне выговаривал, что, когда мы остались без западных опекунов, у нас стали проваливаться гастроли. Это действительно так, у нас иногда гастроли слетали, но такое случается у всех. Акбаров кипятился, объяснял, что надо было работать с Дином и дальше. Я ему: «Понимаешь, Марик, когда ты работал с Дином, то носил на вытянутых руках Джейн и показывал ее всем окружающим. А я хотела, чтобы ты носил свою жену, Марину Пестову». Такая передо мной стояла задача. Да, нет у них ни у кого таких регаллий, как у англичан, а я хотела, чтобы и без них наши ребята стали лидерами. Я привыкла растить чемпионов. Но, возможно, у них не наблюдалось такого страстного желания стать первыми. Наверное, существовали другие мерки, другой подход. Никто из них не был отравлен воздухом первого места. Планка лежала ниже. Я и сама не хуже Марата понимала, что без Криса и Джейн нам придется несладко.

Пришли ко мне в театр Катя Гордеева и Сережа Гриньков. Первые великие чемпионы. И тут же неудачные гастроли в Испании, нас там обманули, мы потеряли деньги. Но невзирая ни на что я продолжала придумывать спектакли. Сделала «Ночь на Лысой горе», провела премьеру.

Я вновь рассчитывала спектакль так, чтобы каждому дать свою партию. Я сделала спектакль «Воспоминание о Нью-Йорке» — он шел час — целое отделение. «Вестсайдская история», «Кошки», «Фантом», «Кабаре», «Кордебалет», «Скрипач на крыше» — интерпретация фрагментов из самых знаменитых бродвейских мюзиклов. «Вестсайдскую историю» я поставила на Гордееву — Гринькова, но в Москве они ее так ни разу и не танцевали, Сережа заболел. Они выступали с этим номером, когда мы поехали на гастроли в Южную Африку. Номер «Кабаре» — на Иру Жук и Олега Петрова, они фантастически в нем катались. Сложилась новая сильная программа, премьера прошла в Москве весной 1991 года. Дворец спорта был забит до отказа.

В первом отделении — «Болеро», «Кармен», «Половецкие пляски». Ничего себе отделение! И еще «Ночь на Лысой горе», вот так! а во втором — «Воспоминание о Нью-Йорке». Сумасшедший спектакль, люди выходили после него, «обожравшись» фигурным катанием. Конечно, невозможно так работать каждый день, на износ. Но мы все-таки продержались в Москве да еще поехали в Ленинград. Потом — Таллин, Рига. Везде отметились. Невероятный спектакль, мы были счастливы. Но гастрольная деятельность в стране начала затихать, деньги проели, прогуляли за перестройку, заработки оставались только за границей. Но обычное, нет, выдающееся советское достижение — две-три поездки в год за рубеж нас уже не устраивали: коллектив избалованный, привыкли за последние годы по шесть-семь-восемь месяцев на Западе работать. Начало рости недовольство. А в это время Могилевский с нашей переводчицей Ольгой Чопоровой работал в Англии над новыми планами. Первый грандиозный проект у нас уже провалился. А второй начинался с того, что мне прислали приглашение приехать в Англию и посмотреть театры в небольших городах. Мы, как и все ледовые ревью, работали на больших площадках, то, что у нас называется Дворцами спорта, а их в мире не так уж и много. А что если попробовать работать в театрах? Теперь уже не помню, какие

последние гастролы проходили у нас на большой площадке. Наверное, в Южной Африке, в 1991 году.

Вернусь к этой поездке — там есть что вспомнить. Тогда ЮАР из-за апартеида была еще закрытая страна. Каждый, кто нарушал запрет, подвергался санкциям. «Всем звездам» после гастролы в ЮАР могли запретить выступать в Европе и Америке. Но уже выпустили Нельсона Манделу, президента Леклерка называли африканским Горбачевым, и со дня на день ООН собиралась снять свое табу, что и случилось чуть ли не на второй день после нашего приезда. В ЮАР тут же устремились многие коллективы — страна богатая, интересная. Сразу после нас туда приехал «Холидей он айс», даже какое-то время мы работали параллельно. Не знаю, как у американцев, а у «Всех звезд» шли сплошные аншлаги, потрясающие гастролы, ни одного свободного места в зале. Нас попросили продлить поездку еще на четырнадцать спектаклей. Катя с Сережей катались прекрасно, хотя он восстанавливался после операции. В первом отделении они катали лирический номер, а во втором участвовали со своей «Марией» из «Вестсайдской истории», настоящим мини-спектаклем в общей программе «Воспоминания о Нью-Йорке».

Я пошла на представление «Холидей он айс», они меня принимали, как живого классика, многие подходили и откровенно говорили, что у нас спектакль интереснее и лучше. Не скрою, от этих слов я получала удовольствие. В конце мне вручили цветы, и я ушла приободренная.

Приехав в Йоханнесбург, мы оказались на четыре дня без дела, так как лед не успели подготовить, и тогда мы отправились всем составом в театр, на балет. Давали «Дон Кихота». После спектакля пошли знакомиться с труппой, нас принимали художественный руководитель театра, балетмейстер и директор. Я им сказала: «Перед вами мой балетмейстер-репетитор Надежда Ильинична Крылова — ученица великой балерины Марины Семеновой, если вы хотите, она вам даст класс завтра и послезавтра, потом у нас начинаются свои гастролы». Поднялся такой шум, что с утра вся местная пресса оказалась в курсе событий и

многие отправились смотреть, как Крылова, русская балерина, дает в Йоханнесбурге класс. Надюха всю ночь, конечно, не спала: «Куда ты меня тыркаешь? Зачем ты мне делаешь такую рекламу? Я не справлюсь, я не могу, у меня английского языка нет». Я в ответ: «Ты же профессиональный человек, ты запросто проведешь этот класс. А почему бы нет? К тому же это дополнительная реклама не для тебя, для нашего коллектива. Тебя вызывают то Григорович, то Володя Васильев вспоминать спектакли. Ты Марину Тимофеевну Семенову обожаешь, ты с ней дружишь. Значит, справишься. Короче говоря, утром я ее выпроводила и без нее провела репетицию. Надя, правда, вся измочаленная, прибежала мне на помощь. Потому что она «сидела на музыке», то есть включала и выключала магнитофон. Лишние люди у нас не водились, и вся вспомогательная работа делалась с полной отдачей мастерами нескольких отнюдь не смежных профессий.

Летели мы в ЮАР довольно забавно, потому что Могилевскому пришлось изобретать маршрут, как добраться туда, чтобы нас не поймали. В Южную Африку из Москвы дорожка была заказана. Он купил каким-то образом билеты через Лондон. В паспортах у нас стояла английская виза, и вроде бы мы улетали только в Лондон. Мне звонили несколько раз разные люди из Министерства культуры, потом из МИДа, и все спрашивали одно и то же: «Куда направляется коллектив?» Международные санкции — это международные санкции, а мы еще жили в СССР, который десятки лет клеймил позором ЮАР, и хотя Союзу оставалось всего полгода жизни, но кто тогда об этом знал? На бесконечные вопросы: «Куда вы все же едете?» — я, не моргнув глазом, говорила: «На гастроли в Англию». Не знаю, как это получилось, но нас ждали на одном рейсе, а мы за день поменяли билеты на другой и вылетели из страны на «Бритиш айр лайн». Мы улетели в Африку без обязательной в то время выездной визы, дающей право на посещение той или иной страны. Самое интересное, что еще до начала гастролей у нас появились два человека — представители Советского Союза в Йоханнесбурге. Они

уже там устроились, организовали какой-то корпункт, еще до открытия советского посольства. Я — таким широким жестом: «Приглашаю вас на премьеру». — «К сожалению, Татьяна Анатольевна, вы сюда приехали без разрешения, прийти к вам мы не сможем». Я говорю: «Ну не сможете, не приходите». — «У вас будут неприятности». Я говорю: «У меня неприятности были, есть и будут, я привыкла, но отменять гастроли не собираюсь. Хотите — приходите, хотите — не приходите, представление у нас во Дворце, мы начинаем здесь работать, и разговаривать нам больше не о чем». Пугали они меня, пугали, но мы свою работу сделали и благополучно вернулись домой. А Надюху Крылову пригласили вести класс в Национальном балете ЮАР. После такого тяжелого сезона я дала всем большой отпуск, дней сорок, не меньше.

Надя не стала собираться в обратную дорогу. Пришли ко мне руководители балетной труппы с просьбой, чтобы Надя месяц с ними поработала. Я говорю, необходимо официальное приглашение. Назавтра они его приносят. Она к ним отправилась на месяц, так с тех пор в ЮАР и живет. Надя прилетела в Москву прощаться, я помогала ей собрать вещи, и она мне сказала: «Ты знаешь, мне там хорошо, — а она в Москве жила в полном одиночестве, — мне там очень хорошо». У нас в это время образовалось затишье перед новыми спектаклями, и предстоящий год получался не сильно загруженным. А мне хотелось, чтобы она была вовлечена в какое-то дело, чтобы не грустила одна, а работала. И отпускала я ее с легким сердцем. Так Надя туда и уехала, я ее проводила. Следом за ней и мы сдвинулись и понеслись дальше.

Я уже говорила, что получила предложение от англичан приехать и присмотреть для ледовых площадок сцены небольших муниципальных театров. Я своей труппе ничего не говорила, тем более они бы решили, что я сошла с ума, так как условия нам выставили такие: сцена 12 на 12 метров, и на ней мне предстояло поставить полнометражный спектакль «Спящая красавица». Я никогда не делала полных трехактных балетов, тем более никому

в голову не приходило их воплощать на льду, да еще на театральной сцене! Полная авантюра, но желание в ней поучаствовать у меня возникло большое. Я стала изучать материал, слушать музыку, читать сказки. Мы поехали на север Англии, в город Сандерленд для встречи с руководителями проекта — его возглавляла дама, опытный британский менеджер. Я поняла, во что ввязалась, когда вышла на сцену.

Театр, где я оказалась, прошлого или позапрошлого века, балконы, колонны, занавес. Я задохнулась и поняла, что с этой сцены никогда не уйду. Что бы ни случилось, как бы я себя ни чувствовала, но я что-нибудь должна придумать. О том, чтобы кататься на таком пятаке, не могло быть и речи. Я с трудом понимала, как можно сохранить главное, что есть у фигуристов в отличие от танцоров на полу, — полетность и скорость. Мы должны использовать в буквальном смысле слова свой конек. Нельзя сказать, что я была до конца уверена, что мои артисты со мною могут все перевернуть, абсолютно все, включая смысл фигурного катания. Я вернулась в Москву, собрала труппу и объяснила им задачу. Они оказались в шоке, или, на их языке, «в отпаде». Сидели, все как один открыв рты и долго их не закрывали, наверное, думали, что я потихоньку начала сходить с ума. Двенадцать метров! Не тридцать на шестьдесят, а двенадцать на двенадцать!!!

На своем катке я «вырезала» несколько площадок, для того чтобы работать одновременно со всеми. Я позвала к себе Володю Ульянова, своего давнего друга. В ансамбле Моисеева он был солистом, а потом работал у Игоря Александровича ведущим педагогом-репетитором. Мы дружили с детства, Володя женат на моей подруге Наташе. Не расстаемся с семнадцати лет. Володя — замечательный человек и настоящий профессионал, умеющий работать по 24 часа в сутки, а это моя группа крови. Мы с ним поделили площадки. На своей «половине» я пробовала что-то ставить, но сначала дала ребятам несколько дней, чтобы они попытались исполнить привычные в фигурном катании элементы на двенадцати метрах. Они обреченно раз-

брелись по отчерченным площадкам, их в общем получилось шесть. Но как свести в одном квадратике двадцать четыре человека? Их даже в длину на этих двенадцати метрах вместе не поставить, а люди к тому же еще должны кататься, причем на приличной скорости.

Но я придумала, как сохранить скорость. Скорость перелилась во вращение. Мы пробовали, искали новые возможности. Я сделала музыкальные купюры — «Спящая красавица» Чайковского — самый длинный балетный спектакль, а мне полагалось уложиться в два часа. Таковы еще одни условия, которые поставили передо мной. Я дала себе слово, что буду в день ставить по пять минут, точно по плану. По западным стандартам, на спектакль уходит четыре недели. Я взяла себе для первого раза шесть недель на постановку, но спектакль был готов через три с половиной. Такой нечеловеческий азарт привел к тому, что и у меня, и у труппы началась совершенно иная, новая жизнь.

Наташа и Володя Ульяновы

Пятнадцать лет назад в своей первой книге я ни разу не упомянула ни Наташу, ни Володю Ульяновых. И это при том, что мы почти с детства дружили, а потом десять лет вместе работали. Но сама жизнь помогла мне исправить эту ошибку, и с огромным удовольствием расскажу о дорогих для меня людях.

С Наташей мы познакомились в вечерней школе рабочей молодежи № 18. Находилась школа в центре Москвы, в здании художественного училища, и, повторюсь, заполняли ее большей частью будущие актеры ансамбля Игоря Моисеева. Потянулись туда же и фигуристы: мы хотели тренироваться два раза в день, что, учась в обычной средней школе, было невозможно. Первая, кто из нас стала ученицей вечерней школы, — Ира Люлюкова, потом туда записался Саша Веденин, за ним потянулся Сережа Четверухин. Люлюкова туда переманила и меня. Учился там со

мной не только Никита Михалков, о котором я уже вспоминала, но и Коля Бурляев, и невозможно было представить, во что выльется его чудесный характер. Много известного и хорошего народа вышло в свет из дверей школы № 18.

Вот как произошла наша первая встреча с Наташей. Я подошла к школе, еще к ее старому зданию на улице Чехова, а по дороге, в переулке, стоит девчонка и спрашивает меня: «Ты в какой класс?» Я сказала, что в седьмой, она мне: «Ну тогда пойдем покурим. Курить умеешь?» Я говорю: «Нет». А Наташа уже имела за плечами балетное училище, танцевала, как и ее родители, на эстраде и даже участвовала в настоящих концертах, ездила с гастрольными коллективами по стране. Несколько классов она проучилась в училище Большого театра, потом перешла в подготовительную группу к Моисееву, но там общеобразовательные предметы не преподавали, и ей пришлось записаться в эту школу.

Так мы с ней рука об руку и пошли в школу, и я даже не хочу подсчитывать, сколько лет мы неразлучны. Потом Наташа поступила в ансамбль Моисеева, я тоже танцевала и стремилась к Игорю Александровичу. Я знала наизусть весь их репертуар, «прошла» его собственными ногами, все мои подруги оказались оттуда, они мне и показывали, как надо плясать. Наташа вышла замуж за Володю Ульянову, а я была у них свидетелем на свадьбе. Володя в ансамбле Моисеева считался ведущим артистом, он очень способный человек и танцевал сольные партии. У Ульяновых хорошая дружная семья, они любят друг друга, да что скрывать, вот уже тридцать лет они любят друг друга как сумасшедшие. И тридцать лет я с этой семьей не расстаюсь.

Как только Наташа закончила танцевать, я ее пригласила репетитором для молодых Бестемьяновой и Букина. Сразу же, уйдя на пенсию, она начала работать педагогом в школе у Игоря Александровича. Володя еще танцевал, он на пару лет моложе. Потом Наташа с Володей вместе закончили ГИТИС.

Наташа много работала в нашем ансамбле, вела хореографию и аэробику. А когда только образовался театр, Юра еще был его директором, она с нами немножко ездила, пока Володя еще танцевал. Наташа работала не только в спорте, трудилась она и в цирковом училище. Потом и Володя следом за женой преподавал и в цирковом училище, и в ансамбле Моисеева. Они все всегда делали вместе. На пару ставили и танцевальные номера в спектаклях Галины Борисовны Волчек в «Современнике», в этом театре они свои люди.

Так сложилось, что мне позвонила тетя Клава, мама Наташи, с которой они вместе живут, и сказала: «Таня, Наташка сейчас занята, ты бы с Вовой попробовала работать, он тебя никогда не подведет». Для меня этот совет оказался спасительным, только-только Надя уехала в ЮАР, и я тут же пригласила Володю в театр репетитором, и уже все спектакли для Англии мы делали вместе.

Надю Крылову мы провожали с Володей и с Наташей, мы же все одна компания. На следующий день после ее отъезда на работу вышел Володя. Человек удивительно добрый, преданный, высочайший профессионал, таких педагогов, как он, на свете мало. Именно педагогов-репетиторов. Их не осталось не только у нас в стране — во всем мире. Я могу Володе доверить любой отрезок будущей постановки. Он — правильно работающий педагог, причем работающий, как зверь. Я доверяла ему любую правку, любую купюру в спектаклях. У Ульянова сложились свои откровенные отношения с артистами, он с ними много и честно работал, а такое людьми всегда чувствуется. На Володю можно было совершенно спокойно оставить коллектив, а это качество дорогого стоит, ведь театральный коллектив — живой организм, который способен сотворить все что угодно — в любой момент он может собраться, но точно так же в любой момент может и разбежаться. От этого никуда не деться: театр есть театр. В нем как нигде сконцентрированы интриги, собираются группировки, развиваются заговоры. Большею частью именно такие отношения сопровождают театральную жизнь. Все перечислен-

ное присутствовало и в нашем театре, но Вова всегда очень умело мог сладить с подобными проблемами. У артистов он пользовался авторитетом, они не могли не отдавать должное его профессиональному мастерству.

В начале дня Володя проводил класс, который разогревает артистов, но при умелом педагоге и развивает. Его изобретение — ввести в обычный балетный класс прыжковые упражнения для мальчишек и класс поддержки. Когда я начинала ставить, он тут же принимался репетировать подготовленные куски.

Что такое педагог-репетитор? Он доводит все, что поставлено балетмейстером, до полного совершенства. Ульянов хорошо понимал меня, интуитивно ощущая, чего я хочу добиться. Он легко разводил сложнейшие мизансцены, а ведь работал не на привычной для себя сцене, не с обычными танцорами, а на ледовом пяточке, к тому же с фигуристами. В тот период, когда мы доводили наши спектакли до выпуска, Володя занимался всеми смежными сценическими профессиями — от постановки света до звукооператорского микшера. Я сказала про специфику льда и подумала, для профессионала не имеет никакого значения, что у людей на ногах надето: балетные туфли, пуанты, сапожки или коньки. Танец — вот что главное! Не имеет значения, в чем и как, если это профессиональная работа, если это сделано мастерски. Что, кстати, всегда видно.

Володя доводил до ума все три наших спектакля. Репетировал, прогонял, проворачивал большую черновую работу, записывал все ошибки артистов. В четыре руки мы трудились вроде стахановцев в шахте: один гребет, другой отбрасывает. Я была рада, что артисты все как один его приняли. Они знали, что он не позволит им болтаться, но он же вытащит из них то, что в них даже не видно, а то, что заметно, он еще и разовьет. Памятника ему от меня мало за то, что именно он тащил на себе тот последний несчастный тур театра, где все неприятности валились на него, и как же мастерски он умудрялся оттягивать и все-таки смягчил неизбежный крах.

Мы вместе поехали в 1996 году в Америку работать с Илюшей Куликом. Проработав с Куликом первый год одна, на второй я уже вызвала Володю. Он занимался с Илюшей у станка каждый день, занимался с ним индивидуально, растягивал его, отработывал и в спортивных программах Илюши какие-то элементы. Володя присутствовал на всех тренировках накануне Олимпиады в Нагано и провел с Илюшей в общей сложности полгода.

Но сначала рядом со мной в Москве, когда я взяла Кулика, стояла Наташа. Наташа однажды ко мне позвонила: «Меня Кудрявцев пригласил работать с Илюшей Куликом». Я ей: «Иди, не задумываясь, мальчик способный». И она с ним работала как хореограф весь сезон 95/96 года, потом следом за ней и я пришла по предложению Кудрявцева сделать Кулику программу. Я принесла с собой музыку, определяла для него направление. А потом, когда Илюша перешел ко мне, Наташа специально приезжала на месяц из Франции, чтобы работать с ним. Почему из Франции? Меня попросили отрекомендовать профессионального хореографа для работы в Лионе, и я посоветовала пригласить Наташу. Жизнь в Москве трудная, а ее мастерство не должно оплачиваться копейками. Я спокойно предлагала Наташу, зная, что кто-кто, а Ульянова меня не подведет. Она во Франции с 1993-го, работает там по четыре—шесть месяцев в году, а Володя остался со мной.

Но Наташа и нам помогала со спектаклями, нередко во время постановочного периода она приезжала в Москву. Порой мы работали в шесть рук на этих шести площадках, или она с кем-нибудь индивидуально занималась, не жалея сил, не получая не то что сумасшедших или больших, а вообще никаких денег. Мы просто делали одно дело. Мы так воспитаны.

Ульяновы — это уже не друзья, а члены моей семьи, я люблю их, как любят самых близких. У Наташи чувство юмора замечательное, а с такими людьми всегда легко иметь дело. С Володей мы работали в идеальном унисоне, нам только стоило друг на друга посмотреть... слова нам не нужны.

Такое происходило впервые в мире: на театральной сцене должны залить лед, а на нем состояться спектакль «Спящая красавица» — балет на коньках! Мне выпало счастье не только работать с музыкой Петра Ильича Чайковского, но и поставить большой спектакль, который увидят сцены многих городов Великобритании. С тех пор у меня осталась большая мечта, наверное, несбыточная, неосуществимая до самой моей смерти — это показать все три (в дальнейшем я подготовила еще два балета) спектакля в театрах России. Показать их в Москве, показать в Петербурге, потому что больше всего мне всегда хотелось, чтобы мою работу оценивал родной зритель, мои друзья и товарищи. Правда, многие мои близкие друзья приезжали ко мне в Великобританию, смотрели, что я сделала, радовались за меня, выпивали и закусывали вместе со мной по этому поводу.

Евгений Баранкин специально для нашего театра написал либретто «Спящей красавицы». Коллективу пришлось забыть про большую площадку и привыкать к маленькой. Артисты поверили в то, что они могут и на ней кое-что показать. Внимательно они следили за мной, что я еще могу придумать, и постепенно работа над постановкой после первой недели, а тем более после двух вселила в них уверенность и интерес к происходящему.

Самое ценное для меня то, что не только профессионалы могли узнавать мой почерк, но нередко и обычные зрители. У меня за многие годы выработались свой стиль и свое направление. Но здесь мне пришлось слегка поменять привычный рисунок, потому что пришлось придумать новые движения для выражения музыки, новый пластический язык. Впрочем, во многом он и сам родился из того, что мы оказались зажаты маленькой площадкой. Эта ограниченная сцена, с трех сторон кулисы — они сами изменили многое во мне. Открылись необычные перспективы и возможности с прежде мне незнакомым танцем на льду. Много было придумано новых па (в спорте мы их называ-

ем элементами), много придумано разнообразных поддержек, выразительных средств, раньше в катании не используемых. Мне хотелось, чтобы действие развивалось в двух плоскостях, поэтому я предложила сделать узенький подиум, который стоял уже за льдом, у задника, шириной примерно в метр, из-за кулис шли к нему дорожки. Этот подиум превращался то в сиреневый сад, то становился дворцовой площадью, то залом во дворце и даже спальней. Он трансформировался каждый раз, как — я тоже придумала, занимаясь этими проблемами первый раз в жизни. Подобные задачки, естественно, входили в компетенцию художника-постановщика, но по этому поводу у меня с художником конфликта не возникло.

Наташа Большакова, симпатичный человек, работала со мной еще в спорте. Узнав, что я делаю спектакль, она попросила, чтобы я ее не забывала. Я, к несчастью, о ее просьбе помнила, сначала я заказала ей костюмы, не подозревая, до какой степени она человек необязательный. Есть такой тип людей, которые никогда и ничего не в состоянии сделать в срок. Если это касается спортивной пары, то подобное еще как-то можно терпеть, хотя все равно нервы тратятся. Но когда разгильдяйство касается целого спектакля, то я стараниями Наташи — точнее, их отсутствием — покрылась аллергией, а нервы мои дошли до предела. Пришла пора сдавать спектакль, а костюмы еще не готовы. Как будто это не она умоляла меня: «Мне никто не даст такой работы, кроме вас, разрешите мне попробовать сделать не только костюмы, но и декорации, я не подведу». И я со своим идиотским характером — всегда помочь, дать возможность человеку раскрыться — купилась на эти стоны. Я сама себя приговорила отдать ей создание декораций. За что и мучилась ужасно, потому что в назначенный срок не были готовы ни декорации, ни костюмы. Мы приехали к ней в мастерскую, полагалось срочно забирать два трона, которые почти весь спектакль заняты королем и королевой.

...Сцена, по моей задумке, как я уже говорила, постоянно трансформировалась, в чем принимал активное участие

и мой подиум. Пересказать словами балет невозможно, но я внимательно следила при постановке, чтобы драматургические линии пересекались в нужных мне местах площадки. Пришло время все мои изобретения испытать на льду, но тут выяснилось, что у художника ничего не готово. А увидев трон, который по ее эскизам уже сделали, мне прямо там, в мастерской, чуть дурно не стало. Трон заканчивался по высоте в колосниках, попасть на него — уже трюк. Чтобы влезть на этот стул, артисту, изображающему короля, пришлось бы подпрыгнуть, подтянуться, а потом только усесться, правда ножки бы у него свисали. Я начала одновременно плакать и кричать, со мной случился настоящий припадок, я не представляла, что человек может до такой степени не соображать.

Сама Наташа москвичка, но заказывали мы костюмы в Петербурге. Там в театральных мастерских меня, естественно, знали не один год. Я в очередной раз полетела туда просить, чтобы мне в течение трех дней соорудили два трона. Мне пошли навстречу, сделали новые чертежи, показали что и как. Я тоже приехала с эскизами, с книгами. Я оказалась в тяжелой ситуации, но, что скрывать, мне, конечно, было и очень интересно. Конечно, ошибка в привлечении Наташи была исключительно моей собственной, мне давно полагалось иметь опытного художника, настоящего помощника для режиссера, не мое это дело заниматься костюмами для фей и пажей, их вуалями и головными уборами, тем более изобретать подиум с сиреневым садом и придумывать дворцовый занавес, который без конца падал и опутывал Леню Казнакова, а тот, бедолага, из этой сети часами выбирался. В спектакле же всякое случается, оборвется что-то, а чаще кто-то на скорости наедет или зацепится за декорацию, они же на коньках летают, вот задник и мотается или колонна шатается, будто выпившая. Сверху никаких декораций нельзя вешать, потому что поддержки у фигуристов очень высокие. Помню, как Спиридонов несет над собой Волянскую в сложнейшем элементе, она с закрытыми глазами, а сверху опускается декорация — сетка, которая вся в листе, как бы лес опускает-

ся. И Инна коньком попадает в этот «лес», в эту сетку, Валера движется вперед, а ботинок — она вся перевернутая в поддержке, ничего сделать не может — тянет назад. Только Спиридонов способен на такой скорости непонятно как остановиться, отъехать назад. Как вся декорация не рухнула на них — неизвестно. Как они не поломали себе ноги — уму непостижимо. Не всё мы смогли предусмотреть, но когда спектакль разыгрался, такие накладки почти исчезли.

Наташа, в общем, девочка приличная и художница хорошая и интересная. Но любые профессиональные и личные достоинства перечеркивает ее «умение» никогда и ничего не сдавать в срок. «Наташа, принеси макет». — «Хорошо, принесу». Нет макета. Поехала я к знаменитому и мною любимому хореографу Боре Эйфману, стала ему рассказывать о постановке, нервничаю, трясусь, он мне: «Покажи мне на макете». Отвечаю: «Не могу художника заставить его сделать». Возможно, что она натура артистическая и из-под палки не творит, а у меня уже времени не осталось обращаться к кому-то другому. Я попыталась уговорить одного известного художника, но он отказался, объяснил, что у него все расписано на ближайшие годы, и послал меня к Майорову, в Большой театр. Но и тот сказал, что у него «дыр» в расписании нет: «Таня, мне очень хотелось бы попробовать, но...» Конечно, мне хотелось работать с сильным художником, а не просить кого-то об одолжении. Но в конце концов мне очень повезло. Следующие два спектакля я делала с питерской художницей Нателлой Абдулаевой — и тут я получила полное наслаждение. Мы вообще с ней друг друга обожаем.

Работа, которую я не могла доверить англичанам, — это работа художника. Не наматываешься в Лондон, чтобы объяснить, чего же хочет твоя душа. А с Нателлой мы жили вместе, вставали вместе, думали вместе. Я пыталась изобразить, что хочу, она внимательно на это смотрела. Так проходили сутки, вторые, третьи... Кстати, одним из условий было и такое — костюмы мы должны привезти свои, впрочем, это совпадало и с моим желанием. Ужасно, когда

костюмы чужие. Тогда тебя могут как угодно шантажировать. На последний спектакль мы костюмы делали в Англии, там они и остались. Чтобы заново их восстановить, нужно сто тысяч долларов, а взять их неоткуда. И теперь спектакль не покажешь. Когда же костюмы свои, тебе есть о чем говорить с импресарио. А если еще есть свои декорации — это же огромные деньги, которые ты вложил в спектакль. Для первого нашего представления в Англии Могилевский нашел деньги, поэтому мы и делали дома и костюмы, и декорации, и отправляли их морем в Великобританию из Ленинграда.

...Когда балет был полностью отрепетирован, мы провели генеральную репетицию на «Кристалле» в Лужниках. Набрался полный «зал», то есть тренировочный каток, каким является «Кристалл». Приехал посмотреть, что я напридумала на этот раз, и мой Вова. Вроде бы все остались довольны, но главное, мне самой очень нравилась канва. Я сейчас иногда смотрю запись и думаю, что кое-что я могла бы изменить. Но для первого своего большого спектакля, то что получилось, наверное, можно расценивать как удачу. Кажется, характеры и роли получились интересные, хотя некоторые места мне теперь хочется сократить, но проблема сокращать действие перерастала в проблему музыки. Все же это музыка Чайковского.

Свой первый балет я увидела на экране случайно, я специально не смотрю прежние работы, я не люблю изучать и никогда не изучаю видеоматериалы других своих или чужих спектаклей, если работаю сама. Мне это мешает сосредоточиться. Мне все время кажется, а вдруг я у кого-то что-то могу «украсть».

Мы приехали в Сандерленд за несколько дней до премьеры, но зал не дают заранее, это не спорткомплекс — театр. А в театре свой закон — репертуар. Тем более театр городской, в нем каждый день или новые спектакли, или шоу, или клоуны с акробатами. И любое представление идет в этом небольшом очень симпатичном городке на одной сцене. Поэтому мы репетировали везде, где могли, —

в поезде, в самолете, в аэропорту, в гостинице. Двадцать четыре часа бесконечных репетиций, во всяком случае для меня. Так выпускаются любые спектакли, но у меня подобные ощущения внове. Началось мое настоящее знакомство с театром: колосники, задники, кулисы. Как вешать, как спускать, как ставить свет. Как с большой скорости падать сразу, как только лед кончается, в кулисы. А до них всего пара метров. Многое полагалось хорошо продумать, ведь в зале не должны услышать грохот от коньков. Это целая наука — как уходить, как выходить, чтобы тебя не видели и не слышали. Нужны, ой как нужны мне были репетиции. А времени совсем мало. Правда, труппа хорошо меня понимала. Все я им нарисовала, все рассказала. Уход каждого придуман, выход каждого размечен, потому что в кулисах лед нельзя использовать, поскольку его там нет.

Надо сказать, что и на сцене театра первый раз в мире положили лед! Этот фокус придумали англичане. Они заказали целый автокомплекс для сооружения льда на сцене. Оказывается, есть конторы, которые занимаются намораживанием льда на любых площадках. Наши импресарио арендовали у них оборудование и сумели повернуть по дешевке этот проект. Но работали с нами настоящие профессионалы по варке льда. Лед класть — опасное занятие, аммиак может взорваться, трубки могут лопнуть. Их можно приземлением после прыжка продырявить, и тогда забьет газовый фонтанчик. Если плохой лед, фигурист, исполняющий сложные элементы, может поломать ногу, некачественная поверхность — это опасность. Судьба фигуриста, точнее, его ног, в руках у людей, которые кладут лед.

По нашим условиям, варщики должны были уложить лед за 38 часов до спектакля. Полная трансформация сцены. Сцена же всегда делается с небольшим наклоном к зрителям, а ее надо превратить в ровную площадку. Сцена не должна грохотать, а она грохочет, потому что образуется воздушная подушка между льдом и покрытием сцены, и любое, даже плавное скольжение вызывает страшный шум, а в зале акустика хорошая. После прыжка

можно потерять слух. Как это исключить, тоже полагалось продумать. Мы работали и думали вместе, куда же друг от друга деться? Я теперь все не только про лед знаю, мне уже кажется, что и в театре мне известен каждый крючок и гвоздь, потому что я в нем провела, не выходя, годы. И Нателла — настоящий театральный человек — многому меня научила.

Все первые ночи напролет мы сидели со «светом», полагалось определиться: на какую сцену спектакля какой надо давать свет? Первый раз всю световую партитуру мы расписали с Володей сами, а потом уже стали приглашать более или менее профессиональных, скажем так, светорежиссеров. В конце концов англичане сами купили свет для спектакля. «Свет» — это набор сложнейших осветительных приборов, связанных между собой через компьютер. Жизнь после такого щедрого жеста стала видеться совсем в иных красках, но это произошло на следующий год. А пока «свет» меня совершенно измотал, я им занималась не меньше времени, чем с артистами. Потом Ульянов меня отпустил, сам сел у пульта, что-то переделывал, что-то подделывал, что-то добавлял. В отсутствие артистов мы высвечивали каждую сцену по музыке, добивались чего хотели и записывали ее на компьютер. Изнурительная работа, а репетиций из-за отсутствия льда все нет и нет. И только за день до премьеры мы смогли провести репетицию. Этого же не рассказать, как артистам страшно, как им нужно вкатиться, почувствовать лед. Вечером прошла одна репетиция, на следующий день утром — вторая. А вечером спектакль. На новом льду! Мы же никогда не катались на сцене, мы же всю жизнь катались только на катке. Даже когда я в Лужниках рисовала на площадке квадраты, рядом тоже лежал лед. Они уже опробовали «сцену», ограниченную мною двенадцатью метрами. Но если выскакиваешь с нее — выскакиваешь на лед. В театре же ты с площадки не выезжаешь, уходишь. Девочка, которую подняли в поддержку, нередко оказывается какой-то частью тела не над сценой, а над залом. А значит, у нее еще большая высота падения. Вниз пять метров — обрыв, смерть. Мы ус-

тановили по рампе контрольные лампочки. Потом уже купили ленту, которая в сторону артистов светилась, но зрителям была не видна. Но ко всем новшествам полагалось привыкать. Я понимала, что, если кто-нибудь из моих артистов убьется, я сяду до конца своих дней в тюрьму. У всех же огромные и длинные поддержки. Я замирала от страха, что дальше нет льда, а людей всегда в яму тянет.

Потом, осмелев, я устраивала буквально цирковые номера. На «Красавице и Чудовище», третьем нашем спектакле, у меня над сценой все летали. И прежде всего Красавица, которая порхала с целой компанией на лонже, которую смастерили у нас в московском цирке. Настоящий трюковый номер, с загубниками, все как полагается. Но когда я посмотрела мультфильм «Анастасия», я так себя ругала, что не придумала такую простую систему и такую абсолютно безопасную. У меня все крутилось на руках, на веревках без страховки. А в «Анастасии» героиня тоже летает, но так просто и так хорошо, лонжа под животик, и безопасно, и пластически интересней. Я чуть с ума не сошла, когда это увидела в фильме: как все просто и как гениально. Сколько же новых сцен можно было бы, используя такой прием — придумать!..

Наконец настал день премьеры. Я ходила счастливая, что дожила до нее. Люди первый раз пришли подивиться на наше чудо чудное, диво дивное. У меня со «Всеми звездами» всегда хорошо проходили премьеры, и про эту я ничего не могу сказать плохого. Но художник всегда не удовлетворен — я же особенно. Мне всегда все не так. Что-то не получилось, что-то оказалось не подсвечено, тем не менее ребята работали гениально. Свет вел Володя Ульянов вместе с Олей Чопоровой. С переводчицей — потому что вокруг одни англичане, а им приходилось команды давать заранее. К такому не просто приспособиться. Какие-то мизансцены они высветили не так, сместились акценты. Я злилась, но понимала, еще есть возможность для исправлений. Наутро вышла хорошая пресса, и люди к нам пошли.

Так мы поехали по Великобритании: были полные залы, были неполные, собиралось и половина зала. Дело шло ни шатко ни валко, но этому есть объяснение: все-таки новое зрелище, а зрители всегда с недоверием относятся к эксперименту. Но успех сопутствовал труппе всегда, сколько бы народу в зале не сидело. По-разному публика ходит на шоу в разных городах. Впрочем, у нашего театра в Британии уже образовался свой зритель. Тот, что видел нас вместе с Торвилл и Дином. Это редко кому удастся — иметь в чужой стране свою публику. Но все же недостаточная реклама, или, как они говорят, «промоушн», явно ощущалась.

Отношения с теми, кто организовал наши гастроли, с первого дня почему-то не складывались. Они мало что понимали в нашем деле, в отличие от прежних импресарио, когда мы работали с Джейн и Крис. Прямо надо сказать, в задуманном ими же проекте они оказались полными профанами. А чем непрофессиональнее человек, тем больше у него амбиций. Оттого они не уставали напоминать, что купили нас. Это оскорбляло, во всяком случае меня, Могилевского и Ульянова. Люди, «нас купившие», оказались несведущими ни в искусстве, ни в шоу-бизнесе, при этом довольно жесткие и очень алчные. К тому же они начали бесцеремонно лезть в дела труппы, активно общаться с артистами. Я и не подозревала, чем это закончится. До этого театр имел перспективы, дисциплина в коллективе поддерживалась железная, но и в то же время нас объединяла и искренняя дружба. Мы справляли вместе все дни рождения, все праздники, отмечали любой наш успех. Наверное, так зарождался «Современник», когда жизнь артиста полностью подчинена жизни коллектива: и радости и горести — все вместе. Вместе в выходные, вместе на любые поездки, и, конечно, вместе встречаем каждый Новый год. Нас было мало, нам нельзя было ни болеть, ни травмироваться. С труппой ездил доктор Виктор Зюзин, которого я забрала из спорта, где он со мной работал, следовательно, знал все типичные болячки фигуристов. Могилевский закупил бог знает сколь-

ко лекарств и аппаратов для процедур, буквально целыми чемоданами и ящиками. Фигуристов же без конца преследуют простудные заболевания. И другой стандартный набор: хронически болит спина, плечи, голеностоп, колени. Артист попадает за кулисы мокрый и разгоряченный и должен там ждать следующего выхода, а за кулисами обычно сквозняки. Нужно сразу накинуть халат или что-то теплое, причем не испортив костюм. Весь холод со льда идет за кулисы, артист остывает за минуту, легко хватая любую инфекцию. Когда они, уставшие, выскакивают со сцены, первое, что им хочется, — сесть, а этого категорически нельзя делать.

То, о чем я рассказываю, и для них и для меня абсолютно новое, непознанное, то, с чем ни они ни я не сталкивались в спорте. И хотя о сквозняках, о холоде за кулисами говорилось тысячу раз, но за всеми не уследишь, они же артисты. Без конца бегать и накрывать их одеялами, конечно, невозможно.

Замен у нас не существовало, весь спектакль был поставлен на четырех солистов и без второго состава. Я беспокоилась, — это моя постоянная головная боль, что других хороших артистов я вроде бы не выделяю. Но «Спящая красавица» позволяла иметь дивертисменты для всех, каждый мог станцевать большую партию. И все-таки основные герои — это Инна Волянская, Валерий Спиридонов, Оля Воложинская и Леня Кознаков.

Может, я ошибаюсь, но мне кажется, спектакль наш, помимо того что это было уникальное зрелище, имел и другую ценность. Впервые то, что сделали «Все звезды», не имело никакого отношения к спорту, мы поднялись на сцену. Ответственное дело — подняться на сцену, дорости до нее. Но я уверена, мы имели такое право.

...Семь месяцев шли гастроли по Англии. Конечно, если б они провалились, то вряд ли мы бы сразу получили заказ на следующий год. Но уже в середине поездки нам резервировали залы на будущий сезон, а мне сделали конкретное предложение: попросили поставить «Золушку» Прокофьева... Но я забежала вперед.

Прошло больше двухсот спектаклей, ни Волянская, ни Спиридонов, ни Воложинская ни разу не заболели. Наверное, ответственность перед сценой, перед коллективом, в конце концов перед самим собой мобилизует артистов. Они были великие профессионалы в спорте, вытренированные и выжившие в тяжелых условиях. Они претерпели ночные тренировки, мотание по стране, жесточайшую конкуренцию. Чтобы остаться в спорте, нужен фанатизм плюс профессионализм. Пригодилось, сработало это и в театре, но добавилось и огромное мастерство. Вот что помогло им ни разу не заболеть, не сорвать ни одного спектакля. Билеты проданы заранее, у нас в контракте семь спектаклей в неделю, и мы не имели права на отмену.

Год прошел с идеальной внутренней атмосферой в театре. Никто из артистов не ставил никаких условий. Они еще жили единым духом подвижников и первопроходцев. Потом началось то, что не минует ни один творческий коллектив. Мне это трудно вспоминать, мне больно, я устала от того, что не могу забыть прошлое. Как только начинается выяснение отношений, начинается падение нравов. Страдает работа, а артисты теряют свою квалификацию. Возникает жуткая ситуация, казалось бы, с пустяка. Сперва тебе, режиссеру, начинают высказывать претензии. Потом переходят к требованию заплатить больше денег за выступления, а у театра их нет, и ты отдаешь им свои — много раз я это делала — отдавала заработанное за неделю. Артисты пользуются тобой, это ужасно, отвратительно, и все это меня не минуло. Слава богу, что к тому времени закончились гастроли, и закончились блистательно. Ребята довольны, все купили себе иностранные машины. Но главное — творческий успех, хорошая пресса. Отмечали фею Сирени, ею была в спектакле Лена Гаранина, а танцы Волянской и Воложинской называли просто феерией. Мне самой иногда казалось, что на сцене разыгрывается не сказка, а серьезная драма, так они играли свои роли. Эта наивная немецкая история совершенно растворилась во мне, я каждый день смотрела спектакль и каждый день отмечала, они искренне живут

на сцене, не имея никакой артистической выучки. Они — совершенно не боюсь этого слова — творили высокое искусство.

Всю свою тренерскую жизнь я занималась актерским мастерством со своими учениками, хотя к спортивным тренировкам оно, казалось бы, не имело отношения. А я мучила спортсменов дикими для них вопросами: о чем они думают, когда молчат, когда стоят в позиции, о чем говорит его или ее спина. Так что мои воспитанники к лицедейству оказались подготовленными.

Мы ушли в отпуск счастливыми. Заработали ребята, как мало кто из артистов тогда зарабатывал в стране. Отдохнули, собрались в Москве, пришла пора начинать «Золушку». Перед постановкой я решила, что буду ее делать на два состава, потому что так нервничать я больше не в состоянии. Как я подготовила два состава? Заставила всех выучить по две партии. Абсолютно всех. И любой артист в любой момент мог быть заменяемым. До сих пор не представляю, как мы такую работу осилили. Вдохновленная успехом, для третьего спектакля я уже сделала три состава. Впрочем, и в «Золушке» мне пришлось частично готовить третью группу солистов прямо на середине гастролей. Для меня подобное — титанический труд, я не умею делать одно и то же. Поэтому я задумала и ставила как бы два спектакля сразу, потому что роль Мачехи в одном составе исполняла Оля Воложинская, но Мачеху в другом варианте я задумала сделать из мужчины. Ею стал Слава Войтюк. В конце концов мне удалось получить два разных спектакля с разной хореографией, с разными трюками, с разными сценическими задачами. Мачеха не становится в ином варианте лучше или обаятельнее, но средства достижения образа абсолютно разные. Два человека, мужчина и женщина, делали одну и ту же роль абсолютно блистательно. Воложинская творила чудеса, но и Слава Войтюк не отставал. Он, обладая редким даром смешить, доводил зрителей до колик. Но такая задумка требует двойных костюмов, ведь один человек не может влезть в платье другого. Следовательно, затраты увеличиваются.

Я сразу начала репетировать с двумя составами. Им здорово доставалось, потому что репетиции шли по принципу «нон стоп». Шесть часов льда у меня, а «нон стоп» для всех артистов. Адская вышла работа, но и зрелище получалось достойное. В одном составе Золушку танцевала Инна Волянская, в другом Марина Пестова.

Вместе с «Золушкой» мы и на следующий год повезли в Англию «Спящую красавицу». Два года театр выступал с этим балетом. А ужасный разрыв в труппе произошел как раз на второй год, когда Спиридонов ушел от своей жены Инны Волянской к Лене Гараниной, жене Игоря Завозина. Произошла настоящая трагедия в театре, трагедия в жизни Инны. Она еле сумела довести гастроли до конца. Только она знает, что ей стоили последние спектакли. Я решила найти для Инны нового партнера. Но для начала я уволила всех, кто оказался замешанным в скандале. Уволила Гаранину с ее мужем Завозиним. И, конечно, Спиридонова. К нам пришел Леша Тихонов, которого мне с трудом удалось уговорить. Тихонов не хотел уходить из спорта, к тому же подписал в Японии контракт с местной федерацией. Я ему сказала: «Леша, у меня есть партнерша, парница от Бога. Вы оба будете счастливы, когда начнете вместе кататься». Он пришел, посмотрел, как Инна работает, и ответил, что через три дня будет у нас. Я поинтересовалась, а почему через три? Он объяснил: «Потому что у меня коньки в Японии, но я сегодня еще на самолет успею». Через пару дней он действительно появился на репетиции. Они хорошо и быстро скатывались, правда, с Волянской это сделать очень легко. Но и сам Тихонов — парень с большим талантом, силой и красотой. Полюбила его сразу, — он замечательный мальчик, а с Инной они оказались просто созданы друг для друга. Когда театр перестал существовать, Леша вновь вернулся в спорт. Больше того, он сначала выиграл чемпионат Европы, а спустя год, в 2000-м, стал чемпионом мира.

Но все это было потом, а пока же Инна после всех потрясений постепенно приходила в себя, учила Лешу. И хотя

я сделала спектакль и на них, но первый состав в «Золушке» — это Марина Пестова и Марат Акбаров.

Итак, спектакль ставился на Марину. Я обожала Маринину Золушку до мурашек по коже. Она сама нежность, вся такая хрустальная. К ней по-человечески подходила эта роль, они с Маратом смотрелись, глаз не оторвать. Спектакль получился смешной, зрители в зале хохотали, иногда буквально покатывались, держась за животы. Но в то же время он получился трагическим, она так вела свою роль, что невольно слезы подступали. Некоторые сцены я выходила в зал смотреть каждый день, мне не надоедало наблюдать, как она танцует, чисто, искренне. Во время постановки родились самые разнообразные находки, например, часы, которые в своих створках с боем захлопывали Золушку на двенадцати часах. «Часы» изображали люди, закрывающие собой Золушку. Хрустальная туфелька — это сверкающий конек. Через какое-то время я принялась за третий состав, где роль Золушки исполняла Лена Леонова (она в 1987-м выиграла звание чемпионки мира в парном катании). Марат в середине тура потянул ногу, и появилась возможность стать премьерами и у Волянской с Тихоновым. Акбаров же вместе со мной поехал в Москву лечиться на полтора месяца, нога оказалась сильно травмирована. Поломался и Леня Казнаков. Оба они лечились по восемь недель, но при этом получали полную зарплату. Я скандалила с Могилевским, кричала, что они получили рабочие травмы (хотя Марат потянулся не на льду), что они должны чувствовать себя звездами, на которых не экономят. Через год они уже забыли о моих криках, они начали тяжело scandalить и разваливать созданное мною и Могилевским дело. Кстати, с ними вместе созданное дело.

...Гастроли шли успешно, «Золушка» получилась прелестным балетом. Я считаю, что из трех спектаклей, поставленных мной, «Золушка», наверное, самый совершенный. Хотя в последнем спектакле «Красавица и Чудовище» я придумала массу самых разных забавных трюков и новых

сценических решений. Возможно, я развилась как балетмейстер, мне удавались массовые сцены со сложнейшими перестроениями. Причем я придумывала совсем не те, что принято в знаменитых западных шоу на льду. Последняя постановка складывалась из многих находок, как изобразительных, так и технологических. К сожалению, мы не могли показать ни один спектакль за пределами Англии, такковы были условия контракта. Владельцы сами, без нашего участия, потом решили развить турне дальше, но у них ничего не получалось. Хотя небольшие, муниципальные театры есть по всей Европе.

Но первым делом, как они считали, они должны все выжать из Англии. Могилевский пытался устроить контракты в других странах, но они тут же перекрывали ему все дороги. Свободным временем мы не располагали, мы же подписали с англичанами соглашение на три года. Только и успевали, что приезжать в Москву делать новый спектакль и возвращаться в Англию обратно.

На самом деле даже если бы мы показывали один и тот же спектакль, то могли его годами возить по всему миру. По большому счету это настоящая глупость, выпускать каждый год новый спектакль. Если получилась удачная постановка, ее надо держать годами. Но из-за того, что люди, нас «купившие», оказались практически самозванцами в ледовом бизнесе, они и существовали в нем с трудом, кругом и бегом...

«Золушку» я любила. В ней, как ни в какой другой моей постановке поровну распределились сильные и интересные партии. Костюмы делала петербургская художница Нателла Абдулаева, о которой я уже вспоминала. Спустя годы, когда я уже работала с Куликом, она приезжала в Америку, навещала свою дочку, потом перебиралась ко мне. На «Золушке» я задумала трансформацию костюмов, нужно было их поменять мгновенно прямо на сцене. Мы сидели с Нателлой сутками, она рисовала то, что подсказывала моя фантазия. Пишу эти строки, а передо мной висит эскиз Нателлы к «Золушке», я посмотрю на него, и строение улучшается.

Новые костюмы нам шили англичане. Нам наняли какую-то бригаду, которая, по словам наших «хозяев», обшивает спортсменов. Не хочу вдаваться в подробности, но скандалов, в том числе и очень больших, было много. Они, естественно, не хотели тратить серьезных денег на настоящих мастеров, а в результате каждый костюм оказался недошит и недоделан. Но впадать в тоску времени не оставалось, потому что на послезавтра назначили премьеру. Костюмы нам привезли за день до нее. Двое суток мы все перешивали. В портняжек превратились все, включая меня и артистов. Справедливости ради замечу, что костюмы — это проблема во всех театрах мира. Я была приглашена к Борису Эйфману, сидела на заключительных репетициях и видела, что какие-то детали костюмов перешивались даже в последние часы перед премьерой.

Вальс в «Золушке» получился волшебным. Весь бело-золотой. Ребята стремительно проносились по две, по три пары, по одному. У каждого в этом вальсе своя любовь, своя мечта. Необыкновенной красоты вальс! И в «Золушке» тоже соорудили изобретенный мною подиум. К нему построили большую лестниц вдоль задника, по которой бежала Золушка. Декорации заказали художнику-англичанину, очень милому человеку, я с ним с удовольствием много общалась.

В «Золушке» артисты себя попробовали в самых разнообразных амплуа. Мне удалось по ходу спектакля вводить их в новые и новые роли. Обычный исполнитель уже бы взвыл, но наши к таким трудностям привыкли, повторю, что все они прошли тяжелую школу большого спорта. Начальный принцип ансамбля не нарушался, зато никто не чувствовал себя обделенным. Я стала устраивать рекламу своим питомцам; в одном городе про одного расскажу, в другом — про второго. Журналисты приглашались на разные составы. Я изо всех сил старалась ничем не ранить самолюбие каждого артиста... Оказывается, сами-то они беспокоились совсем по другому поводу, их волновали иные проблемы, в основном материальные. Как выяснилось, их самолюбие было вполне удовлетворено гастролями на За-

паде. А я-то переживала, что большинство из них расстраивается из-за того, что главные партии не катают. Вот в чем заключалась моя роковая ошибка. Справедливости ради надо сказать, что мне об этом без конца твердил Могилевский. Грешить не буду, были в коллективе и такие люди, которые думали хотя бы и о том, и о другом.

К середине тура наши английские партнеры вдруг необыкновенно активизировались. Вероятно, они задумались: зачем им коллектив с русским директором Могилевским? Я им вроде ко двору как постановщик и как человек с большим именем, от меня избавляться они не желали. Один раз они со мной переговорили, потом еще и еще. Смысл этих бесед сводился к следующему: не хотелось бы мне работать без Могилевского? Я от этих бесед отмахивалась, я всегда работала честно. Я совершенно искренне считала, что не только Могилевский, но и весь театр — настоящие друзья и единомышленники. К тому же понимала, что Семен — прекрасный директор, я за ним, как за каменной стеной. Когда до них дошло, что я не собираюсь от Сени избавляться, они предложили Могилевскому... продать труппу! Пообещали ему хорошо заплатить, если артисты подпишут контракт не с российским театром «Все звезды», а с ними. Таким образом, они перекупят труппу, а меня будут приглашать на постановки.

Театр к тому времени прожил уже двенадцать разных, тяжелых и счастливых лет. Я даже не сразу поняла, чего они добиваются, а когда уразумела, то меня охватило такое возмущение — а разговор у нас длился три часа, — что я ушла с переговоров, заявив, что подобных вопросов прошу больше не поднимать. Я не желаю разговаривать ни о какой перекупке, есть русский театр, мы его сделали впервые в мире, это мой трудный ребенок, а я детьми не торгую. Никто у меня не продается, ни директор, ни артисты. Я прекрасно понимала, что сегодня Семену, а завтра они найдут замену и мне, что уж говорить об артистах. Но, скорее всего, они начнут перекупать ребят, предлагая им на пятьдесят фунтов больше ставку. С грустью признавалась себе, что найдутся в театре и те, кто согласится с та-

Май 20
Гек

Папа, мама, моя сестра Галя и я.

Мне два года.

Первая примерка костюма.

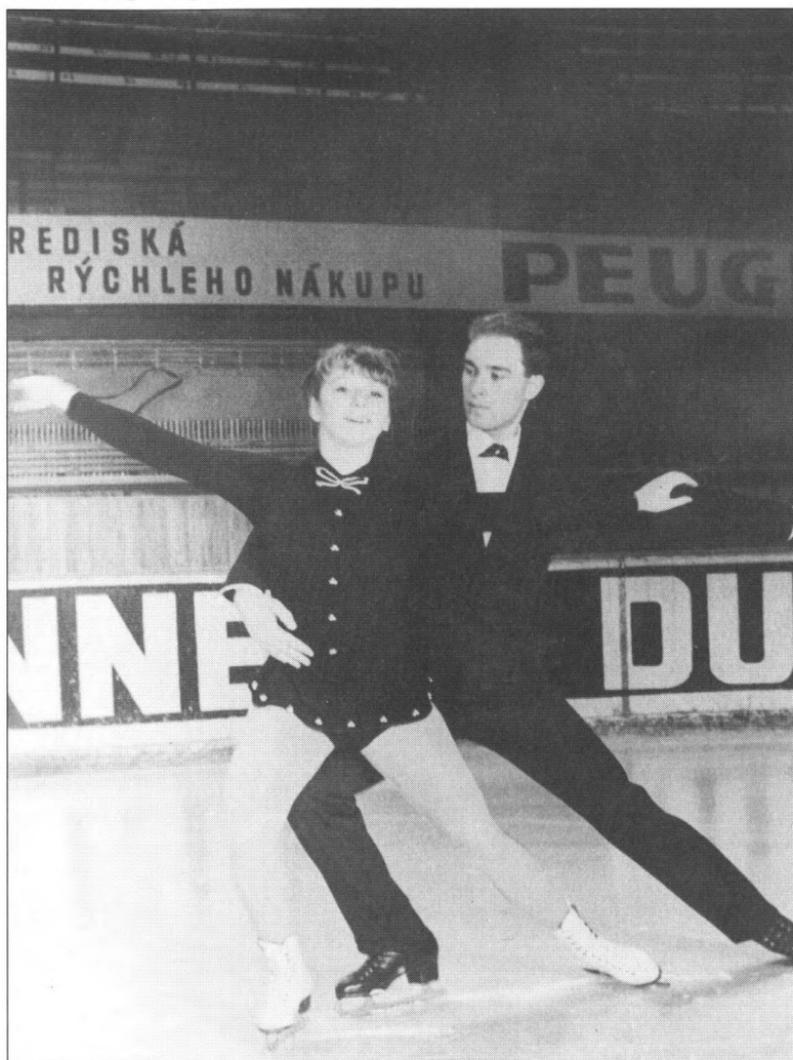

Две бесперспективных фигуристки —
Мила Пахомова и Таня Тарасова.

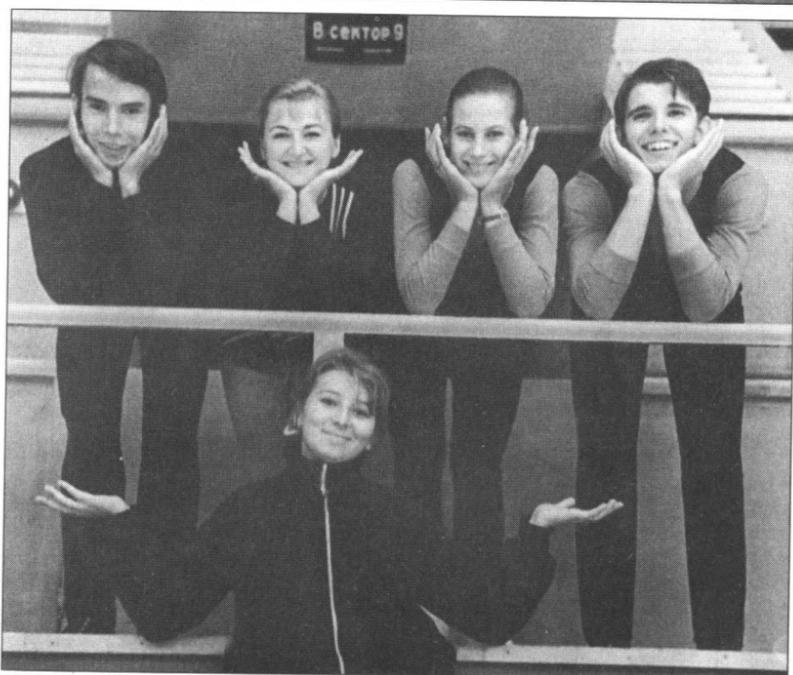
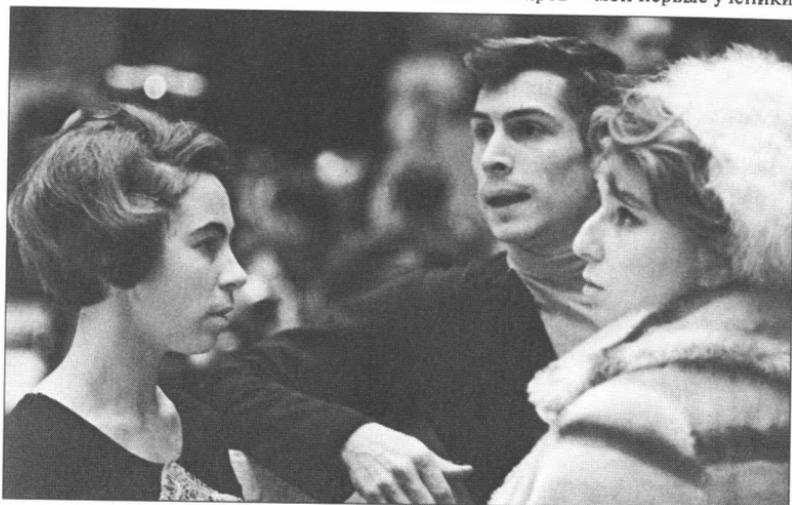
Детство на стадионе Юных пионеров.

С Георгием Проскуриным мы входили
в число лидеров парного катания в СССР.

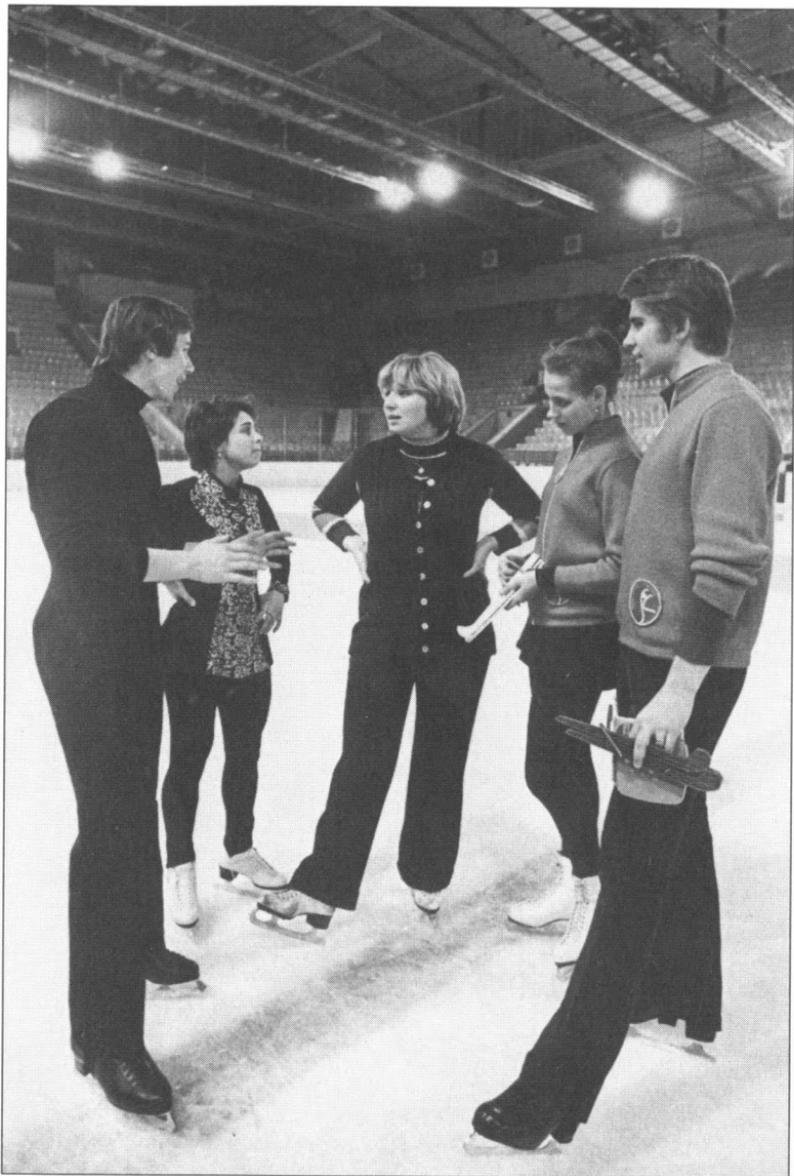
Людмила Сулина и Алексей Тихомиров – мои первые ученики.

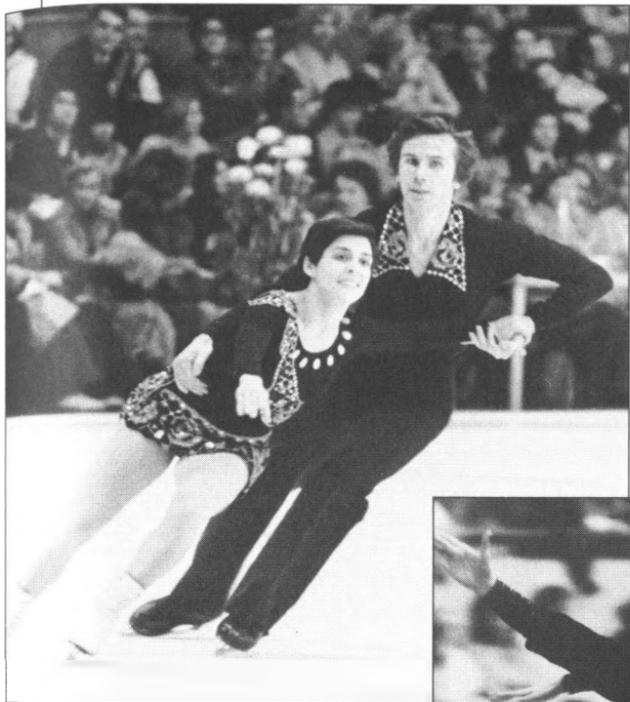

Слева направо: Вячеслав Жигалин, Татьяна Войтюк, Ирина Моисеева, Андрей Миненков. С них начинались мои «тарасята».

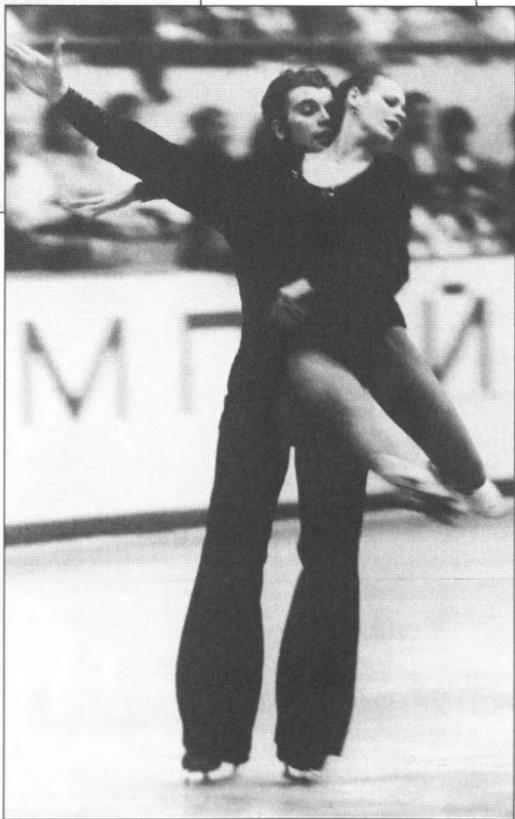
Мой звездный квартет:

Александр Зайцев, Ирина Роднина, Ирина Моисеева и Андрей Миненков.

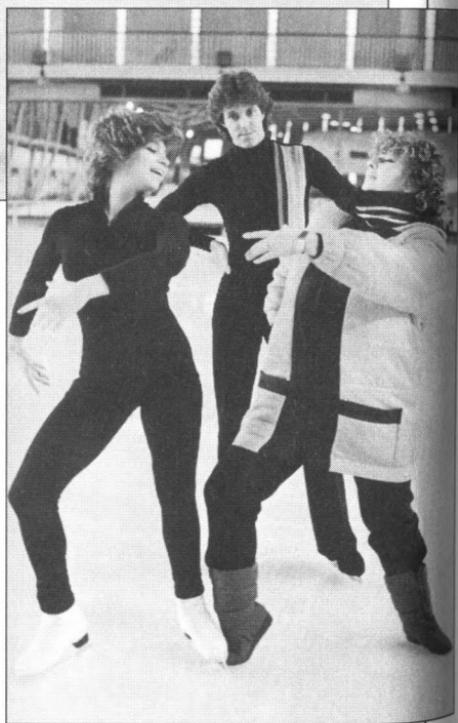

Как я любила,
когда Ира и Саша
набирали на льду ход!
Такая была
в их катании мощь!

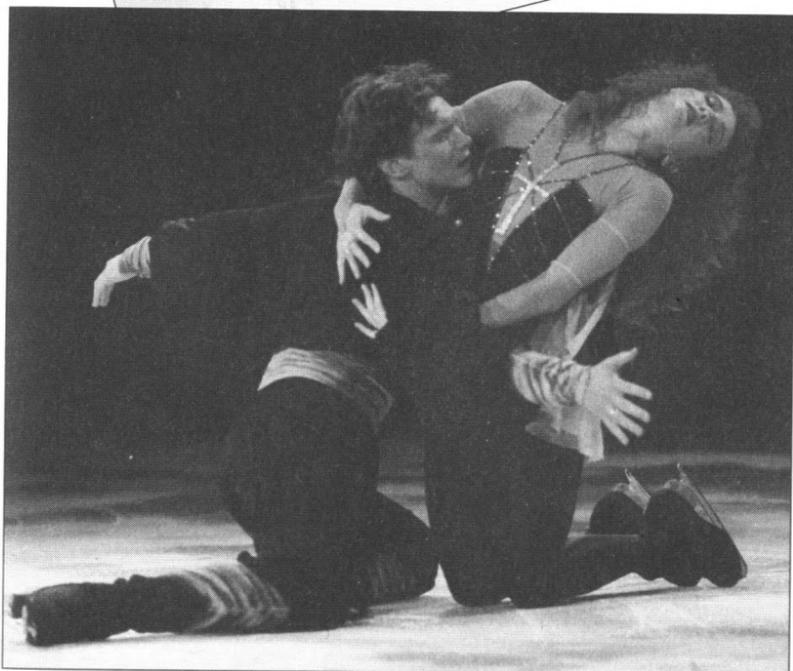

Андрюшу и Иру я выучила
от новичков до чемпионов мира.

Наташа и Андрей. Бестемьянова и Букин. Самая большая часть моего сердца принадлежит им. Каждая из их чемпионских программ осталась у зрителей в памяти: «Кармен» и «Паганини», «Кабаре» и «Половецкие пляски».

Когда я стою у бортика,
то «прокатываю» программу вместе с учениками.
Но смотрю только на ноги...

Марина Климова и Сергей Пономаренко пришли ко мне, когда никто не хотел с ними работать. Через год они стали олимпийскими чемпионами.

За столько лет работы в фигурном катании я стала известна и молодым зрителям, и их дедушкам и бабушкам.

Папа — мой первый и главный пример в жизни.
Его последняя и моя первая Олимпиада.
1972 г., Саппоро.

1976 г. Награждение после Олимпиады в Инсбруке.

Мы только-только вышли из Кремля.

Слева направо: Людмила Пахомова, Александр Зайцев, я и Ирина Роднина.

1988 г.
После Олимпиады
в Нагано.
Президент Ельцин
сказал мне
массу комплиментов.
Орден у меня теперь,
как у боевого генерала.

Мой друг
с молодых лет
и по сей день —
Юрий Овчинников.

С легендарным советским тренером Станиславом Жуком.

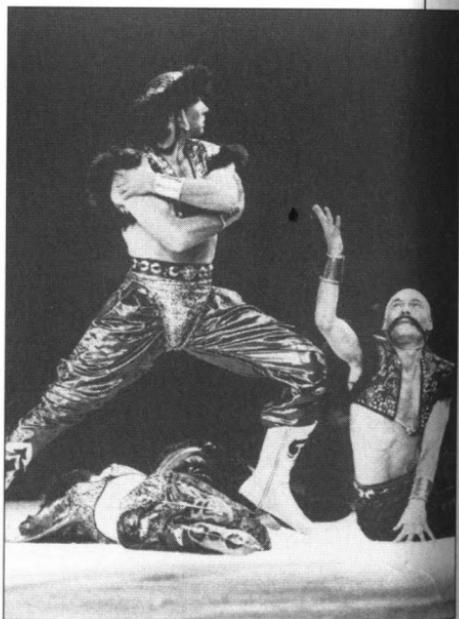
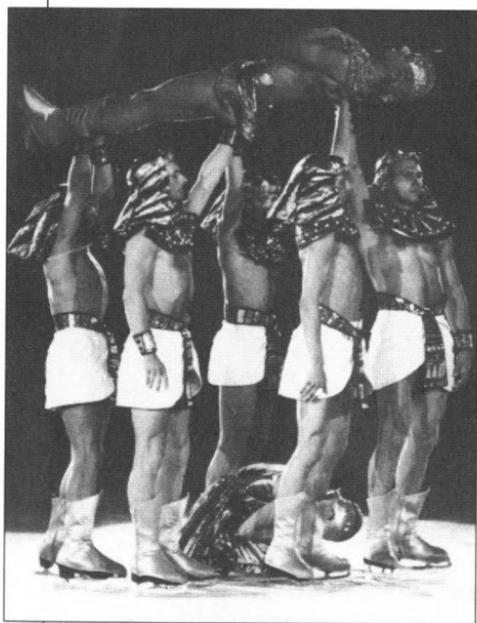

Москва. Семидесятые.
С Тамарой Москвиной
и Еленой Чайковской.
О нас писали, что мы узурпировали
все советское фигурное катание.

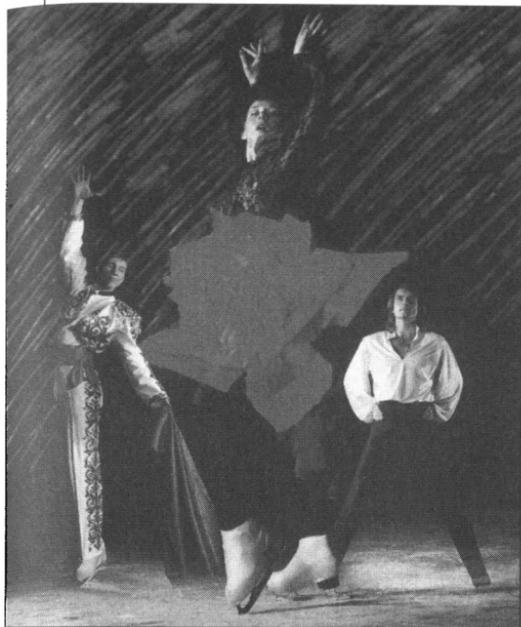

Нью-Джерси.
Конец девяностых.
С Галиной Змиевской
и Еленой Чайковской.
Теперь наши ученики
тренируются в Америке.

С директором театра «Все звезды» Семеном Могилевским.

Спектакль «Египет» придумал Кристофер Дин,
а «Половецкие пляски» — моя постановка.

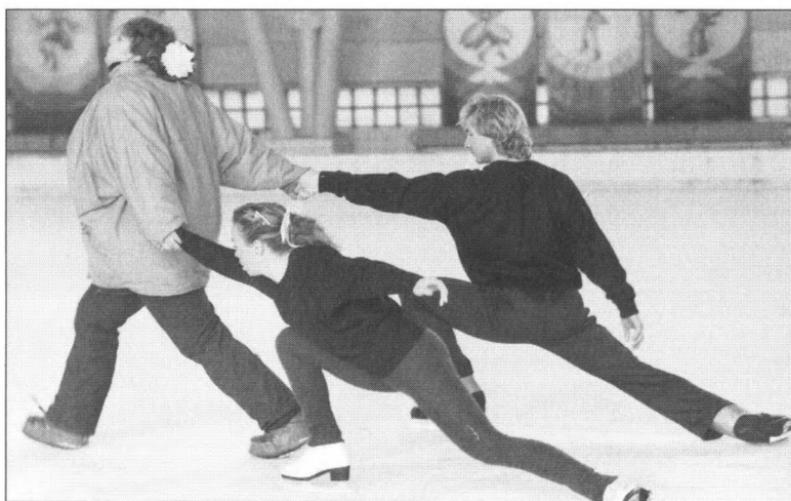

«Кармен» —
один из первых спектаклей
нашего театра....

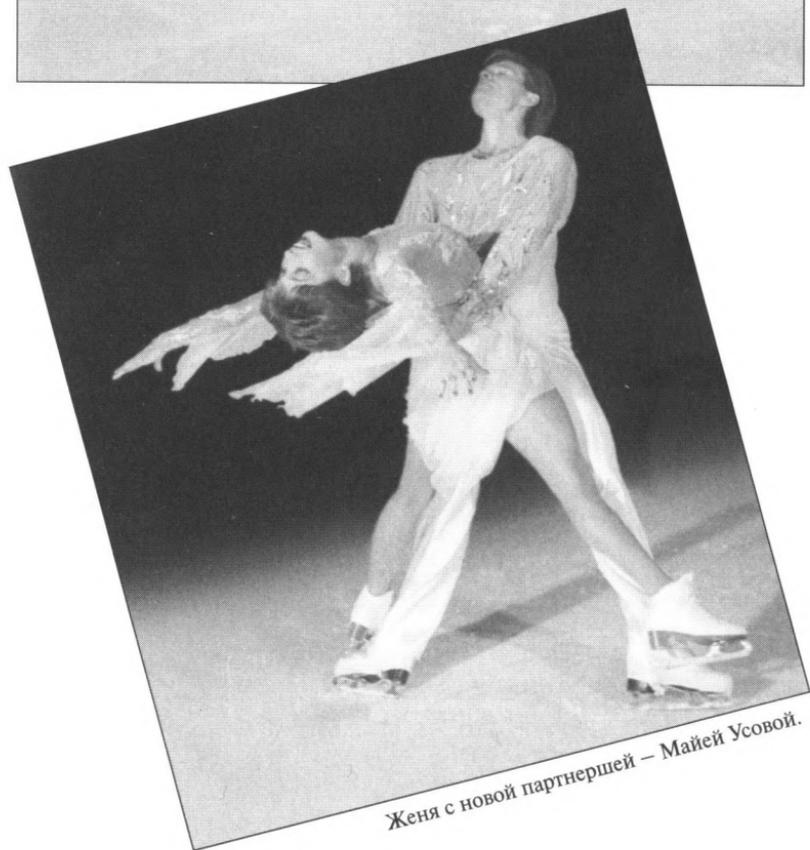
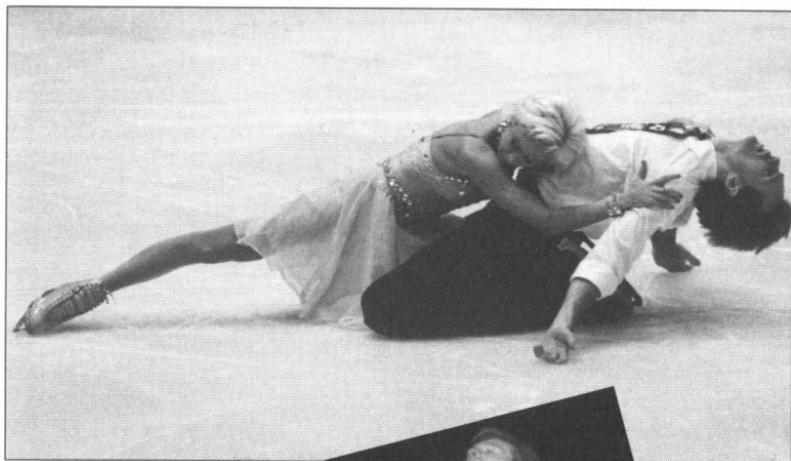
...а «Красавица и Чудовище» —
последний.

Как же я билась за размер каждой буквы на нашей английской афише!

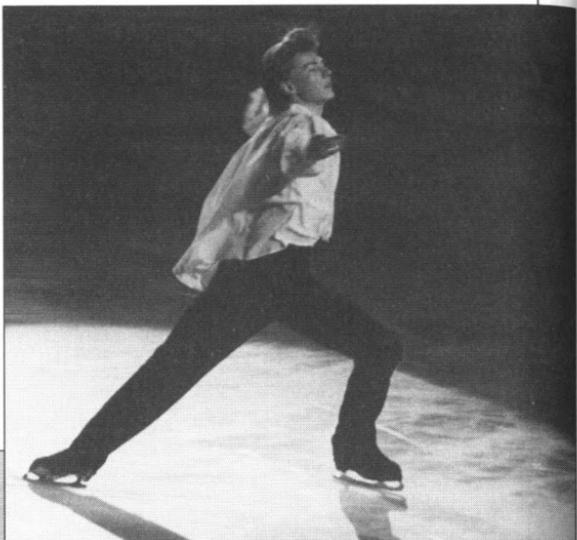
У меня на «буксире» олимпийские чемпионы Джейн Торвилл и Кристофер Дин.

Оксана Гришук и Евгений Платов — олимпийские чемпионы.

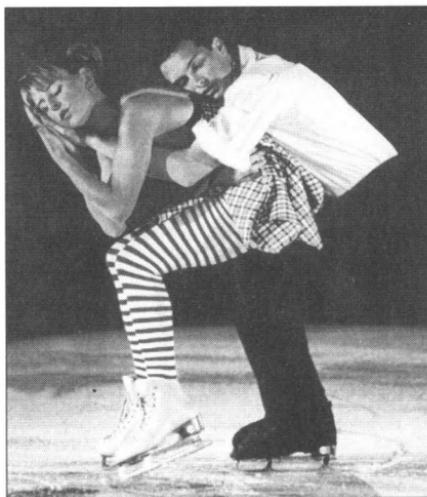
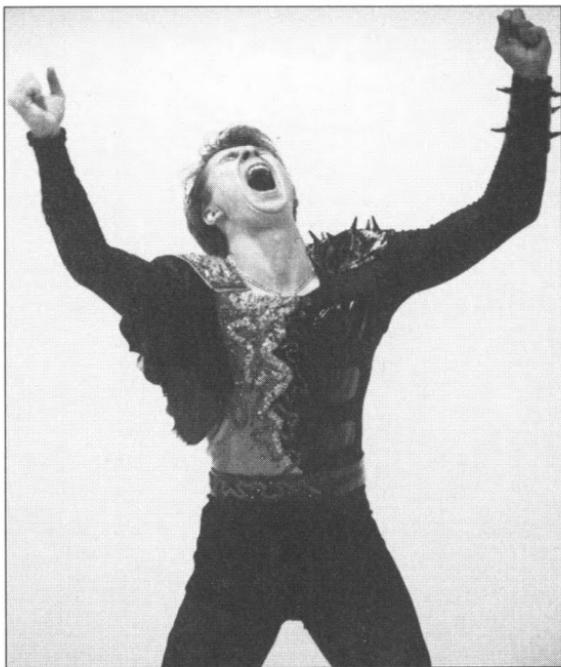
Женя с новой партнершей — Майей Усовой.

Илья Кулик.
Большой крови стоил мне
этот мальчик.
И большим счастьем
было с ним работать.

Обнимая и поздравляя Илюшу, я не подозревала, что мы с ним прощаемся.

Алексей Ягудин.
Не мальчик, а богатырь. Трижды чемпион мира.
Этот рекорд вряд ли кто-нибудь сумеет побить.

Чемпионы мира 2001 года —
Барбара Фузарполи и Маурицио Маргальо.

Я и моя правая рука тренер
Н. Морозов с канадской парой.

Мама, папа, мой племянник Алеша, а над ними мы с Галей.
Сразу видно, что снимаемся в доме хоккейного тренера.

Редкая фотография — я с мужем на отдыхе. Не очень мы оба приспособлены к такому времяпровождению, да и отпуска наши не часто совпадают.

Без всяких сомнений, Володя — один из лучших пианистов в мире.

В 1985 г. в Гетеборге мы провели вечер с Майей Плисецкой. Она только что посмотрела «Кармен» Бестемьяновой и Букина. Слева направо: Е. Чайковская, В. Котин, я, М. Плисецкая, Н. Бестемьянова, С. Пономаренко, А. Букин.

Это мой друг, журналист Виталий Мелик-Карамов.

Мои верные подруги: Марина Неелова, Ира Люлякова и Наташа Ульянова.
Страшно подумать, сколько лет мы друг друга знаем.

Марина Неелова и Галина Борисовна Волчек всегда были первыми и самыми строгими судьями моих программ.

Т. П. С. -

ким предложением. Я вдруг интуитивно почувствовала, что вокруг меня сгущаются какие-то темные силы. Мы держались с Семеном вместе, но чутье мне подсказывало — грядет беда. И с Володей Ульяновым, и с Валентиной Алексеевной мы стали думать, как нам избежать подобного развития ситуации. В это время рядом с нами появился импресарио Мел Буш. И прежде к нам приходили самые разные предложения от других компаний, занимающихся шоу-бизнесом, и рано или поздно я должна была принять серьезное решение, сделать решительный шаг, но в то же время не потерять коллектив, который был мне бесконечно дорог.

Мел Буш — это тот самый импресарио, что в 1998 году привез в Москву виртуозную скрипачку Ванессу Мэй. Помимо шоу для Мэй Мел участвовал во многих знаменитых проектах, например, в мюзикле «Кошки», и это тоже не единственный его мюзикл. Мел Буш — человек очень известный и давно работающий в шоу-бизнесе.

Мы познакомились с ним в Англии и весь конец второго тура, гастролей «Золушки», провели в переговорах. Он хотел взять себе наше шоу, говорил, что закажет нам спектакль под оригинальную музыку его друга Дэвида Эссекса, известного английского композитора. Он мечтал увидеть на льду «Бьюти энд зе Бист» («Красавицу и Чудовище») — вариант нашего «Аленького цветочка». Предполагалось, что либретто балета напишут англичане. Прежде нам писал либретто, если помните, Женя Баранкин, наш с Володи́й друг, известный музыкальный критик и очень остроумный человек. Но Мел стоял на своем. Я привыкла каждую сцену перерабатывать, потом с автором ее переписывать, — конечно, такое сотрудничество, когда либреттист ближайший друг семьи, проходило легко и просто. Теперь мы отсылали свои замечания, свои предложения английскому автору, тот вроде бы соглашался, но далеко не все так гладко получалось. Мы собрали труппу, Мел Буш перед ней выступил с большой речью. Он замышлял крупное дело, вложил немалые деньги в этот «Аленький цветочек» и хотел, чтобы мы, отработав спектакль в Англии, после

поехали с ним дальше по всему миру. Он, как и мы с Семеном, тоже считал, что один спектакль в таком театре должен работать несколько лет и не надо каждый год создавать новый балет. По просьбе Мела приезжали к нам на гастроли в Англию люди с Бродвея, смотрели «Золушку». Как только прошел последний спектакль, я собрала труппу, но, к сожалению, пришли не все артисты, часть людей от нас откололась. Вместе с артистами ушли к англичанам переводчица и врач, причем именно они способствовали переговорам хозяев с артистами. Меня предали люди, которым я доверяла как родным, которых я, пригласив в театр, обеспечила нормальной жизнью в самые тяжелые для страны годы.

Слава богу, в основном от нас ушли те, чье отсутствие никак не нарушало моих планов. Беглецы стали собирать свою труппу на условиях, предложенных им англичанами. А я стала думать над спектаклем «Красавица и Чудовище», хотя с самого начала в предварительных переговорах с Мелом я настаивала, что нам не нужно трогать эту тему, лучше взять другой сюжет. Я считала, что тема в той или иной степени принадлежит «Диснею» и необдуманная постановка может вызвать судебные иски. Дело в том, что мне звонили из Америки мои близкие друзья, связанные с «Диснеем», и предупреждали: зачем ты берешься за «Красавицу и чудовище», руководители компании такого не потерпят, у тебя будет плохая пресса, вас такой гигант, как «Дисней», раздавит. Я отвечала: «Мы для «Диснея» не конкуренты, они и так владеют чуть ли не всем мировым рынком». Но как я ни храбрилась, а все равно побаивалась санкций и предупреждала о своих страхах импресарио. Мел меня успокаивал, уверяя, что такого не может быть, потому что не может быть никогда. Во всем мире именно импресарио, продюсер, то есть человек, который подписывает с труппой контракт, а следовательно, тратит свои деньги и определяет тему будущего представления. Постановщика же приглашают реализовать идею. Мне же заказывали и «Золушку», и «Спящую красавицу», а не я сама выбирала, чем мне заняться.

Дэвид Эссекс музыку писал медленно. Уже все сроки прошли, а постановка все откладывалась и откладывалась. Я начала нервничать, вернулась в Англию, чтобы встретиться с композитором. Мы с Ольгой Чопоровой провели у него чудесный вечер, захватив еще и полночи. Говорили о каждой сцене, о каждом поворотном моменте в спектакле, обсуждали уже готовую музыку — он сидел за роялем, я, как оперная дива, вместились в рояльный изгиб. Я первый раз работала непосредственно с композитором. Чего только в моей жизни не было, а вот подобного ощущения не испытывала никогда. Я мечтала о балете с элементами цирка, я повесила своих артистов на лонжи, и Красавица у меня летала над сценой буквально с риском для жизни, любой разрыв тросов мог закончиться смертельным исходом. Пронесло, но все-таки Артем Торгашев упал.

У меня в группе занималась замечательная спортсменка, потом она работала в моей труппе — Илона Мельниченко, сейчас она мой хороший друг. Артем — муж Илоны, и случившееся с ним несчастье — буквально роковое стечение обстоятельств. В тот день у нас проходила в Москве генеральная репетиция. Перед последним прогоном Тёма влез на трапецию и раскачивался на ней головой вниз — она оторвалась мгновенно. Счастье, что не случился перелом в основании черепа, иначе в лучшем случае Тёма оказался бы на всю жизнь прикованным к инвалидной коляске. Как какой-то знак, именно в тот день, когда все закончено и уже накрыты столы: мы расходились в отпуск и перед ним как бы сами себе сдавали спектакль.

Работа шла муторно, музыка явно не дотягивала, конечно, в ней была пара запоминающихся тем, но этого мало для мюзикла. Обычно я работаю с мелодиями, которые люблю и которые меня вдохновляют. Скрупулезно разбираю каждое движение, стараюсь, чтобы оно соответствовало всем нюансам мелодии. Сотни произведений звучали у меня на катке, но всегда только те, что я сама выбирала. На этот раз все получилось иначе. Музыка меня не увлекала за собой. Я старалась не потерять форму, не потерять интерес к постановке, все время в какой-то степени искус-

ственно поддерживала его у себя. Я жила одна в доме, не отвечала ни на какие телефонные звонки, любые события, не относящиеся к постановке, были у меня из жизни исключены. Я никуда не ходила, утром вставала и ехала на «Кристалл».

Как бы сказать помягче: музыка Эссексу не удалась. Конечно, он не Прокофьев и не Чайковский, но и не Уэббер. Не хочу сказать ничего плохого, но и хорошего сказать могу мало. Одни и те же темы повторялись у разных героев. Либретто (сколько бы мы его ни переделывали с Баранкиным, как Женя ни старался) более походило на киносценарий. Закупили шикарный свет, просто умопомрачительный. Жизнь предвещала грандиозную премьеру, причем мировую, и, честно сказать, все строилось из расчета на это событие. Я подготовила три состава, а в спектакле продумала каждую деталь, он получился технически очень сложным. Особенно для исполнительницы главной роли: она практически не покидала лед во время всего представления.

Мы прилетели в Лондон, и для первой репетиции нам зарезервировали самый большой зал, где обычно проходят знаменитые шоу. Премьеру назначили в королевском Альберт-холле. Перед тем как выйти на специально залитый для нас лед, мы неделю сидели в гостинице в Уимблдоне. В Альберт-холле работала лучшая английская компания по установке света. Она выстраивала его прямо при нас, в готовых декорациях, которые я первый раз увидела. Хотя до этого я встречалась с художником, но тогда передо мной на столе лежали эскизы. Художника по костюмам я отстояла своего — Нателлу Абдулаеву. Декорации были очень хороши, появились новшества, напоминающие оформление бродвейских мюзиклов. И, конечно, супертрюк — мною изобретенные полеты над льдом, когда вся труппа «летала» на веревках. Единственное, что мы не успели — как-то их украсить. Надо было заказать искусственные листья и оплести ими веревки, будто это ветви деревьев в саду, в котором появлялась Красавица. Сюжет порой ничем не походил на канонический, но по канве все равно

разыгрывались традиционные «Красавица и Чудовище». Огромный двухчасовой балет я планировала прежде всего на Инну Волянскую с Алексеем Тихоновым, и они были прекрасны в главных ролях, но импресарио захотел, чтобы в первом спектакле танцевали Марина Пестова и Марат Акбаров. Их десятилетняя Анжела уже училась в Англии, Марат с Мариной жили у опекунов ребенка. Они катались замечательно, но, конечно, спектакль прежде всего строился на Инну и Лешу. Волянская выглядела настоящей Красавицей, какой я ее себе представляла. Импресарио попросил поменять ведущих артистов в последний день, и я страшно переживала, чуть с ума не сошла, не зная, как подобное объявить первой тройке. Тройке потому, что Инна с Лешей работали вместе с Илоной Мельниченко, в роли Злой Волшебницы. А Марат с Мариной объединялись с Ирой Жук.

Наконец дожили до премьеры, опять срочно переделали костюмы, так как они шились без примерки, в общем, как-то выкрутились. Попутно замечу, что наши мастера по пошиву в тысячу раз профессиональнее тех, кому мы вынуждены отдавать заказ. Но Мел, как выяснилось, не случайно заказал нам костюмы в Англии, в конце концов он их себе и оставил.

Премьера. Огромный Альберт-холл заполнен на две трети. Когда опустился занавес, зал встал и стоя аплодировал сорок минут. Кстати, там лед перед премьерой лопнул, это стало уже каким-то знаком, и мы без раскатки вышли на сцену. Ребята не стояли на коньках пару дней, это нонсенс, все нервничали, тут не маленький театр, где они уже наловчились делать чудеса, здесь новые кулисы, сцена вынесена вперед, много пространства. Но сама «площадка» все равно двенадцать на двенадцать. Большой зал создает иной эмоциональный накал, все это делало премьеру особенно волнительной. Наши партнеры не успели закончить оформление сцены, потому что с таким шоу они никогда не сталкивались. Володя Ульянов жил в Альберт-холле двое суток, сам приколачивал, сам доделывал, сам развешивал. Но это нормально, перед премьерой обычно у всех

руки болят, потому что бог знает сколько приходится перелопачивать в последнюю минуту. В то же время вокруг царила торжественная обстановка, вдохновляли даже знаменитые грим-уборные, где находились рояли, на которых разыгрывались лучшие музыканты мира. Альберт-холл всегда видел только самое лучшее в музыкальной, театральной, культурной жизни. На его сцене из русских балетов работали только Большой театр и Кировский, и то не всегда с успехом, судя по рецензиям.

Спектакль мы давали бесплатный, сборы с него передавались фонду «Анти-СПИД» Элтона Джона. Много приглашенных; конечно, пришло родное посольство. Я пригласила Торвилл и Дина. Пришла та лондонская публика, которая ходит на самые заметные премьеры. Думаю, что наши «друзья», те, что подкупили часть моей труппы, тоже туда подтянулись. Вся эта публика стояла, грохотали аплодисменты, а мы на сцене плакали.

Я не сомневалась — теперь-то у нас все пойдет на самом высоком уровне. Букеты, цветы, слезы. Артисты, не сняв коньки, отправились на телевидение чуть ли не на «роллс-ройсах». А там Дэвиду Эссексу в это время готовились вручать большую премию, типа нашей «Тэффи», за музыку, за вклад в искусство, объявили человеком года. Тут же интервью с русскими артистами, бешеный резонанс, театр «Все звезды» смотрит чуть ли не вся Англия. Нас раскручивали по-крупному, а надо было нами заниматься чуть тише, потому что мы еще не соответствовали такому уровню. Но импресарио, наверное, видней. Что касается меня, то я понимала, что не хватает какой-то простой, но точной рекламы. Не нужен нам был весь этот светский блеск, но Мел вложил в проект очень большие деньги и, очевидно, переборщил.

Мы уехали из Лондона. В небольшом городке смотрели вручение Дэвиду премии, все выглядело красиво и достойно. Пока же нас фотографировали для буклета (потом я сидела всю ночь, восемь часов, с лупой отбирала снимки, у меня ослеп один глаз, я теперь знаю, как люди слепнут). Я сидела не разгибаясь, так как из десятков отснятых пле-

нок, из сотен если не тысяч кадров я должна была выбрать всего двадцать. В восемь утра, слепая на правый глаз, я отобрала нужные снимки, но у меня не получалось двадцать, получалось тридцать шесть. Дальше я уже не могла продолжать сокращения, я уже ничего не соображала. Почему я смотрела через лупу — мне важно было увидеть выражение глаз своих артистов, любые нюансы их поз. Многие фотографии делались во время спектакля, а то, что снимается на спектакле, всегда лучше, чем в статике, когда специально позируют. Мне хотелось, чтобы фотографии передавали наше вдохновение, чтобы уже по буклету люди могли понять, что за труппа приехала к ним. Я никого не хотела подводить, хотела, чтобы каждый артист попал на страницы со своим лучшим снимком, а у меня две Красавицы, два Чудовища. Я беспокоилась о мелочах, мне еще Сеня говорил: «Вечно о глупостях каких-то думаешь». Но я обожала своих артистов. Абсолютно всех.

Мы отыграли семь положенных спектаклей, и, пока пережидали запланированный перерыв до следующей недели, в прессе началась настоящая вакханалия. Я до сих пор не понимаю причину такого ужасного разгрома по поводу спектакля. Каждый день выходило по газете с ругательной статьей. Не все сразу нас прикладывали, сперва одна газета, на следующий день другая, через день третья... И так всю неделю. Я слегла. Как человек, избалованный хвалебными рецензиями, не смогла выдержать такое. Но самое интересное заключалось в том, что ни в одной статье не присутствовал профессиональный разбор, создавалось впечатление, будто со мной просто сводили счеты. Ругали только меня. Конечно, ругать меня можно, но желательно, занимаясь не мною лично, а моим делом с точки зрения специалиста, тогда я критику воспринимаю. А так — за что? Причем печатали всякую чушь только лондонские газеты. Провинциальная пресса, когда мы поехали по стране, спектакль хвалила, но, как говорится, поезд уже ушел.

Мы отправились по муниципальным театрам и тут выяснили, что тур наш не продан. Импресарио рассчитывал только на первое ударное представление, а уже после него

зрители побегут сами, ломая ноги, покупать билеты. Никто ног не ломал, никто не побежал. Рекламную кампанию провалили, Мел сам это признавал. Оттого что он каялся, было еще более тошно. Мел терял деньги, а мои артисты работали блестяще... и выступали при полупустых залах. Каждый день, сколько бы человек в зале ни сидело: двести, триста, пятьсот или тысяча, — оvationи стоя. Клянусь, каждый божий день люди стоя аплодировали и не уходили во время действия. А как же иначе — ведь фантастическое мы привезли им действие: балет на льду вместе с цирковыми номерами. Но из-за финансовых потерь нас начали немножко поджимать, всячески удешевлять спектакль. Так встал вопрос о том, чтобы сократить труппу, а я как раз перед поездкой пригласила несколько новых артистов, и все они работали блистательно.

Я сражалась за каждого, но тут пошла целая серия предательств. Сначала мелкие, потом крупнее. Мне кажется, что раздор начался из-за того, что привыкших к полным залам артистов потрясло отсутствие настоящего успеха. Артисты начали обвинять в этом Семена, который не имел никакого отношения к тому, ходит ли публика на спектакль или не ходит, потому что он не занимался рекламой в Англии, это не считалось нашим делом. И в разгар выяснений отношений бывшая часть моей труппы — она уже работала как английская, а не русская, — стала переманивать к себе своих прежних товарищей, втихую им звонить, предлагать выгодные условия. Занимался этим больше всего мой товарищ, врач Витя Зюзин. Он вдруг превратился в человека, в худшем смысле слова воспитанного Спорткомитетом, то есть лишеного каких бы то ни было принципов. В свое время я ходила по начальству, кричала, скандалила, хлопотала о его поездках... и дохлопоталась. Потом я долго объясняла всем нашим импресарио, что он мой врач, он работал с моей группой спортсменов много лет, что лучше платить ему, чем местному специалисту. Я сразу поняла, что именно Витя занимается подпольными переговорами, и пришла в отчаяние. Когда предают близкие люди, это уже за гранью добра и зла.

Помимо Оли Чопоровой у меня работала вторая переводчица — Женя Козак. Еще с предыдущего тура, с «Золушки», я заметила, что она переметнулась на сторону англичан. Мы специально давали ей некую информацию, и она попадала к руководителям гастролей буквально через считанные минуты. При том, что факты были очевидны, я долго не хотела в такое верить.

Наконец предательство перешло из области разговоров в область поступков. Увы, я уже знала, как это происходит. Ребята начали уходить. Сначала ушел один мальчик, с кем каталась Илона еще со спорта, причем ушел совершенно безобразно, бросив партнершу, с которой в спорте они пережили за короткий отрезок в несколько лет большую и драматическую жизнь любых профессиональных спортсменов.

Не так важны фамилии тех, кто стал уходить, главное, что они исчезали. Нашим соперникам полагалось найти брешь в коллективе — самых слабых и самых подлых — и они нашли парочку. Илонин партнер — очень способный парень, и они как пара выглядели потрясающе, а катались и работали восхитительно. Но он просил взять в театр его жену, совершенно бесталанную девочку. Она, когда приезжала к нам на тур, спрашивала: «Что мне надо делать?», а мне всегда хотелось ей сказать: «Снять коньки и никогда больше на лед не выходить». Я понимала, что при таких длинных турах она должна как-то работать, странно сидеть дома, имея ту же профессию, что и муж. Но я делала все возможное, чтобы не выпускать ее на лед. Она, конечно, на меня озлилась и, будучи женой солиста, начала обрабатывать мужа вместе с доктором и, естественно, своего добилась.

Нам приходилось гастроли урезать, часть людей мы отправили в Москву, и их сразу подобрала конкурирующая «английская труппа». Мы организовали собрание, надо было принимать какое-то решение, чтобы главные артисты выжили. Сократили немного зарплату, потом, правда, труппа нам с Семеном это припомнила. Но только так мы сумели удешевить тур и продолжать гастроли. Ужасное было время, казалось, вот-вот и уйдут многие, поддавшись

на уговоры Зюзина. В конце концов я не выдержала и распорядилась отправить доктора в двадцать четыре часа домой. Врач нам крайне необходим, но наступил предел. На прощание он украл лекарство, которое личный врач Ельцина передал моему папе, когда папа умирал в больнице, лекарство необыкновенное, из аптеки Президента.

Дни страшных предательств. Люди хотели только денег и не желали понимать, что жизнь сразу не кончается и не надо ее торопить. Сеня мне кричал: «Где же твои хвальные ученики? Где наш прославленный театр? Они его бросают так, будто в нем не выросли, будто никогда в нем не работали». В любом доме может быть много денег, а семья живет плохо, бывает и наоборот — денег мало, но семья дружная. Если, конечно, это настоящая семья. Во многом благодаря нашим усилиям мои артисты стали людьми, прямо скажем, не бедными. У всех квартиры, у всех дачи, у кого-то даже дети учились за границей. Но они не захотели со мной вместе пережить неудачу и при первых же трудностях запсиховали. Повторяю, скорее всего, оттого, что не знали провалов. Наше дело со дня основания шло только вверх. При первых же трудностях меня оставили почти все «ветераны». Люди уходили прямо во время тура. Они требовали прежних условий, лишь при их выполнении соглашались остаться. Уехала и я, так как занимала номер в гостинице, а это дорогое удовольствие. Пришлось отказаться и от своей зарплаты. Я пережила безобразную сцену, когда ко мне пришла выяснять отношения вся группа моих мальчишек: Марат, Саша Свиньин... Они спрашивают, почему вы такого-то отправляете в Москву. Я им отвечаю: «Вот деньги, которыми мы располагаем. Надо терпеть, если мы хотим выжить. А иначе можно закрыть тур хоть сейчас». Возможно, именно это решение и было правильным, справедливости ради замечу, что о нем мне без конца твердил Могилевский. Он утром и вечером говорил, что тур пора закрыть и в ту же секунду отправить всех домой. Возможно, случись такое, я бы сохранила труппу. Но я пойти на такие кардинальные меры не смогла — и стали уходить те, кто до этого еще колебался.

Почему я не смогла закрыть тур? Из-за малодушия. Я считала, что ребята должны работать и зарабатывать деньги, я их жалела, и эта жалость заставила меня сделать очень большую ошибку. Но я так хотела, чтобы они катались. А не прояви я слабости, работа нашлась бы через полгода в Америке или в другом месте, театр уже раскручен, предложения так или иначе стали бы к нам поступать.

Володя Ульянов довел тур до конца, в труппе оставалось то ли девять, то ли одиннадцать человек, и этой группе выпало заканчивать весь этот ужас. Спектакль перделали, сократили, но, что самое интересное, он продолжал идти с неизменным успехом. Стали собираться полные залы. Только высочайший профессионализм Ульянова мог сотворить такое чудо. Не могу сказать, что толпами, но зритель повалил, и тур далеко не бесславно доехал до конца. Ребят, которые остались, хочу назвать поименно: Леня Казнаков, Юра Цимбалюк, Виолетта Андреева, Ольга Воложинская, Инна Волянская, Леша Тихонов, Илона Мельниченко, Артем Торгашев. Меня бросила моя чуть ли не первая ученица Таня Войтюк — мне трудно говорить о ней и о ее муже Славе. Они меня попросту использовали, подписывая контракт с моими недругами. Я моталась в Москву — их ребенка выгнали из хореографического училища, и я пыталась вернуть его обратно. Подобное мне претит, ведь я сама педагог. Но все же поехала посмотреть этого мальчишка, помочь. Пока я в Москве занималась его устройством, они оба в тот же момент слиняли, как только узнали, что с мальчиком все в порядке. Страшное предательство, как же после этого жить...

Но, с другой стороны, я от театра освободилась. Я уже не могла ехать в Англию. Измена людей, которых поднимала с детства, оказалась последней каплей. Чаша переполнилась. Я сидела в Москве, плакать я долго не умею, начала ходить к Кулику на тренировки, стала серьезно с Ильей работать. Там продолжались гастроли. Ни один человек уже не мог влиться в труппу, чтобы его туда отправить, нужны деньги, а их не было. Я осталась на этот год

без зарплаты, потому что всю ее отдала артистам. А они приходили ко мне выяснять, почему им придется меньше получать? В тот день я пыталась им объяснить: «Никто из вас, из тех, кто проработал со мной двенадцать лет в театре, не задумывался, как живу я. Почему вы не спрашиваете: а сколько зарабатываете вы, Татьяна Анатольевна? Почему вы считаете нормой, что я весь свой гонорар, абсолютно весь, отдала вам, а вы еще что-то требуете? Почему никто не скажет: «Татьяна Анатольевна, мы остались ради вас, мы работаем ради будущего нашего театра»... С них сняли всего-то 100 фунтов в неделю, приблизительно десять фунтов за концерт. По сравнению с общей суммой — это сущий мизер. Я сказала: «Никто из вас не спросит, как же я, создав такой тяжелый спектакль, осталась вообще без зарплаты?», а не спросит оттого, что я о вас всегда заботилась больше, чем о себе. Вы видите, в каком я состоянии, но вам это безразлично. Вон отсюда!»

На этом, в принципе, и был закончен тур. Поехал к ним на переговоры Семен, а в день его приезда ушли из труппы Ира Жук, Олег Петров и Саша Свинын. В день приезда директора, чтобы с ним не встречаться, эта тройка уехала. Якобы те, с кем они подписали контракт, требовали, чтобы они уехали с нашего тура. Что они без зазрения совести и сделали. От них требовалась подлость, полагалось уехать так, чтобы гастролы закрылись. Но коллектив получился настолько профессиональный, что смог дотянуть тур. Володе Ульянову низкий-низкий поклон.

Я уже сижу с Куликом в Америке, а театр дорабатывает в Англии гастролы. Я думала, этот спектакль пройдет, я вернусь в Москву дней на двадцать и начну новое дело с новой труппой. Но они продолжали звонить и звонить, прощаться и прощаться. Со мной случилась страшная истерика, не понимаю, как вообще жива осталась. Одна мысль: какой ужас, как же я напугала этого мальчика, который только-только начал со мной тренироваться. Ему вообще не полагается знать моих душевных переживаний. Я одного только боялась: в Америке, без машины, сижу в номере, языка нормально не знаю, если со мной что-то

случится, никто не поможет, а я чувствую, что сейчас у меня разорвется сердце. Позвонили Жук с Петровым, а я, уже не веря ни во что, но по-прежнему любя их, говорила им: «Уходите». Звонили Леонова с Хвалько — пара, которую я лично сделала, — с благодарностью: «Вы наш единственный любимый тренер, но мы переходим в «Дисней он айс». Они уходили туда, где им лучше. «Ребята, — только просила я, — доработайте до конца». Объявился в Англии Вова Боголюбов и стал переманивать к «Диснею» оставшихся артистов, материал же хороший.

У них у самих началась внутренняя борьба: одни в Англии призывают работать, другие у «Диснея», но и первые и вторые — фигуристы, которым я продлила жизнь на льду, артисты моего театра. Условия, что ставил «Дисней», и те, что выдвигали англичане, выглядели одинаково: работать у нас вы будете через три-четыре месяца, но у Тарасовой закончить вам нужно сейчас. Важно было одно — уничтожить «Все звезды». На мировом шоу-рынке появился ненужный сильный конкурент, да еще из России.

С каждым звонком пропадала надежда, что мой театр сохранится, что у него будет новая жизнь. Так продолжалось, наверное, полдня, и когда я была уже совершенно доведена до отчаяния, то допустила слабость: я им всем перезвонила, сказала, что мы выживем, что у нас впереди замечательные гастроли, но уже никто мне не поверил. Они ведь и звонили для того, чтобы продемонстрировать свое недоверие мне. Могилевского рядом не было, он организовывал декорации для следующих гастролей. Когда пришла в себя, позвонила Володе Ульянову, сказала и ему, что мы выживем, я сделаю спектакль в любом составе. Я осталась с тем, с чего начинала двенадцать лет назад — с несколькими фигуристами. Они закончили турне в Англии и уехали в отпуск. И в тот день, когда произошел весь этот ужас и я боялась, что напугаю Илюшу своим видом, я села в гостинице писать письмо. Мы жили с ним в гостинице, еще не сняли крошечные апартаменты. Я пошла вниз — каток располагался на верху холма — и у себя в номере обратилась к своим артистам, хотя я никогда в жизни писем не

писала. Я вспоминала в нем все наши радости и горести со дня основания театра. Письмо до сих пор лежит в Америке, я не отправила его в театр, потому что закончила его так: «Я пишу вам тогда, когда вы уже ушли из моей жизни и некому читать это письмо». Я написала не меньше тридцати страниц. То было, конечно, не письмо, то был крик моей души. Полагалось как-то успокоиться, как-то избавиться себя от страданий. Я выплеснула все на бумагу в гостиничном номере, чтобы вечером пойти на тренировку к мальчику Илюше. И чтобы он не понял, как я страдаю.

Перед новым англо-русским коллективом стояла «святая» задача — уничтожить, выдавить меня из этого бизнеса. У них в это время тоже шли гастролы и тоже ни шатко ни валко. Они поставили «Фантом в опере» по знаменитому бродвейскому мюзиклу. Забавно — новая труппа — целиком из моих прежних артистов. Я всегда считала: мир большой, всем места хватит. У них свой стиль, у нас — свой. К англичанам у меня претензий нет, претензии исключительно к своим воспитанникам, которым я отдала душу и сердце.

Девять человек — все, что осталось от театра «Все звезды» — вернулись домой после окончания этих злополучных гастролей. Наверное, они закончили поездку с огромной тяжестью в душе, но вернулись с победой, они довели дело до конца. Выезд с балетом «Красавица и Чудовище» продолжался почти девять месяцев, за это время вынашивают и рожают ребенка. А наш за это время умер. Мел Буш целиком отстранился от всех проблем, он переживал о своих потерянных деньгах. А Семен начал договариваться о дальнейшей работе. Могилевский подготовил гастролы в Америке, и мы стали набирать новую труппу. Я решила так: успею и людей новых набрать, и с Илюшей поработать. Тем более что Володя Ульянов мог выучить любую партию с любым фигуристом. Нас пригласили в «Атлантик-сити» на двадцать представлений «Бьюти энд зе Бист» — «Красавицы и Чудовища».

Буш перед закрытием гастролей сказал Могилевскому: «Все забирай с собой, и Таню забирай, и костюмы, и деко-

рации, все отдаю тебе». Но когда он узнал, что Семен договорился с американцами, то сразу же потребовал деньги и за декорации, и за костюмы, и за свое участие, и за то, и за се. А мы уже набрали новую труппу, деваться некуда. Действительно, после подписания с американцами контракта Бушу полагался определенный процент, непонятно, правда, из каких денег. Но тут поле деятельности Могилевского, он каким-то образом сумел снять все вопросы. Театр начал готовиться к новой поездке, я занималась подбором новых артистов, появились очень хорошие молодые ребята. Рано или поздно, все равно когда-то надо обновлять состав, а мне — кого-то учить. Театр снова начал потихонечку функционировать, пока еще в Москве, Володя принялся за репетиции.

Гастроли в Англии оказались только агонией театра, смерть наступила в Америке.

Я работала с Илюшей, так, что не могла вырваться ни на минуту. Только примчалась к ним под выходные, когда проходила премьера. Она состоялась в Атлантик-Сити и, скрывать не хочу, получилась шикарнейшей. Все билеты проданы, аншлаги, газеты писали восторженные рецензии, меня пригласили сперва выступить на русском телевидении, потом приезжало американское, мы разрешили им снимать на представлении, тем самым вся реклама была сделана их же руками. Тут целиком заслуга Могилевского.

Спектакль мы переделали и прежде всего сократили, для Атлантик-Сити требовался другой ритм — это не Англия. Полагалось соблюдать американский стандарт: полтора часа, максимум час сорок пять. Вместо наших двух с половиной часов. Ульянов сам и переделал, и сократил, он заменил меня полностью. Я приехала за два дня до премьеры, подгадала под выходной и у Илюши отняла еще день, вроде бы отпросилась, оставив ему план тренировки. Сразу, как только я приехала, мы устроили репетицию.

Начались гастроли в Америке. Жили артисты в роскошном отеле, еда в любое время суток. В Америке нам создали прекрасные условия, и все те, кто остался с нами, были

воодушевлены открывающейся перспективой. И тут Мел Буш, как я уже говорила, решил забрать у нас костюмы, потому что деньги ему от американцев не поступили. Началась история с перепиской. Ребята с собой привезли костюмы «Спящей красавицы», мы начали судорожно их переделывать. Но Буш быстро понял, что дело, которое у него не пошло в Англии, в Америке прибыльное, и что не только костюмы можно забрать, а еще и труппу заполучить. Он стал обещать ребятам гастроли в Европе, тем самым он провалил нашу поездку. Мел до сих пор не понимает, что именно он — убийца моего театра. Я не говорю об артистах, чье поведение тоже оставляло желать лучшего. Но артисты есть артисты. А он, один из самых опытных импресарио в мире, неужели он не понимал, что творит? Я так ему и сказала: «Ты убил мое дело». Но он не чувствует ответственности за свой поступок, и ему обязательно за это воздастся. Столько, сколько я со своим театром натерпелась и намучилась, никто из руководителей любой из трупп в шоу-бизнесе не испытал и десятой доли моих мучений. Мел Буш не дал нам возможности нормально работать. Могилевский старался, у нас планировались гастроли дальше, мы быстро подписали предварительные соглашения. Инициатором оставаться в Америке была я, Сеня же в этом сомневался, он не хотел труппу держать за рубежом, намеревался везти ее обратно домой, заделывать нанесенные пробоины. К нам приходили выгодные предложения из Мексики, из американских театров. Я твердила, что гастроли должны быть продолжены, мне не хотелось увозить труппу, поэтому я настаивала: пусть как угодно, но продолжают работать, сейчас им нужно выступить и выступить, чтобы труппа спелась и сплясалась.

Русский импресарио повез театр в Майами, чтобы провести несколько концертов. Приехали во Флориду, выяснили, что нет никакой рекламы, а зал, оказывается, не оплачен. Через неделю Могилевский сам платил за зал, платил за гостиницу, поскольку импресарио успел снять всю кассу, обычный новорусский бизнес. Потом выяснилось, что

импресарио не только снял все деньги, но, оказывается, еще взял залог — и исчез. Это и был конец.

Большая часть ребят осталась в Америке работать тренерами, выступать в разных шоу. Конец.

И виню я в нем больше всего Буша, вогнавшего нас в свое время в спектакль, им же придуманный и им же не раскрученный. Иногда мне приходит мысль — вдруг это расплата и за мой грех, за то, что я занялась Илюшей. Хотя я гоню эту мысль. Не заслужила я никакого наказания, я не хотела продавать труппу англичанам, хотела работать с ней сама. Но очень трудно, во всяком случае сейчас, русскому человеку иметь труппу, не только работающую на Западе, но и работающую на западном уровне. Так случилось и с Игорем Александровичем Моисеевым. Будучи создателем знаменитого «Ривер-данс», он послал в Ирландию своих людей, которые благополучно там остались и с этим «Ривер-дансом» прекрасно путешествуют по всему миру без Игоря Александровича.

Возможно, такова судьба всех русских балетмейстеров, когда собранные и выпестованные ими труппы буквально растворяются на Западе. Но я, конечно, не ожидала, что и со мной подобное произойдет. Сейчас мои ребята звонят мне из десятка мест. Прошло два года — два года с Илюшей, они узнали, что я после Олимпиады от него освободилась, и, наверное, надеялись, а вдруг мы, как раньше, соберемся на «Кристалле» в Лужниках и опять что-нибудь такое натворим, чего никто кроме нас в мире устроить не может.

Спустя два года не осталось, пожалуй, ни одного человека из моего «погорелого» театра, кто бы не позвонил. Я знаю, что дала им профессию, это очень важно, но они не знают, что я хотела им привить еще и любовь к своему делу. Они переступили через меня, но так и не поняли, что наделали. Конечно, они беспокоились за свою судьбу, они не хотели терпеть ни дня лишений. Ни они, ни я не потеряли бы наш театр, если б они сами не покидали его с такой скоростью. Рано или поздно мы бы устроили хорошие гастроли, все бы наладилось, было бы только жела-

ние. Просто полагалось потерпеть. Но избалованные высокими заработками и успехом, они хотели все сразу и немедленно.

«Если вы, Татьяна Анатольевна, завтра организуете театр, мы мечтаем в нем работать» — это их слова. Годы идут, я думаю об этом, я, наверное, буду снова собирать труппу. Я хотела бы снова организовать театр в Москве, сделать его нашим национальным театром. Думаю, что красавице Москве не помешает ледовый театр, который, как любой бродвейский, работал бы для гостей. В основном же публика в бродвейских театрах — это иностранцы и гости Нью-Йорка. Конечно, я мечтаю о таком повороте событий. Что получится — трудно сказать. Главное, есть мечта и я буду к ней стремиться, если буду жива.

Надо сказать, что уже несколько ледовых коллективов после моих опытов выступают на театральной сцене. Но никакого патента я на свое изобретение не получила. Да у нас как-то не принято патенты получать. Мне один мой друг-журналист говорит: «Сейчас ты могла бы сидеть дома, а тебе бы денежки на счет капали и капали. Чем больше ледовых театров на сцене, тем тебе лучше». Нет, у меня с денежками так легко не получается. Мне капают только несчастья на голову. Капают, капают, но я держусь. Я люблю работать, я трудоголик. Но в глубине души мне, конечно, немного обидно.

Часть III

Пятнадцать лет спустя

Я никогда не считала, сколько через мои руки прошло учеников. Не один десяток — это точно. О большинстве из них я уже рассказала. О фигуристах, с кем я работаю сейчас, — в конце книги. Здесь же я хочу вспомнить только несколько имен, о тех, кто оставил зарубки в моем сердце. Я более или менее знаю дальнейшую судьбу почти каждого, кого тренировала, но есть те, о ком я вспоминаю очень часто. Порой каждый день. И прежде всего это Бестемьянова и Букин.

Наташа и Андрей

Наташа Бестемьянова и Андрей Букин — самая большая история в моей жизни. Пятнадцать лет назад я завершала мою первую книгу строчками об Олимпиаде в Сараево. Да, я еще успела в той книге зацепить историю с «Кармен». А затем мы были вместе еще четыре года, до Калгари.

Наверное, я повторяюсь, но скажу еще раз: Наташа с Андрюшей — моя душа. Они для меня не просто пара, не просто талантливые люди... Мне они из всех, кто вышел из моих рук, ближе всего. Я именно так чувствовала фигурное катание, как они катались. Мы были абсолютно счастливы втроем. Никогда не забуду, как она мне кивала: мол, поняла-поняла, а Андрей — такая опора! Не могу сказать, кого я больше из них любила, но Наташа для меня нечто особенное, я всегда говорила, если б у меня была дочка, я бы хотела, чтобы она получилась такая, как Наташа. А если б у меня родился сын, я бы хотела, чтобы он походил на Ан-

дрюшу. Они насквозь мои люди, разделявшие со мной счастье, любовь, ненависть. Они одинаково со мной смотрели на жизнь, они впитывали все, что я делала для них, все, что им говорила. Мне кажется, что Наташа сейчас живет так, как жила бы я, будь молодой. Я совершала ошибки в отношениях с ними, они их тоже наделали немало, но они моложе, им прощительнее. Все ушло, а осталось воспоминание о счастье. Нет большей радости, чем совместная творческая работа единомышленников. Сначала я их «лепила» и они меня беспрекословно слушались, а позже, в последние их годы в спорте, мы работали, идеально понимая друг друга. Наверное, раз в жизни бывает такое единение. Не каждый, даже самый опытный и самый известный тренер может таким похвастаться.

Где бы они ни находились, куда бы меня ни занесло, эти люди всегда со мной. Когда я приехала из Нагано с последних своих Олимпийских игр, первые два звонка — от Наташи и Андрюши. Они выступали во время Игр по телевидению и меня славили.

Но жизнь складывалась у нас нелегко. Мы сразу решили, что они будут выступать еще четыре года после того, как стали серебряными призерами в Сараево. Но третья Олимпиада в жизни спортсмена — это уже подвиг, потому что две уже за спиной. А нервы? а психика? — они же горят. Тем не менее лучшие их программы как раз родились в это четырехлетие между Олимпиадами: «Кармен», «Кабаре», «Рапсодия на тему Паганини» и, наконец, «Половецкие пляски». Кто вообще помнит, у кого из танцоров, даже самых знаменитых, какие были программы? С трудом можно назвать одну постановку. Например, у выдающейся Милы Пахомовой запомнилась «Кумпарсита», у Линичук — «Лезгинка», у Моисеевой — «Ромео и Джульетта». А у Бестемьяновой очевидцы не забывают все четыре программы и большинство показательных номеров. Можно спросить любого нашего или иностранного фигуриста, в те годы выступавшего, он назовет каждую их программу. Каждый год их произвольная становилась событием. Моих учеников спортивное начальство никогда не жаловало. Их нелюбовь

ко мне переходила всегда на моих воспитанников, и им всячески старались усложнить жизнь. С первого же дня, как была выпущена «Кармен», мне ее сперва запрещали, потом интересовались: «Неужели вы музыку повеселее не могли найти?» В «Кармен» я впервые в мире сделала произвольную программу не из четырех несвязанных частей, а со сквозным действием. Я напому, что на Московском международном турнире начальники сделали так, что Бестемьянова с Букиным стали вторыми после Климовой и Пономаренко, а те еще не были готовы к победе. На чемпионате страны нас просто обманули. Но когда мы приехали в Швецию на чемпионат Европы, без всякой надежды, все международные судьи сразу поставили их первыми. Этот чемпионат решил их судьбу до Олимпиады в Калгари. Отныне никто и не пытался их обходить, да и как такое сделать, если они на три головы возвышались над всеми. Только в родной федерации как всегда упорно не хотели понимать очевидное.

Справедливости ради требуется сказать, что «Кармен» — это не первая попытка единой музыки и единого сюжета, объединяющих всю произвольную программу. Напому, что я уже делала подобную попытку с Моисеевой и Миненковым, но тогда наше новаторство оказалось несколько преждевременным. «Вестсайдская история», с которой они выступали, проиграла программе Линичук и Карпоносова. А в «Кармен», более того, вплелось еще и драматическое действие в спортивном произвольном танце. Все по правилам, ни к чему не придерешься, но новое всегда воспринимается тяжело.

Со Швеции, с 1985 года, началось победное шествие Бестемьяновой и Букина в спортивных танцах. Мы старались придумать не только незабываемые произвольные программы, но и такие же показательные номера. В их числе «Альбинони», который почему-то не показывали по телевизору. Зато противоположная судьба сложилась у «Цыганочки», ее демонстрировали раз двадцать.

Но прежде всего я горжусь, что сделала им четыре замечательные программы, четыре произвольных танца. Все их

можно считать в немалой степени новаторскими, в каждой имелись открытия и находки. Любимые мои «Рапсодию» и «Кабаре» я бы назвала учебниками спортивного танца. «Рапсодия на тему Паганини» получилась изысканной. Записал ее мой Вова, он специально играл для нас этот концерт с оркестром. Одно это — уже событие. Кстати, музыка для «Кабаре» тоже записана на студии грамзаписи, потому что не существовало или я не могла найти одной мелодии, без вокала. Вова играл «Рапсодию» столь пронзительно, что эта пронзительность перешла в катание ребят. Я придумала для танца сюжет: он — художник, она — муза. Они читали эту музыку так красиво, так тонко, так прекрасно. Никто и никогда из танцоров не исполнял ничего подобного на льду. И костюмы зайцевские попали в точку.

Я обожала и обожаю работать со Славой, он великий художник и дизайнер. Небывалая загадка, как в условиях нашей страны он выжил, но еще большая загадка, как развился? Многие из того, что я наблюдаю сейчас у модных молодых российских кутюрье, я уже когда-то видела у Славы. Одни только его работы с Галиной Волчек в театре «Современник» уже делают его бессмертным. Я счастлива, что мне удалось работать вместе с таким гениальным художником.

Когда они вышли на лед в его костюмах, я увидела танцевальную пару иного уровня. Повторяю без конца: в большом деле мелочей нет. Как он открывал передо мной эскизы, и как я ждала этого момента. Слава никогда не ограничивался одним эскизом, он выкладывал их передо мной множество. Он не рисовал костюмы, а делал их на тему танца. Мы выбирали — о, с каким трудом мы выбирали! — из нескольких вариантов один. Ничего от ремесленничества, любая линия — вдохновение и прекрасный вкус. Так чувствовать костюм, как Слава, никто не мог. Он всегда настаивал сперва дать ему музыку и долго ее слушал. Сидел у нас на тренировках. Иногда просил показать, как будет строиться танец, и мы прокатывали перед ним черновые наброски программы. Вместе с ним я погружалась в неостанавливающийся творческий процесс...

Бестемьянова и Букин — мои дети. Мне порой кажется, что я имела отношение и к их рождению. К рождению их как звезд, я, безусловно, причастна, но я говорю об их появлении на свет. Ни с кем я так долго не работала, ни с кем столько раз не ездила в турне Тома Коллинза, и в этих турне никого так восторженно не принимали, как их. Какое же счастье, когда, приветствуя и благодаря твоих учеников, встает избалованная лучшим фигурным катанием в мире американская публика. А ведь у советского дуэта и близко не было такой рекламы, как у американских спортсменов.

Неописуемое счастье — довести своего ученика до той ступени мастерства, где публика в любой стране встает после его выступления. Зрителя нелегко оторвать от кресла, ой как нелегко. Нашу публику вообще невозможно, а в Америке на чужих публика редко поднимается. Но она вставала на Бестемьяновой с Букиным, и она вставала на Родниной с Зайцевым, а сейчас на Леше Ягудине.

Никакой талант нельзя закопать, я уверена в этом. Талант всегда прорвется, и чем тяжелее условия, через которые ему приходится прорываться, тем звучней и дольше он прозвучит. Нас закапывали, а мы все равно откапывались. Кто теперь об этом вспомнит? Теперь имена Бестемьяновой и Букина вписаны золотыми буквами в историю фигурного катания: они олимпийские чемпионы, они пятикратные чемпионы Европы, четырехкратные — мира. Спортивный путь у них получился длинный, они прошли три Олимпиады, такое мало кому удавалось. Думаю, в мире найдется не более двух десятков фигуристов, которые участвовали в трех Олимпиадах, за всю историю Игр.

Первый раз они попали в 1980-м в американский Лейк-Плэсид, там чемпионами стали Роднина и Зайцев. У меня всегда на Олимпиаде спортсмены выступали в двух видах, Наташа с Андреем в Лейк-Плэсиде заняли в танцах седьмое место. На своей второй Олимпиаде в Сараево они уже серебряные призеры, впереди только Торвилл и Дин. Кстати, и в Америке они тоже расположились за англичанами, те заняли на той Олимпиаде шестое место. Бестемьянова и Букин могли бы и раньше начать атаку на позиции Торвилл

и Дина, возможно — и выигрывать у них, но наша федерация на следующий год после Олимпийских игр лишила их такой возможности — они считались молодыми, и судьи на чемпионате СССР не поставили их выше Линичук и Карпоносова. Синилкина мне сказала: «Ишь ты, какая быстрая. Подожди». И мы «подождали», потеряв четыре года. Обычно после Олимпиады на чемпионаты Европы и мира везут молодых и новых. Теперь они начинают между собой бороться.

А пока Линичук с Карпоносовым проигрывали Торвилл — Дину, федерация пропустила момент «выпустить» Бестемьянову с Букиным. Именно они могли бороться с англичанами. Я совершенно убеждена, что нашими начальниками неправильно был выбран лидер. Но мы оставались бодрыми и веселыми, очень уж нам хотелось стать чемпионами. С Наташей и Андрюшей я работала, как в сказке. Я знала, что они у меня есть, и я к ним на СЮП, на лед, не бежала, а летела. Мне всегда было интересно с ними. Они никогда не спрашивали «зачем?» или «почему?». Они мне доверяли целиком и полностью. Слава богу, что путь, который я им выбирала, оказался верный. Правда, они в этом и не сомневались ни на миг.

Так и стоит перед глазами взмах Наташиной головы, после того как я спрашивала: «Поняла?», она только кивала, никогда ничего не говорила в ответ. Я так оказалась избалована своими учениками, избалована их доверием и их любовью ко мне, что последние два года с Куликом мне приходилось очень тяжело.

Надеюсь, что им было хорошо со мной, хотя жизнь наша вне спорта складывалась, как я говорила, не только из радостей, но и из больших проблем.

Они начались, когда у Наташи появилась первая и единственная любовь всей ее жизни — Игорь Бобрин. Тут оказался затянут слишком тугой узел. Я дружила с Юрой Овчинниковым, а Игорь женат на сестре Юры — Наташе, я и ее знала с детства. Тем более что у Игоря и Наташи Овчинниковой рос сын — Максим. Но я понимала, что моя Наташа не просто увлеклась, влюбилась, а полюбила — и это

не было легким романом, оттого все проходило мучительно и нервно. А потом моя работа с Игорем в одном коллективе, казалось, постепенно вывела нас на нормальные отношения, вроде все утряслось. Но тут Игорь связался с уже упомянутым Воловым, захотел сделать свою труппу, отстранить от руководства коллектива Юру Овчинникова. Естественно, начались скандалы, и они не могли не отразиться на наших с Наташей отношениях. Я как могла старалась не переносить театральные разборки на их тренировки. Игорь очень сложный человек, договориться с ним нелегко, но мне казалось, что как большой спортсмен он сам понимает, что его жене нужно сначала выиграть Олимпиаду, а потом уже выяснить наши отношения.

Не буду вдаваться в подробности, важно, что она Игоря очень любила, и сейчас думаю, что я была обязана в то время вести себя мудрее. Мне же казалось, что он ее недостаточно любит, хотя теперь понимаю, что ошибалась. Доказательством тому — их уже долгая совместная жизнь. Девочка Наташа необыкновенная, хрустально чистая. Она любила один раз и на всю жизнь. Как же ей приходилось трудно, наверное, порой совсем невыносимо, если она когда-то, не выдержав, мне сказала: «Два самых моих любимых человека — это вы и Игорь. И оба меня терзаете. Неужели вы не могли придумать так, чтобы ансамбль не распался, чтобы вы по-прежнему работали вместе?» Она принесла в жертву свою профессиональную карьеру, она пошла работать после спорта не в американский балет на льду, а к Игорю в театр. И Андрей, помаявшись, а куда он без пары, пошел за ней. Наташа многое умеет: и сама катается, и ставит программы, и занимается организационной работой и бухгалтерией. Она настоящая опора своему мужу и его настоящая любовь.

Игорь без скидок и комплиментов талантливый в нашем деле человек и уникальный исполнитель. Я видела его постановки, они все сделаны с большим вкусом, возможно, на камерную аудиторию, но не могу не отметить, что видна его рука, его собственный почерк. Какая-то девочка, по-моему из Венгрии, вышла пару лет назад на чемпионате Евро-

пы катать короткую программу, и я без всякого объявления вижу — это рука Бобриня. Я спрашиваю, кто хореограф, — точно, с ней работал Игорь.

Сейчас у нас нормальные, слава богу, ровные отношения. Они живут счастливо. Мне всегда казалось, что Наташа с Андреем (а Андрей выступал за это) должны были пойти в западное шоу. Тогда, когда они закончили, буквально через год, уже можно было не спрашивать в ЦК КПСС разрешения на участие в мировых турах. Наверное, выступая там, они продлили бы себе звездную жизнь. Но Наташа решила поднимать коллектив мужа, и ей это удалось. Одно только присутствие в труппе таких чемпионов, как Бестемьянова — Букин, высоко поднимает ее акции, а то, что они еще и активно выступают, дало возможность коллективу крепко встать на ноги.

Андрея я всегда звала «сынок», он хороший человек, и я переживаю его домашние трагедии, его трудная семейная жизнь до сих пор меня не оставляет в покое. Когда они уходили из спорта, я не сомневалась, что впереди их ждет блистательное будущее. Но кто знает истину? У них своя жизнь, и они вправе распоряжаться ею сами. И Наташа, и Андрей сыграли много ролей в своем театре, возможно, им это интересно, но есть зал на тысячу мест — это камерный театр, каким, собственно, и является театр Бобриня, но есть и театр мировой. В том огромном театре премьер, наверное, не так много, меньше эксперимента и с творчеством попроще, но настоящий большой успех именно там.

Когда они участвовали в профессиональных соревнованиях и я слышала, что они четвертые или третьи, у меня начинало болеть сердце и отнимались ноги. Таким дарованием и таким человеческим талантом, которыми обладают эти двое, в нашем деле редко кто обладает. Да, в моем представлении у них должна была сложиться более звездная судьба. Но они счастливы в своем театре, что еще надо? а мне обидно, что мало народа их видит, их редко показывают по телевидению. По понятным причинам они не имеют возможности гастролировать по России. А я бы хотела, чтобы их театр гремел и сверкал. Сейчас у меня нет ника-

кого чувства ревности ни к их театру, ни к Наташе и Игорю. Конечно, мне всегда хочется работать с ними вместе, и это понятно. Они же относятся к числу тех выдающихся фигуристов, которым можно ставить танцы всю свою жизнь. Но ребята выбрали свой путь. Они нелегко живут, но стараются держаться на уровне, и это вызывает уважение.

Однажды у нас возникла серьезная ситуация на чемпионате мира. Я не довела до ума оригинальный танец, и мы его проиграли. Оригинальным танцем в тот год выбрали вальс. Этот танец — не мой конек. Теперь-то я понимаю, какую сделала ошибку, им полагалось сделать вальс драматический. А была выбрана музыка «Венского вальса». Этот вальс легкий, легковесный, он никак у меня не получался, я много раз его переделывала. В конце концов он попал под разряд нормальных, а им полагался выдающийся. Климова с Пономаренко, их главные соперники, в том году катались под музыку из оперетт. Опереточный стиль им сто процентно подходил: вальс легкий и изящный, он получился лучше моего.

Но когда ты на чемпионате мира проигрываешь оригинальный танец, пусть даже одним голосом, становится страшно. Ко мне ночью пришла Наташа: «Что нам делать? Я же понимаю, что судьи на стороне Климовой». Я говорю: знаешь, детка, надо так завтра кататься, как ты никогда не каталась. Чтобы люди в зале своего дыхания не услышали. Бывают даже не дни, а секунды жизни человека, когда он должен своим искусством, своим катанием заставить всех судей не посметь поставить вас вторыми.

И они именно так и катались. В зале — гробовая тишина. Я никогда такого выступления не видела, ни у кого и никогда больше. Судьи не посмели их опустить. Они выиграли голосом одного или двух арбитров, причем один из них дружил с Наташей Дубовой, тренером Климовой. Но и тот не посмел после такого катания поставить низкие оценки.

После «Кармен», после «Рапсодии» мы очень тяжело готовились к Калгари. Проблемы начались за год до Игр, ког-

да мы работали над произвольной программой «Кабаре». Андрюша кричал на нас с Наташей, я прощала его, понимая, что нервы уже не выдержали такого накала. Руководители же не понимают, что они жгут мосты не за мной, — да и черт со мной, — они подсекают людям. Сидят в своих кабинетах и треплют почему зря нервы людям, которые бы имгодились для большой работы. Вот и у Андрюши потихоньку расшатывалась психика.

Они начали выяснять отношения, чего никогда до этого не делали, стали ругаться на тренировках, при том, что это такая мирная пара, мне такая и не снилась, особенно после того, как через меня прошли Роднина с Зайцевым и Моисеева с Миненковым. Там коньки летели в батарею отопления и разлетались в разные стороны, причем это не считалось чем-то экстраординарным. А тут вдруг появилась удивительная пара, кивок головы, и им все понятно. Внутренние отношения между партнерами почти идеальные. Но, конечно, сыграл свою роль наш разлад с Игорем, и они уже сильно повзрослели. Третий олимпийский цикл. Итак, они бесконечно выясняли отношения, что, конечно, качество работы не улучшалось.

К тому же начались травмы. Наташа поехала с Игорем кататься на горных лыжах (как потом я должна была его любить?). Я умоляла не ездить, я не разрешала, а она поехала. И «привезла» оторванную боковую и крестообразную связки в колене. На лыжах-то едва-едва стояла, но поехала за Игорем. Хочется же с любимым человеком проехаться по горам, ясное дело. Но я считала, что Игорь взрослый человек, опытный спортсмен, уж он-то должен был профессионально следить за ней, чтобы она не ломалась. Тем более я ее ноги хорошо знала, и он, наверное, тоже.

«Кабаре» принесло Бестемьяновой и Букину на чемпионате мира безоговорочную победу. Не танец, а фейерверк! Рождался он следующим образом. Наташу только прооперировали, а я на следующий день уже принесла ей запись музыки, чтобы как-то порадовать. Мы до этой травмы и так целый год бинтовали ей ногу, и я не представляла, что же

теперь будет с порванными связками. Они буквально катались на трех ногах, и на трех ногах выиграли все соревнования.

Когда-то я Юте Мюллер с восторгом рассказывала: «Юта, у меня после Моисеевой появилась новая девочка в Москве. Она такая красавица, ты не представляешь, а какой у нее талант!» Юта посмотрела на Наташу и спрашивает у меня: «Ты с ума сошла. Это, по-твоему, красавица? Вот эта рыжая — красавица?» Я твержу: «Да, она красавица». Юта задумчиво: «С тобой, наверное, что-то случилось». Через два года Юта ко мне подошла: «Ты знаешь, а она действительно красавица».

Красоту Наташину, и внешнюю, и внутреннюю, и ее талант, который радовал тысячи людей, почти все специалисты углядели очень не скоро. А я увидела ее достоинства с первой же минуты. У Андрюши характер куда сложнее, но он гениальный партнер, и только с ним она могла стать той, кем стала. Он — мальчик, переломивший себя. Фантастическая выносливость, конек феноменальный, нервы, какими поначалу обладал Андрей, — у одного из сотни чемпионов. Может быть, его психика изначально не была рассчитана на такие умопомрачительные победы, но актер он изумительный: тонкий и глубокий, слышащий музыку. Он всегда имел свою партию, свое лицо, но не старался выпятиться на первый план.

Они вместе совершенно идеальная пара.

Третья Олимпиада. У кого-то и перед первой нервы уже в хлам. Один раз на тренировке он ее заводил, заводил, и они упали. Невооруженным глазом было видно, что сейчас что-то случится, не может пройти даром такое — все время напряжение. И в падении он пропорол ей ногу, да так, что все бедро раскрылось, к тому же еще и сотрясение мозга.

Выходили они на лед всегда как премьеры. Еще только ботинки шнуровали, а уже было видно, что это звезды готовятся к выходу. Как я обожала это в них.

Оба — предельно честные. У нас раньше деньги серьезные не водились. А летом меня обычно отправляли во Францию, заработать денег Спорткомитету. Я вкалывала по

восемь часов в день и за три недели, точнее, за двадцать четыре дня готовила для французов восемь произвольных программ и восемь оригинальных танцев. Ничего я за такой ударный труд не получала, все мои гонорары шли прямым ходом в Спорткомитет, а взамен мне выдавали тридцать процентов официальных суточных (почему тридцать, а не двадцать или шестьдесят, неведомо). Конечно, французы мне немножечко подбрасывали, что сейчас не секрет, но и тогда, наверное, они понимали, что тренеру с мировым именем полагается чашечку кофе себе самой покупать. Вспоминаю те годы, вот стыдоба так стыдоба. А все носимся: «Великая держава, великая держава». В этом городке Морзин у меня остались десятки дорогих друзей: и Поле, и Клод, и Жан Клод, и Анна, моя подруга, царство ей небесное, она недавно умерла. Я там на коньки ставила французскую пару Маньет — Лаванши, теперь уже чемпионскую, они выиграли первенство Франции. Я подбирала к Софи партнера, как недавно и как давно все это происходило... Но я отвлеклась. Мне-то доплачивали, но что делать с моими ребятами? И я отправляла их на свой страх и риск с показательными выступлениями, которые организовывались на курортах в горах. Риск и для нашей общей благополучной советской жизни: могли дисквалифицировать, лишиться званий. Зато мои ученики зарабатывали деньги, давая восемь — десять показательных выступлений. Потом Андрюшка садился на постель и делил деньги на равные кучки.

Мы жили из года в год в одной и той же гостинице — отеле «Ля Бержери». В конце концов хозяйка гостиницы Поле стала моей подругой. Городок маленький, он весь нас знал и любил. В Морзине мы обязательно устраивали показательные выступления. Конечно, хотелось заработать, но еще и хотелось показываться, а это уже находилось под строжайшим запретом. Почему? По какому праву? Непонятно. Так же, как и полстраны, мы зарабатывали подпольно. Зато к концу поездки, довольные и счастливые, на один день в выходной мы спускались вниз с гор, в Женеву, и одевались на будущий сезон: сапоги, сумки, куртки. В Москву же нельзя деньги привезти: страх господень, если пой-

мают на таможене. Какую-то заначку мы у Поле оставляли. Для нас тогда огромные суммы — пятьсот, тысяча долларов. Но благодаря выкроенным деньгам мы могли хотя бы прилично выглядеть и существовать. Оплачивать портным шитье костюмов, звукорежиссерам запись музыки. Но когда предстояли серьезные траты, мы разносили все купленные за границей тряпки по всем комиссионкам. Только ради того, чтобы костюмы у нас блестели и вид был такой, что к нам не подойти.

Я их не разделяю: Наташа — Андрюша, Андрюша — Наташа. Такой единый образ лег в основу их танца на музыку из знаменитого фильма «Кабаре». В нем получились всякие смешные штучки. Как они ухватили легкость, иронию и трагизм Лайзы Миннелли — не объяснить, но они умели смешить, как выдающиеся комики — сквозь слезы. На следующий после «Кабаре» сезон я собиралась сделать произвольный танец на музыку Бородина из оперы «Князь Игорь» — знаменитые «Половецкие пляски». Музыка никогда совместно с фигуристами не обсуждалась, обычно я ее приносила и предлагала: «Послушайте». Наташка музыку никогда с первого раза не принимала, а Андрей, напротив, сразу в нее окунался. Ее же будто пыльным мешком из-за угла — она моргала, кивала, но мелодии не слышала. Зато потом, когда музыка входила в нее, в ее душу, она мельчайшие детали, даже не такты, а ноты, раскладывала в своих коньках, в своем теле и делала это потрясающе!

Про Олимпиаду в Калгари особенно рассказывать нечего. Готовились и готовились, дело привычное. Вот только костюмы одели чемпионские, роскошные, в тяжелом золоте — от Славы Зайцева. Марина Климова приехала в Канаду в хорошей форме, но Сережа Пономаренко заболел перед Олимпийскими играми, заболел очень тяжело: инфекционная желтуха. Далее следовало трудное выздоровление. Так что у моих просто никаких соперников рядом не оказалось. Сережа с Мариной героически откатались и выиграли второе место у французов, причем канадского происхождения, брата и сестры Дюшене.

Мы, советские тренеры по фигурному катанию, жили вместе в одном домике: Чайковская, я, а с нами одесситка Галя Змиевская, тренер Вити Петренко. К себе в дом, в свободную комнату, точнее, на диван в гостиной, мы взяли Гену Хазанова. Дело в том, что его поселили в одном доме с руководством, где ему совершенно нечего было делать, и он прохаживался по улице с тоскливым лицом. Я сразу уволокла Гену с собой, пообещав, что он будет жить с нами очень комфортабельно. И хотя ему досталась проходная комната, он заметно повеселел и выглядел почти счастливым. По вечерам он нам читал свои миниатюры. Такая получилась домашняя Олимпиада. Я поставила произвольную программу Вите Петренко. Мы с ним занимались уже второй или третий год, потому как я крепко дружила со Змиевской. Витя в Калгари неожиданно стал бронзовым призером Игр. У меня там катались еще и Анненко — Сретенский, которых мне доверила Пахомова, ее любимая пара, сама же Мила уже не вставала.

Соревнование, всегда оставляющее след в душе, — конечно, Олимпиада. Это состязание другого уровня, тут за тобой наблюдает весь мир. Кажется, что вся планета останавливается или кружится вокруг тебя. Нигде, как на Олимпиаде, так остро не чувствуешь принадлежность к своей стране, к своей команде. На Играх возникает иное состояние души. Не знаю, откуда оно берется, вроде те же самые люди на катке, но к Играм требуется совершенно другая подготовка.

✓ Калгари — первая Олимпиада, когда нам дали для проживания целый дом. Физически я ее перенесла очень тяжело. В этом тихом чудном городке я совершенно разладилась. В конце октября я вдруг увидела во сне падающую во время выступления на Олимпийских играх Наташу, а потом я ищу, ищу ее, но найти не могу. Сон оказался вещим, после Калгари мы расстались. Я действительно боялась в их произвольном танце одного отрывка. Никому не говорила о своем сне, но боялась, что гладко для нас последний вечер на Олимпиаде не пройдет. И она пошатнулась именно в этом месте, что мне приснилось. Если посмотреть внимательно видеозапись,

то можно увидеть, как она начала падать, но Андрей ее буквально выхватил из падения. С октября я больше нормально не спала ни одной ночи. Я так измоталась от бессонницы пополам с этим кошмаром. Ужасная тренировка прошла перед стартом, они утром падали, просто не вставая, нервы окончательно расшатались. В семь утра назначили тренировку, полвосьмого я ее закончила, и падать-то было не с чего, они же великие мастера. Но это — Олимпиада. И на ней всегда нервозная обстановка. К старту я сама чувствовала себя полностью измотанной. Я видела, как нервничает Наташа, а она умела держать себя в руках. Я боялась за их моральное состояние, точно так же я боялась спустя десять лет на Олимпиаде в Нагано за Грищук и Платова, которые тоже вышли на старт третьей своей Олимпиады, и с нервишками у них было совсем плохо, хотя их трехразовый цикл из-за переноса Игр оказался на два года короче, чем у Бестемьяновой и Букина. Каждый спортсмен обязан справляться с собой исключительно сам. Сначала спортсмен должен одержать победу над собой. Он выиграет, если соберется и делает то, что умеет, а на соперников не обратит внимания. Победа заложена в уже отточенной программе, ему остается только безошибочно ее прокатать...

Я боялась какой-нибудь случайности, которая может вызвать психологический срыв, но выступили они блистательно, исключая тот момент, когда Бестемьянова пошатнулась. Мы хорошо отметили победу, за нее впервые прилично заплатили, по-моему, выдали четыре с половиной тысячи долларов. Нам с Наташей их хватило, чтобы купить по шубе и уехать из Канады свободными от валюты.

Состояние мое было настолько плохим, что я попросилась на первый же рейс в Москву. На Олимпийские игры у меня обычно выпадает день рождения, мы справили его с Наташей и Андрюшей в последний раз вместе. Чувствовала я себя все хуже и хуже, мне казалось, что еще немного и я упаду, сердце еле стучало. Кое-как долетела до Москвы. Рядом сидели Гордеева и Гриньков, они тоже улетали первым самолетом. В памяти осталось только то, что Катя все время ела йогурт. Такая маленькая и бесконечный йогурт.

Так плохо мне было впервые. Утром, в Москве, сказала соседке, не хотела маму волновать: «Ира, отвези меня в 1-й Мед к Абраму Львовичу Сыркину, сама не дойду». Там я поднялась на четвертый этаж, открыла дверь в кабинет доктора, а дальше ничего не помню. Очнулась уже в реанимации. Замечательные врачи Майя Борисовна и Абрам Львович стояли надо мной. В больнице я провела месяца полтора.

На чемпионат мира в том же году после Олимпиады Наташа с Андрюшей поехали без меня. Я им звонила, меня волновало только их настроение, ибо они находились в великолепной форме и проиграть могли только сами себе. Не проиграли, стали четырехкратными чемпионами мира. А я перенесла микроинфаркт в результате тяжелой гипертонии, которая разыгралась в Калгари...

Мы не расставались друг с другом, мы взяли и разошлись. Точнее, разошлись наши дороги — они пошли в одну сторону, я в другую. Нет, мы не расставались, у нас даже не было прощания. Я люблю их по сей день. Люблю.

Торвилл и Дин

Конечно, знаменитые английские чемпионы в спортивных танцах никогда не были моими учениками. Но оказались они в этой главе не случайно. Нередко я «заряжалась» от их творчества не меньше, чем от своих лучших дуэтов. Как-никак, а десять лет проведены и рядом, и вместе. Но есть одна крохотная зацепочка, позволяющая мне считать себя пусть очень ненадолго, но их тренером. Существовала между нами маленькая тайна. О ней вы вскоре узнаете.

Я много уже про них рассказывала и в первой части книги, и в главе о моем театре, про их работу с моим коллективом. На Играх 1984 года в Сараево они в произвольной программе выступили с танцем на музыку «Болеро» Равеля. Их «Болеро» победить было невозможно никому и никогда. Они безоговорочно были лучшими и первыми,

хотя как знать, поставь я на год раньше «Кармен» Бестемьяновой и Букину...

С идеей «Кармен» я носилась в преддверии олимпийского 1984 года, но меня тогда совершенно все доконали, говорили, что мои постановки слишком завязли в драматургии, нужно делать что-то повеселее. Я стала работать над «Русской ярмаркой», искрометным танцем, где что ни секунда, то находка. Его и сейчас можно смотреть, спустя почти двадцать лет он не выглядит устаревшим. Из «Русской ярмарки» легко сделать три программы, такое там количество переработанного материала! Наташа с Андрюшей в Сараево завоевали серебро, это хороший результат. Ни с ними никто не боролся, ни они не боролись с Торвилл и Дином. Неравнозначные получились программы, «Болеро» — это новая эпоха в танцах, как и «Кармен». Но, наверное, жизнь сама все расставляет по своим местам.

У англичан в «Болеро» наблюдались явные нарушения правил. Мне позвонили из лондонской газеты, кажется «Дейли мейл», и сказали, что у них прошел чемпионат страны, у Торвилл и Дина в программе большие отклонения от правил, а поскольку я с ними соревнуюсь, они бы хотели услышать мой комментарий. Они еще сказали, что у судей получился большой разброс в оценках. Я ответила: для того чтобы что-то прокомментировать, неплохо сначала посмотреть на то, что собираешься комментировать. Они быстро нашлись — мы пришлем вам кассету. И мне действительно прислали запись произвольного танца Джейн и Криса. Я посмотрела пленку и пришла в неопишуемый восторг. Но служба моя протекает в другом лагере — противоположном, и я должна была что-то придумать, чтобы как-то выскочить из этой двусмысленной ситуации. Действительно, в программе легко прочитывался целый ряд нарушений. Нарушения по элементам, нарушения по времени. Естественно, как-то нам полагалось реагировать, потому что или всем надо разрешить такие вольности, или не разрешать никому. Вроде бы все звучало справедливо, но я-то понимала, как это все неправильно. Мне пришлось найти

какие-то слова, и я сказала о нарушениях (понимая, что выиграть все равно у них невозможно), сказала, что все должны находиться в равных условиях. «Fair play» — честная игра, как говорят англичане.

Под Джейн и Криса, правда, легко не подкопаешься, они придумали всякие хитрости. Например, они стояли, а танцевали руки, голова, не двигались только коньки на льду, шло время, звучала музыка, но скольжения нет. И это можно было рассматривать двойко — и как нарушение, и как выполнение правил.

Меня донимали журналисты, я отвечала, что тогда право на разночтение должны иметь все остальные. Вот и все, что я могла сказать, потому что, честно говоря, сказать было нечего. Джейн и Крис не только открывали новое направление, но и сделали потрясающий произвольный танец на самом высоком художественном уровне. Настоящее большое искусство.

. Я не сомневалась, что «Болеро» Торвилл и Дин будет жить десятилетия. Что их танец станет символом, явлением Олимпиады. Так оно и произошло.

Я сама всегда отличалась тем, что никогда точно не знала правил. Ни разу не открывала книгу, где они записаны, и невольно получалось так, что постоянно их нарушала со всеми своими парами. Меня все время наказывали. Я и не думала ни о каком реформаторстве, но еще с Моисеевой и Миненковым придумала сюжетный танец с единой музыкой — как я уже писала, на этом мы погорели. Их «Вестсайдская история» единодушно рассматривалась специалистами фигурного катания как балет, а не как классический произвольный танец из нескольких разноплановых фрагментов. И нас с Бестемьяновой и Букиным сколько раз наказывали за нарушение правил. Когда я выступила против вольностей в произвольной программе Джейн и Криса, англичанка Бетти Калловэй, тренер Торвилл и Дина, — а она обладает изумительным английским юмором, — сказала: «Я рада, что наконец Татьяна первый раз открыла правила. Хочется ее с этим поздравить, никто и поверить не мог, что она возьмет их в руки». Да, я нередко работала не

по правилам, я делала то, что мне диктовала музыка. Об этом все прекрасно знали, но одна только Бетти «порадовалась» за меня.

После Олимпиады в Сараево Крис и Джейн ушли в профессиональный спорт. Потом мы долго работали вместе в одном шоу, о чем я подробно уже рассказала. Я не только уважительно к ним отношусь, но смело могу заявить, что я их фанатка. Они по-прежнему что-то невероятное делают с коньком, каждый год на протяжении целого двадцатилетия — это уникально. Они никогда не повторяются, в любом их танце всегда можно увидеть тысячи находок. У меня есть к ним какие-то свои профессиональные вопросы, но «задавать» их означает влезать в стиль этого гениального дуэта. У Криса я всегда, даже в неудачном танце — у любого бывают промахи, — все равно найду что-то, что для меня интересно.

С нами произошла история, о которой я рассказываю первый раз в жизни, даже не знаю, как найти нужные слова. Они выпустили книгу, и в ней про меня есть пара строк, но моя фамилия не названа, потому что я боялась, что меня заклюют и затерзают в родной стране.

Год 1994-й. Я находилась со своим коллективом в Англии, мы показывали «Золушку». Крис и Джейн обязательно приходили ко мне на концерт, они смотрели все три моих балета: и «Спящую красавицу», и «Золушку», и «Красавицу и Чудовище». Я регулярно их приглашала, а они мне так же регулярно говорили, что в восторге от того, что я делаю в своем театре. Наступил олимпийский сезон, тот самый, когда фигуристам-профессионалам разрешили соревноваться с любителями, и они решили снова вернуться в спорт. Как-то мы говорили на тему повторения пути, и я высказала свое мнение, что если есть силы вновь соревноваться, то нужно возвратиться хотя бы на один год. Я считала, что англичанам в танцах до сих пор нет равных, так я в них была влюблена. Они пригласили меня приехать на чемпионат Англии. Но я отказалась, не помню уже по каким причинам, то ли я улетала в Москву, то ли очередной раз что-то произошло с моими артистами.

Позже меня нашла их секретарь Деби: «Татьяна, ты не могла бы к нам приехать?» Уже прошел чемпионат Европы, где они выиграли, но не так бесспорно, как всегда. На европейском первенстве я впервые увидела их новый танец. Да, Торвилл и Дин победили, но оценки распределились таким образом, что они легко могли стать и третьими. Именно за счет третьих мест они оказались впереди. О подобном раскладе можно долго рассказывать. Тут нет никаких махинаций, иногда в судействе и не такое бывает. Спустя несколько лет Кулик, напротив, улетел непонятно за что? Компьютер все честно посчитал, но так разбросались судейские оценки, что вместо ожидаемого третьего места он получил пятое...

Так вот, несмотря на то что Крис и Джейн заняли первое место, «пасьянс» накануне Олимпиады получался таким, что все лидеры в танцах имели равные шансы. Лидеры — это Грищук и Платов, Усова и Жулин и Торвилл и Дин. Преимущество у Грищук и Платова, они молодые, у них хорошая программа, они здорово катались. У Усовой и Жулина олимпийская программа получилась неудачная, и что обидно — за год до Игр они выступили с потрясающим произвольным танцем. Но в олимпийском сезоне у их тренера Наташи Дубовой традиционно одно и то же: в решающий момент у нее не получается программа, это ее постоянная беда. Как олимпийский год — так средненькая постановка.

Деби мне передала просьбу Криса, а смысл ее был в том, чтобы я приехала и оценила их произвольный танец. То, что я видела по телевизору с чемпионата Европы, мне не понравилось. Обязательные танцы мне посмотреть не удалось, оригинальный же у них был лучше остальных на десять голов. Они выступили с уникальной «Румбой». Как я понимала, в том же направлении им полагалось сделать и произвольный танец — тогда бы они стали первыми по-настоящему. Не бегать и скакать, а делать то, что только они умеют своим коньком. «Румба» вся на 6,0, ее нельзя было ни с чьим оригинальным танцем даже сравнивать, и ни у кого из судей не поднялась на это рука. Но этого мало, пос-

леднее слово — за произвольным танцем. И для него они должны были взять другую музыку!! Музыку, позволяющую им себя выразить и создать драматическое и в то же время даже сексуальное действие, в котором они могли бы кататься так же кантиленно, как они демонстрировали это в «Румбе» или в «Болеро». А Крис взял да и соорудил стандартный произвольный танец. Да, объявили очень жесткие правила, но ведь они уже доказали, что имеют право спорить с этими правилами. Я до сих пор не понимаю, как была допущена такая ошибка с музыкой. Роковая ошибка.

Я к ним приехала. Мало того, они прислали за мной самолет. Поэтому правильнее сказать: я прилетела и села смотреть. Обязательные танцы у них получились слегка замедленными, за прошедшие десять лет их стали исполнять несколько по-другому — шире и свободнее, но тут все просто: нужно прибавить скорость и катать чуть-чуть иначе. Техника-то осталась выдающаяся, но они, мне кажется, ею неправильно распорядились. Так что если разобраться до конца, то и направление в обязаловке получилось ошибочным. Оригинальный танец, я уже говорила, был доведен до совершенства. А произвольная программа — мимо на сто процентов. То, что успешно проходило на показательных выступлениях или в шоу: в шикарных костюмах, при световой партитуре, да еще при кордебалете, который с ними работал, — это одно. А здесь, на пустом катке, без специального освещения, музыка, которую они выбрали, меня просто не волновала. Почему — я не знаю. Они остановились на танце Фреда Астера. Я предложила хотя бы переделать детали. Но, в принципе, выступала за то, чтобы сделать новый танец. Бросить все, закрыться на неделю, вернуться к музыке, пусть даже того же «Болеро», и поставить его, полностью изменив концепцию. Но они боялись, что уже не хватит времени. Я понимаю их страх, но не принимаю... И вообще многое оказалось не продумано, включая костюмы. Для произвольного танца и «Румбы» костюмы еще смотрелись, но есть еще костюмы для тренировки, те, в которых показываются судьям. Мы же начинаем их «обольщать» уже на тренировках.

Короче, они выбрали ошибочный путь: начали усовершенствовать танец. У них в любой программе тысяча уникальных элементов, феноменальных шагов, связок. С таким дуэтом, как Торвилл и Дин, можно сделать бог знает что! Но они не продумали главной линии. Мы подделывали, а не делали. О том, что я работаю с Крисом, конечно, никто не знал. Мы подделывали, что-то переставляли, за неделю работу закончили, а может, даже за четыре-пять дней. Танец, конечно, по связкам не был отрепетирован. Для спортсмена это сильный психологический шок, когда он переделывает программу перед выездом на главный старт. Они меня просили поехать на Олимпиаду. Наверное, со мной им было бы спокойней, легче. И Бетти хотела, чтобы я поехала. Я их любила и к ним приехала, они мне сняли в этом крошечном Лиллехаммере маленькую квартирку. Все впали в крайнее удивление, чего это я вдруг заявила. Объяснила, что меня муж командировал посмотреть Олимпийские игры. Мне выдали пропуск, я высиживала на тренировках танцоров, но к ним никогда не подходила. Мы встречались у них в гостинице, я объясняла, что надо делать на тренировках, на какие стоит ходить, а какие следует пропускать: они привыкли использовать любую тренировку, даже если она назначена на пять утра. Я же доказывала, что накануне такого старта надо делать ударные тренировки, показательные для соперников и судей, и только на них появляться. Но именно на такой ударной тренировке они смотрелись неважно и, как назло, все судьи собрались у бортика. Они решили прокатать произвольную программу целиком, а надо было продемонстрировать лучшие отрывки. Но переубедить их я не смогла.

Так сорвался мой план, а я на него очень рассчитывала. Слишком они дергались. Мне раньше казалось, в те годы, когда с ними соперничали Бестемьянова и Букин, что нервы у англичан отсутствуют. А тут при прокате произошла пара сбоев. Они так и не привыкли показывать программу по частям или выпускать из нее какие-то куски. И мои уговоры не помогли. Крис стоял на своем, и

«благодаря» такой английской упертости после обязательных танцев они заняли третье место. Зато наши все как один разбивали свои танцы на части, и это производило сильное, неразмазанное впечатление. В первый день Грищук с Платовым выступили блистательно, зато во второй, в оригинальном танце, Торвилл и Дин были первыми. Оставался последний номер — произвольный танец. Но именно его они явно проигрывали, потому что Грищук с Платовым вошли в такую физическую и функциональную форму, что хотя имели не бог весть какую программу, но прокатывали ее дерзко и здорово. Англичанам полагалось сыграть на другом. Я устроила совещание, пригласила Бетти, мужа Джейн Боба, их товарища и помощника к себе на квартирку, где объявила: надо сделать какой-то необыкновенный ход, выкинуть что-то из ряда вон выходящее — иначе судьи поставят Крис и Джейн только на третье место.

Я уже говорила, что английский у меня оставляет желать лучшего, но тут все друг друга понимали, про свое же дело говорим. Считаю, что нужно устроить всеобщий шок, я предложила такую авантюру — заменить неожиданно музыку... вспомнить «Болеро»! «Болеро» у них продолжало жить в ногах. Костюмы для показательных выступлений, а оно у Джейн и Крис было именно «Болеро», у них с собой. Я собрала эту английскую компанию и говорю: «Все равно вас поставят третьими, понимаете, нет шансов». Слепому видно, что выше не поставят. К тому же еще и эта тренировка подкузьмила. Понятен настрой судей, хотя программа «Фред Астор» уже выглядела очень и очень прилично. Но в танцах как заранее сложится мнение арбитров, еще до старта, так оно и будет. Они уже судят не по катанию. Вот почему я решила устроить им резкую встряску. Пусть судят по свежему танцу, без заведомой договоренности. Но их мое предложение испугало. А я все настаивала на своем, доказывала, что это единственный правильный ход, какой бы не вышел результат, он получится назло арбитрам. Пусть они станут третьими, но зал-то встанет! Потому что на «Болеро» зал встает всегда, тем самым мы произведем ди-

кий скандал. Это все, что я смогла изобрести за две бессонные ночи, которые я провела, страшно маясь: «Что же такое придумать?»

Справедливости ради должна сказать, что когда Джейн и Крис вышли на лед, я не ожидала такого фейерверка. Это могли сотворить только они. Они катались, как последний раз в жизни. Тот вечер стал одним из самых больших потрясений в моей тренерской жизни. С середины программы я начала плакать. Я плакала еще раз на Играх в Лиллехаммере, когда выступал мой любимец, ученик Тамары Москвиной Артур Дмитриев. До старта было понятно, что их пара не обойдет Гордееву и Гринькова, но катался он гениально. Я редко плакала на соревнованиях, смотрела ли я чужих учеников или своих, очень редко. С середины программы Торвилл — Дин я рыдала. Они прошли весь танец на одном дыхании, они сделали невозможное, они катались на 6.0. Пара выглядела так, будто катается один человек, так слитно они исполняли элементы. Они выступали на ином уровне, чем остальные фигуристы.

Зал шумел, зал кричал, зал требовал, чтобы их поставили первыми. Они встали счастливые и гордые, а я рыдала. Рыдала на паре, с которой боролись мои любимые Бестемьянова и Букин. Я плакала о них, я жалела их и я была счастлива вместе с ними. Финал танца не увидела, слезы застилали глаза. Джейн мне потом сказала: «Я видела, как ты плакала».

Я всегда отношусь с трепетом к любым спортсменам, людям, рвущим жилы. И в этом олимпийском рывке они, конечно, порвали их до конца. Они так и остались третьими, но все равно вошли в историю как выдающаяся танцевальная пара. А я рада, что моя жизнь оказалась устроена таким образом, что я не только соприкасалась с ними, я в тяжелую минуту даже могла помочь. Я рада, что работала с ними, что мой театр выступал с ними сотни раз. Из своего дома, сняв со стены, я подарила им свою самую любимую картину — Люсьена Дюльфана «Одесса». Я и сейчас хожу на их шоу.

Екатерина Гордеева и Сергей Гриньков

Катя и Сережа тоже не были моими учениками. Но я с ними работала, и их судьба мне никогда не была безразлична. Ужасный, трагический конец их пары, и спортивной, и семейной, наверное, заставил меня вспомнить на этих страницах этих знаменитых чемпионов.

Они росли у меня на глазах, они какое-то время находились в моих руках, я хоронила 26-летнего Сережу. Вся наша общая жизнь уместилась в этих трех строчках.

Гордеева и Гриньков, когда закончили выступать в спорте, — точнее, им так казалось, — решили взять брейк, перерыв после Олимпийских игр, на год-два. Они еще не задумывались, что выберут для себя в дальнейшем, куда пойдут, но начали с того, что пришли работать ко мне в театр. Это произошло сразу после Игр 1988 года, после Калгари.

Они отработали в театре полтора сезона. Театр они выбрали вовсе не потому, что Катин папа Саша Гордеев работал у нас администратором. Нет. Они пришли потому, что уже не хотели выступать в спорте, а я в театре попутно готовила номера своим солистам для профессиональных чемпионатов мира. Обидно по сей день, что именно им, как мне кажется, номера я поставила не совсем удачно. То ли они еще не были готовы к подобной перемене, а возможно, я не угадала их стиль. С ними, с их самого раннего детства, хорошо работала хореограф Марина Зуева. Все же я успела сделать на них в театре спектакль. А потом и какой-то один номер у меня получился неплохо, но в профессиональном спорте их нужно иметь все же больше, чем один.

У Сережи была хроническая травма плеча, мы долго ее залечивали. Как бы то ни было, они поработали у меня, оставили в моей биографии свою страницу. В театре они поженились, с артистами мы справляли им свадьбу. С Катюшей у меня по сей день теплые отношения, а с Сереегой сложилась замечательная искренняя дружба. Он был такой открытый парень, что по-другому и быть не могло. Ужасная, ужасная несправедливость, что он, человек необыкновенно талантливый, так рано ушел из жизни.

Все что можно сказать об этой паре, это то, что ее не тренеры придумали, она Богом была создана.

С Катей я вижу каждый год, и с ее мамой, и с папой, и с дочкой Дашей. Я каждый год заезжаю к ним в гости, я слежу за тем, что она делает, как она живет, как ей ставят новые номера. Раньше она со мной советовалась в самых для нее важных вещах, теперь — нет. Катя уже несколько лет работает в «Старс он айс», катается одна. Я ей говорила: «Мне кажется, Катя, нужно, чтобы тебе сделали номер, используя твои возможности как выдающейся парницы». Она волновалась, объясняя, что организаторы не пойдут на такой шаг, чтобы кто-то появился рядом вместо Сергея. Я ей советовала: «Если в номере будет задействовано несколько человек, чтобы не привязывать тебя к одному партнеру (то, чего боятся владельцы шоу: разрушения ее образа оставшейся одной женщины), ты бы лучше выглядела»... Спустя какое-то время она мне позвонила: «Я им предложила, и они это сделали».

У Сережи и Кати были абсолютно разные характеры. Катя — сильная, точная, знающая, что ей делать, и в то же время очень сомневающаяся в правильности выбранной дороги. Но именно она держала на ней Серегу. Катя в их паре была ведущей. Сереге все легче давалось, он способней от рождения. То, что одному нужно повторить десять раз, ему достаточно и одного, он все сделает. Он был в двигательном отношении невероятно талантливый человек. Катя любила много тренироваться, чего не скажешь о Сереже. Именно она везла на себе весь этот спортивно-семейный воз, заставляя работать и его, потому что Серега мог запросто отвлечься на друзей, погулять, он был невероятно компанейский человек, душа любого сбора. Его все обожали. Катя строгая, вся направленная на работу, на результат, а Сережа куда спокойнее относился к победам.

Они меня приглашали поработать вместе, ждали меня накануне Игр в Альбервиле в 1992 году. Ждали весь олимпийский сезон, после того как вновь решили выступать среди любителей, ждали до последнего момента. Я же в то время была увлечена Артуром Дмитриевым, не как тренер,

а как простой зритель, буквально как его фанатка. Думала, что не имею права тренировать одну пару, а любить другую. Теперь мне этот довод кажется таким ерундовым, такой несусветной глупостью. Действительно, я считала Дмитриева и его партнершу Мишкutenок более эмоциональными, но прежде всего они вместе со своим тренером Тamarой Николаевной Москвиной были реформаторами. Кроме того, Катя не расставалась с Мариной Зуевой, прошедшей с ней по всем ступенькам, от юниоров до чемпионов, и мне казалось, что Марина сумеет им больше помочь. А они все меня ждали до последнего, и слава богу, на меня не обиделись, хотя и могли. Во всяком случае я чувствовала себя счастливой, когда они выиграли, они безупречно катались весь сезон. Но справедливости ради должна сказать, что на тех Олимпийских играх фантастически выступал Артур. Я плакала, такая у него получилась замечательная программа. На меня эмоционально производило сильнейшее впечатление не только катание Артура и его партнерши, но и работа Тamarы, которая смогла перевернуть новую страницу в парном катании...

Но вернусь к короткой моей истории о Кате и Сереже. Чайковская считает, что если б Гордеева и Гриньков жили в Москве, то здесь, при нашей отработанной спортивной медицине, ему бы поставили верный диагноз и он бы остался жив. Я не берусь разделять мнение Лены, я не врач. Я только знаю, что произошел трагический случай и что он не должен был произойти. У Сережи год болела спина, и он ее, по советам специалистов, закачивал без конца, а, наверное, бслело сердце, боль отдавалась в спине. Я понять не могу, в голове не укладывается, как у такого здорового бугайны могут быть какие-то нелады с сердцем. Работали они в мощнейшей компании и, конечно же, имели медицинские страховки, но мы же не проверяемся, оправдывая это тем, что некогда. А надо было вовремя сделать Сергею настоящее обследование, и он бы жил и здравствовал по сей день. Но не пришло ему в голову провериться. Он же молодой человек, а кто из молодых думает, что у него неполадки с сердцем. Он что, задыхался или хоть раз у него

случился сердечный приступ? Никогда в жизни. Ну подумаешь, болела спина. Она болит у всех фигуристов, это профессиональное недомогание.

Я Сережу хоронила. Не приведи Господь быть на месте его мамы и Кати. Осталась дочка, которая как две капли воды на него похожа. Такая же общительная, открытая, точная копия характера отца.

Ирина Роднина и Александр Зайцев

Из всех моих спортсменов Роднина и Зайцев, безусловно, самые знаменитые. Начать о них разговор — что я уже сделала с первых страниц — и не закончить его, наверное, было бы неправильно, потому что эти две фамилии знал каждый человек в Советском Союзе.

Но вот уже десять лет Ира живет в США, в Калифорнии, в местечке Лейкэрхет, что в паре часов езды от Лос-Анджелеса. Так из этого городка, куда она перебралась, оставив Москву, она ни разу не переезжала. Ира тренирует любого желающего покататься на катке, где она служит, вне зависимости от возраста и умения кататься. Главное — может ли клиент оплачивать ее уроки. И Зайцев, с которым она давно разведена, тоже там, в том же клубе. Ира его позвала, и он очень много и хорошо работает. Зайцев всегда будет хорошо работать, он прирожденный тренер. У него от учеников отбоя нет, с утра до ночи все время расписано, и если ничего не изменится, он станет и известным тренером. Мне кажется, что в Саше есть талант наставника, есть умение рискнуть. Живет в нем тренерская жилка, Зайцев хорошо знает, как учить технике, он не ленив, все всегда делает с юморком, как и положено мужику-тренеру. Я его недавно видела, он вспоминал какие-то наши истории, которые я уже совершенно забыла, мы с ним смеялись, обнимались и целовались.

Запрограммировано ли было то, что им, чуть ли не самой знаменитой советской паре, предстояло расстаться? Нет, конечно. Жизнь у них после такого сверкания стала

другой, точнее — другими стали цели. То же самое я могу сказать про Моисееву и Миненкова, правда, в меньшей мере. В свое время — время цензуры всего и вся — я, конечно, подобное заявить не смогла, а если бы и попробовала, то кто бы это напечатал?... Редактор моей первой книги всячески старалась убрать из рукописи даже строчку из песни Высоцкого, и этот маленький факт лишь подтверждает мою уверенность, что жизнь им поломала Система. Отпустили бы их с богом в западное ревю, тем более что любое из них предлагало за великую Роднину и Зайцева колоссальные суммы. Причем они, настоящие советские люди, хотели отдавать все свои гонорары родному государству, оставляя себе буквально суточные, только чтобы работать, только чтобы кататься, только чтобы слава не уходила, а жила постоянно рядом. Как вы думаете, как в таком случае сложилась бы их жизнь? Да они бы до сих пор вместе выступали. Потому что они должны были вдвоем, взявшись за руки, уже с ребенком и со своими золотыми медалями и званием трехкратных олимпийских чемпионов уехать на Запад и не тренировать там 365 дней в году неизвестно кого, а выступать самим. Даже их неудачливые соперники по Лейк-Плэсиду Бабилония — Гарднер до сих пор иногда появляются в каких-то ледовых шоу, так что же про великих-то говорить? Может быть, сейчас они, пятидесятилетние, уже не катались бы, а отдыхали, но еще пять — семь лет запросто под громовые овации выходили бы на лед. Другая вышла бы у них жизнь, по-другому она бы сложилась.

Выброшенные из привычного расписания, выброшенные из сперта в совершенно другую обстановку, они, естественно, не смогли стать как все. Они, звезды мирового уровня, полные сил и возможностей, прозы жизни не выдержали. Им же теперь приходилось начинать свою биографию с нуля. Глупость несусветная для страны и трагедия для них — не использовать возможности, которые тебе Богом даны. Спортсмен и тренер — разные профессии. Они обязаны были использовать себя как великих исполнителей, выступать как артисты в роли выдающихся спортсменов. Эти роли им бы учить не пришлось, им полагалось катать-

ся, кататься и кататься. О них бы делали телевизионные шоу, Голливуд про них бы ставил фильмы. Они бы имели по триста выходов в году, в самых разных знаменитых труппах. Вот тогда бы они жили по-другому, и вместе. У них давно бы там уже стоял огромный дом, а здесь бы дача обустроилась, а потом, уже став звездами на отдыхе, может быть, они и стали тренировать, предварительно открыв свою школу. Но у нас даже думать о таком считалось уже преступлением.

Вот так власть, для прославления которой они столько сделали, и у которой считались любимчиками, им жизнь и погубила. Белоусова и Протопопов остались на Западе, не дали сломать себе жизнь. И они таки навыступались всласть, потому что танцору, пока он танцует, нужно танцевать, а не бумаги носить в папочке. Потому что век танцора короткий, и когда он проходит, тогда и надо заниматься другой профессией. У них отняли то, в чем они были самые великие в мире!!! Это так несправедливо, это так расточительно.

Не могу сказать, что у меня с ними после их ухода из спорта складывались какие-то дружеские или близкие отношения, наоборот, они никак не складывались, но я всегда к ним относилась, как к своим ученикам. Мне нечего с ними делить. Я Иру жалела и жалею, что у нее так непросто складывалась жизнь. Она не была готова к тренерской судьбе и не заслужила тех испытаний, что выпали на ее долю. Я говорю и об отъезде, и о том, что она, по сути дела, осталась одна с двумя детьми на руках, без всякой помощи. Я ее видела там, в Лейкэрхете, однажды, когда приезжала к Климовой и Пономаренко, они живут по соседству. Я застала ее, может, просто так совпало, далеко не в лучшем состоянии. Ей, суперчемпионке, не подобало судиться со вторым мужем, чья фамилия известна только его близким родственникам из какого-то украинского местечка. Она должна иметь школу «имени себя». Впрочем, не берусь судить, может, Саше и Ире по нраву их теперешнее житье-бытье. Знаю одно, не по их талантам то, чем они сейчас занимаются.

Ирина Моисеева и Андрей Миненков

В той моей книге, вышедшей еще в прошлой жизни, — сейчас куски из нее вошли в первую часть этой, — я заканчивала главу о Моисеевой и Миненкове словами, что у меня с ними сложные отношения, но они для меня всегда останутся родными детьми, которых я вырастила. Прошло двадцать лет, как мы не вместе. Они уже совсем взрослые, а вот недавно пришли на чемпионат страны, сели со мной рядом — абсолютно родные люди. И я им не чужой человек, я это знаю. Я не сомневаюсь, что они, как и все мои ученики, меня вспоминают, всегда пьют за мое здоровье и обязательно внимательно следят за тем, кого я себе взяла в ученики. Я же их любила честно, не прикидываясь, и они мне рано или поздно этим отвечают. О чем Ира и Андрей теперь со мной говорят? Я спрашиваю, как дела у Алены, которая уже поступает в институт, как себя чувствуют Ирины родители. А у Андрюши умерли и папа, и мама. Мы не обсуждаем, как развивается фигурное катание или как надо работать тренером. У нас, когда мы вместе, другие интересы. Они меня расспрашивают о здоровье моей мамы, рассказывают, что ходили на могилу моего папы. Они — неотъемлемая частица моей жизни.

Правильно ли сложилась их судьба после того, как они ушли из спорта? Я бы хотела для них другой жизни. Они люди уникального таланта. Собственно, сейчас я могу повторить все, что сказала о Роднине и Зайцеве. Если б в их времена разрешалось уйти в западные ледовые труппы, то, конечно, их любое шоу не то чтобы взяло, они бы еще сами выбирали, куда им пойти. Возможно, только недавно закончили бы свою трудовую деятельность, став богатыми людьми, при этом занимаясь своим делом, потому что их дело — это кататься. Но сейчас Андрюша крутится в бизнесе, а Ира — в доме. У Андрюши своя фирма. А я забыть не могу: какая же они были красивая пара!

Растворился во времени период, когда они меня ревновали, все проходит, остаются лишь человеческие отношения. Я же тоже с ними не церемонилась. Молодая была и

не очень разумная, сама их вырастила и сама же им сказала, что я уже ничего для них не смогу больше того, что сделала, сделать. Ах, как обидно, что нельзя вернуться к тем годам, сейчас бы я смогла как-то все перекрутить, чтобы только бы не отпускать их от себя, хотя и отдала я их в хорошие руки, к Миле Пахомовой. Им досталось, и я нелегко прощание с ними пережила. Но никогда не забывала, что именно с Моисеевой и Миненковым я встала на ноги как тренер. Это из памяти не выбросишь. Как и то, что именно с ними определилось мое направление в фигурном катании.

Они были в моих руках чистым пластилином, мне верили абсолютно, и я с ними прошла их путь от «юных фигуристов» до «заслуженных мастеров спорта». Это долгая дорога. Глядя из сегодняшнего дня, я не представляю, как мы ее осилили. Сейчас, когда прошло столько лет, я могу спокойно размышлять, в чем все-таки был их главный талант. Наверное, в том, что они обладали от природы романтическим стилем, два фантастически одухотворенных человека. Эмоциональные, тонко чувствующие музыку. У Ирины нечеловеческой красоты руки, могущие воспроизвести все, что угодно. Оба — яркие индивидуальности. Возможно, даже слишком яркие, с перехлестом. В какой-то степени их броскость им же самим и мешала. Но мне повезло, я работала с людьми, необыкновенно одаренными. Впрочем, я себе только таких и набирала.

Анна Ильинична

Перелистываю те страницы из старой книги, что сюда не вошли. Большую главу я посвятила своим друзьям. Слава богу, они все живы-здоровы, работают, но живут по-разному. Некоторые из них, что были так близки много лет назад, почти исчезли из моей жизни. «Нам не дано предугадать...» а казалось, что буду с ними навсегда и до конца.

Но об одном близком человеке, уже ушедшем от нас, я не могу не сказать. Об Анне Ильиничне Синилкиной, мно-

голетнем директоре Дворца спорта в Лужниках и бессменном президенте федерации фигурного катания СССР. Она была для меня человеком, к которому можно прийти в любое время дня и ночи. И при этом не сомневаться, что она поможет, сделает все возможное. Синилкина многое определила в моей жизни, когда у меня трагически ушел из жизни второй муж. Я и не знала об этом ничего, мне рассказали о помощи Анны Ильиничны по прошествии десяти—пятнадцати лет. Оказывается, меня решили не посылать на чемпионаты Европы, мира, то есть не выпускать из страны, так своеобразно наши спортивные начальники выражали мне свое соболезнование. А как же иначе — я стала свободной женщиной, следовательно, могла «клянуть» на западные прелести.

Не говоря никому ни слова, Синилкина понесла в ЦК КПСС свой партийный билет и заявила там: «Эта девочка никогда не останется за границей, она будет работать во славу советского спорта. Отвечаю своим партийным билетом». Когда мне рассказали про ее ручательство, я спросила Анну, неужели такое происходило. Она ответила: «Да, было когда-то, но какое сейчас это имеет значение?» Однако для моей биографии ее поступок имел огромное значение, потому что притормози они меня на год, а скорее всего на два, судьба моих спортсменов, а значит, и моя, могла бы сложиться совершенно иначе. Есть ли цена такому поступку, тем более зная те времена? Конечно, меня давно приглашали на Запад работать. Возможно, я уже тогда выделялась и привлекала к себе внимание западных руководителей федерации, но у меня мысли такой не возникало — уехать туда жить. Но мои мысли, как и их отсутствие, — они мои, и даже зная о них, это совсем не означает, что за меня надо ручаться. А она сделала это.

Анна мне много помогала. Когда-то своим авторитетом она способствовала утверждению в сборной Бестемьяновой и Букина. Однажды я ворвалась в ее крошечный кабинет во Дворце, заявив с порога: «Не надо делать глупостей, Линичук с Карпоносным прекрасные фигуристы, но после Олимпийских игр (речь шла о Лейк-Плэсиде, это 1980 год,

где они стали чемпионами) они занимают в команде чужое место. Мы тормозим Бестемьянову, которая уже сильнее, чем Линичук, катается лучше, и вообще Наташа и Андрей больше нравятся публике. Потеряем год, пропустим вперед Торвилл и Дина», что, в общем, и произошло. Она коротко и веско сказала: «Замолчи. Твое время еще не пришло». Это было жестоко, но я предпочитаю такую правду, чем надеяться и не получить.

Кто только не обращался к Анне по самым разным вопросам. Господи, скольким она помогала с квартирами, с машинами, с лечением. Синилкина всегда, как капитан на мостике корабля. Каждый день с восьми утра и допоздна ее можно было застать в кабинете. Казалось, что она вообще не уходит домой. Я не знаю, она когда-нибудь отдыхала? Жила Анна Ильинична скромно, один раз в году ездила на воды. Обычно осенью.

Она даже с театром мне помогла. Как? Очень просто — давала бесплатный лед. Она понимала, что я не развлекаюсь, не тешу свое творческое самолюбие, а даю работу фигуристам. Судьба же каждого из них — ведь все они выступали в разное время за сборную страны — ее волновала. Позже она выделила во Дворце спорта комнату под театральную мастерскую. Во Дворце мы хранили все свои костюмы, потому что она дала нам комнату и под костюмы. Все мои московские премьеры она проводила у себя у Лужниках. Одно это сразу же поднимало наши спектакли на высокий уровень, потому что те Лужники, тот Дворец спорта для любого действия на льду — центральное место в стране, главная арена, как МХАТ в прежней советской театральной жизни. Народ любил ходить в лужниковский Дворец, у меня всегда там продавалось много билетов.

Дворец спорта — это и была Анна. А Анна — это и есть Дворец спорта. Недавно, когда отмечали восемьдесят лет со дня рождения моего папы, не дожившего три года до этой даты, во Дворце проводился турнир его памяти. Я пришла на открытие и увидела всех сотрудников: от билетеров до заливщиков льда, которые работали с Анной. Они все подходили обняться со мной. Они для меня и пос-

ле Анны остались родными людьми, хочется верить, что и я для них тоже. Я разделяла с ними любовь к этой непростой женщине, но для нас очень дорогому человеку.

Иностранцы ее воспринимали как очень сильного русского руководителя, любые вопросы она не откладывала, решала сразу. Создавалось впечатление, что она ничего не боялась. И это в то время, когда никто никаких решений старался не принимать ни в коем случае.

Трогательно она переживала за театр. Приходила на репетиции: «Что ты нервничаешь, успокойся, на тебе еще ледку немножечко». То ночью даст ребятам покататься, то днем время выкроит. Когда труппа оставалась без работы, — репертуар вначале складывался тяжело, — она распахивала моих артистов на елки, на какие-то концерты, давала людям возможность заработать. Если во Дворце спорта проходили развлекательные вечера, то одно отделение она обязательно отдавала нашему театру, который по праву мог считаться и ее театром.

Каждый год мы не только показывали, но и отмечали потом во Дворце наши премьеры. Праздники проходили бурно, с выпиванием и закусыванием, но Анна, не любительница такого времяпрепровождения, нас терпела. Тем не менее она обязательно присутствовала на всех днях рождения артистов. Для нее, наверное, они так и остались ведущими спортсменами страны, но участвующими только в показательных выступлениях. Дворец спорта, ее дом, стал и нашим домом. Когда там поселился мой театр, мы виделись с ней очень часто, в день по несколько раз. Впечатление полной идиллии я нарушу: Анна была очень больной человек, она страдала диабетом в тяжелой форме. Я два раза присутствовала, когда она «стояла» буквально в шаге от смерти. В эти минуты она действительно нуждалась в скорой помощи, никакой укол уже не помогал, ей клали под язык сахар, и она приходила в себя. И после такого приступа, не уезжая домой, она опять садилась за стол у себя в кабинете.

Анна Ильинична Синилкина — человек, мобилизованный партией и всю жизнь отдавший фигурному катанию,

знала в нем абсолютно всех и абсолютно все. Она входила на стадион, и было видно, что пришла хозяйка. Я это состояние сама очень люблю, мне самой нравится, когда в большом деле есть хозяин. Начальница она была, как принято сейчас говорить, крутая, к ней по-разному относились, но в общем все равно ее любили. Тамара Москвина и мне с искренней грустью говорила: «Ты Анну похоронила, а я не смогла приехать, я не успела с ней попрощаться». Я хожу к папе на Ваганьковское кладбище и всегда навещаю ее, кладу на могилу цветы, я ее не забываю, я с ней прожила длинный отрезок жизни, больше, чем с любимым из своих спортсменов.

Анна — одинокий человек, своей семьи у нее не сложилось, но были племянники, брат и сестра Лина. Жила Анна только ими и их заботами, всех постаралась выучить, всем старалась помогать. Сама же довольствовалась малым, единственное, что она себе позволяла, — обязательно к чемпионату мира шила себе новый костюм, а иногда и пальто, в каком-то специальном ателье, не знаю, то ли при Совмине, то ли еще где-то, куда она была вхожа. Пальто всегда было отделано широкой шелковой строчкой. Они все выходили похожими одно на другое. Когда она стала старенькой и перестала ездить с нами на турниры, мы привозили ей удобную обувь, чтобы ей было нетрудно ходить. Она одевалась по моде партийных дам, очень опрятно, всегда в светлой кофточке под пиджаком, всегда аккуратно причесанная, с прекрасными вьющимися седыми волосами. Никогда не красилась, но за прической следила и если сама не ездила за рубеж, мы ей привозили специальный ополаскиватель для седых волос, и они у нее становились серебристо-голубыми. Обязательно в меховой шапке, а пальто только с норковым воротником. Пальто или серое, или бежевое, а может, и коричневое, но норка всегда была в тон.

Потом она стала, как и мы, одеваться в «дутые» куртки, потому что они не тяжелые, а нам всем с годами хочется носить что-нибудь полегче. Жили мы трудно, хотя сейчас это время принято идеализировать, а работали, как проклятые. За пару, а то и один свободный день во время чемпио-

ната мира или Европы полагалось найти подешевле и купить как можно больше всего, от обуви до полотенец. Синилкина сама в магазины ходить не любила: «Таня, купи мне что-нибудь». Но каждый раз полагалось что-нибудь купить не только Анне Ильиничне, а всем ее родственникам, друзьям и даже знакомым. У нас же тогда ничего путного и днем с огнем не найдешь.

У Анны были любимцы, она обожала Роднину и с трудом старалась относиться ко всем объективно. Нас, тренеров, она мирила, пытаясь находить с каждым общий язык, даже если мы, мягко говоря, состояли в сложных отношениях. Я дольше и чаще у нее бывала, потому что связалась с театром, но и прежде мне казалось, что она почему-то меня выделяла и жалела больше других. Может, оттого, что за границей ей приходилось нелегко, я там за ней ухаживала, ведь в 70-е годы, в самый расцвет своей карьеры, она уже была довольно пожилым человеком. Но мы ее немилосердно разыгрывали. «Тань, что это тут светится — массаж?» а это «мессидж» высвечивается на телефоне, «сообщение» по-английски. Я ей: «Анна Ильинична, всех руководителей делегаций сегодня приглашают делать массаж. У вас вот загорелась на телефоне красная лампочка, значит, пора отправляться». Она: «Я не пойду». Я: «И правильно, какого черта идти. Но надо, чтобы переводчица позвонила и отказалась, а то вас будут ждать».

Как же она старалась в то дурное время, когда мы получали тридцать процентов суточных, а это составляло пять долларов в день, нас поддержать. Мы просили: делегацию не кормить, а отдать нам стопроцентно суточные, что уже равнялось аж пятнадцати долларам! Но суточные за шесть дней — большие деньги, почти сто долларов! Она выдавала нам эти деньги, хотя и нарушала инструкцию, следовательно, ставила под удар и свои поездки. Никогда не жалела свои представительские, как член международной федерации она имела талоны на еду в ресторане стадиона и старалась нас подкормить.

К ней в кабинет народ шел постоянно — 24 часа в сутки. Но зато там можно было поспать, можно было поесть, сла-

зив к ней в холодильник. А можно было чайку попить, в холодильнике всегда стояло варенье, сваренное для нее сестрой Линой на сахарине, мазали его на диабетический хлеб.

Большое спасибо Анне за то, что она была с нами, светлая ей память. Ее любили самые разные люди. Она считалась у американцев большим боссом. К ней первой во Дворец приехал в 50-х «Холидей он айс» в то время, когда американцы вообще в СССР не приезжали. Может, поэтому они ее всегда торжественно у себя принимали, за ней присылали машины, и ее любимой зарубежной страной была Америка. Она руководила самой сильной сборной фигуристов в мире, она была директором большого Дворца, она влияла не только на «фигурку», но и на хоккей тоже, строгая седая комсомолка, добрая русская душа — Анна Ильинична Синилкина.

Ганновер

Наш переезд в Ганновер состоялся в апреле 1992 года. Именно тогда у Володи начинался контракт с местной консерваторией. Боже, как быстро прошло время! Неужели мой муж уже столько лет работает в Германии... Жизнь пролетела как один день.

Мы приехали в этот тихий город, а у нас там ни кола ни двора, ни друзей, ни родных, ничего. Есть такая Юля Модатова, Володина приятельница и соученица по консерватории, она уже работала в этой «Хохшуле», вот Юля и была одной-единственной нашей знакомой на весь Ганновер. Сначала Володя в Германию приехал со своей мамой и они остановились у Юли. Потом у меня наступил перерыв в гастроях, тогда еще существовал театр, и я к ним подтянулась дней на десять. Перво-наперво надо снимать дом. Арендовать квартиру невозможно: когда со всех четырех сторон соседи, не особенно-то поиграешь на рояле целыми днями. Мы ходили, подыскивали отдельный дом, чтобы стоял он в нормальном районе и чтобы подходил по день-

гам. Наконец, Володя снял дом, а к тому времени уже выяснилось, что в Ганновере много русских, и один из них наш друг Яша Нейгауз. Он переехал в Германию за два года до нас, но жил здесь без семьи, потому что не нашел постоянную работу. Володя целый день был занят в консерватории, и Яша сажал меня к себе в крошечную машинку как раз под мои габариты и мотался со мной по городу, дом же надо было обустраивать. И за эти десять моих свободных дней он взялся мне помочь: что-то в доме покрасить, что-то подправить. Дом абсолютно пустой, хотя мы кое-что из Москвы привезли. Кое-что — это в основном книги и ноты, мебели, ясное дело, никакой. Хорошо еще, вилки-ложки с собой захватили. Как на новом месте начинать жизнь, не считая же домашней библиотеки? Контракт у мужа был не пожизненным — таким он стал позже, — а на два года. Но и два года полагалось на чем-то спать. И за десять дней мне предстояло проехаться по всем магазинам и прикупить самое необходимое из мебели. Подобной практики в моей биографии еще не существовало: одно дело квартиру привести в порядок, причем постепенно, и совсем другое — поднять дом с нуля. Мы же за всю нашу жизнь в советской стране никогда не заходили в магазин и не покупали сразу то, что мы хотим, подобная мысль — свидетельство шизофрении. Никто из нас прежде не обставлял квартиру за неделю. А тут полагалось обустроить пустой дом — четыре спальни, две гостиные, столовую и кухню. К тому же еще и Володины ученики из Московской консерватории должны были вот-вот к нему приехать — сразу четверо мальчишек. Значит, весь нижний этаж — им, а туда хотя бы кровати надо поставить. А за кроватями — матрасы, за матрасами — постельное белье и полотенца. Сначала я надевала кроссовки и с девяти до шести — в шесть часов закрываются магазины — ходила и присматривалась. Выбирала, что мне нравится и смотрела на цены, поскольку купить надо и симпатичное, и недорогое, и чтобы смотрелось прилично, — как-никак профессорский дом, нельзя же на табуретке сидеть. Голова от этого всего шла кругом. За все свои многочисленные командировки за границу я, естественно,

никогда не заходила в мебельные магазины, а тут я столкнулась с совершенно незнакомым миром — миром шкафо-кроватьного изобилия. И я не представляла, что в этих магазинах имеется, сколько это стоит, как полагается одно к другому подбирать? Мне не хватало то вкуса, то денег или, наоборот, то денег, то вкуса. Первые несколько дней я знакомилась со всем, что там продается. Спасибо Яше, который меня по ним возил, пока Володя занимался с детьми или сидел с Юлей, изучая разные необходимые для жизни бумаги. В конце концов на пятый день у меня в голове все перепуталось. Ведь все, что я выбирала и отмечала в магазинах, я держала в голове, ничего не записывая, надеясь на свою память, прежде никогда меня не подводившую. Но к таким объемам закупок моя память явно оказалась не готова. Я вскакивала ночью, у меня в голове крутились тумбочки, шкафы, полотенца. И я как в бреду кричала: «Вова, Вова, нам не хватит денег!», а у него свои дела, ему не до мебели. Но надо же на чем-то спать, на чем-то сидеть? Все же при покупке мебели я несколько ошибок сделала, слава богу, небольших. Теперь предстояло срочно переезжать. Есть магазины, где принимают заказы на все, что ты хочешь, но заказ привезут только через восемь недель. Какие восемь недель, у меня и трех дней не было. Вот-вот придут мальчики, должна была как-то функционировать кухня. Полагалось загрузить в дом все, начиная от плиты и заканчивая стиральной машиной.

Потом, через несколько месяцев, когда у нас уже жили мальчики, пять человек, да нас трое, мы за стол садились восемь самое малое, то уже теперь Володя вскакивал ночью... Ему первые полгода, а мы не знали, почему, платили только ползарплаты. Теперь он ночью повторял: «Таня, Таня, нам не хватит денег, мы не сможем всех прокормить». Каждый день бесконечное количество счетов, и их надо оплачивать. Ни я, ни Володя не знали правил чужой жизни, и выглядели мы полными придурками. Конечно, потом жизнь как-то вошла в колею, дом я обставила, Володе сделали кабинет, все встало на свои места, все трудились. И Иля, мама Володи, крутилась так, что просто непостижи-

мо для пожилого человека, к тому же еще прошедшего войну. Ей в то время шел 75-й год. Она всех мальчишек обстирывала и обглаживала, чтобы мальчишки чувствовали себя как дома. Всех их снабдили самым необходимым. Картина, когда я выходила из магазина с необходимым количеством полотенец, была не для слабонервных.

Мы два года снимали дом. Там выросли первые ученики, которых Володя привез за собой. В этом доме они занимались, в этом доме они жили, в нем они собирались за столом по нескольку раз в день. Иля выполняла нечеловеческую работу. Она чуть ли не с вечера мазала по десять — пятнадцать бутербродов и каждому раскладывала по пакетикам перед уходом на занятия, потому что Володиного заработка только-только на всех хватало. Но студенчество во всем мире, как правило, живет скромно, никто, надо сказать, в рестораны не ходит. Им выдавался кофе или чай в термосах, а иногда и бульон, когда они уходили на целый день. Вечером мы вместе садились за стол и весь ужин разговаривали о том, что у кого предстоит на следующий день, кому в какое учреждение пойти и какую справку туда отнести.

Через два года Володя получил постоянный контракт, он привык к этому дому, там была терраска, где мы любили вечером посидеть, постепенно нас стали навещать наши друзья из Москвы. В этом доме мы справляли пятидесятилетие моего мужа. Понаехало много народу, чуть ли не вся наша московская компания. Было суматошно, весело, потом на ночь все разлеглись, где могли, а у нас совершенно пропало ощущение, что мы вообще-то в Германии находимся, ведь все, кого мы любили, оказались рядом.

Спустя год после переезда мы познакомились с семьей Фридманов, и это оказалось необыкновенно счастливым знакомством, потому что на старости лет новых друзей не приобретают, а если такое и случается, это большая редкость и большое счастье — встретить людей, с кем ты можешь быть откровенным, людей, по которым скучаешь. Володя с ними просто-напросто не расстается, так как я в Ганновер попадаю редко.

Через два года у нас закончился контракт на аренду дома, и хозяин выставил дом на продажу. Мы не собирались его покупать, цена оказалась слишком высокая, а выглядел он довольно скромно. Как временное пристанище он, конечно же, годился, а свой собственный дом мне хотелось иметь поинтереснее. Банк дал Володе кредит, и всем этим непростым делом — оформлением нужных бумаг — занимался Леня Фридман.

Дом, в котором мы теперь живем, нашла я. Не помню, кто мне сказал, чтобы я пошла его посмотреть. До этого мы с Илей много ездили, искали, Володя, как всегда, очень занят. Ни на чем я не останавливалась, ничего мне не нравилось. Хотелось что-то такое, чего словами не описать, но в общем красивый дом, причем в этом же тихом районе города. Сама я еще не ездила на машине, Иля, понятно, автомобиль, тоже не водит, значит, мы с ней обязательно должны быть привязаны к какому-то городскому транспорту, — чтобы напрямую до центра, чтобы не дергать Володю. Позже я сама села за руль, теперь мне уже все равно где жить.

Когда в редкие приезды я закупаю в нашем супермаркете продукты, люди считают, что я, наверное, содержу частный детский сад человек на восемьдесят. Во-первых, наши российские аппетиты, во-вторых, я закупаю всегда все впрок. В доме мальчики, мясо же им необходимо. И мяса много. Они даже йогурты уничтожают целыми упаковками.

Когда я первый раз увидела наш дом, точнее, еще не наш, он мне понравился с первого взгляда. Я только плохо представляла, где устроить мужу кабинет, но дом имел небольшую ротонду, выходящую в сад. Я боялась, что Володе не понравится, что у него кабинет со стеклянными стенами и с трех сторон он в саду. Не понравилось в конце концов нашим соседям, а Володе он как раз пришелся по душе. Полы в доме мраморные, но теплые, с подогревом. Я переживала, что так мне приглянувшийся дом может не приглянуться Иле и Володе, что он покажется им неудобным, ведь большую часть времени они в нем проведут без меня. При-

вела я их с большим трепетом на смотрины, а дом им очень понравился. Мы, конечно, хотели сбавить цену, но нам объяснили, что хозяева в газете объявили стоимость еще большую. Дом продавался самими хозяевами, не банком и не конторой по недвижимости.

Мы посмотрели, полюбовались и быстро ушли, с нами было бесполезно обсуждать цифру, названную ими. Не без грусти сказали спасибо и поехали назад. Искали еще целый месяц, ничего подходящего. Однажды кто-то сказал, что дом этот так до сих пор никто не купил. Мы вернулись и сумели договориться с хозяевами. Хотя мужу пришлось взять в банке большой кредит.

В момент покупки дому уже исполнилось двенадцать лет. То есть он считался совсем молодым, тем более его владельцы строили с любовью, по собственному проекту, но у них дети выросли, разъехались, и они перебрались в дом поменьше. Очень состоятельные люди и очень приятные, с большим вкусом, что сразу заметно по дому. Мне многое в нем нравится и по сей день, как они задумали интерьеры и сад. Поэтому я кое-что из прежнего оставила. Рядом со спальней есть сауна на двоих. Видно по всему, что в доме жили люди, которые друг друга очень любили. Сауну мы сами, ясное дело, сроду не включали, я даже не представляю себе, кто из нас будет париться в бане, где мы возьмем на это время. Единственный наш гость, кто ею пользуется, — питерский дирижер Александр Дмитриев. Он с женой Людой любят париться, вот пару раз они и включали нашу чудную сауну на двоих.

Приехала нам помогать с переездом моя сестра Галя, потому что у театра в это время заканчивались гастроли, и я должна была быть в Лондоне. Приехала мама одного из Володиных учеников и прожила у нас целый год и тоже потихонечку подключилась к пакованию. И если говорят, что два переезда — это один пожар, то значит один пожар мы точно пережили. Теперь передо мной вновь встал вопрос, как обставлять на сей раз собственное жилье. В прежнем же вся обстановка приобреталась как временная. И когда мы переезжали в новый дом, кое-что туда

подошло из старой обстановки, но что-то пришлось докупать. А как же, это уже был свой дом, в прежнем мы к большой красоте не стремились, в основном все сводилось к самому необходимому. Только кабинет мужа мы обустроили по-настоящему.

Иля собирает гжель. Мы купили для нее специальные горки с подсветкой в гостиную. А всю ее гжель перетаскивали понемногу из Москвы. Целую коллекцию перевезли вручную. Даже наши приятели ей потихонечку тащили гжель из России в Германию. Когда расставили все Илино собрание, получилось очень красиво. И трогательно, потому что она очень радуется, когда ей покупают что-то новенькое. Коллекция в итоге сложилась довольно дорогая, в ней есть по-настоящему редкие и красивые вещи, но главное — мы знаем, что Иле на любые праздники полагается подарить.

С первого же дня наш дом получился теплый и уютный, к нам любят приезжать друзья. На Новый год собирается компания человек в сорок. В 1998 году справили Иле восемьдесят лет. Мальчики устроили ей в подарок такой концерт, что я плакала навзрыд, нет, не зря она столько сил отдала, обхаживая их, как в свое время одна, без мужа поднимала своего сына. В большой строгости и справедливости она держала всех своих мальчишек, порой вызывая их недовольство и даже протест, но зато потом такое воспитание поможет и уже помогает им правильно жить.

С этим домом у меня родилось непривычное, даже странное чувство для бывшего советского человека, у которого вдруг появляются два дома, причем в разных странах, один в России, другой в Германии, а потом и три, когда я купила дом в Америке. Какой же дом все-таки роднее? Думаю и не могу ответить на этот вопрос. Я знаю другое, что когда в Загорянку по Щелковскому шоссе на папину-мамину дачу приезжаешь — это как воды ключевой напиться. Пожалуй, по энергетике для меня Загорянка самое сильное место в мире. Ложусь я там на мамину кровать, где я засыпаю сразу и без снотворного могу проспать сутки. Такое со мной больше нигде не случается.

Почему-то на Западе, а потом и у нас, считали, что брат и сестра Дюшене дышали в затылок нашей лучшей танцевальной паре. Не знаю, лично я думаю, что они, конечно, дышали, но скорее в сторону, чем в затылок. До того, чтобы бороться с Бестемьяновой и Букиным, они еще не созрели. Бестемьянова и Букин уже были названы выдающимися спортсменами, а канадским французам к подобному признанию предстояло еще идти и идти. Большинство туда кстати, не доходит, и Дюшене тоже так и не дошли. А созреть они начали лишь тогда, когда Бестемьянова с Букиным со спортом попрощались. Но надо отметить, что их программа того года, когда они выделились из общего ряда (кажется 1987-й), получилась совершенно поразительной, выше они так и не поднялись. Музыка меня просто потрясла. Нет, конечно же, я путаю — программа не первого, а второго года, когда они остались единственной западной танцевальной парой, претендующей на призовые места и пригласили известного хореографа Шанти Рошфор и та сделала интересную программу, поменяв выбранное ими направление, заодно изменив всю их и свою жизнь. У Климовой и Пономаренко с Дюшене внешне складывалась напряженная борьба, причем от начала до конца выдуманная нашей родной федерацией. Для меня это дело привычное. Если у меня надолго задерживались выдающиеся спортсмены, то есть число золотых медалей, по мнению моих коллег, становилось уже неприлично большим, федерация придумывала любые способы для того, чтобы от меня, точнее, от моих лидеров вместе со мной, избавиться. Отсюда и знаменитый инцидент на Московском международном турнире, когда родные спортивные начальники чуть не довели меня до инфаркта.

В тот год я поставила Наташе и Андрею произвольный танец на музыку Бизе—Щедрина «Кармен». Меня начали страшно ругать еще летом. На тренерском совете, который происходил в Запорожье, меня довели до такого состояния, что, выйдя с него, я сразу провалилась в какую-то дырку и оказалась на нижнем этаже, пролетев два с половиной мет-

ра. Там и валялась, вся разорванная и ревушая. Меня нашел Юра Овчинников через шесть часов, все это время я плакала, и не столько от боли, сколько от обиды. Разбор подготовки танцевальных пар к сезону 1985 года посвятили исключительно моей персоне. Мне популярно объяснили, что я всегда с музыкой суюсь не туда, куда надо, и всегда делаю не то, что полагается... Одним словом, меня на тренерском совете в Запорожье буквально «распяли», и я быстро сообразила, что ничего хорошего меня в предстоящем сезоне не ожидает. Но в то же время я понимала, что программа у Наташи и Андрея уникальная, что, как только они с ней вырвутся с родных просторов, то обязательно выиграют. Так, как танцевали «Кармен» Наташа и Андрей, могли танцевать только чемпионы. По большому счету меня совершенно не интересовала эта «запорожская сечь», кто бы там чего ни говорил. Но все равно обидно, оттого я и поплакать поплакала и провалиться провалилась.

Кончилась проработка тем, что на Московском международном турнире поставили первыми учеников Натальи Дубовой Климову — Пономаренко, причем сделали это совершенно безобразным образом.

Следом за Московским турниром, через месяц-полтора, начинался чемпионат Союза, где меня просто обманули с оценками. Я, умеющая считать их сразу в уме, и то не увидела подвоха. Ребята ушли со льда, получив высший балл — шестерки, я праздновала победу, когда ко мне подошел Саша Веденин: «Даже не знаю, как тебе сказать. Таня, вы вторые!» Подошел Витя Кудрявцев: «Возьми себя в руки, ты вторая». Я только выдохнула: «Срочно надо бежать к Бестемьяновой и Букину», потому что они уже сидели в раздевалке чемпионами.

Какие же два страшных соревнования я пережила! За чем? На чемпионат Европы наша федерация привезла свежеспеченную первую советскую пару: Климову с Пономаренко. Но на том соревновании, где советский судья сидел со своими оценками в одиночестве, мы получили все шестерки. И с Климовой — Пономаренко мои не соревновались ни по одному танцу из трех.

Несмотря на то что у Наташи с Андреем долго шла тяжелая борьба с Мариной и Сережей, к самим ребятам я относилась хорошо. Я однажды ездила с ними в тур во Францию и не могла не видеть, что ребята они симпатичные, у них настоящая, красивая любовь, а это всегда располагает, что они умеют вкалывать, как настоящие трудяги. Маринка во Франции болела, я ее лечила, они потом подарили мне живую черепаху. Как-то они отправились в турне вместе с Бестемьяновой и Букиным. Наташа и Андрей еще пару лет после Олимпийских игр в Калгари ездили с туром чемпионов. И оттуда из турне звонит Андрюша Букин, я ничего не подозреваю, я в хорошем настроении, а он мне говорит: «Татьяна Анатольевна, вы должны меня выслушать. Вы должны взять к себе одну пару». Он, значит, меня работой обеспечивает. Я его успокаиваю: «Ты что, волнуешься, я без дела не останусь? Ты же знаешь, я связана с театром, занята беспросветно». Надо заметить, что Андрей крайне отрицательно относился к моей деятельности в театре, сперва он не хотел меня делить ни с кем, а потом жил с убеждением, что мое место у бортика на СЮПе. «Все равно вы должны их взять». Я поинтересовалась: «Кого?» — «Вы должны взять Климову и Пономаренко, потому что у ребят нет никакого выхода. Их в группе прижимают, делят с Усовой и Жулиным. А главное, им нужно поменять направление к олимпийскому году, иначе их засудят». А они уже к тому времени откатились в мире на третью позицию, их отгеснили и Усова с Жулиным, и брат и сестра Дюшене. Я в шоке: «Андрюша, господь с тобой, ты вообще в порядке?» — «Вы же знаете, что мы дружим много лет». Святая правда, они действительно нормально общались. Если б ребят не настраивало окружение Натальи Ильиничны Дубовой, то они, вполне вероятно, находились бы в самых близких отношениях. Впрочем, они и сейчас дружат. Собственно говоря, все мои дружат между собой, все без исключения. «Вы должны их взять, и ответ я жду сейчас». — «Ты смотри, какой быстрый. Что же ты им пообещал?» — «Да, я им сказал, что вы их точно возьмете, они вам сегодня позвонят. Прошу вас, не отказывайте». «Сынок, не трать

деньги, не знаю, сколько ты там зарабатываешь, но так долго не разговаривают. Ты уже час меня уламываешь». — «Не должны пропадать способные люди, вы же помните, какая у них была в прошлом году программа». А я действительно была влюблена в тот их танец. У ребят произошли какие-то неприятности, их оговорили с допингом, наплели с три короба, а потом извинялись. Вместо этих извинений надо было нашим руководителям потребовать от ИСУ разбирательства, подавать в суд, отсудить большие деньги. Наша же федерация палец о палец не ударила. Я — Андрею: «Ты сам-то понимаешь, что у них нет шансов подняться». — «Дело не в шансах, они в таком состоянии... Как вам не стыдно, это талантливые люди...» Я сломалась: «Ладно, пусть позвонят попозже».

Перезвонил мне Сережа Пономаренко, и я ему ответила, что понимаю, в каком они состоянии, и должна подумать, как им помочь, пообещала, что свяжемся через пару месяцев. У них шел тур, да и мне совершенно было не до них. Они позвонили мне в Африку — у нас там проходили гастроли, — я уже была более или менее готова к разговору. Я сказала, будем делать потихоньку программу, посмотрим, что получится.

Когда я вернулась в Москву, мы отправились на тренировку на каток ЦСКА. Там на льду армейского клуба они дали мне послушать музыку для нового сезона. Этот вопрос меня сильно волновал. У меня лежала отобранная на всякий случай музыка из рок-оперы «Иисус Христос — суперзвезда» Уэббера, а они предложили Баха. Но чисто классическая музыка находилась в фигурном катании под запретом, я уже об этом писала, и я шла опять на риск. Они все знали и тем не менее твердили свое: «Мы эту музыку слышим». Если у них внутри эта музыка, значит, они ее и будут катать. Но я какое-то время колебалась. Перед началом работы я еще раз уточнила: «Я вам не обещаю первое место, поэтому вы тоже должны хорошо подумать. Вот вторыми вы у меня будете». Я свои возможности знала и их мастерство учитывала. Хотя и считала, что и второе место для них — несправедливо. Но первое — это уже как сложится,

какую я программу поставлю, как мы ее оттренируем, что мы придумаем, какой-то получится оригинальный танец и, наконец, как они выступят. Перед нашей встречей они уже поработали с Шанти Рошфор. Француженку от Дюшене оттеснил Крис Дин. Почему они с ней расстались, я не знала. Шанти — сложная женщина, но и они не сахар.

Марина и Сережа пошли объясняться к своему тренеру Наталье Дубовой. Наташа со мной периодически то ссорилась, то мирилась, так что я не помню, в каком мы были тогда состоянии. Могу только сказать, что никаких интриг по отношению к ней я не устраивала. В основном сплетнями занимался ее муж, журналист, который не уставая писал, в какой новой шубе я стою у борта, а правильная во всех отношениях Наташа надевала костюм, который выдавал Спорткомитет на Олимпийские игры. Что делать, я любила шубы и любила стоять у бортика, как на сцене. У каждого свое представление о том, как надо вести себя на соревнованиях, но мое имя без конца полоскали в газетах. И все-таки никаких, как сейчас говорят, разборок я не устраивала, к чему? Все равно Бестемьянова и Букин — лучшие и выдающиеся. Но когда я взяла Климову с Пономаренко и стала ходить к ним на тренировки, когда мы стали вместе с Шанти придумывать элементы (первое время она еще была с нами), когда остановились на музыке Баха, я, конечно, очень нервничала. Теперь я не могла гордо смотреть поверх голов. У меня тренировались не лидеры, а третья пара.

Маринка была вся поглощена выбранной музыкой, она с ней ела, пила, спала. Как циркачи живут со своими предметами, которые они крутят на арене, так и она не выпускала записи из рук. Они работали днем и ночью, и программа постепенно вырисовывалась, а когда нарисовалась окончательно, я уехала с театром на гастроли, а они остались на СЮПе вместе со Светой Алексеевой.

Да, почти сразу мы перешли на мой родной СЮП. Правильно сказать, мы делали программу в восемь рук: Шанти, я, Марина, Сережа работали вместе, уже начался сезон и приходилось пошевеливаться. Я вернулась в Москву, там

же на СЮПе уже без Шанти сделала им оригинальный танец. Потом мне не понравилось, как ведет себя Марина, она позволила себе что-то мне не так сказать, закапризничала, а я уже не хотела слушать капризы. Я работала с театром и отошла от переживаний за настроения спортсменов. Правда, Наташа Бестемьянова никогда не сказала мне ни полслова обидных, никаких от нее капризов я никогда не видела и не слышала. А Марина закапризничала, и я ушла, и сколько мне ни звонил потом Сережа, я ему повторяла, — а программа еще не была готова, — нет, я не хочу.

Сейчас мы с Мариной обожаем друг друга, но тогда мы только начинали, и этот период, естественно, проходил тяжело и для меня, и для нее. Пришлось даже уехать из Москвы. Во время гастролей я готовила к профессиональному чемпионату в Испании параллельно три пары: Гордееву — Гринькова, Селезневу — Макарова, Воложинскую и Свинына. Они все замечательно выступили. Ольга с Сашей легко обыграли Сретенского и Анненко и стали вторыми после Торвилл и Дина. Мы тренировали фрагменты их партии из спектакля «Кармен». Саша кричал: «Вы что делаете, на кого это рассчитано?» Он нервничал, трясся, а я его успокаивала: «Ничего, Саша, ты только слегка покатайся». Блистательно выступили Катя и Сережа. Вторыми после них стали Селезнева и Макаров.

Вот на этот чемпионат я и уехала от Климовой. Но потом не выдержала, пришла к ним на тренировку, вижу, они крутятся с началом программы и заметно нервничают. Разве могла я безучастно рядом стоять? «Это надо с этим соединить. Тут надо так сделать, а там надо так повернуться». И... не смогла уйти, потому что видела другие глаза. Они на меня смотрели, как на своего тренера, которому верят и который помогает. Они и остались в группе у Светланы Львовны, я снова начала к ним ходить и уже не могла от них оторваться, будто наркотик приняла. Стала работать, как раньше, у нас установились потрясающие отношения. Я уже видела, они могут выиграть, даже не то что видела — знала. Все больше и больше росла во мне уверенность в их успехе.

Пришло время чемпионата страны, обычно на нем перед международными стартами определяют, кто лидер в сборной. Я им сообщаю: «Сережа и Марина, вы не поедете на чемпионат. Ни под каким видом нельзя там появляться, потому что сейчас, как бы вы ни катались, что бы ни показывали, вас все равно поставят вторыми и я уже ничего сделать не смогу. Придумывайте себе любую болезнь». Тогда могли за немотивированный пропуск первенства дисквалифицировать, чем меня и решили напугать. А тут Марина действительно заболела гриппом. Обычно люди, заболев, должны принимать лекарства, к тому же у нее началось сильное воспаление, она подцепила желудочный грипп. Но я сказала: «Не буду тебя лекарствами травить, ничего не будем делать». Тем более она из тех людей, кто таблетки не пьет. «Теперь уж точно никак нельзя ехать на чемпионат страны, он и без того уже весь сделанный, вас ставят на второе место, дальше будем только воду сливать». Мне звонили из Спорткомитета, приходили, грозили. Я стояла на своем: «Нет. Климова болеет». Закрыла ее дома, уже выздоровевшую, обманула, не поехали, иначе никогда бы им не выбраться.

Я готовилась к их главному старту — к Олимпийским играм.

Тут все средства хороши, учитывая, что я знала точно: их обязательно засудят. Думаю, пусть все решается на чемпионате Европы, где международные судьи, где идет настоящая жеребьевка. Пусть все будет честно. А их программа, мне казалось, удалась, и когда в нее были внесены последние штрихи, я решила повезти Сережу и Марину в Англию и показать их президенту международной федерации по танцам Лоуренсу Деми; что отнюдь не запрещено. Можешь снять на пару часов каток и пригласить любого из руководства международной федерации, чтобы проверить, нет ли в программе нарушений, потому что нашим судьям я не очень доверяла. Вернее, не хотела им ничего заранее показывать. Правила без конца менялись, я могла за чем-то не уследить. К тому же я хотела услышать профессиональные замечания. Когда на каток пришел Лоуренс и когда он уз-

нал, что музыка Баха, у него глаза округлились. Он говорит: «А ты что, разве с правилами совсем не знакома, даже не слышала, что более всего непредпочтительно использовать из музыки в этом сезоне?» Я стала ему рассказывать о том, что программа называется «Возвышенное и земное», о том, что мы хотим донести до судей и зрителей. Но рассказ рассказом, а показ показом. Деми смотрел очень напряженно, но в итоге мы получили одобрение и комплимент, что произвольный танец очень хорош. Им предстояло соревноваться прежде всего не с российской, а с французской парой Дюшене, которых поддерживал весь мир. Посему вопросы Деми, кто лучше или хуже, не задавались. Но после того как он посмотрел оригинальный танец, я поняла по его реакции, что наша «Полька» лучше. Я всегда показывала Деми заранее свои программы. Потому что только он мог мне сказать «это переделать», и я переделывала. Наши встречи совсем не означали, что я благодаря таким показам получила бы первое или второе место, но я всегда советовалась в своей жизни только с одним человеком из мира фигурного катания и продолжаю советоваться по сей день. Второго такого профессионала по танцам, как Деми, в мире нет.

«Польку» я поставила на музыку Шостаковича, они ее забавно катали, но технически она получилась очень сложной. Я видела, как Лоуренс пришел в восторг. Мы пробыли в Лондоне всего один день и вернулись как раз к чемпионату, в котором не участвовали. С большим скандалом, с криком, с шумом, с оскорблениями, с проклятиями, с уверениями, что никогда больше они не выйдут на лед...

Приехали на чемпионат Европы, к тому времени я на этом мероприятии не появлялась почти два года. И так мне все были рады, иностранцы конечно, не наши же, ясное дело. Наши с тоской спрашивали: зачем она опять вернулась? На первую тренировку Климовой и Пономаренко просто высыпали тренеры, судьи. Наверное, все, кто приехал на чемпионат, все пришли. Я стояла как именинница, ребята прекрасно катались, программа имела успех, ко мне подходили: «Господи, что ты в них вдохнула, что ты с ними сделала, они же катаются совсем по-другому?», а что

я с ними делала, я и сама не знала. Но у меня все же скопились всякие секреты. Благодаря им я стараюсь открыть в катании человеческую душу.

Кстати, на чемпионат Европы российская федерация меня не пригласила, билеты на самолет мне покупали Климова с Пономаренко. Мне, правда, сказали, что гостиница, где живут участники соревнований, оплачена, но потом из гостиницы меня тоже выгнали. Валялась я у Анны Ильиничны Синилкиной в номере на незастеленной кровати и прикрывалась шубой.

Чемпионат проходил в Лозанне, а это город небольшой, поэтому не было в гостиницах рядом с катком свободных мест, поселиться я могла лишь там, откуда добираться до Дворца приходилось сорок пять минут. А у меня тренировки, мне надо с людьми общаться, и некогда по полтора часа в день, а то и по три, тратить на дорогу. Руководство команды делало вид, что я в спорт не вернулась, а здесь присутствую вроде как самозванка. При этом все знают, что я работаю с Климовой и Пономаренко, это объявили и по радио, и по телевидению, даже в газетах написали. Но нет такого тренера — Татьяны Тарасовой, и все тут. Нет для меня пропуска, нет даже билета на стадион, ни стоячего, ни входного, никакого. Счастье, что когда меня встретили члены ИСУ, они спросили: «Чем мы можем тебе помочь?» Я говорю: «Сделайте пропуск на чемпионат». У них у всех одновременно челюсти отпали: «Как? Тебя нет в списках?» Меня записали гостем от ИСУ, а не тренером от родной страны, где я проработала к тому времени двадцать пять лет и, как говорят, добилась даже выдающихся результатов.

Еще одна немаловажная причина моего подселения к Анне Ильиничне заключалась в том, что я хотела жить со своими спортсменами в одной гостинице, чтобы с ними ходить, беседовать, смотреть, как они настраиваются, проще говоря, быть рядом. Итак, Анна выдала мне одну из двух подушек, а накрывалась я, как уже говорила, своей шубой. Царство Анне небесное, спасибо ей большое не только за мою, но и за нашу жизнь. Она одна из немногих советских начальников, кто входил в положение помешанных на сво-

ем деле людей. Значит, я лежала у нее на постели, кто-то из команды заходил, потом выходил, но каждый попадающий к ней в номер со мной еле-еле, но вроде бы здоровался. У Синилкиной я спала днем, так как к этому привыкла за много лет. Ночевать ездила в другую гостиницу. Начался чемпионат Европы, такой радостный для меня, я не сомневалась, что Марина и Сережа хорошо выступят, тем более что они находились в потрясающей форме. Они делали любой элемент, казалось, не чувствуя льда, только глядя в глаза друг другу. Впрочем, у нас у троих взгляды так пылали, что человеку, даже далекому от наших раскладов, было понятно — мы собираемся выигрывать. А когда так хотят победить, по-другому не бывает.

Брат и сестра Дюшене, которые из канадских французов, помня, что предстоящая Олимпиада будет во Франции, стали просто французами, позволили себе не приехать на чемпионат Европы — и совершили роковую ошибку. В отсутствие соперников Климова и Пономаренко выиграли, как говорят хоккеисты, в одни ворота. Дюшене не появились на европейском первенстве, чтобы сохранить олимпийский ажиотаж, не растрчивать его, как же французские танцоры реальные кандидаты на золото Альбервиля. Вопрос о соперничестве с Дюшене вроде бы после «Европы» еще оставался, но уже совсем не так остро, как несколько дней назад. Климова и Пономаренко не только стали чемпионами, но получили хорошие рецензии на свою программу. Писали, как их произвольный танец тонок, музыкален, эмоционален. Спорить не стану, так оно и было. Но в конце чемпионата австриец, товарищ Кучера, который от ИСУ ответственный за технический комитет в танцах, говорит мне: «То, что танцуют в оригинальной программе Климова и Пономаренко, — это не полька». — «Как не полька? Вот пластинка, на которой написано: «Шостакович, «Полька». — «Все равно это не полька». Кучера был поклонником тренерского таланта Натальи Дубовой, что отнюдь не возбраняется, но надо же знать меру. Как доказать, что «Полька» Шостаковича — это полька? Такого бреда я не слышала и не видела никогда. В итоге на адрес ИСУ прислали письмо

народные артисты Советского Союза Дмитрий Китаенко, Владимир Спиваков, Владимир Крайнев. Знаменитые музыканты, по моей просьбе, писали в оправдание Шостаковича, что когда тот придумал свою польку, это была полька, а не вальс, как считал Кучера. Потом и Саша Горшков начал говорить, что в этой музыке что-то вальсовое. Ну что тут скажешь? Я послала им записку на двадцати страницах, где указывала, что за всю мою жизнь они по отношению к моим ученикам ошибались столько раз, что уже можно и угомониться, не терять остатки совести. Несла я их по кочкам, как могла, но на всякий случай Горшков мне посоветовал: «Наложи на запись ритм польки». Я говорю: «Саша, это же Шостакович», он говорит: «А ты все же наложи, береженого Бог бережет». Мы приехали в Москву, записали ритм польки. Уже музыки не слышно, один ритм. Испортили всю мелодию: барабанщик отстучал так, чтобы все оглохли, чтобы не мелодию Шостаковича по прихоти Кучеры слушали люди, а ритм польки.

Вся эта гадость шла со стороны Наташи Дубовой. У своего соперника она честно выиграть не могла — Усова и Жулин, ее пара, стали вторыми призерами — значит, если не мытьем, так катаньем.

Надо заметить, что когда в ИСУ меняются правила, они меняются прежде всего для судей. Я же всегда говорила, что судьи должны быть подтянуты к спортсменам и к тренерам, а не наоборот, что правила должны меняться для спортсменов, а судьям полагается с ними после нас ознакомиться.

Наконец, я всем объявила, что музыка записана по-другому, что это уже настоящая полька, а не какая-то там «Полька» какого-то там Шостаковича, которую не могли услышать уши ИСУ. С переделанной музыкой мы приехали на Олимпийские игры в Альбервиль.

Тут произошел очень интересный случай. Мы собрались на зимнюю Олимпиаду, но я не считалась членом той объединенной команды СНГ, меня в нее никто не приглашал. Но я думала, приеду на Игры, как же в таком случае они меня не включают в команду?

На Родине всех почему-то особенно волновало, что раньше Марина и Сережа тренировались у Наташи Дубовой, а теперь у меня. Почему-то такие вопросы начальников заботят больше, чем число медалей. На последнем собрании, проходившем в Олимпийском комитете, я встала и сказала: «Ничего не понимаю. Да, я тренирую Климову и Пономаренко, это всем известный факт. Они выиграли чемпионат Европы, на который я приехала сама, потому что меня не включили в команду. Аккредитовала меня на чемпионате ИСУ, я все-таки дама известная, двадцать лет работала у них на виду и двигала вперед не один вид фигурного катания. Спала я в номере у Анны Ильиничны, поселить меня оказалось некуда, и денег мне не полагалось. Мне на это абсолютно наплевать, я приехала на чемпионат выигрывать, я приехала делать дело. Но почему после того, как моя пара победила, меня по-прежнему не включают в команду, теперь уже на Олимпийские игры? Выходит, значит, главная цель — моих обыграть, и пусть ради этого золото достанется французам?» Кумиры же — Дюшене. Они получили на подготовку миллион долларов, и они должны за этот миллион тоже как-то пошевелиться. Да еще на последнем собрании я подошла к Смирнову — президенту НОК России: «Виталий Георгиевич, такое впечатление, что я никуда не еду. Вы сами-то знаете, член я Олимпийской сборной России или нет?» — «Я не знаю. А в чем дело?» — «Вы вообще в курсе, что я тренирую Климову и Пономаренко, что они чемпионат Европы только что выиграли, его даже по телевизору показывали». Если он и не знал, чем я последнее время занималась, то мог бы и поинтересоваться, кто тренирует сильнейшую пару танцоров.

Я покупаю сама себе билет! На Олимпийские игры! Иначе, как я понимаю, мне туда не попасть. Олимпийский комитет на меня не тратился, я сама приехала в Альбервиль. Просидела в олимпийском центре весь день, на стадионе тренировки начались, потом закончились, а я все сижу. Ребята прилетели раньше, их разместили, они отправились на каток, а меня все никак не аккредитовывают. Целый день — с десяти утра до двенадцати ночи сижу себе на

стуле, не горюю. Такую дала сама себе установку: не обращать ни на что внимания. Все равно аккредитуют, никуда не денутся! Не останусь же я здесь навсегда, не будут же, после окончания Олимпиады, этот павильон ломать вместе со мной. В общем, где-то к двенадцати часам ночи мне, тренеру двух пар, ставших олимпийскими чемпионами, наконец дали аккредитацию, посоветовав отправляться в Олимпийскую деревню, там меня где-нибудь поселят. Но автобусы уже не ходят, «в такси не содят», потому что вокруг Олимпийской деревни тоже сплошные, но настоящие деревни. Не помню, кто надо мной сжалился, кажется, ребята из французской команды, они привезли меня к воротам Олимпийской деревни. Прохожу контроль, вещи сдала на осмотр, там все просвечивают. Меня Климова встречает. Вдруг вижу, рядом с ней бабушка стоит, потом выяснилось, из нашей православной церкви, из Женевы. На Олимпийских играх обязательно есть церкви всех конфессий, но вот православной раньше в ней не наблюдалось. Я некрещеная, мама и папа мне не разрешали креститься, не принято это было у членов КПСС, в чьих рядах я состояла. Я не могла расстраивать родителей своими необдуманными поступками, им и так от меня доставалось. Бабушка мне говорит: «Ой, Татьяна Анатольевна, здарсьте». — «Здарсьте, бабушка». — «Я такой ваш поклонник». Слежу, говорит, за вашим творчеством многие годы и, конечно, желаю вам и вашим ученикам победы. Так по-доброму это сказал. Я: «Бабушка, молитесь за меня, пожалуйста. Победить здесь у меня один шанс из ста. Я сама некрещеная, но верю, что вы мне можете». Говорит: «Буду молиться». Я: «А если выиграю, на следующий день приду к вам в церковь — окрестите меня, пожалуйста». Он только сказал: «Идите с Богом!» И перекрестил меня.

...В десять часов утра, на следующий день после победы Климовой и Пономаренко, он постучал ко мне в дверь, повел меня за собой, и крестили меня в церкви Олимпийской деревни. Я и тут от спорта далеко не ушла. Рядом были Климова и Пономаренко, Света Алексеева. А когда мы вышли, я спросила: «Бабушка, что если нам вместе поси-

деть? Можно с вами выпить за победу?» Он просто ответил: «Можно». Красивейший человек. Мы пошли вместе в маленький ресторанчик, и со всех столов к нам присылали бутылки с шампанским, вином.

А уже в Нагано Алексей II прислал мне на Олимпийские игры крестик. Я же ходила без креста, потому что сразу в Альбервиле не смогла его купить, там крестики только католические. В Нагано мои ученики выиграли две золотые медали. Но я далеко вперед забежала...

Батюшка, дай Бог ему здоровья, помог мне вещи донести. Но сесть некуда, все уже занято. Нашли мне комнатку под крышей. Она оказалась очень холодной, зато большой. К себе я Свету Алексееву жить перевела. Поставили мы там две кровати, в углу стол, организовали кухню. Комната ведь в обычном жилом доме. Моя хозяйственность пригодилась и на этот раз.

Через пару дней у ребят старт. Марина и Сережа выглядели безусловно лучшими в обязательных танцах, хотя все складывалось очень сложно, они стали первыми с преимуществом всего в одно место. Выиграли и оригинальный танец, «Полька» победила, хотя они должны были стать первыми у каждого судьи, но получили, кажется, опять всего на один голос больше, точно не помню.

К произвольному танцу, по закону бутерброда «маслом вниз», Сережка отравился в столовой.

Разбудили они меня в шесть утра, потому что с двух часов ночи он потерял килограмма четыре, — тяжелейший понос, страшная диарея, ему начало сводить ноги, организм полностью обезвожен. А нужно на тренировку идти. Я за врачом, тот стал его отхаживать, капельницу поставили. Всю спортивную форму, которая набиралась целый год, в один присест смыло, в прямом смысле слова, в унитаз.

Маринка плачет, я говорю: «Не плачь, иди спать, а я им тут займусь». Я встала на вахту, я готовила ему отварной рис, все это варила, очищала от шкурок, все провертывала и пихала ему эту кашу каждые три часа, для того чтобы он не потерял последние силы. На старт он выехал, выглядя более или менее по-человечески.

Дергались они по-страшному, а перед произвольным нервничали так, что Маринка перестала спать. Тут и я разнервничалась. И вот уже перед самым стартом, в раздевалке, она мне говорит: «Татьяна Анатольевна, у меня ноги отказали, сделайте что-нибудь со мной». Я ее ка-а-ак стукну... и она пришла в себя. Так ей и врезала при всех. Она говорит: «Мне лучше». А когда вышли на лед, снова на меня смотрит: «Все, опять ноги»... Идет ко мне после раскатки по коридору и твердит: «Ног нет вообще, и спина отказала. Татьяна Анатольевна, отказала спина, сделайте что-нибудь». Я и там ее поколотила. Пару раз вполне прилично шарахнула.

Должна сказать, что еще на тренировках я поняла, что у Дюшене оригинальный танец никуда не годится и произвольный тоже выглядит неважно. И перед оригинальным танцем я подумала, сейчас что-то будет... Не могут судьи нас так просто отпустить. Поддержки нет никакой, потому что бывшая советская, а ныне объединенная делегация СНГ занята своими проблемами. А мы сами за себя. А против вся Франция, Европа с Америкой, все болеют за французов.

Климова с Пономаренко откатали оригинальный танец, по моему мнению, на «шестерку». Только не поставили им, конечно, «шестерки». Я иду по коридору Дворца, а навстречу мне Крис Дин, тренер Дюшене. Мы с ним оставались в хороших отношениях, столько лет работали вместе, уважали и уважаем друг друга. Я еще не знаю, как места распределились, и Крис мне говорит: «Ты выиграла одно место». А если я выиграла одно место, то чтобы Климова и Пономаренко проиграли Олимпиаду, их надо поставить на третье место в произвольном танце. Я говорю своим: «Вас могут опустить на третье место, а вы об этом даже думать не смейте. Но если чуть-чуть зацепитесь, споткнетесь или без вдохновения прокатаете, с вами церемониться не будут.

Если посмотреть фильм об Олимпиаде в Альбервиле, то вся она снята под музыку произвольного танца Климовой и Пономаренко. И заставки идут все время с Мариной и Сережей, потому что их выступление как гром среди ясного неба, так они гениально катались. Сидим мы перед мони-

тором, где показывали оценки, а я думаю: «Вот сейчас поставят их на третье место... Ну тогда они хотя бы станут вторыми на Олимпиаде». И вдруг высокие оценки, а это победа, и я как завизжу: «Выиграли! Выиграли! Выиграли!»

С тех пор прошло уже много лет, они ушли в профессионалы, но мы остались близкими друзьями. Я сделала им после Олимпиады тринадцать разных показательных номеров. В спорте я работала с ними всего лишь год, зато потом мы не разлучались всю их профессиональную карьеру. Они много раз побеждали на профессиональных чемпионатах мира, на всех других профессиональных соревнованиях, которые только есть на белом свете. Я им придумала танец «Ромео и Джульетта» при свечах, после чего американский зал вставал. Я им поставила танец на музыку Шестой симфонии Чайковского. Я делала «Спартака», «Дракулу», «Танго», «Унесенные ветром», разные блюзы. В год у них было двести выступлений. Двести раз в году зал после их поклонов вставал. Даже для меня каждый их танец — потрясение.

Каждый год или я приезжаю к ним, или они приезжают ко мне. Мы абсолютно счастливы друг с другом. В 1998 году Марина родила сына Тимочку, Тимошу, такого долгожданного, а я не могла оставить Илюшу, но они умолили меня прилететь хотя бы на день. Она, и месяца не прошло, как родила, на коньках еще не стояла, а у них через две недели начинался тур. Я двое суток проковырялась с ними, получился не самый удачный наш номер, что правда, то правда. Но все равно ее я заставила кататься. У Сережи такая присказка: «Татьяна приедет и нас из руин поднимет».

Работаю я всегда с ними почему-то ночью, с двенадцати до четырех. Утром спим, днем идем в зал. Я прилетаю к ним на неделю, на три дня, на четыре дня. Я дружу с их родителями, мы все друг друга любим, что случается нечасто. Ребята переживают за мою судьбу и всегда готовы прийти на помощь. Они звонили мне каждый день в Нагано, они за меня очень волновались. И если мне нужно было посоветоваться, я советовалась с Сережей.

Был момент, когда с их стороны наблюдалась небольшая ревность, когда я взяла к Жене Платову Майю Усову и сто-процентно переключилась на них. Но им пришлось «мою измену» пережить. Они снова мне звонят, и я так рада этому. Марина и Сережа купили дом неподалеку от Лос-Анджелеса, в очень красивой горной местности на берегу озера. У них растет чудный ребенок, у них сложилась жизнь, они феноменальные мастера. Они и сейчас прекрасно катаются.

Победа на Олимпиаде Климовой и Пономаренко — самая уникальная победа в танцах. Потому что танцевальные пары никогда не поднимались вновь на верхнюю ступень пьедестала, как только сойдут с первого места. Таких примеров в истории танцев не зафиксировано. А они не только поднялись, поднялись над всеми на много лет, я бы сказала, на всю оставшуюся жизнь. Они настолько творческие люди, что не потеряли интерес к самообновлению, к тренировкам, ко всему новому, к музыке, к занятиям, к искусству, что обычно у профессионалов, достигших вершины, почти не встречаешь.

Много лет их считали соперниками Бестемьяновой и Букина. Но на самом деле тогда они еще не выросли до настоящего соперничества. Технически они даже очень молодыми были, безусловно, сильным дуэтом, но с самого начала им не смогли подобрать правильное направление и стиль. Они в основном выступали под оперетту, а мне казалось, что им не помешало бы перейти к классической, серьезной музыке, потому что они по-настоящему глубокие люди. Читающие и образованные, они могли бы куда раньше создавать истинные художественные образы на льду. Слава богу, мне удалось это для них сделать.

Илья Кулик

Мое знакомство с Илюшей Куликом произошло намного раньше, чем я стала его тренером. Шел 1995 год, весна. Однажды я приехала на «Кристалл», где проходили репетиции моего театра. От кого-то я уже слышала, что у Кудрявцева

занимается талантливый мальчик, зовут его Кулик, и что на юниорском чемпионате мира он занял то ли первое место, то ли стал призером, я не обратила внимания на подробности. Я всегда приходила на работу на полчаса раньше, такая уже привычка. Выхожу на лед, Кудрявцев работает: перед ним мальчишка вращается, сидит в высоком волчке. Я спрашиваю: «Ты что, парень, ниже не садишься?» — «Ноги болят. А что?» Тут Виктор вмешался: «Вот такой у нас Кулик. Я ему об этом сто раз говорил». Я — мальчишке: «Ах, это ты Кулик? Тогда давай садись пониже, а то не волчок, а что-то непонятное у тебя получается». Кстати, мне потом тяжело далось посадить его ниже, он до конца так и не сел. На тренировках, бывало, еще опустится, а на соревнованиях нет. В тот год, когда я увидела нашего будущего мальчика, с ним начала работать хореографом Наташа Ульянова.

Я уехала на гастроли в Англию, там в это время проходил чемпионат мира, где в танцах победили Грищук с Платовым, а Климова — Пономаренко тренировали канадскую пару. Марина с Сережей много сил и души положили на этих канадцев, и хотя тренерская работа у них шла успешно, я предупреждала их, что они надолго от себя отвлекаются. Любое пренебрежение собственной формой в таком плотном режиме, в каком проходила их собственная творческая жизнь, всегда рождает определенные пробелы. Когда ты отдаешь, то сам уже не можешь в полный опор тренироваться, у тебя не хватает на это душевных сил... Из города, где выступал театр, я приехала на эти соревнования, меня пригласили английская федерация фигурного катания и оргкомитет чемпионата. Не только позвали, но и обеспечили аккредитацией, гостиницей, машиной. В тот же год меня никто не пригласил в Санкт-Петербург, на празднование столетия родного фигурного катания, для развития которого я, наверное, что-то сделала. Я сидела дома в Москве и думала, ехать мне или не ехать, никто из организаторов мне не звонит, а о том, что пришлют билет на поезд, я и не мечтала. Надо думать, англичане насчет меня придерживаются другого мнения, чем родные спортивные руководители.

Поехала я на чемпионат мира в город Лондон с переводчицей Олей Чопоровой, вместе с нами туда отправилась Наташа Ульянова, которая в Англии навещала своего мужа Володю. Так как Наташа уже с Илюшей занималась, она стояла перед телекамерами рядом с ним. Два месяца назад он блестяще выиграл чемпионат Европы. Так иногда бывает, молоденький мальчишка вышел на старт, не боится никого, все попадали, а он устоял. И он решил, что первенство мира у него проскочит так же легко. Но в Англии Кулик заболел, у него подскочила температура, из спортивной формы это сразу выбивает. Каскад в короткой программе он пропустил и сразу откатился, кажется, на девятое место. В мужском одиночном катании такое происходит очень быстро. Произвольную программу Кулик прокатал ни шатко ни валко и подвинулся немного вперед, но не настолько, чтобы о нем заговорили, хотя с первого взгляда можно было увидеть, что мальчик способный. Многие начинали похоже, сперва взлет, за ним падение. У кого-то в конце концов взлетов оказывается больше, а у кого-то падений. Способными мальчиками каток на первенстве мира полный под завязку, неспособных же нет в первой десятке.

Сразу после чемпионата там же, в Лондоне, он с Кудрявцевым задумался о музыке и программе на следующий год. А у меня всегда в запасе есть какая-то музыка, которую я храню до лучших времен. Сначала Наташа, потом Витя Кудрявцев попросили меня помочь, и Илюша подошел, такой собранный, внимательный, слушают не только уши, но и глаза. Тут я уже на него посмотрела. Он спросил: «Что, повашему, мне нужно сделать?» Я объяснила, что есть несколько направлений, сказала, что у него может получиться хорошая короткая программа, я слышала прекрасную музыку, надо, чтобы он ее купил или достал, у меня с собой ее нет, она осталась в Москве. Музыка из американского фильма «Семейка Адамс». Я собиралась сделать спектакль со всякими фокусами по сюжету картины, но так руки и не дошли. Почему-то мне казалось, что такая музыка ему подойдет. Он возразил, что ему нравится музыкальная тема

из «Аладдина», я смотрела этот диснеевский мультик и понимала, что его в ней привлекает. Но мы остановились на «Адамсах», а «Аладдина» решили приберечь для произвольной программы. В дальнейшем фигуристы без конца использовали музыку, которую я предложила Илье, но мы оказались первыми.

Он все мои слова запомнил, собранный оказался мальчик. Еще раз подходил, я не помню уже деталей беседы, но договорились: будем над новой его программой работать вместе, когда я приеду в Москву. Он сразу запал мне в душу, такой симпатичный мальчишка, тоненький, небольшой, совсем подросток. Но главное — глаза, я люблю, когда по глазам видно, что человек соображает.

Я уехала с гастролей — плохо стало папе. Примчалась в Москву, сидела рядом с ним, он умирал очень тяжело. Тогда я стала ходить к Илюше чаще, чем надо, для разрядки. Полдня у папы, полдня с Илюшей занималась новой программой. Мы начали с «Аладдина». Стали придумывать шаги, я что-то ему предлагала, он пробовал и постепенно осмелел, стал предлагал свое. Я уже много раз писала, что люблю давать спортсменам не столько конкретные задания, сколько направление будущей работы. То есть проводить тренировки таким образом, чтобы и у ученика мозги работали: ты об этом подумай, а я об этом. Мое дело предлагать стиль, расставлять правильно элементы — это же акценты в музыке. Илья меня поразил тем, что сам себе компоновал музыку на старой аппаратуре, которую, как выяснилось, он купил, когда выиграл первые серьезные деньги. Илюша оказался самостоятельным юношей, который не только умеет складывать музыку, но и коньки точил себе сам, купив для этого специальный станок. Он в свои семнадцать лет старался все делать сам.

Я долго не знала, каков он в кругу домашних, потому что не сразу познакомилась с его семьей. Пока же я ходила к нему от умирающего отца. Привязалась и полюбила его: мальчишка хорошенький и старается ужасно, все впитывает на ходу. Не спорит. Мне с ним было, как он говорил, по кайфу.

Витя Кудрявцев меня к Илюше не ревновал, так, во всяком случае, мне казалось, но отношения у них не складывались. Витя нечасто к нему подходил и говорил только со мной: «Ты обрати внимание на это, там посмотри, тут подумай». Вите нравилось все, что я предлагала. С Витей мы проработали рядом всю нашу длинную тренерскую жизнь и относились друг к другу с большим уважением и до Илюши, и после него. Мне все говорили, что Кулик тяжелый мальчик, что к нему никто не смог найти подхода. Я же пришла только за тем, чтобы сделать программу на сезон, и никакой тяжести не ощущала. И потом, дети как-то должны себя проявлять. Наташа с ним много возилась, я над ним трудилась, Витя ведал общим процессом. Появлялись новые элементы, а поскольку Илюша хорошо владел коньком, то мог сразу исполнить то, что ему предлагалось. Он был еще недостаточно эмоционален, недостаточно артистичен, но исправлялся, старался следить за своей спиной, за своими руками.

Произвольную программу мы сделали, убрали из нее шероховатости... и у меня умер папа. Уже не до тренировок. Илья уехал на сбор, я дома занималась нашими горестными делами. Вернувшись в Москву, Кудрявцев мне пожаловался, что Илья на сборах дурака валял, безобразно тренировался, прыжки срывает. Потом Илюша мне признался, что упор им самим был сделан на физподготовку, бегал в лесу до рвоты, до полного изнеможения, падал, но заставлял себя подниматься и бежать дальше. Какие-то немыслимые нагрузки себе назначил. Илюша продолжал вытягиваться, естественно, когда человек растет, у него меняется центр тяжести, и поэтому в прыжках пропала стабильность. На следующий год, когда я уже с ним работала вплотную, он вырос еще на три сантиметра, а нога — на два размера.

Мы договаривались сделать короткую программу после сборов. Он уже к ней подготовился, разложил обязательные элементы по музыке, тем самым показав себя, в общем, молодцом. Произвольную программу я проверила, вроде все в порядке, предстояло ее только накатывать, развивать, усложнять. Я ему немножечко помогала и в прыжках застав-

ляла Илюшу не плодить «бабочек», это был чуть ли не главный его недостаток. «Бабочки» — это когда фигурист вместо тройного прыжка делает одинарный. «Бабочки» получаются оттого, что фигурист теряет внимание. Вот и Илюша не умел концентрироваться. Незаметно начался сезон, у него пошли первые старты. Я уехала к своему театру и только пару раз видела по телевизору, как он катался. В итоге он так выступил в первой серии Гран-при, что получил решающий старт, попадает он дальше в турниры или из них вылетает? Поехали они с Кудрявцевым на чемпионат Европы, он и там проиграл. Вышел на лед чемпионом, а в итоге не попал в тройку. Правда, поначалу стоял в компьютере третьим, но потом, так у нас нередко случается, опустил на четвертое.

Илья мне позвонил, я находилась в Германии, в нашем доме в Ганновере, спросил: «Вы можете ко мне приехать?» Я сказала, что могу, и полетела в Москву. Пришла к нему на тренировку. Он сразу к борту подъехал. Помню этот момент по секундам. Я понимаю, что на катке мне с ним не поговорить, но я его за голову обняла, спросила: «Терпишь?», он так головой затряс, как это делают малыши, а я ему: «Терпи, терпи, когда проигрываешь, надо терпеть». Мы так с ним и стояли: он — уткнувшись в меня, я — его обняв. Ему нужен был другой тренер, с Кудрявцевым отношения никак не клеились. Илюша никого другого, кроме меня, рядом видеть не хотел и, по-моему, Витя втихую радовался, что я хожу к ним на тренировки, во всяком случае он ни разу не возразил, что я занимаюсь с Куликом.

Наступило время финала турниров Гран-при — по сути дела, прикидки перед чемпионатом мира, поскольку финал проводился после чемпионата Европы. Соревнования устроили в Санкт-Петербурге, я не могла туда с ним поехать и только его туда провожала. Мы договорились, что я буду его ждать в Москве. А он в Петербурге выиграл. Оставался главный старт — чемпионат мира, который в том году проходил в Америке. Я уже ходила к Илюше как к своему ученику, он сказал: «Я прошу вас, не оставляйте меня, я буду, когда скажете, за вами заезжать». Он уже водил машину,

которую купил, кстати, после той победы на чемпионате Европы.

Мы начали потихонечку узнавать друг друга. Я расспрашивала его, что ему мешает выступать, чем он занят перед соревнованиями? Не перепрыгивает ли он на тренировках, не выходит ли из него именно на них весь пыл. Как он проводит день перед стартом? Как он проводит предыдущий день? Как он спит накануне, сколько спит? Может ли он заснуть или что-то его беспокоит? Каким образом он избавляется от бессонницы, если не может заснуть?

Казалось, какое имеют отношение к фигурному катанию мои вопросы? Вполне вероятно, что для чемпионата города или области они неуместны. Но я еще раз хочу повторить: в большом деле мелочей не бывает.

Я тоже начала что-то рассказывать о себе, о моих тренерских законах и правилах. Стала делиться с ним тем, что я за последние двадцать пять, да нет, почти за тридцать лет прошла и узнала. Как, на мой взгляд, нужно готовиться к соревнованию, как выходить на старт. Я его спрашивала про семью, про родителей, он отзывался о близких очень хорошо. В какой-то момент я поймала себя на том, что начала за него волноваться, что полюбила его, как любила своих великих и невеликих учеников. Он официально не считался моим учеником, но уже протянулась к нему незримая ниточка от моего сердца.

Провожая его на чемпионат мира, я пришла на последнюю в Москве тренировку. Он находился в хорошем состоянии, реже, чем прежде, срывал прыжки, внимательно слушал замечания. Я видела: он готов к старту. И вдруг, когда он меня уже должен был отвезти домой, мы уже сидели в его машине, он взял меня за руку: «Возьмите меня тренировать». Я ему говорю: «Да что ты, Илюша, дружок, ты сейчас об этом не думай». — «Нет, мне нужно, мне важно знать перед тем, как я уеду на чемпионат мира, возьмете ли вы меня тренировать». Я говорю: «Давай хотя бы посмотрим, как дальше будет складываться жизнь». — «Нет, я все равно от Виктора Николаевича уйду. Вы видите, мы совсем с ним не разговариваем, меня здесь не любят». —

«Это неправда, просто у тебя такой характер, ты или терзаешься, или букой стоишь». (Но действительно, у них пропал контакт. Так Витя говорил: «Нет контакта, он куда-нибудь уйдет, все равно я работать с ним не могу».) Я дипломатично: «Давай подумаем еще. Но ты, Илюша, собирайся к чемпионату, заниматься переходом сейчас некогда». — «Нет, вы скажите». Я сломалась: «Хорошо, я буду тебе помогать». И только тогда он тронул машину с места. Я обещала, что приеду к нему на тур, я говорила, что уверена — он будет выступать в турне Коллинза. Хотя для того, чтобы попасть к Коллинзу, нужно быть в мировой тройке. Там, в турне, когда я к нему приеду, мы с ним повидаемся и все подробно обсудим. Тут я хочу сделать маленькое отступление и напомнить, что такое «турне Коллинза».

Турне Тома Коллинза

Тома Коллинза я называю Колумбом, потому что он открыл для русских фигуристов Америку. Том знает и любит каждого из нас, он знает, наверное, лучше нас, во всяком случае не хуже, советское, а теперь российское фигурное катание. Коллинз — великий человек, создавший, к нашему счастью, собственное шоу под названием «Чемпионы на льду».

Все выдающиеся фигуристы прошли через организацию Тома Коллинза. Его шоу — это огромный тур в конце сезона, весной сразу после чемпионата мира для любителей, а для профессионалов — в середине зимнего сезона. Иными словами, у него существуют и зимний тур, и летний тур, и крутится эта машина, наверное, больше двадцати пяти лет.

Сам Том — бывший фигурист. Я хорошо знаю его семью, его сыновей, которые вместе с ним работают в бизнесе, знала и его ныне покойного брата. Знаю всех его сотрудников, которые вместе с ним тянут компанию, не уходят от него много лет. Вся моя спортивная жизнь прошла рядом с ним.

Мы всегда стремились попасть в тур Коллинза, поскольку много лет это было единственное место, где русские

могли зарабатывать. Точнее, советские тренеры и спортсмены. После чемпионата мира автоматически первые три места в каждом виде и те, кто не попал в призеры, но чьи программы или показательные номера вызывали восторг у зрителей, приглашались в его тур, существовали и специальные приглашения. Тур — это не только сказка, но и серьезная работа. Именно у Коллинза мы впервые получили реальное представление, что такое на Западе настоящая работа и что такое настоящий отдых. А потом еще и колесишь по всей Америке, при этом абсолютно счастлив, ты же мотаешься по ней уже с отличным спортивным результатом. Том приглашал и тренеров, мы ездили вместе со своими учениками-чемпионами. Сейчас уже не ездим. Теперь мы понимаем, почему западные тренеры в туре не появлялись, они в этом замечательном путешествии, в отличие от нас, знаменитых советских наставников, не зарабатывали, а, наоборот, теряли много денег. Они получали на катке за каждый час столько же, сколько мы, катаясь в туре, за день. Потому что Спорткомитет нам выдавал из огромных сумм, что мы привозили в Москву, 25 долларов суточных. Но зато я изучила всю Америку. Наверное, нет в Штатах города, где бы я не ночевала, а уж сколько раз я посещала Диснейленд — сразу и не скажу.

Тур у Коллинза всегда организован потрясающе. Любые услуги — только высшего уровня, хотя начинали они с мотелей. Сейчас же участники тура живут или в «Беверли-Хиллз» или «Четырех временах года», а это самые дорогие отели в Америке. Теперь тур Коллинза знает любой американский ребенок, его шоу каждый год по традиции проводится в Нью-Йорке, в Манхэттене, и это — настоящее событие в городе, причем в каком городе! Шоу Коллинза идет уже много лет со стопроцентно заполненным залом, а выступать в нем всегда очень почетно. Все мои лучшие ученики проехали через его тур. Имя «Том Коллинз» все выдающиеся русские фигуристы знают и почитают. Как в балетном мире мы поклонялись Солу Юроку, который открыл Америку для русских танцоров, а Америке показал русский балет. Том не просто импресарио, он примечает американс-

ких молодых спортсменов, помогает им развиваться, безвозмездно помогая самым способным. Он человек огромного масштаба и полета.

Мы с Наташей Ульяновой уехали во Францию. По контракту с французской федерацией ставили молодым спортсменам программы. Оттуда и смотрели трансляцию с чемпионата мира — пошли специально к французскому тренеру в гости «на телевизор». Мы увидели и короткую программу, где Илья был первый, и произвольную, где он не допрыгнул в каскаде прыжок. Единственная ошибка. В итоге он второй, американец Элдридж занял первое место. Я помню, что в тот момент, когда катался Илья, я стояла перед телевизором на коленях и мы с Наташей молились. Я очень хорошо чувствовала, как он катается. В конце концов мы послали ему какую-то дурацкую телеграмму.

Он отправился к Коллинзу, а я занималась своей работой и приехала в Нью-Йорк к середине их турне. Весь тур он демонстрировал свою короткую программу: то срывал, то делал. Опыта нет никакого, свет выключен, на льду лучи прожектора. Концентрация уходила, а умения и мастерства выступать при большой публике еще не было. И ходил он как-то боком, боком. Мы с ним сели договариваться и очень быстро все обсудили. Он являлся клиентом «IMG», а я не знала, что это за контора, потому что, когда я уходила из спорта, советские спортсмены услугами подобных организаций еще не пользовались. На самом деле это весьма серьезная и большая адвокатская контора, ведущая дела спортивных звезд мирового уровня. К тому времени у Кулика закончился с ними контракт и он решил поменять агентов. Это очень ответственный шаг, тут вам не переход из «Динамо» в «Спартак». Его пригласили в агентство «Уильям Моррис», чьими клиентами уже были олимпийские чемпионы Оксана Баюл и Виктор Петренко. Мне нравилось, как они ведут их дела, я не могла не видеть, как мощно раскрутили в Америке имена Петренко и Баюл. Один из работников «Уильям Моррис», Миша Каролайл, стал моим другом. Миша — внук писателя Леонида Анд-

реева, большей частью занимался книгами, у него свое книжное агентство, но параллельно он работал над контрактами выдающихся спортсменов. Его клиентками были знаменитые американки, чемпионки мира в одиночном катании Дороти Хэмел и Пегги Флеминг. Мы пошли в агентство втроем с Могилевским, поскольку и мне предложили вместе с Ильей следующие два года — как раз до Олимпиады в Нагано — готовиться к олимпийскому старту в Америке. Они обещали, что снимут для нас рядом с катком, который сами же и выберут, апартаменты, то есть квартиру, дадут время на льду, мы будем только работать, ничего нам не должно мешать. Правда, никто мне контракт подписать не дал: ни они, ни Кулик. За всю свою жизнь я никаких персональных контрактов со спортсменами так ни разу и не подписала. Мы вернулись домой, в Москву, чтобы объяснить с Кудрявцевым. Сперва Илья сказал о своем решении Виктору Николаевичу, потом я поговорила с Витей. И Кудрявцев, и Кулик числились в областном «Спартаке». Мы собирались вместе у руководства «Спартака», решили все вопросы достойно, без всяких скандалов. Те обещали нам помощь, говорили, что мы всегда сможем кататься у Виктора Николаевича, если у нас не будет своего льда. Теперь можно было приступать к новым программам. Мы еще никогда с Ильей не начинали сезон вместе, а это совсем другая работа.

Но вначале меня с Куликом пригласили в Спорткомитет, где собралось для разговора довольно много народу. Президент федерации Валентин Николаевич Писеев в присутствии Илюши меня предупреждал, чтобы я поостереглась брать одиночника, потому что я никогда с ними не работала, что он вообще не понимает, чем Кулик думает, выбирая такого тренера. Довольно «педагогично» с такого напутствия начинать работу с мальчишкой — а для меня он и был мальчишкой. В конце концов мне заявили, что Спорткомитет возражает против перехода ко мне Кулика, но они с трудом могут согласиться, если только Виктор Николаевич не откажется нам помогать, ибо я сама не справлюсь. Мне-то по наивности казалось, что Комитету по физкультуре и

спорту я всей своей карьерой не давала поводов сомневаться в моих способностях, первые золотые медали мои ученики привезли им лет двадцать назад, но они, оказывается, все еще продолжали сомневаться. Головнойкой продолжалась часа два. Суть претензий выражалась в том, что я поступаю неправильно, Кулика ожидает провал, и, наконец, я должна сама понимать, кого беру и в чьи сани сажусь. Что касается меня, то я, напротив, ощущала уверенность в себе и подъём. В такие моменты я многое могу.

Мы начали работать. Я подготовила для него двухлетнюю программу, куда входили и занятия атлетизмом и скоростью. Силовую подготовку Илюши взял на себя Леонид Моисеевич Райцин — человек, которому я очень доверяю и с которым много работала. Райцин помогал Гордеевой и Гринькову, он вытянул всю группу Гали Змиевской, многое дал Вите Петренко, работал с Сережей Пономаренко в группе Дубовой, а с мальчишками он еще со времен Саши Фадеева. И все они до сих пор ему в ноги кланяются. Леонид Моисеевич — профессор своего дела, его знания в области атлетизма безграничны. При этом Райцин, умнейший и замечательный человек, в жизни очень скромный, очень тихий и абсолютный бессребреник. С ним безобразно поступали, и не один раз, в Спорткомитете, ему до сих пор не дали «заслуженного тренера», хотя он подготовил в свое время по своей специальной программе сборную по саням, после чего саночники впервые стали выигрывать.

Наташа Ульянова пока еще оставалась хореографом Илюши, но потом она уехала на полгода обратно во Францию, и я ее работу, естественно, делала сама, правда, делала с удовольствием. Я давала Илюше все время разные задания, не буду вдаваться в подробности, есть и у меня свои секреты. Я придумывала два шага, он придумывал два шага. Он не уходил, а уползал с тренировок буквально мертвый, еле ноги таскал. Болели все мышцы и у меня. Я же опять встала на коньки, а ноги за тридцать лет стоячей работы, увы, не так тебя держат, как раньше. Но коньки надеть пришлось. Я за последние годы и в театре, и тренируя Бестемьянову и Букина, коньки не одевала. А тут снова ботиноч-

ки натянула, не может же человек разучиться ходить. Правда, поначалу ноги сильно болели от новых ботинок, потому что мои старые потеряли артисты. Весь ручной багаж на посадке в Шереметьево, когда в Австралию летели, забрали, а коньки мои оставили в аэропорту, по слухам — даже в такси. Им не надо, да и мне вроде особо ни к чему. А потащила я тогда с собой коньки, потому что собиралась в Австралии ставить «Кармен». Ботинки менять — большой вопрос в прямом и переносном смысле — это для любого фигуриста, хоккеиста проблема, но куда труднее менять их на «старых» ногах.

Сначала Илюша принимал все мои замечания, но когда серьезно за прыжки взялись, начал возражать, тем не менее работа ладилась. Он так себя смешно вел: каждый день перед выходом на лед целовал меня в щеку, что обычно в фигурном катании делают дети. Когда вырастают, то тренера уже не целуют.

Начали заниматься с музыкой, я придумала, как вести такие тренировки. А на своего теперь мальчика я налюбоваться не могла. Шутки и смех не прекращались — мы тренировались радостно. Скоро предстояло переезжать в Америку и хотелось еще в Москве пусть вчерне, но собрать обе программы, тем более для них я уже выбрала музыку. Но мне еще мечталось сделать ему показательный номер. И я успела поставить танец на музыку Шумана «Грезы любви». Илюше тогда только исполнилось восемнадцать лет.

Он забавно так пробурчал: «Вы знаете, я свой день рождения буду справлять у вас», — я думаю, бурчал от зажима. Я стояла рядом с Наташей и поинтересовалась: «У кого из нас?» Выяснилось, что у меня. Накрыли в гостиной стол, сели втроем, пообедали. Потом он спал. А когда проснулся, мы поехали на вторую тренировку. Он менялся на глазах. Музыку для произвольной программы я взяла из балета «Ромео и Джульетта» Прокофьева, мне хотелось, чтобы Илюша в свои восемнадцать почувствовал себя Ромео. Над короткой программой я долго мучилась. Я знала, что хочу, но никак не могла найти эту музыку — скрипичный концерт Венявского в исполнении Иосифа Когана. Я подняла

всех друзей на ноги, заморочила всем голову, все искали мне давнюю запись концерта. Выяснилось, что только вдова Когана сохранила старую пластинку. Я к ней примчалась с цветами и благодарна до сих пор. Из всех коротких программ Ильи, что я делала, эту я любила больше всего. Очень интересная, но и очень сложная, в ней жила какая-то дьявольщина.

Конечно, потом я потащила Илюшку к Славе Зайцеву, потому что хотела, чтобы его костюмы отличались от других. Прежние костюмы у него были, мягко говоря, дурацкие. Правда, в первый год нашего знакомства я сама рисовала эскизы, и без Илюши, без примерок, ему сделали костюмы. Их приносили сразу на лед, все оттого, что очень спешили, слишком много перед ним стояло еще нерешенных задач.

Теперь полагалось, чтобы и костюмы у него выглядели на самом высоком уровне. Чтобы он вышел на лед и не только катался по-другому, прыгал по-другому, но чтобы он и выглядел по-другому. Чтобы костюм помогал ему с собой справиться. Ощущать себя комфортно в костюме — слишком важная деталь, чтобы на нее не обращать внимания. Кстати, тогда же произошел смешной эпизод. Когда он первый раз надел белый костюм, костюм Ромео, то не смог в нем тренироваться. Все сорвал только потому, что не мог себя понять в белом. Дело в том, что в белом надо уметь кататься. Но зато выступление в белом — это потрясающе красиво.

Каждый день в Москве с нами работали Леонид Моисеевич и Наташа. Каждый день, без исключения. Мы успели перед отъездом сделать то, что я наметила. Рисунок программ в основном уже читался. Короткая получалась сказочной, я могла ее смотреть по сто раз. Да и он сам с удовольствием гнался за временем, его не приходилось заставлять работать. Илюша терпеть не мог только одного — переделывать. Зато потом, когда начались прокаты, он мне сорвал подготовительный период. Он хотел готовиться так, как раньше. Но не как с Виктором Николаевичем, а как он сам для себя придумал. Мне он признался,

что в последний год сам подводил себя к сезону. Я не желала участвовать в самодеятельности. Я хотела, чтобы он выработал в себе некий двигательный автомат, полагалась создать такую базу, которая при любом волнении, при любом стрессе держала бы его, не давала падать. Но в первый год нашей совместной работы он так и не дал мне это осуществить.

Проблемы эти возникли позже, а пока мы собирались в Америку и я не сомневалась, что там будут лучше условия, хотя бы потому, что там от дома до катка десять минут езды. Каток нам подобрали под Бостоном, в маленьком городке Мальборо. Обещали, что мы будем работать одни на льду, а это серьезное преимущество. Правда, с моей точки зрения, это, с одной стороны, конечно, хорошо, но с другой — всегда лучше кататься в компании, но Илюша компании на своей тренировке не любил. Типичный одиночник, а одиночнику полагается быть эгоистом.

В Мальборо мы попали к концу июня 1996 года. Остановились сначала на пару дней в Нью-Джерси, у Могилевского. Полагалось начать кое-какие юридические дела для получения «green card» — вида на жительство. Мы смешно летели в Америку. Выбрали совсем новенькую авиакомпанию. Не помню, как она называлась, помню только, что там продавались билеты дешевле, чем в Аэрофлоте. Но только мы приехали в Нью-Йорк, как компания обанкротилась, а мы взяли билеты туда и обратно. Вот и вся экономия. Летел с нами в самолете танцор Коля Морозов, товарищ Илюши, который катался с Татьяной Нафкой. Мы с Илюшей сидели чинно-благородно в своем салоне. Потом он ушел в «хвост», к Коле, они там выпили, а пить Илюша не умеет. И когда он появился, слепому было видно, что ему надо как можно скорее промыть желудок. Такой у меня вышел первый полет с новым учеником. Я, ни слова не говоря, влила в него столько воды, сколько смогла, жестокий, но необходимый сеанс шокотерапии. Потом я у Могилевского смогла перевести дух, слава богу, летели российским самолетом, в Америке нельзя выпивать до 21 года, иначе могут быть большие неприятности. Правда, после злопо-

лучного полета я никогда больше его не видела даже слегка выпившим.

В Мальборо мы отправились с Мишей Каролайлом. Сразу, как добрались, пошли утрясать расписание. Место незнакомое, но сразу же выяснили, что там на льду работают польские тренеры Бася и Владислав Пеньковские. Я их очень хорошо знала по десяткам совместных соревнований. Вместе с ними пошли к руководству катка. Нас радостно встречают и говорят: «Вообще-то у нас свободного льда нет, хотя мы имеем четыре катка. Но лед весь поделен между местным хоккеем и городским фигурным катанием. Время, что вы хотите зарезервировать, невозможно организовать». Я нервно прошу передать дирекции, что нас категорически не устраивает расписание, которое они нам предлагают. Миша мне говорит, ты, Татьяна, только не кипиться, все равно мы сделаем то, что нам нужно. А Кулик сразу стал таким активным, таким взрослым и серьезным, у него хороший английский, он начал что-то объяснять, что-то мне переводить. Я еще тогда Илюше сказала: «Я про тебя книгу напишу». Мальчишка же рос на моих глазах не по дням, а по часам. На этих переговорах я не капризничала, нам полагался определенный график: днем он отдыхает, утром тренируется с девяти, а вечером с четырех. Но такого свободного времени на катке в Мальборо для нас нет. Я говорю, если нет, мы уезжаем. И он поддакивает: «Мы уезжаем, время не терпит, я ждать не намерен». Такое, значит, у него желание тренироваться и чтобы все шло по плану.

Со временем расписание отрегулировалось, американцы быстро поняли, что перед ними двое ненормальных русских, которые собираются в Мальборо совершить что-то серьезное. Я никогда прежде не работала в Америке, кроме недолгого опыта с Климовой и Пономаренко. Меня много раз приглашали за океан тренировать, но я никогда на это не соглашалась. Позже я близко познакомилась и с директором катка, и с главным тренером по хоккею, и с директором школы фигурного катания Джулиан, которая, конечно, стала моей подругой. Но на первых порах, мы, естественно, приглядывались друг к другу. Поселилась я с Илюшей

вначале в такой гостинице, где при комнатах имелись кухни. В моем номере я готовила завтраки и обеды. И оттуда, с гостиницы, пошло, что мы и дальше питались вместе.

Мы вставали около семи утра, в семь пятнадцать я накрывала завтрак, без пятнадцати восемь мы вскакивали в какую-то старую колымагу, взятую нами напрокат (потом он купил себе машину, а мне арендовали). Нашли рядом с катком старый заброшенный стадиончик, на котором он столько набегал, столько напрыгал и так его перепахал, что туда люди собирались с утра смотреть на «показательные» выступления, как русского мучают. Но он был готов к такого рода работе. Начали репетировать программу. Долго не получался четверной прыжок. Он тренировался на стадионе по плану Райцина, который нам все расписал. Контрольные замеры решили сделать в сентябре, когда вернемся в Москву.

Так все лето и сидели в Мальборо. Из гостиницы разъезжались по квартирам. Но обед, ужин и завтрак — по-прежнему у меня. Режим такой: утром на стадионе получасовая — сорокаминутная гимнастика, затем первая тренировка на льду, после нее зал, потом обед. За обедом Илья съедал только суп, так уже он привык. Вместо второго ел много фруктов, много пил разных соков. Уставал, засыпал днем. Я еще не умела сама ездить на машине, но спасибо, что магазин недалеко, днем могла туда-сюда, покупала продукты. Таскала их в дом на себе, хотя в Америке в маленьких городах ходить негде, там и пешеходных дорожек нет. Когда Илья просыпался, то ел фрукты, выпивал немного чая или кока-колу и — вторая тренировка. Впрочем, так жизнь проходит у всех спортсменов и тренеров. Жизнь, целиком и полностью посвященная делу, которое выбрал. Вечером сперва зал — полчаса, потом уже ледовая тренировка полтора часа и снова стадион после тренировки. После такого дня он шел отмокать в джакузи или плавать в бассейне. Если у него еще оставались силы, он любил поиграть в теннис. В половине девятого мы садились ужинать, смотрели какой-нибудь фильм. Так заканчивался день, а шли они один за другим довольно быстро.

Илюша набирал и набирал. И хотя он много работал, но не давал мне возможности целиком проводить мой план, противился тому, чтобы прыгать сериями. Тут стал проявляться его характер. Я и убеждала, и скандалила, и собиралась уезжать, всякое было. Но, взяв на себя такую ношу, не бегут при первых же трудностях, тем более он меня попросил, чтобы я не уезжала, что он рано или поздно сделает все как надо. Но время он упустил, и такой базы, какую я хотела и какой добилась к следующему сезону, в тот первый год не получилось. Не мог он терпеть до конца, не позволил мне сделать с ним необходимую скоростно-силовую работу на льду. На мой взгляд, он мало катался, я привыкла, чтобы на льду проводили времени намного больше. Постепенно он все же включился в длинные прокаты, то есть стал тренировать программу не по частям, а больше целиком.

Долго бились мы над четверным прыжком, ох как долго. Да, я никогда не работала с одиночниками, и может возникнуть закономерный вопрос, откуда я знаю, как учить прыжки. Четверной прыжок — это «ультра-си» фигурного катания. Не надо забывать, что я работала с очень способным человеком, которому прежний тренер уже отлично поставил прыжки. К тому же он от природы обладал высоким прыжком. Не боги горшки обжигают. Я не одну отсмотрела пленку с этим прыжком, много думала. Все бьемся без толку, прыжка все нет и нет. Причем это сражение происходит на фоне усталости, он много занимается атлетизмом, и, естественно, тончайшая координация, которая нужна для такого сложнейшего прыжка, уходит. А сила должна появиться в сентябре, когда он закончит программу Райцина. По тому, как все происходило, я думала, что он наконец его прыгнет к 15 сентября. Илюша психовал, страшно ругался, себя поносил. А я не нервничала, я знала, что он обязательно прыгнет четверной, я же видела, все к этому идет.

Прыжки у Илюши, я уже говорила, очень красивые, большие, легкие. И вот я его спрашиваю: «Скажи, голубчик, с какого захода ты выучил тройной тулуп?», он отвечает: «Я его долго учил, он мне никак не давался, и освоил я его с круглого захода». Я: «Так я тебе уже давно предлагаю

прыгать четверной с круглого захода. Подумай». С ним по-другому разговаривать бессмысленно. Только так, чтобы он сам подумал и потом принял вроде собственное решение, — это я, к сожалению, поняла не сразу. Он должен его выдать как свое. Я так работать не привыкла, но мне пришлось подстраиваться.

Есть разные методы обучения. Илья жаловался, что я его мало поддерживаю: «Вы вообще когда-нибудь хвалите? Вы только ругаете». Но он ошибался, я не ругаю, я делаю замечания. Одна из моих задач — работа над ошибками. Теми ошибками, что я вижу, особенно тогда, когда знаю, что он может показать лучше, чем делает. Я не только требую, чтобы он поднял качество элемента, но и говорю, как его надо поднять. Когда наконец получается, я радуюсь, я не могу не радоваться. Но Илюше моей радости всякий раз оказывалось недостаточно. Я не сразу поняла, что он болезненно самолюбив, жить не может без похвалы и восторгов в свой адрес. А я как-то не очень умею это делать, что его, конечно, не устраивало. Но я его обожала, я видела в нем чудные качества. Прежде всего, он добрый парень, а для меня доброта — самое большое человеческое достоинство, тем более в наше время.

В Москве предстояли контрольные прокаты. Ему полагалось показать новые программы. Конечно, все ждали, какими мы из Америки приедем, полный шухер у руководителей фигурного катания, никто не верил в мой педагогический успех с одиночником, говорили: «Она бы еще хоккейную команду взялась тренировать». Я же думаю, что если бы мне пришлось взять хоккейную команду, то, пусть это звучит нескромно, хуже, чем они играют сейчас, точно бы не получилось.

Он терпел, прокатывал программу целиком, но огрызался. Мои прежние ученики, Климова и Пономаренко, навещая меня в Мальборо, говорили, что Илюша перебирает, что он наглый. Я и сама не слепая, но не обращала большого внимания на его приколы, списывала их за счет воспитания. От недостатка не только воспитания, но и знаний и происходили разнообразные фырканы и мальчишеские вы-

ходки. Однако я так была к нему хорошо настроена, что обид не держала. Правда, один раз состоялся серьезный разговор, я даже собрала чемоданы, готовясь к отъезду: он позволил себе не подчиняться в том, что я считала обязательным — отказался от разработанного для него плана.

В Москве он буквально выложил, откатав программы мастерски. В короткую программу я сама была влюблена не меньше, чем он; произвольную Илья чувствовал хуже, но постепенно и в ней он стал забирать, притягивать к себе. Разумеется, я понимала, что за один год или даже за два года мне не удастся сделать из него то, что я хочу. Например, поднять и раскрыть в нем актерское мастерство, то, что у него спрятано в душе, и это отдельная серьезная работа, но главное — научить его делать сложнейшие элементы со стопроцентной гарантией.

Через несколько дней после возвращения из Москвы он прыгнул четверной прыжок. И не успел этот мерзавец прыгнуть, — картинка эта стоит перед глазами, я помню, в каком это углу катка все произошло, потому что я всегда рядом, мой конек почти на его следах, я же смотрю за его плечами, за толчком, — еще выезжая, снизу, он мне уже крикнул: «Мы их всех будем драть как котят!» Я ему: «Не сглазь. Как ты можешь такое говорить?» а, сама кинулась и стала целовать то место на льду, где он прыгнул.

В сентябре в Москве четверной не получился. Это произошло в октябре.

«Как ты можешь так говорить? Тебе так тяжело достался этот прыжок, еще увидишь, как он будет то уходить, то приходить». Он тут же устроил себе несколько попыток, но так как сам немножко побаивался, часть ушла мимо, но все-таки в этот день он сделал и второй, и третий прыжки. Сделал чисто-чисто и так легко. Как щелчок — все получалось идеально. Илюша после прыжка никогда не вставал на зубец конька и не демонстрировал какой-нибудь перекошенный выезд. Если он прыжок в четыре оборота делал, то делал идеально. Главное — бояться его перестал. Он много получил от меня разных знаний, но основное из них — как добиться того, чтобы пропал страх к прыжкам, а у него он

пропал, это я знала точно. С этим страхом он боролся все два с половиной года, что мы работали вместе. Да, он поборол свой страх, но чаще случается наоборот.

В 1997 году Илья Кулик задал тон мужскому катанию. Мое мнение таково: он один из тех мальчишек, которые двигают вперед мужское катание.

Сейчас я понимаю, что слишком часто мы с ним спорили. Мне кажется, в нем культивировались совершенно неправильные взгляды на свое место в жизни и спорте. Я думаю, что корни зазнайства росли, наверное, из его семьи, где странно смотрели на фигурное катание. Я пару раз в семье Куликов гостила, и кроме как им никто за столом больше никем не восхищался. А я, например, фанатка канадца Стойко. Преклоняюсь перед ним за его мужество, за его смелость, за его умение бороться так, что он может собственную жилу перекусить, чтобы преломить себя. У нас, в конце концов, спорт, а не показ мод, чтобы выходить на арену стройным и элегантным. Понятно, что необходимо красиво и стильно кататься, но у Стойко как раз есть свой стиль. Я никогда не соглашусь на воспевание исключительно собственного ребенка. Во-первых, потому, что я тренер, во-вторых, я хорошо вижу, понимаю и могу оценивать работу каждого мальчика, не только своего ученика.

Но дома восхваляли одного Илюшу, других не замечали. Он и такой, он и сякой, и вот это он умеет, и вон то. Ситуация в моих глазах выглядела немножко странно, потому что у меня в доме, напротив, не принято хвалить, отец никогда не отмечал нас с сестрой. Мы знали: мы делаем то, что можем, но делать полагается еще лучше. Никто нам не говорил: «Какие вы замечательные, талантливые, гениальные девочки!» Если я дома жаловалась: «Папа, меня засудили», он отвечал: «Нет, ты просто плохо катаешься». Я с детства привыкла к такому. А Илюша ходил по дому, как царь и бог, хотя он не единственный ребенок, у него есть младшая сестра. Тем не менее отношения у нас с Илей сложились близкие и доверительные. Он, когда со мной договаривался (смешной такой), просил, чтобы между нами все было честно и справедливо, чтобы я никогда от него

ничего не скрывала. Я выдержала поставленное условие без больших трудов, потому что я такая и есть.

Илюша смотрел чужие программы не раньше, чем в конце сезона, но это нормально. Во время сезона его интересовала только своя работа. В каждом спортсмене заложена победа. Поэтому я всем своим говорила: прежде всего нужно уметь справляться с собой, чтобы в любой момент сделать все, что выучил. Илюша же пока справляться с собой не желал, он то там «бабочку» пустит, то здесь. Но все-таки он в числе первых прыгнул четверной на официальных соревнованиях, на чемпионате страны (в финале Гран-при), тем самым завел остальных. Буквально со следующего старта несколько человек стали исполнять четверной прыжок. Я не знаю, почему прежде такие прыжки официально не регистрировали, но в 1997 году ему выдали какие-то официальные бумаги, подтверждающие прыжок.

...Но вернусь назад, в сентябрь 1996 года. Приехали мы с ним в Москву. Ясно, чего от нас все ждали — провала. Через два дня показательный прокат, но все его «домашние» соперники оказались готовы так себе, зато Илюша выглядел молодцом. И программы получились, и катался он уже в новых костюмах, а это тоже производит впечатление.

С произвольной Илюша справился, правда, показал не все элементы, но в общем справился. Он выступил достойно, и я его поблагодарила. У меня своя форма благодарности, я ее переняла от бабушки. Мамина мама, когда ее сердце переполняла признательность, а она и сама была очень добрым человеком, то целовала нас в плечико. Может, она не дотягивалась уже до головы? Почему-то ко мне ее привычка перешла, и я Илюшу тоже в плечико поцеловала. За то, что он меня не подвел, за то, что он себя не подвел, за то, что он еще один из этапов сумел пройти.

Потом начались разные турниры, серии Гран-при, он выступал, соревновался, набирал мастерства и набирал мощь.

В конце года на «Скейт Кэнада» Илюша боролся со Стойко. На втором этапе Гран-при — уже соревновался с

Элдриджем. В Японии в начале года, где вновь выступал Стойко, действующий чемпион мира, у Ильи хорошо шел четверной, но я просила не показывать его на разминке. Четверной прыжок еще не считался у него стабильным элементом. Но он взял и шикарно его прыгнул на разминке, не послушался. А так как Илья всегда вытягивал на жеребьевке первый номер, то тут же по горячему следу этот прыжок не сделал. Стал вторым после Стойко, хотя жалко было отдавать первое место, тем более что в Японии он блистательно выступил в короткой программе. Видно было, что он вырос. И что мы на правильном пути, все равно он будет первым. Другое дело, случится это сегодня или завтра, но случится обязательно, он состоялся как мастер.

Илюша очень обижался, когда я его называла материалом. Он вообще частенько, если не сказать — все время, обижался. Надувал свои розовые щечки и отворачивался. «Материал» ему не нравился, а мой папа говорил про таких мальчишек — «полуфабрикаты». В чем-то он все еще оставался подростком, поэтому мне приходилось следить за своей речью. Он сам с хорошим чувством юмора, но только не по отношению к себе. В мой адрес его шуточки и прибауточки сыпались без конца, что для меня тоже было не совсем привычным — как правило, народ меня побаивался. Настораживало меня и то, что он не заводил себе друзей. Никого из тех, с кем (а ему уже исполнилось восемнадцать) уже потом идут по жизни рядом. То ли времени на это не нашлось, то ли он такой бука, что его вполне устраивает собственное одиночество.

Когда он купил летом в Америке машину, то радовался, как ребенок. Он так ее хотел, как только дети хотят игрушку, когда падают на пол и сучат ногами и уже не могут ничего воспринимать. Я сама уже не чаяла, чтобы машина оказалась сейчас, сию минуту у него под окнами, потому что иначе невозможно тренироваться, до такой степени это «хочу» мешало. В голове колом торчала одна мысль — машина. Понятно, что пацан, понятно, что ему машину хочется до смерти. Купил джип. У меня осталась смешная фото-

графия, где он лежит на животе прямо на крыше этого джипа. По-моему, он в нем сидел часами, просто сидел.

Он много слушал музыку, что мне нравилось, но слушал только современную. Позже стал включать и классическую, потому что я ему ее подсовывала. Стал ее воспринимать. Прослушал Чайковского, сам купил себе Рахманинова. У него в машине постоянно звучал Второй концерт Рахманинова в очередь с поп-музыкой. Он хорошо разбирался в современной музыке, следил за всеми новыми альбомами. Много смотрел разного кино, но только не мелодраму, — это, он говорил, для вас.

Следующее мною отмеченное приятное событие, когда мы были с ним в Канаде, — он стал кататься мощнее. Прежде в его катании не хватало мужской силы. В Канаде он в первый раз показывал на публике показательный номер «Грезы любви». Сперва отказывался, я настаивала, уговаривала, заставляла. Он никак не мог взять в толк, что должен выйти на показательное выступление и так же концентрироваться и работать так же, как он выкладывается на соревнованиях. Показательные выступления он считал развлекательным мероприятием, а возможно, на них у него уже просто не хватало сил. Скорее всего так оно и было. Если в один день со стартом проводят и показательные выступления, он мог их откатать, исключив все тройные прыжки. Для меня подобное — дикость, абсолютный непрофессионализм. В Илюшу не заложили, что в каждом выходе на лед спортсмен должен выступать, как в последний или как единственный раз в своей жизни. Я ему подобное вдалбливала без перерыва. Наверное, он в конце концов устал от меня, от того, что я без конца что-то ему внушаю. Хотя долго с ним разговаривать не получалось, он убегал. Но что-то я сказать все же успела и уже ловила дни, когда можно было не только его тренировать, но и говорить с ним о жизни. Если воспитывать человека, то прежде всего надо воспитывать душу, все остальное — это легче.

На лето к нему в Америку приехали родители, там и мы познакомились поближе. Ему было хорошо и легко с ними. Когда наступал перерыв в тренировках, Илюша уезжал из

Мальборо, проделывая путь в два часа от нашего жилья до Сансберри, городка, где живет Катя Гордеева, он с ней дружил. Конечно, я требовала, чтобы он мне звонил, сообщал, как доехал, потому что я живой человек, нервничаю, схожу с ума. Он же мне объяснял, что я в такой степени за него не отвечаю. Ему не дано было понять, что я отвечаю за него и перед собой, и перед ним, и перед его родителями, и даже перед миром фигурного катания, иначе я бы и не взялась с ним возиться.

В Сансберри жила не только Гордеева, но и Оксана Баюл и Витя Петренко. С Катей я его познакомила летом 1996 года в Москве. Катя приходила на «Кристалл», чтобы с нами вместе покататься, поделаться шагами. Я сама хотела, чтобы он влился в компанию, где такие ребята, как Катя и Витя. Это настоящие люди и большие спортсмены.

Но вернусь в Канаду. На «Скейт Кэнада» Илюша демонстрировал свой показательный номер, и там, где безумно обожают Стойко (это же его родная страна), зал встал на Илюшиных «Грезах любви», хотя он не сделал даже половины того, что в этот номер было заложено. Сам же он оказался потрясен от того, что зал начал подниматься. Он даже остановился, когда увидел, что публика аплодирует стоя.

Конечно же, пошли корреспонденты, интервью, статьи — все, что обычно сопровождает большой успех. Неожиданно в нем разглядели одного из претендентов на победу в Нагано. Молодой, еще нестабильный, еще птенец, еще (как бы он не любил это слово) материал, но достойный материал, настоящий спортсмен, сильный, с интересными программами, со своим пониманием фигурного катания.

Вот как сложился первый наш совместный чемпионат страны. Выступают все его основные конкуренты по сборной. Илюша безошибочно прокатывает короткую программу, но вперед ставят Лешу Урманова. У Леша имя, он олимпийский чемпион, но Илюша уже его обыграл год назад, когда на первенстве мира стал вторым, а Леша четвертым. Однако федерация поддерживает Урманова, меня они обычно игнорировали, я для них всегда была никто. В фе-

дерации поддерживали тренера Мишина, у него большая группа одиночников и хорошие отношения с руководством. Ему, в отличие от меня, никто никогда не говорил в присутствии учеников, что он взялся не за свое дело.

Оценку после короткой программы Илюша получил несправедливую, как минимум на две десятки он Лешу точно перекатал. Но с судьями я не дружу, к ним не подхожу, хотя ведут они себя вызывающе. Стою рядом со Стасом Жуком, к нам со льда идет Илюша. Жук говорит: «Они тебя обманули на две десятки», поскольку у Кулика и программа лучше, и элементы в ней расположены правильнее. Я говорю: «Илюша, — он на меня не смотрит, — это несправедливо». Когда я его себе взяла, то знала, что никогда не подойду к судьям, он должен так кататься, чтобы комар носа не подточил. Я всегда его ругала, всегда искала, не выискивала, а именно искала объективные ошибки, из-за которых он проиграл, но тут искать было нечего. Прежде, когда я ему указывала на промахи, он слушал мои упреки, мягко выражаясь, с нетерпением. Но тут я одно повторяла: «Илюша, несправедливо». Он отвечает: «Завтра они получат».

Я любила, когда он злой, он катается тогда лучше. И на тренировках я иногда намеренно старалась его немножко позлить или немножко обидеть. В таком состоянии он был способен исполнить любой элемент. Думаю, что он не понимал, что я его специально дразню, потому что искренне обижался на меня. Но важен был результат, а не его обиды. На следующий день он с четверным прыжком, сделав его как щелчок, откатал всю программу, не оставив судьям никакого выбора. Леша Урманов вышел после Ильи и стал срывать прыжки. За ним и Ягудин повалился. Почему так важны соревнования дома? Только на них определяется, какой ты номер в сборной! В том году Илюше так и не удалось доказать, выиграв чемпионат России, что он первый. А первый номер — тут уже немножко другое дело. Международные арбитры знают, что он имеет право чуть-чуть отступить. Некоторая фора тут присутствует. Моментально по всем странам разносится, кто выиграл, кто национальный чемпион. Еще важно себя почувствовать чемпио-

ном, лидером. Тем более в такой серьезной компании, как сборная России.

Мы готовимся к чемпионату Европы 1997 года. Тяжелые переезды, тяжелая акклиматизация. Из Америки в Россию, из России в Японию, из Японии пришлось возвращаться в Америку, оттуда вновь в Россию. Из России второй раз за сезон летим в Японию, потом вернулись домой, и из Москвы — во Францию, где и проходило европейское первенство. Перед отъездом на чемпионат у него начала сдавать координация: усталость от бесконечного мотания. Турниры идут подряд, а он еще подросток, он не выдерживал. Тут моя ошибка, мне полагалось его снять с каких-то соревнований. На последних тренировках, когда он стал немножко мазать, я ему сказала: «Илюша, у тебя есть время, сделай перерыв, возьми два-три дня полного отдыха. Погуляй, сходи в театр, отвлекись». Но он не привык к отдыху, он не знает, что это такое уже много лет. У него даже каникул не было никогда. Пропуски в тренировках он научился делать только на следующий год, потому что наконец поверил, что это необходимо. И то не до конца, и из-за этого сорвали спину, но я забежала вперед...

Приехали во Францию, вижу, прыжки буквально висят на волоске, но он их делает, старается. Появилась девочка — француженка, фигуристка. Молодость, любовь. А любовь требует много эмоциональных сил, и мне понятно, что он с таким мощным отвлечением уже не справится. Скандалить не собиралась, но пришлось. Началось с «квалификации», он откатал ее ужасно. Режим нарушен, сон нарушен, внутреннее состояние полетело к черту, вместо концентрации оно бурлило. После «квалифайна», испугавшись позора, на короткую программу он собрался. И в ней он — первый. Впереди произвольная с его четверным прыжком, но он еще не научился собираться к главному старту. Он приехал во Францию чемпионом России, он носил звание серебряного призера чемпионата мира. В этом сезоне уже обыграл Элдриджа и сражался на равных со Стойко — лидерами у мужчин. Казалось, у него все складывалось, правда, его мама пару раз повторяла: «Вы его не балуйте, иначе

он зазнается». Наверное, он решил, что, добившись таких результатов, можно себе позволить отсутствие режима сна и отдыха...

По Европе гулял тяжелейший грипп, и он умудрился его подхватить. С температурой вышел на произвольную программу, прокатал ее плохо. А Леша Урманов, неудачно выступив в короткой произвольной программе, стал первый. В результате Илюша сперва держался на мониторе вторым, но компьютер начал пересчитывать «по числу мест», и Илюша очутился на четвертом месте. Для него этот результат стал шоком. Мы вернулись в Америку, он еще долго там болел. Этот грипп отнял и у него, и у меня много сил. Тяжелый кашель перерос в бронхит. Первый раз в жизни Илюша принимал антибиотики, оказывается, он их никогда не пробовал. Почти три недели провел в постели. Дорого ему стоила эта влюбленность.

Но прошло время, он вновь начал выходить на лед, готовиться к очередному старту Гран-при. Совершенно раскордированный, и я потихонечку-полегонечку собирала его по частям. Он очень уставал — реакция на антибиотики, — да и времени мы потеряли уйму. Я даже подумывала пропустить этот старт. Но поехали, и он снова четвертый. Хотя прыгнул четверной и катался прилично. Я считала, что любой фигурист из первой четверки, прокатав два дня соревнований без ошибок, станет чемпионом, но шансы Кулика расценивала выше. У него имелся полный набор: и техника, и красота катания, и качество программы, и ее музыкальность, и хореография, плюс ко всему этому еще и четверной прыжок. У остальных и трех компонентов из перечисленного не набиралось. Так что я совершенно не расстроилась: он наконец пришел в себя, и я рассматривала этот турнир как этап подготовки к чемпионату мира.

К мировому первенству он готовился абсолютно нормально, без всяких закидонов. Мы поехали в Европу пораньше (чемпионат проходил в Швейцарии), чтобы акклиматизироваться. Илюша легко прыгал, ничего не предвещало будущего кошмара. За три дня до «квалификации» у него тренировка на основном катке. Многие заинтересо-

ванные лица — судьи, тренеры, участники — собрались ее посмотреть. Илюша прыгает уникальный каскад, взлетает на огромную высоту. Идеальный полет... приземляется — и, как подкошенный, — нога подворачивается — он падает на руки с резким вскриком «ой!». И я понимаю — ноги нет! а он, выбираясь из падения, издали видя, что я уже готова упасть в обморок, мне кричит: «Конек!» Я в ответ ору: «Нога, Илюша, нога!», а он: «Конек, конек!» Тишина. Все замерли. Наконец он добирается до меня. Сломался конек на приземлении. Если бы Илюша попал в свой или чей-то след на льду, он мог сломать ногу. Я же испугалась, подумав, что при выезде из прыжка он попал в глубокую трещину, нога уже поворачивается, а конек стоит на месте.

Дохромали с ним до раздевалки. Слава богу, нога цела, конек «полетел» на правой ноге, а все приземления на нее. Но что такое поменять конек? Мне трудно об этом на пальцах рассказывать. Конек делается с разными отверстиями для крепления, и, естественно, надо достать именно тот номер конька, какой у Илюши. Мы находимся в Лозанне. Как бы это помягче сказать — это не самый крупный центр фигурного катания. Там и каток чуть ли не 1905 года рождения, я даже не понимаю, как они на таком катке решили проводить чемпионат мира? Но у меня одна задача: срочно — конек. Бегу к Питеру Крику, это член немецкой федерации фигурного катания, мой давнишний товарищ. Питер — человек очень деятельный, способный откликнуться на беду. Но сперва звоню в Англию, потому что еще не все спортсмены и тренеры приехали в Лозанну, и ищу своих английских приятелей, тех, кто еще дома, потому что именно в Англии находится фирма, делающая коньки. Конек у Илюши сломался в субботу, во второй половине дня. Уик-энд в разгаре. Понятно, что ближайшие полтора суток никого ни на какой фирме не найдешь. В лучшем случае конек может быть доставлен послезавтра, в невероятном варианте — на следующий день. И получается, что за день до «квалифайна» конек нужно переточить. Илюша на это потратит четыре-пять часов.

И тут он вспоминает, что у него в Москве лежит вторая пара точно таких же коньков. Это — счастливая случайность. Он созванивается со своей мамой, та передает коньки в Федерацию, тут включается Писеев, который звонит Тамаре Николаевне Москвиной, вот-вот вылетающей в Лозанну. Мама подвозит коньки к самолету. А мне параллельно достает коньки Питер Крик, ему их привезли из маленького немецкого городка в горах, где в субботу еще был открыт магазин, а в нем залежалась всего одна пара с нужным нам номером. И коньки, довольно острый предмет, передаются экипажами с самолета на самолет, их везут из Германии в Женеву, из Женевы в Лозанну. Коньки от Питера Крика и коньки из Москвы прибывают одновременно на следующий день.

Я сижу в холле гостиницы, жду Тамару Николаевну, ей зарезервировали дорогой отель. Ее должны разместить в нем как члена Международной федерации, они вместе с венгеркой Кристиной Равицей — два представителя в ИСУ от тренеров. В том же отеле живет и великий Карло Фасси. Ждали с ним Тамару вместе, потом к нам присоединилась Чайковская, мы трое беседовали обо всем, что происходит в нашем деле, обсуждали пути его развития. Разговаривали и об Илюше, он нравился Фасси, и мы договорились, что на следующее лето я приеду с Илюшей к ним на каток и буду делать программу его ученице, а он десять дней поработает с Куликом. Многие мы успели вспомнить с Карло в этот вечер, в мою последнюю встречу с великим Карло, моим коллегой, с замечательным человеком, с выдающимся тренером нашей эпохи. Через два дня Фасси умер. Всем миром фигурного катания мы прощались с ним в Лозанне. Он на несколько лет уезжал в Италию, на родину, потом вернулся в Америку. Возможно, в Италии он сделал передышку от спорта, как я — с театром. Потом у Фасси появилась ученица — Бобек, а у меня Кулик.

...А пока мы сидим, рассуждаем в ожидании. Карло — жены, я — Тамары Николаевны с коньками. Жду, дергаюсь: время же проходит. Наконец, Тамара Николаевна появляется, но коньков у нее нет, она их передала руководителю де-

легации, который приехал вместе с ней из Петербурга, и он уже два часа как аккредитовывается в другом отеле. Я как пробка вылетаю из одной гостиницы и несусь в другую, где живут спортсмены и руководители. Для тренеров там места не нашлось, и я, несмотря на то, что у меня ученики выступают в двух видах, живу в другом конце города и бегаю по три километра утром и вечером, чтобы днем не отходить от своих спортсменов. Уже даже страна по-другому называется, а у руководителей так ничего и не изменилось. То же отношение к тренерам, как и при советской власти, так же без зазрения совести селятся в лучшие гостиницы. Чтобы им было удобно, поближе к центру города, так как они приезжают с женами. Нынешний начальник получил пост руководителя делегации вроде как премию за то, что прилично проводит в Петербурге один из этапов Гран-при. Я понимаю, поощрять людей нужно, но при этом неплохо еще и понимать, какие задачи стоят перед тренерами. Я, сбивая ноги, бегаю из одной гостиницы в другую, а руководителям лишние хлопоты ни к чему. Транспорт же там, где спортсмены.

Я влетаю совершенно разъяренная в его номер: «Почему вы мне первым делом коньки не отдали?» — «А вы почему в таком тоне со мной разговариваете?» Я уже трясусь: «Вы уже здесь три часа и до сих пор...» Он спокойно мне объясняет: «Что вы переживаете, коньки у меня, а я принимал душ». Значит, сначала сфотографировался, потом получал пропуска, потом селился, принимал душ, пока я не нарушила это плавное течение праздника жизни и не влетела, как ведьма. Любой профессиональный человек счел бы дикостью подобное поведение. Да если б меня попросили передать коньки спортсмену, попавшему в такое положение, я бы, прилетев в город, бежала их отдавать сломя голову, потому что понимаю, в такой ситуации каждый час на счету. Заканчивается день, приближается ночь, скоро уже нигде нельзя будет покататься, а ему еще нужно пять часов, для того чтобы наладить коньки.

Появляется Валя Николаев, тренер с Украины, тренер, между прочим, конкурента Илюши — Загороднюка. Я про-

шу Валю нам помочь, потому что только у него есть с собой станок. Валя откликается сразу, выдает станок без звука. Не каждый такое бы сделал, далеко не каждый. Илюша засаживается за станок, готовит себе коньки. Пошел второй день без тренировки. Лед есть поздно вечером у Гришук с Платовым, и я обращаюсь в оргкомитет — пустить Кулика с танцорами в виде исключения, поскольку тренироваться разным видам нельзя по правилам соревнования. Я прошу организаторов, чтобы ему разрешили выйти на какое-то время, для того чтобы обкатать коньки, попробовать их. В итоге Гришук — Платов и Илюша катаются вместе. Это невозможно, потому что мне нужно смотреть и за одним, и за другими. (Эта пара тоже попала ко мне, но о них я расскажу дальше.) Внимание никогда между ними не делилось, и я разрываю свои глаза в разные стороны. Со мною вместе сидит Чайковская, мы договорились смотреть в разные углы площадки, но я не могу отвести глаза ни от Илюши, ни от Гришук с Платовым.

Он только почувствовал конек, но тут его время заканчивается, и мы уходим. На следующий день в «квалификации» видно по его прокату, что он еще в шоковом состоянии. Хотя даже делает четверной на новых коньках.

Уже пора объяснить читателю, что такое «квалификация» или «квалифайн». «Квалифайн» — это безобразная придумка ИСУ, для того чтобы укоротить жизнь спортсменам. Потому что они испытывают нечеловеческие нагрузки. Арбитры, как считается, не могут судить больше тридцати человек, а заявляются, например, тридцать шесть или тридцать восемь. Следовательно, требуется отобрать тридцатку. И никакого нет преимущества хотя бы у первой десятки, чтобы не участвовать в этом кошмаре, поскольку идет только лишняя трата сил и энергии. «Квалифайн» — это абсолютно ненужное мероприятие, бесчестное по отношению к спортсменам, имеющим мировые имена. Где еще такое увидишь: для того чтобы отсеять несколько последних, мучают первых десять.

Илюша выступает на одной ноге, чувствуя вторую в новом коньке довольно приблизительно, но я была уверена в

нем. Психологически очень тяжелое испытание: новый конек вызывает другие ощущения, а он уже настоящий мастер, очень тонко чувствует эту разницу. Короткую программу Илья исполняет чисто, выходит на первую строчку в мониторе, но к концу у первых трех почти одинаковое число первых мест, как, впрочем, и у вторых, и у третьих. Лидером становится Урманов, вторым — Элдридж, третий — Илюша, за ним — Стойко. Человеку невозможно разобраться, кто за кем, только компьютер при таком равном количестве мест одних опускает, других поднимает. Надо, как говорил мой папа, быть выше на голову, для того чтобы тебя ни с кем не сравнивали.

Но это еще придет, а сейчас все четверо достойны быть первыми, но и любой из них может оказаться четвертым. Перед произвольной программой — утренняя тренировка. На ней у Ильи не пошел четверной прыжок. Я не хотела, чтобы он его прыгал, но опять его упрямство: «Нет, я прыгну». А уже нельзя уйти, пока он не получится. Он прыгнул семнадцать раз и в результате перепрыгал ноги. Впрочем, ни у кого из четверки этот прыжок не клеился.

У Леши Урманова прыжок не получался, потому что Леша во время «квалификации» надорвал себе пах, но я об этом узнала позже, в то утро для меня травма Урманова оставалась тайной. Стойко не прыгал, а только настраивался, что абсолютно правильно и грамотно. Элдридж даже не пытался исполнить четверной прыжок, еще Леша Ягудин пытался его сделать, но тоже безуспешно. Бывают такие дни — не идет, и все тут. Проклинаю себя за то, что, пусть криком, пусть унижениями или оскорблениями, как угодно, не заставила его прекратить прыжки. Он все-таки четверной прыгнул, но эта «гимнастика» его добила.

Он, как нормальный, вечером вырвался на старт. Я стояла у бортика и искренне сомневалась в его успешном четверном прыжке. Как всегда, он вытащил первый стартовый номер, но беда в том, что еще не научился правильно начинать. Сколько я ему ни говорила, сколько его ни заставляла, сколько ни причитала: «Илюша, постой около меня, постой рядом. Не спеши на старт, не спеши, немножко побудь со

мной, что-то скажи, оглядись, успокойся. Сбрось напряжение, у тебя еще есть в запасе две минуты после объявления твоего выхода». Но он рвался поскорее начать, и не успели объявить его фамилию, как он, невосстановившийся, вылетел на четверной прыжок. Перед выходом я ему сказала: «Илюша, давай прыжок снимем, тогда ты чисто откатаешь программу». Он: «Нет, я буду его делать».

Я еще не знала, какой кошмар вокруг творится, какой обман мне готовится. Заметила перед началом, что в коридорах забегали, но я готовилась к Илюшину катанию и не обратила на эту суету внимания. Как я и предполагала, утренняя тренировка забрала столько сил, что он прыжок сорвал, а когда он вначале не прыгал, то всегда катался дальше плохо. Произошла такая энергетическая затрата, что слетели и другие прыжки, он докатывал программу, сделав массу ошибок. Слишком большой случился эмоциональный выброс, а если он идет впустую, то после нужно найти несколько секунд, чтобы опомниться. Но программу я так спланировала, что опомниться ему было негде. Программа сложная, без остановок, в одном ритме.

Но вернусь к тем минутам, когда я сидела в коридоре и видела, как бегают наш врач, суетится Писеев, носится Мишин, куда-то водят Лешу Урманова. Я понимала, что-то происходит, но не хотела в это включаться. Спросила один раз: «Что-то случилось?», мне в ответ: «Нет. Все в порядке». Урманов вышел на разминку, и боковым зрением — всегда же наблюдаешь за соперником — я видела, как он прыгает. И после того как выступил неудачно Кулик, снимается со старта Урманов. Нас никто не предупредил. А иностранцы уже знали, что Урманов отказался выступать, и могли строить свои программы из расчета, что сильнейший соперник выбыл. Иностранцы знали, а единственные, кто оказался не в курсе, — это мы, соотечественники. Я считаю это таким предательством, которое никогда не прощу и никогда не пойму.

Когда после соревнований ко мне подошел председатель НОК России Смирнов, я, конечно, с безобразными словами обрушила на него всю свою злость за нечест-

ность и несправедливость подобных действий. Не забыла я и Писеева. Тот, оказывается, еще с утра знал, что Леша снимется с соревнований, и не то что мог, обязан был меня предупредить. Прокатай Кулик без четверного свою произвольную, уберется бы от дальнейших ошибок — это все понимали. То, что четверной у него не шел, тоже все видели. И то, что конек был поломан за три дня до старта... Не пожалели... О какой после этого команде страны можно говорить? Вранье, что им дорога честь России, я в это никогда не верила, надо же, продумали заранее хитрость, по меньшей мере скрывать такое от партнера по команде — непрофессионализм, а по-настоящему — бандитизм. Отношение ко мне вылилось вот в таком гнусном обмане. Еще раз захотелось меня наказать, поставить на колени. Еще б секунда, и я бы с руководством российской сборной подралась, потому что за Илюшу я могла убить, тем более после такой подлости. Они не пожалели ни года из жизни этого парня, ни меня.

Ягудин, второй ученик Мишина, тоже выглядел неважно, но судьи уже работали на него, и он обошел Илюшу, став третьим. Элдридж упал, но остался вторым, Стойко откатался чисто и выиграл. Но неизвестно, каким бы был Стойко, если б чисто выступил Кулик? Неизвестно, как бы вообще это чемпионат сложился, если бы наших патриотов-руководителей волновало что-нибудь больше, чем мысль: только бы не Кулик. Только бы Тарасову не подпустить к пьедесталу. Наказать, за то что посмела заняться одиночным катанием.

Но самое главное, мы потеряли представительство еще одного одиночника на Олимпийских играх! Получилось, что на Олимпийские игры и на следующий чемпионат мира Россия имела право заявлять не троих, а двух фигуристов. Неужели они забыли про такое простое правило только ради того, чтобы обмануть меня? И ничего им за это никогда не будет, никто им не даст по шапке, никто не выгонит вон?

Тяжелую я пережила ночь, тяжелый наступил день, трудное начиналось время. Одолевали меня сомнения. По-

лагалось найти в себе силы слушать музыку, готовить программы на следующий сезон. В глубине души я все равно была уверена, что у Кулика есть шанс выиграть Олимпийские игры. Впрочем, я с самого начала в нем не сомневалась, я же заявила в интервью, что Илюша станет олимпийским чемпионом за год до Нагано. Там все черным по белому записано. Алексей Николаевич Мишин подтрунивал надо мной после чемпионата России уже 1998-го, олимпийского года. Говорил: «Кто же так раздает обещания? Вы не боитесь сглазить?» Не боялась я сглазить, я не глазливая, а верю только в большую работу.

Вернулись домой, посидели, сделали для себя выводы. Когда немножко отошли, начали слушать музыку. Илюше полагалось уезжать на тур, мы провели в Москве несколько тренировок. Он сам отобрал музыку к короткой программе. Он ее нашел давно, но боялся мне показать, вдруг я ее не люблю, вдруг она мне не понравится, а мы договорились, что музыка должна нравиться и мне, и ему, только тогда мы ее берем. Потому что если нравится одному, но не нравится другому, толку никакого не выйдет. Марина Нелова мне говорит, ты страдаешь оттого, что ты очень демократична со своими учениками, а они по молодости лет не могут это оценить. В действительности же со своими учениками я далеко не так демократична, но всегда старалась, чтобы они тоже стали участниками творческого процесса, тогда они будут лучше чувствовать, лучше знать, лучше понимать, что делают. Любая идея должна стать их идеей, а не моей, во всяком случае к тому моменту, когда они выходят на старт. Ведь на старт выходят они, а не я. Кстати, зачастую они потом не понимают, как много моего труда в рождение любой идеи вложено. Но это часть их биографии, а есть моя биография. Я же считаю свой прием правильным для достижения высшего результата. Конечно, я сама от своего правила немножечко страдаю, но все равно всегда добиваюсь, чтобы они чувствовали себя соавторами.

...Мы одновременно предложили друг другу музыку: я ему — к произвольной, а он мне — к короткой программе.

Он когда ее принес, то позвонил мне в ту же ночь: «Ну что? Ну что?», а я всю ночь не спала, всю ночь слушала. Мне музыка сразу понравилась, хотя и показалась несколько необычной. Я же выбрала «Голубую рапсодию» Гершвина. Он кричал: «Честно, честно? Вам понравилось?» — «Честно, мне понравилось». Я его в этой музыке уже видела, мне казалось, что и хореографически она может получиться интересной, хотя и не похожа ни на какую мне известную программу. Что возможно сделать из музыки, которая называлась «революшн» — Икара, рвущегося всегда ввысь? Историю человека, который не может выбраться из лабиринта, ему все время обрубают руки-крылья, а он хочет взлететь, — и он взлетает!

Программа, на мой взгляд, действительно получилась интересная, в ней он уже сам многое предлагал, даже придумал свой прыжок, который я назвала «кулик».

Был еще «кулик-волчок», и я думаю, что он когда-нибудь продемонстрирует свои изобретения, если у него будет нормально с ногой. Он и на туре взялся изобретать что-то новое и придумал интересный серпантин. Илюша эмоционально разучивал короткую программу. Еще до его отъезда на тур она уже как-то начала складываться. Я считала, что очень важно провести большую подготовительную работу, а потом отпустить его в турне. Там ему полагалось разрядиться эмоционально, сбросить с себя тяжесть неудачного сезона перед тяжелой работой, которую ему предстояло проделать.

Я позвала в Америку Леонида Моисеевича Райцина, Володя Ульянов приехал со мной заранее, и мы массируемо, втроем, навалились на одного Илюшу. Он тренировался упорно: повзрослевший, переживший обман. Не бывает законченных счастливых концов: раз — и все им досталось. Полагалось пережить поражение, полагалось пережить падение после большого взлета, после второго места на чемпионате мира. Тогда, два года назад, он еще не был готов к вершинам, еще повезло, что он не стал первым, тогда бы нам пришлось куда тяжелее. Я говорила ему: «Хорошо, Илюша, что ты не стал чемпионом, ты только на один момент оказался

лучше, когда все ребята что-то сорвали, но так не становятся настоящим лидером, внутри себя ты еще не готов к победам, ты еще не все умел, а вот когда ты всему научишься, тогда и победишь». — «А каким вы меня хотите видеть? — спрашивал он в то лето. — Таким, как сейчас?» — «Именно таким».

Он начал резко продвигаться вперед. Стал много прыгать, прыгать сериями, здорово работал в зале, выкладывался на стадионе. На катке Илюша не работал, он пахал. И по-моему, на третьем месяце таких трудов, глядя мне в глаза, сказал: «Получается». Теперь он мог помногу и подряд безошибочно прыгать, не срывая прыжки, те, которые раньше давались ему через раз. Все прыжки — и флипы, и лутцы — он мог повторять по три, по пять раз подряд. Таким образом на одной тренировке у него получалось до ста прыжков. Все без музыки, с разных заходов. Его функциональное и психологическое состояние позволило совершать эти чудеса, он научился концентрироваться и уже не позволял себе, как раньше, пропустить прыжок. Другими словами, прыжки были доведены им до автоматизма. Он работал точно по плану, катался сорок минут без остановки. Я хотела часть функциональной работы, посоветовавшись с Леонидом Моисеевичем, перенести со стадиона и из зала, где он поднимал большие тяжести, на лед. Глядя, как он сначала в мучениях, а потом с остервенением и, наконец, с таким удовольствием и с такой отдачей работал, невозможно было представить, что весь этот великий труд не выльется в результат. Илья повзрослел буквально на глазах, от взрослости и мужественности стал кататься откровенно мощнее. Передо мной на льду находился не мальчик, а взрослый человек. Подобное превращение меня более чем устраивало: сроки до Олимпиады поджимали, ему необходимо было становиться взрослым, так как на Играх сражаются мужчины.

Я думаю, что первая любовь, которая к нему пришла в конце предыдущего года, ему очень помогла. Она его окрыляла, она помогала ему жить на таком нерве, переносить тяжелейшие нагрузки. Я всегда за то, чтобы человек жил с

любовью. А тут отношения развивались серьезно, не просто так, понятно, что рушить такие чувства нельзя. Я видела — у него не обычное увлечение, а искренняя привязанность. Разные потом складывались ситуации, безусловно, он выдержал недовольство родителей, и, наверное, не только им, но и мной, потому что знакомство произошло в моем доме. Но для меня ничье неудовольствие уже не имело значения, я видела, как это чувство ему добавляет силы. Та француженка канула в неизвестность, будто ее не существовало никогда. Я и тогда ему говорила, что он ее имя забудет. Так и случилось, после чемпионата Европы они ни разу не встречались.

А у меня дома он познакомился с дочкой моей подруги Иры Люляковой — Машей Аникановой, девочкой, которая выросла, можно сказать, у меня на руках, которая у меня каталась, а потом выучилась на актрису, поступила в театр «Современник», снималась в кино и недолго была женой Жени Платова. Все оказались в одной компании. С одной стороны, рядом с ним его счастье, с другой — узел, который нелегко разрубился, хотя Женя и Маша уже несколько лет находились в разводе, но не так там было все легко и просто. И я, и Женя постарались не «раскачивать лодку», сохраняли спокойствие. Женя с Машей держались как настоящие товарищи, его не мучили никакие страсти и не очень раздражало происходящее. Ситуация больше нервировала Илюшиных родителей, Маша старше, чем Илья, может быть, родителей это волновало? Когда их роман перестал держаться в секрете, мудрая Марина Неелова мне сказала: «Разведут они тебя, Таня, с ним, разведут». Я спрашиваю: «Муся, кто, когда?» — «Никто, так, жизнь»...

Она так и не сказала, кто конкретно, просто «они». Они — значит все вместе, а жизнь действительно получилась непростой. Летом Маша прилетала несколько раз к нам под Бостон. Потом «Современник» приехал на гастроли в Америку, они вновь встретились. Она была с нами и перед Олимпийскими играми, я не считала это большим криминалом, тем более он так хотел. Нельзя же заставить

мужчину не принимать свою любовь. Мне, во всяком случае, было не под силу пресечь их встречи.

В один из дней я велела Илюше не пропускать тренировку, а сама уехала в поисках музыки для танцоров. К тому же я знала, что к нам приезжает на следующий день Саша Лакерник, надо было встретить в Нью-Йорке рейс из Москвы. Саша — судья ИСУ по одиночному катанию, его послал к нам Писеев посмотреть, нет ли нарушений правил в программе (за что, кстати, я Валентину Николаевичу благодарна). Что в ней нужно улучшить, что нужно усилить? Переночевала у друзей, днем поехала встречать Сашу. Поздно вечером добираемся до Мальборо, машина Илюшина стоит, а его самого нет. Тут же ко мне вваливается делегация: Оксана Грищук, Райцин. Я сразу: «Что случилось?», они мне: «Сядьте, Татьяна Анатольевна, Илюша на тренировке пробил ногу».

Он никогда бы не получил травму, если б я была рядом и внимательно за ним смотрела. Он въехал в чужой след, пятка попала в трещину и от резкой остановки Илья пробил себе левым коньком правую ногу. Сразу — в больницу. Зашивать. Пятнадцать минут, двадцать минут, тридцать минут, через час вывезли его, абсолютно белого. Я помчалась в больницу, смотрю, у него из ноги торчит огромный металлический штифт-спица, прямо из большого пальца. Врачи выходят, дай бог им здоровья, говорят: «Шесть недель штифт должен стоять».

А на дворе — август. Пять месяцев до Олимпиады. Правая нога. Он спит под наркозом, утром проснулся, я рядом сижу. Проснулся, на ногу смотрит, потом на меня: «Что?» Страшно ему: «Что? Сколько?» — «Шесть недель». Шесть недель — это со штифтом, а потом разрабатывать ногу надо, снова вставить на коньки. В общем, десять недель улетает. На первые соревнования, на первые этапы Гранпри не успеваем. А не участвовать в них, пропустить их в олимпийский год — это поставить на себе крест. Звоню в Москву, в Спорткомитет, спрашиваю, на какие этапы он еще может успеть. На всякий случай, чтобы заранее быть

готовой к какой-нибудь дате. Придумываем с Леней для Ильи работу, сажаем его на велоэргометр, два раза в день тренировки, через три дня пошли в зал. Он уже всю катушку на машине, правая нога на пассажирском месте лежит, левая на педалях, благо в американских машинах их только две. Заматываем как можем ему не только палец, всю ногу, потому что врач предупредил, не дай Бог дотронуться до спицы, а если сломаете, прощайтесь со спортом. Одеваем Илюше ботинок с отрезанным носом, отвинчиваем от велосипеда педаль, прикручиваем ногу прямо на место педали. Целую систему изобрели. Леня Райцин провел неоценимую работу, он не отходил от Ильи ни на минуту. Я торчала внизу, на катке, потом поднималась к ним в зал, составляла с Леней планы восстановления и развития.

Как-то за три дня до травмы он мне сказал: «У меня болит спина, не буду сегодня прыгать». Я ему: «Может, мышца заболела? У тебя спина давала о себе знать когда-нибудь?» — «Да, болела она у меня и раньше. И в прошлом году болела». Он и вправду прыгал много, но четверной тогда мы еще не трогали. Я говорю: «Илюшка, ты должен уже уметь и через силу, и на боли, но работать. Но если хочешь, уходи с тренировки!» — «Нет». Началась тренировка, он расходится, прыгает совершенно идеально. Я: «Вот видишь». — «Да, как-то прошло». А на самом деле он пересилил страх. И тут он ломается. На шесть недель.

Я уезжаю в Москву, мне нужно забрать костюмы, которые там шьются. Оставляю его с Леней на девять дней. Перед отъездом идем на прием к врачу. Доктор осмотрел Илюшу и сообщил, что заживление идет полным ходом. Илюша ездит на процедуры в больницу с Машей и с Володей. В зале он работает, как зверь, и Леня доволен, как Илья переносит нагрузки. Только он оправился от шока, я стала делать ему замечания, прежде всего: «почему опоздал?». Ввожу его в нормальное состояние, правда, это его раздражает, он хочет, чтобы с его травмой все вокруг носились. Мальчишка не понимает, что от поведения зависит скорость выздоровления, но мне это неважно, мы стараемся его воспитывать, но одновременно и помогать.

Я успеваю посмотреть московские прокаты. В Москве в сентябре тренировки сборной. Возвращаюсь, когда ему уже сняли спицу. Произошло это значительно раньше, чем бывает в таких случаях. Спицу сняли через четыре недели — это просто счастье. Но мальчик ведь неслух, он надевает новые ботинки. Ботинки, в которых он никогда не катался, тяжелые, не его, они тянут его вниз. У него очень легкие ноги, ему не нужны такие ботинки. Уговариваем его втроем: я, Володя, Леня, теряем еще одну неделю.

Прыгать он начинает почти сразу, как вынули спицу. Без меня он только три дня катался, ждал, пока я приеду. Как только сняли спицу, он тут же, как ненормальный, помчался на лед. Даже старые ботинки и те растеряют ноги в кровь, а тут новые, любая потертость может вызвать бог знает что. В конце концов уговариваю его перейти на старые ботинки, которые он не хочет видеть, потому что правый ботинок пробит. Произошел уникальный случай: ударившись в ботинок, конек прошел между блочками, прошел в тот единственный миллиметр, который не защищен. Такого просто не бывает.

Начинаем потихоньку снова готовиться к Олимпиаде. Пока без четверного. Он сразу, заметно, прибавляет. Со стороны кажется, что не боится прыгать. На самом деле и я, и он, мы оба боимся, но друг другу этого не показываем. Он начинает прыгать сериями, но до соревнований остается слишком мало времени. Я считаю, что первые два, может быть, три старта должны у него пройти без четверного прыжка. В Бостоне, в университете, проходят традиционные показательные выступления. Илюша замечательно исполняет короткую программу, конечно, не на сто процентов, но уже на девяносто, а это большое дело.

«У тебя огромный резерв», — без конца талдычу я ему. На тренировке после каждого элемента он вопросительно смотрит на меня: «Как?» Я опять: «Прибавь энергетики, сильнее заходи на элемент, чтобы все соки были из него выжаты». Заставляю его, плачу иногда, всхлипывая, кричу: «Как ты не можешь понять, что вращаешься не в полную мощь? Ты экономишь, ты экономишь свои силы». Придира-

юсь к нему по-страшному, зато выезды из прыжков стали ниже. На выездах уже получается красота.

Ноябрь. Поехали на соревнования в Канаду. «Скейт Кэнада». Стойко и Кулик. Естественно, участников собралось больше, но из асов — эти двое. Илюша хорошо слушался и хорошо слышал. Повзрослел. В выходной день прокатал целиком произвольную программу, и это стало традицией — показать всю без изъянов программу перед соревнованиями. Он выступил в короткой программе прекрасно. Правда, не сделал в ней аксель, все-таки махнул свою «бабочку». Такая досада, ведь катался прекрасно. И программа смотрелась, и зал покачнулся — «ах!», когда он сорвал прыжок. У Стойко короткая программа, сделанная точно на него и сделана очень здорово и мастерски.

У Илюши тем не менее оставался шанс. Нужно было только сконцентрироваться, что он и сделал в произвольной программе. В конце так обрадовался, что два прыжка — мимо. Такая меня разобрала злость, так было обидно. Осталась от прошлой жизни психическая неустойчивость, когда он сажал одни «бабочки» и славился этим. Неужели прежнее не изжито? Значит, надо эти рефлексy забивать. Надо работать над концентрацией. Но не хватает времени, сейчас другие задачи. Нужен четверной, нужно освободить время для восстановления четверного прыжка. Если б он его сделал в Канаде, то выиграл бы, но не смог, хотя и получил высокие оценки, а это тоже важно, так как на Гран-при присутствует пресса и собираются почти все профессиональные люди.

По большому счету я была удовлетворена: после такой тяжелой травмы он все же вышел на лед. На следующий день рано утром тренировка. Он стеснялся, что я все время рядом с ним: «Не надо со мной ходить. Сам приду и сам уйду». Я подумала, наверное, он прав, что же его так опекать, он сам с усами. Я пришла утром на тренировку, а Илюша проспал. И это — в день показательных выступлений.

Я была возмущена до ужаса, сидела одна на катке, а он спал. Встретила я его уже внизу, в дверях, он признался: «Я

проспал». Я высказала все, что полагается в таких случаях высказывать. Что сижу одна и смотрю, как нормальные люди тренируются, что не понимаю, как можно спать, когда нужно работать. Я этого не только не понимаю, но и не приемлю, профессионал не может себе такое позволить, и, скорее всего, при жизни я не дождусь, когда он им станет. А если дождусь, то наверняка сойду с ума от восторга.

Я не сомневалась, что он ошибется на показательных (Илюша на них исполнял свою короткую программу), и, конечно, он прокатал программу без каскада. Это было ясно как дважды два, потому что без тренировки чудеса не получаются. Профессионального ума-разума он набрался к концу своей спортивной карьеры. А тогда только-только усвоил некоторые правила, да и то не до конца. От того, «ты это понимаешь», до того, «ты это сделаешь», — всегда долгий путь.

Следующий этап Гран-при — Япония, там он тоже процентов на восемьдесят откатал программу. И тоже сделал «бабочку». Но стал первым, потому что на турнире не было его постоянных соперников — ни Стойко, ни Элдриджа. Из Японии — в Москву, на чемпионат России. Ягудин после короткой программы оказался первым. Илюша — вторым, что трудно назвать верхом справедливости. Урманов не выступал, но заявил о себе Плющенко. Илюшка здорово прыгал на тренировке четверной. Был злым перед произвольной программой, откатал ее «на ура», никто после чисто выступить не смог. Его просто не посмели оставить вторым.

Сразу после чемпионата России мы уехали на тур Гран-при в Париж. И там на пресс-конференции произошло интересное событие. Мне всегда твердили наши начальники, что первенство России — это отбор на чемпионат Европы и Олимпийские игры, на внутренних, и только на внутренних соревнованиях определяется лидер сборной страны. И вдруг в присутствии международной прессы выясняется, что, по словам Валентина Николаевича Писеева, у нас во всех видах программы уже известны участники Игр, кроме как в мужском одиночном катании. Поскольку от нас едут

лишь два мальчика, то вопрос остается открытым, так как они воодушевлены Плющенко, новым учеником Алексея Николаевича Мишина, кстати, очень способным мальчиком. Писеев рассказывает прессе, что среди мужских одиночных три равных претендента — Ягудин, Кулик и Плющенко. Я чуть со стула не упала. Только что я всем объясняла, что Кулик готовится к Играм, сейчас он доказал, что лучше всех в стране, что я не сомневаюсь, он выиграет Олимпиаду, на что Алексей Николаевич возразил, что некоторым тренерам не стоило бы заранее формировать мнение о своих учениках. И вдруг я слышу этот бред и с ужасом понимаю, что опять продолжается подковерная игра: «По мужскому одиночному катанию, — говорит Писеев, — мы будем определять состав на Гран-при, поскольку у нас сейчас три претендента на два места...» На подобную наглость и подлость ничего не остается делать, как только выигрывать.

Я возвращаюсь и рассказываю Илюше о происшедшем. Скрыть такое невозможно, все же показывают по телевидению, передают по радио, пишут в газетах. Где ни сиди, все равно слышишь, видишь, читаешь.

Гран-при стартует буквально через несколько дней после чемпионата России. Тренировки он провел изумительно, чем сразу всех напугал. В одиночном катании это приличное испытание — качественная тренировка у соперника. А Илюша на первой же тренировке сразу показывает несколько четверных прыжков.

Наконец короткая программа. Его любимый номер на разминках (это все от прошлой жизни) — погоня за прыжками. Но, как я теперь понимаю, именно так он выходит из стресса. Возможно, таким образом он избавляется от психопатства, которое обуревают всех на старте.

Публики — полный зал, я стою у бортика, тело у меня немеет. Он мне говорит: «Не волнуйтесь, я все сделаю». Я отвечаю: «Я уверена, что ты все сделаешь, у тебя другого выхода нет. И пойдешь отдохни, хватит прыгать, дурью маяться». Он выходит на короткую первый и — как часы: все прыжки, все элементы. Илья стабильно на жеребьевке вы-

тягивал первый стартовый номер, а первым выходить очень тяжело. Вот Грищук и Платов катались всегда последними.

Гран-при проходят без перерыва на заливку льда, там же всего по шесть участников. Поэтому сразу переходят к разминке перед произвольной программой. Напряжение нечеловеческое. Я сейчас все это вспоминаю, но уже не хочу дальше углубляться, потому что боюсь, что я с сердечным приступом упаду со стула. У меня сразу начинает болеть голова, как только я рассказываю про это соревнование. Опять на разминке «мимо сада городского», ни одного прыжка — традиционный его номер. Подъезжает ко мне: «Что вы посоветуете как тренер?» Я не могу сказать, что бы я ему посоветовала как тренер, но куда ему надо пойти, на языке у меня вертелось.

Но все же что-то я ему «как тренер посоветовала», он быстро отъехал от борта. В произвольной программе у него вдруг случился последний стартовый номер, и у меня появилась возможность понаблюдать за другими. Я редко хожу в зал, обычно смотрю соревнования по монитору. В последний момент думаю, можно снять у Илюши четверной прыжок, потому что заметила, как у Стойко бегают глаза. Слышу по аплодисментам, что канадец не прыгнул четверной. Говорю: «Илюша, есть варианты. Как ты себя чувствуешь? Может, программу облегчить?» Он: «Нет, буду прыгать, не волнуйтесь, сделаю». — «Я не волнуюсь, но сейчас нужен чистый прокат, только чистый прокат». Он: «Сделаем». Выходит и идеально прыгает четверной. Он здорово напугал меня на разминке, я все никак к его «забаве» не могла привыкнуть. В принципе, это, конечно, нехватка профессионализма.

Кулик первый, он обыграл Стойко, чемпиона мира. Меня все поздравляют, но со стороны соотечественников и граждан, коллег по команде, наблюдается легкое замешательство. Произошла великая победа, ее результат — зашатался непоколебимый Стойко. Я потом прочла, что писали у нас в прессе о турнире, с тех пор родные газеты не читаю. В основном утверждали, что Кулик выиграл лишь потому,

что Стойко упал, а Плющенко чего-то не сделал... Как объяснить, что Кулик выиграл потому, что победил, а не потому, что Стойко упал. Мало того что он выиграл, он опроверг мнение о непобедимости Стойко. Кулик стал первым у семи или девяти судей из десяти. Это называется «в одни ворота». И Гришук с Платовым победили, я была вся в цветах.

В этот вечер многие специалисты поверили в то, что Илюше по силам золото на Играх. Этот тур Гран-при — последнее соревнование перед Нагано, где пересеклись все лидеры. Теперь у одних чемпионат Европы, у других — Америки, Канады, теперь они вновь сойдутся только на олимпийском льду. В разном настроении фигуристы разъехались из Парижа. Элдридж, который гонялся там за четверным, но ни разу его не сделал, а падал, падал и падал. Ягудин, который тоже упал. И наконец, Стойко — дело же не в том, сделал ты прыжок или не сделал, дело в другом: вырос соперник, который может тебя победить, от этого рождается страх и появляется неуверенность. Но об этом не написал никто.

Перед отъездом — показательные выступления. Он на них вытворял, мягко выражаясь, ерунду. А я хотела, чтобы он всегда выступал блистательно. Поэтому, может быть, он потом и сказал мне: «Вы давили на меня».

Вернулись в Москву, я предлагаю: «Отдыхай три дня». — «Нет, три дня много». Начал волноваться, впереди чемпионат Европы. Я ему: «Еще лучше, если пять дней отдохнешь». — «Нет, я завтра позвоню. Вам что, лень пойти на тренировку?» — «Мне не лень, я могу сейчас, прямо с чемоданами на каток прибыть». Не послушался, не отдохнул как следует. Пошел на какое-то интервью, поздно лег спать, а на тренировку подниматься рано. Начал работать, все шло нормально, вдруг заболела спина. Она, конечно, заболела не «вдруг», а потому что он неслух по своей природе, потому что хотел больше, чем я ему давала, прыжков. А когда полагалось прыгать больше, хотел меньше. Любил сделать наоборот, хотя не терпел и моего отсутствия на тренировках. Я ему говорю: «Раз заболела спина, то надо от-

дышать». Нужны уколы, вольтарен и как минимум пять дней отдыха. Но тут он заявляет: «У нас в семье таблетки не пьют и уколы не делают», — с этим уже тяжело бороться. Я к врачу сборной, твержу, что нужно массированно браться за спину Кулика, а он мне в ответ: подождем, потому что Илюша его уговаривает не давать ему лекарства. Я понимаю, что сами по себе боли в спине не пройдут, а с каждым новым днем только усилятся. Короче говоря, принимаем и таблетки, делаем и уколы, только потеряв неделю. Устраиваю его в институт нейрохирургии. Там Илюша соглашается на уколы только потому, что выхода нет.

Я принимаю решение пропустить первенство Европы. Все «друзья» в один голос: «Испугалась». Чего же мне бояться, когда он первый? Похоже, и на европейском первенстве собирались устроить внутреннее соревнование. Я уезжаю с Платовым и Грищук на чемпионат Европы, звоню ему оттуда по восемь раз в день: как? что? Спина лучше, но не настолько, чтобы можно было говорить о полноценном катании. Леня Райцин с ним, Володя Ульянов с ним. Раз в день тренируется. Вот какая хитрая, говорят у меня за такой же больной, но уже моей спиной, не привезла ученика, чтобы борьбы избежать. Какая борьба? Я думаю только об Олимпийских играх, а они бог знает о чем. Звоню ему с чемпионата Европы: «Собирай чемодан и завтра вылетай в Америку, а там сразу иди к врачу, который лечил тебе ногу». Мы собирались тренироваться в Москве, все же от нас к Японии, где Олимпиада, ближе, чем лететь туда с Восточного побережья США. Но я подумала: к нам все время будут ходить на тренировки: смотреть, дергать, мешать. Будут интриговать, будут давить.

В клинику к американскому врачу все же я его привезла. И тут самая искренняя благодарность президенту НОК России Виталию Георгиевичу Смирнову и Валентину Николаевичу Писееву, приславших мне в Америку массажистку Тамару Гвоздецкую. Высочайшего класса профессионал, фантастические руки, мертвого может оживить. Итак, у него теперь американская клиника плюс Тамара. Через неделю боли в спине пропадают. Какое счастье, не болит!

Кто скажет, когда ехать на Олимпийские игры в Японию из Америки? Где найти человека, знающего, как лучше перенести акклиматизацию, не потеряв формы? У тренера эти ощущения построены на интуиции. Десятки раз я привозила своих учеников через часовые пояса вовремя только по внутреннему чутью. Я предполагала, что мы с Ильей приедем впритык к олимпийскому старту, но за две недели вижу: он излечился от травмы, все элементы восстановил — нужно срочно его везти в Японию, чтобы он полностью акклиматизировался. А я прилечу через два дня с Пашей и Женей, и мы начнем с ним тренировку.

Не хочет ехать. Тяжелый мальчик, тяжелый. «А зачем? Ну объясните». Объясняю, объясняю. Не только я ему объясняю, но и Маша. Наконец меняем билет. Мне же все ученики верили, никто во мне не сомневается, кроме него. Илюша, ты подумал? Подумал. Решил, что едет. Я его провожаю: «Илюша, сумку сам не носи, тяжелое не поднимай. Приедешь, как следует выплещись. Выйдешь на тренировку — только лед попробуй, как раз и я приеду». Я прилетела, встретил он меня в хорошем настроении. Но очень уж их много в Олимпийской деревне на одной жилплощади собралось. Крошечная квартирка, у всех ребят разное расписание, спать нормально невозможно. Мы его днем забирали к себе, он спал у нас в комнате. А жила я с Тамарой Гвоздецкой, Наташей Павловой и Жанной Громовой.

Он успешно проводил тренировки, а это уже полдела. В Нагано хорошей формой выделялся Элдридж. Я застала тренировку американца с четверным прыжком, и он его легко прыгал. Но через два дня Илюшиных тренировок четверной не прыгал уже никто, только он один. Ничего не делали лишнего, тренировки вымерены, двадцать пять — тридцать минут, мы уходили всегда раньше. Только чтобы он не выплеснул собранную внутри силу, чтобы только не терял ощущение своей мощи, координации. Молодец, он еще до соревнований свое золото выиграл.

Короткую программу, надо отдать должное, прокатали все хорошо. Но он стоял первым, Элдридж вторым, Ягудин третьим, а Стойко четвертым. Через день произвольная

программа. Вышел на разминку, как всегда прыжки мимо. Но хотя бы слушался, не спешил.

Начал свой первый олимпийский прокат и... прыгнул четверной! О, счастье! Теперь не только я одна, аплодируя ему на тренировках, понимала, что мальчик мой вырос, теперь все увидели, какой он гений! Насколько я знаю, иностранные комментаторы говорили, что у Кулика лучшая произвольная программа и лучший прокат за всю историю победителей Олимпийских игр. Выступать после него было трудно. Его оценки казались невысокими, но если бы он замыкал группу сильнейших, получил бы и не один раз 6.0. Но еще выступали соперники. Я, радостная, села ждать, плакала. Главное, что он смог, он в тройке, но как откатаются другие? Перепрыгать его было почти невозможно, он не оставил никому из соперников надежд на победу, но все-таки тому, кто не первый, можно немного баллов и подбросить.

Стойко, кажется, приехал с травмой, он почти не прыгал и мало появлялся на тренировках. Но произвольную программу сделал всю и тоже без заметных помарок. Только без четверного. Я видела, что он не мог, сойдя со льда, идти, наверняка болела нога. У Ягудина за день поднялась высокая температура, он уже не первое соревнование срывал, видно, пик его формы пришелся на начало сезона, как у Илюши в позапрошлом году.

Я смотрела все это по телевизору под трибунами, курила непрерывно. Вышел Эдридж, и тоже мимо. Илюша — олимпийский чемпион! Сбылось то, о чем мы мечтали. Он спросил меня сразу: «Вы таким меня хотели видеть?» Я сказала: «Сегодня — таким».

А завтра уже не было.

Поздравления, восторг невероятный. Я счастлива: я сделала такую большую работу. Вместе с ним и вместе с замечательной бригадой, с Леней Райциным, Володей Ульяновым. Осталось в памяти светлое утро следующего дня. Светлое оттого, что все это кончилось. Потом навалилась ужасная тяжесть. Я не помню такой усталости за всю свою жизнь. Я вообще радоваться не очень приспособлена. Прав-

да, в тот же день у меня выступали уже Грищук с Платовым, но я даже не пошла к ним на пресс-конференцию, они видели, я не то что идти, стоять уже не могу.

Мне хотелось отойти, отвлечься, я перебирала подаренные ему цветы — они завалили весь балкон, — сотни игрушек, которые фанатки бросили Илюше на лед. По примете цветы с концерта нельзя никому дарить, а он и игрушки всегда оставлял в гостинице. Я обычно ему их складывала и заставляла везти домой. Много раз я этим занималась, но тут на это у меня уже не осталось никаких сил, тем более в Москву летела я одна. Чемпионы и призеры отправились на показательные выступления в Токио. Впрочем, нет, из Нагано я не уехала сразу домой, мы с ним еще вышли на утреннюю тренировку. И тут он позволил себе во время тренировки ко мне не подъезжать, что оказалось для меня большим удивлением, а скорее — потрясением. Так на моей памяти он поступал с Виктором Николаевичем Кудрявцевым, когда посчитал, что тренер ему уже не нужен. Я пришла к нему в раздевалку и спросила, не сошел ли он с ума. Он ответил, что очень устал. Я сказала, что устала не меньше, причем больше всего устала от него, и не позволю с собой так обращаться.

В Москве я заболела, у меня начался грипп — организм все-таки был ослаблен. Даже не грипп, а какая-то зверская аллергия. Потом начались праздники награждения, вроде бы не до тренировок, я не ходила на лед, наверное, дней пять. Когда прошли торжества, мы собрались в Америку. Илюшу я отправила раньше, сама приехала через день. В Мальборо теперь уже заболел он. Как только пришел в себя, начал готовиться к чемпионату мира, хотя нелегко было ему собраться. Я очень сомневалась, что он способен выступить на чемпионате мира, и не ошиблась. Невооруженным глазом можно было наблюдать, что он не здесь, не на льду. Наверное, что-то происходило дома. Я не чувствовала его на тренировках, а он нервничал из-за своего плохого состояния. Снова заболела спина. Я стала вызванивать Тамару, та прилетела, вытягивала ему спину как могла, а он

все равно ее сорвал и тихонько плакал. Не осталось у него больше ни физических, ни моральных сил, чтобы справиться с болезнью.

Илья решил пропустить чемпионат в последний день. Уже сдали квартиры, собрали и упаковали вещи. Хотя не исключено, что чемпионат мира он мог бы без большого напряжения выиграть. После Олимпийских игр у всех «жилы порваны», без ошибок никто не катается, но не имело смысла рисковать: ему, олимпийскому чемпиону, предстояло ехать в длинное турне по Америке. Если на два дня наколоть его обезболивающим и выставить на соревнования, то можно сорвать спину на всю жизнь. Поэтому я не настаивала. Мы посидели вдвоем и хорошо поговорили.

Начали готовить новый показательный номер, несмотря на решение, что он будет выступать в турне со своей олимпийской произвольной программой. В своей безумной желтой рубашке, которая стала известна всему миру. Правда, насчет нее мне поначалу говорили, что это за стиль, что это за рубашка? Ему полагалось отработать тур с известной уже программой, она ему и давалась легко, и зрители хотели ее видеть. Но на всякий случай обязательно нужно иметь в запасе какой-то номер.

Я взяла музыку из «Паяцев», я видела в нем Пьеро. Работа над показательным номером не требует много времени. Это на Олимпийских играх полагалось прыгнуть восемь прыжков и все чисто, все с приземлением на одну ногу. У меня уже целый год висел для него костюм, специально на этот номер. Но в один из вечеров он пришел ко мне и сказал, что я не нужна ему. Я не нужна была больше этому мальчику, который стал олимпийским чемпионом.

Он мне сказал, что я давила на него, что ему со мной тяжело, что надоело терпеть и преодолевать и что еще полгода назад родители уговаривали уйти от меня.

Когда я его решила взять, то приехала к нему домой познакомиться с родителями. Неожиданно его мама мне сказала, что Илюша сложный мальчик и что у него трудный характер: «Я вас предупреждаю, он вас будет изводить,

если вы будете все время вместе. Не удивлюсь, что рано или поздно вы его не выдержите». Я ответила, что работала с разными выдающимися спортсменами и как-нибудь постараюсь найти к нему подход. Я тогда не поняла, к чему такие предупреждения. Однажды, когда я собиралась из Мальборо уехать, потому что он не слушался и не выполнял то, что ему полагалось выполнять, я позвонила в Москву его матери. Та сказала: «Я вас предупредила, что будет очень тяжело».

Но ведь были и прекрасные моменты в нашей жизни. Минуты редких человеческих проявлений. Илюша добрый человек, а для меня это важнейшая характеристика, я разное в своей жизни повидала. Но такую широту я редко встречала. Откуда в этом мальчишке, выросшем в стесненных материальных условиях, подобная щедрость? Он мне рассказывал, что мальчишкой идя домой с тренировки, зажмуривал глаза, проходя мимо киоска с мороженым. В детстве, особенно после тренировок, всегда хочется есть. А он зажмуривал глаза, для того чтобы пройти мимо киоска, не разглядывая витрину. Он говорил: «Я у родителей денег не просил, конечно, пятнадцать копеек на мороженое они бы дали, но я не просил, мы жили нелегко».

Он очень привязан к своей семье: к матери, к отцу, к сестре. Но любовь, которая у него случилась с Машей, их всех развела, включая и меня, потому что я занимала одну позицию, родители занимали другую. Может быть, у Илюшиной мамы возникла ревность, я много об этом думала, чуть ли не двадцать четыре часа в сутки, но не хочу делиться своими думами. Знаю только, что отняли они у меня не один день жизни.

В феврале 1997-го мне исполнилось пятьдесят лет. Илюша не представлял, что такое количество людей могут съехаться ко мне в Мальборо. Приехал Сеня Могилевский с женой. Прилетела из Франции Наташа Ульянова, из Москвы — Лена Чайковская, за ней — Виталий Мелик-Карамов. А сколько народу мне позвонили со всех концов света! Море цветов! И Наташа Бестемьянова с Андрюшей Букиным поздравили, и Климова с Пономаренко, все-все-все, кто не

смог приехать в Мальборо, присылали огромные корзины с цветами. Я неделю жила в розарии. У меня есть фотография, где меня за букетами в комнате не видно. А я далеко не Дюймовочка. Первый вечер гуляли дома, на другой день — в русском ресторане. Даже в Мальборо я сумела обзавестись друзьями, которые помогали мне там не скучать.

Илюша за два дня до моего юбилея влетел, как сумасшедший, ко мне домой. Такое выражение лица было только у Олега Табакова в фильме «Шумный день», когда он рубил шашкой мебель. Глаза его блестели: «Можно дарить подарки заранее?» Наташа Ульянова, жившая тогда у меня, сказала: «Конечно, можно». Я тоже разрешила. Он куда-то унесся, через полчаса вернулся: «Вот» — и вручает мне подарок. Я задохнулась: «Ой, дружок, ты мне подарок купил», начала потихонечку, потихонечку его разворачивать, мне так было интересно, это же первый подарок от него, до чего трогательно. И вдруг я вижу коробку из-под часов «роллекс» и невольно брякнула: «Ой, коробка из-под «роллекса», а он засмеялся: «Открывайте». Открываю и вижу, что там действительно часы. Это очень дорогой подарок, слишком дорогой подарок, и то, что он от него, делают эти часы не просто дорогими, а драгоценными. Потом я стала, конечно, визжать, стала его целовать. А он так сиял и так был счастлив.

Конечно, я нервничала, посоветовался ли он с родителями, ведь денег потратил уйму. Но потом, когда я его маме сказала, что Илюша мне подарил очень дорогие часы, и призналась, что мне, ей-богу, неудобно принимать от мальчика такой подарок, мама сказала: «Он сделал это от души».

Илюша хорошо со мной тренировался, иногда нервно, но хорошо. Нервно оттого, что характер у него адский и ему приходилось, в отличие от других, очень многое в себе преодолевать.

Но вот, наверное, что-то он преодолеть так и не смог. Иначе бы он никогда не сказал: «Вы на меня давили».

Конечно, я давила. Я не могла не давить. Я требовала, чтобы он каждый день уходил со льда домой не просто так,

а каждый день что-то приобретаю. Я всегда считала, что каждая тренировка должна проходить как последняя в твоей жизни. И ты все должен сделать так, чтобы подняться на одну ступеньку, на полступеньки, на четверть, в крайнем случае постоять на этой же ступеньке, но никак не опуститься назад.

Ему мои тренировки физически доставались нелегко, он огрызался, но я его понимала, потому что на него наваливалась нечеловеческая усталость.

Все равно он мне дорог, он милый для меня человек. Очень любимый и очень открытый. И я желаю ему счастья.

Прошло два года после того, как мы расстались. Меня кто-то спросил об Илье, я ответила и вдруг почувствовала, как у меня внутри будто лопнула струна. Без боли. У меня впервые не возникло никаких переживаний при воспоминании о нем, никаких. Теперь уже можно видеться и теперь можно быть друзьями. Трогательное чувство к нему прошло. Совсем. Я неожиданно поймала себя на этой мысли. А думала, что я никогда не смогу спокойно говорить о нем. Никогда.

Прощание с папой

Чем дальше папы нет, тем больше мне его не хватает. Такого сильного, такого могущественного, такого правильного. Истинный самородок, он так тяжело погибал, он так за эту жизнь боролся, так ее любил.

Я вместе со своим театром улетела на гастроли в Англию. В какой-то английский городок позвонила мне мама, и я в трубке услышала, что Галя, моя старшая сестра, плачет. Перед отъездом я договорилась с известным профессором-урологом из 67-й больницы, чтобы тот посмотрел папу. Этот врач наблюдал его последние два года, я не помню его фамилию, да и не хочу ее вспоминать. Именно он занес папе смертельную инфекцию синегнойного сепсиса. У папы дома стоял сложенный чемодан, он на чемпионат мира собирался, и я решила, чтобы ему там было полегче,

пусть профессор еще какие-нибудь лекарства ему пропишет. Не относятся у нас в больницах к старикам так, как полагается... Я уехала в день папиного визита к профессору, звонила домой еще с дороги до встречи с трупной. Дозвонилась из Лондона, как только он с Галей от врача вернулись. Папа мне говорит: «Дочка, я никогда больше к нему не пойду, он так со мной зверски обращался, и ты деньги больше не трать, он лекарства прописал все валютные, не покупай». Я ему: «Папа, для чего же мы работаем? Чтобы лекарства были». На следующий день я утром позвонила домой, а у папы температура сорок. Мама этого горе-профессора вызвала, он пришел, посмотрел папу, поставил диагноз типа: рассчитывать надо на Бога — и благополучно исчез. Ничего не сказал, не предупредил, что папу надо срочно госпитализировать. Температура ведь держится сорок градусов, естественно, она отражается на почках, отвезли бы папу сразу в госпиталь, его еще могли бы спасти. Утром мама к нему подходит, а у него на фоне этой огромной температуры случился микроинсульт. Когда я днем позвонила, он уже не говорил, показывал глазами, чего хочет. Привезли бы его к нам сразу, мы бы его вывели из такого состояния, говорили мне потом врачи в 1 Медицинском. Мама сказала: «Решай сама, в какую больницу положить». Я только приехала в Англию, но тут же снова в самолет и обратно в Москву.

Я верила врачам 1 Медицинского института, всегда сама лечилась у Абрама Львовича Сыркина, он меня спасал, когда у меня случился микроинфаркт после Олимпийских игр в Калгари. Абрам Львович меня наблюдал много лет, и я доверяла ему абсолютно. У них хорошая реанимация, правда, лекарства надо иметь свои. Папа находился в реанимации шестьдесят три дня, ему становилось то лучше, то хуже. Синегнойкемия. Мой муж в Германии покупал и пересылал в Москву какое-то редкое лекарство. Сперва папе его дал Сергей Миронов, врач Президента. Дал две упаковки. Отцу этот препарат вводился каждый день. Сделали и операцию в урологии, потому что начали отказывать почки. Подключили к аппарату, но снять его так и не удалось. Он уже не

мог сам дышать. Боролся из последних сил, но все реже и реже приходил в себя. Тогда, в мае 1996-го, закончился тот чемпионат, на который он собирался, но так и не попал. Я говорю: «Папа, милый, если б ты знал, что сегодня твой любимый отечественный хоккей проиграл». Рядом стояли врачи, и вдруг у него впервые за много дней появился осознанный взгляд, он глазами мне показывает что-то, все аппараты заработали, сердце застучало, он пришел в себя и с этой минуты стал понимать, что с ним. Он очень хотел выкарабкаться. Когда меня увидел первый раз в больнице, долго на меня смотрел, а говорить не мог. Он смотрел на меня, и я понимала, что он хочет сказать — теперь вся семья ложится на мои плечи, что он мне верит, он знает, если я приехала, все будет хорошо, иначе я сейчас же все переверну, всю больницу вверх дном. Он хотел жить, но потом в какой-то момент понял, что нет сил бороться. Мама к нему пришла, а он вырвал при ней все провода, показал, что не надо больше его мучить. Он продолжал находиться в реанимации, его состояние не ухудшалось и не улучшалось...

На мой взгляд, папа прожил и очень счастливую жизнь, и очень несчастную. Он успешно занимался любимым делом — а это всегда счастье, а несчастную потому, что он был недооценен. Всегда же хочется признания при жизни. Папа был поистине великий в своем деле человек, именно его ребята добились признания в НХЛ. Это его мальчишки там начинали, это он, пусть не впрямую, но их воспитал. Папа работал 24 часа в сутки, он, в общем-то, уже на пенсии со своей «Золотой шайбой» никому покоя не давал. К мальчишкам ездил полуживой, хромой, на костылях, но ездил, вначале вставал на коньки, опускался на колени, тренировал их, показывал своим примером, как нужно преодолевать боль. Ездил по Северу в настоящей бурке, и всюду сопровождала его старшая дочь. Галка ради него ушла с любимой работы в школе. Ушла ради того, чтобы отцу продлить жизнь. Меня же дома никогда нет, моя задача — зарабатывать, обеспечивать жизнь семье, а отцу в любом состоянии надо заниматься хоккеем, хотя сам он уже ездить не мог.

Галя — человек необыкновенной доброты, — я уже писала об этом в начале книги, повторю еще — жившая с двумя бабушками до самой их смерти, выхаживающая папу, потому что нашей маме тогда уже шло к восьмидесяти. Ухаживать за отцом очень тяжело, он своенравный, он все время хотел вырваться из-под опеки. Это же был очень сильный и здоровый человек. Отец мог хорошо выпить, мог всех расшевелить, любил наши домашние банкеты, любил моих друзей. Он так хотел жить полнокровной жизнью, что когда стал немощным, копил силы по нескольку дней. Лежал, берегся и все-таки раз или два в неделю вырывался. За ним заезжали его «мальчишки», он отправлялся с ними на хоккей, вырывался в баню, вырывался на торжественные мероприятия и дни рождения друзей. Врачи говорили: «Этого нельзя делать». «Этого нельзя, Толя», — говорила мама, она настаивала, чтобы он худел, соблюдал режим. А он хотел жить, как раньше, когда были силы, во весь опор.

Отец недоработал в большом хоккее. Как же могли в 56 лет заставить его уйти бесславно — человека, имеющего огромную народную славу? Такие люди, как отец, раз в сто лет рождаются. Раз в сто лет. Люди, любящие работать, понимающие свою профессию и знающие в ней больше, чем тысяча ремесленников от спорта, вместе взятых. А те мерзавцы, которые избавлялись от него, и сейчас выступают в каких-то передачах, а в них говорят, что Тарасов был жестоким тренером. Да они счастливы должны быть, что жили и работали при нем, что он к ним прикоснулся. Он всегда имел лучших спортсменов, и не только потому, что служил в ЦСКА, а армейский клуб имел привилегию забирать молодых спортсменов в армию. Отец не пользовался готовым, он ребят находил. Ездил в Сибирь, летал на Дальний Восток, был готов ради талантливого парня отправиться куда угодно. Любого мальчика, о котором начинали говорить, он сначала сам смотрел. Но смотреть — это мало, надо еще иметь глаза профессионала, многолетний опыт, мудрость и тренерский талант, чтобы увидеть, чтобы не пропало, призвать, привести в ЦСКА. А потом и кормить, и лелеять, и заставлять, и тренировать, и учить, и лишать,

и давать. Он все это делал, он пахал не для себя — для нашего хоккея...

Женя Мишаков, преданный отцу человек, скорбит и плачет по нему, он все помнит. И много их, которые помнят. С Юрзиновым на Олимпийских играх встретилась, он говорит: «Знаешь, Татьяна, чем дольше Анатолия Владимировича нет, тем он мне необходимей, тем я больше понимаю, что это за человек жил рядом с нами». Отец закладывал национальный хоккей, его традиции. Его могущество заключалось в том, что он придумывал, придумывал, придумывал и работал, работал, работал. Я помню, как отъезжающий в НХЛ Слава Фетисов приезжал к нам на дачу, чтобы получить от отца рекомендации. У папы же лежат тысячи исписанных листов — не востребованных, никому сейчас не нужных. А это колоссальная картотека физических упражнений... но никого это не интересует. Все сами очень опытные, что и видно по результатам.

Он недоработал, а мог бы еще десять лет тренировать ЦСКА, если бы его так не унижали. Но он гордый, и во мне это есть, я никогда не буду ни перед кем кланяться. И он никогда не просил, никогда не ходил по кабинетам. Поэтому начальники его ненавидели и ненавидят до сих пор. Даже мертвого ненавидят. Кто виноват, что он был сильнее, он был умнее и, что им абсолютно ненавистно, — он был честнее. Когда папа умер, его сбережения равнялись трем тысячам долларов, две из которых мы с Вовой ему подарили. Тысяча долларов — это все, что отложил за всю свою жизнь великий Тарасов. Двенадцать лет его не показывали по телевидению, четырнадцать лет он не печатался. Скрывали его от иностранцев, объясняя это тем, что он болен. Он не получил разрешения приехать в Канаду в день, когда его бюст установили в Музее хоккейной славы. И при этом он до конца карьеры был предан этому режиму и этому Отечеству. Только тогда, когда он ушел из большого спорта, Галя стала подсовывать ему запрещенные книги. Он стал их читать, — папа не мог отказать Гале — и ему делалось дурно. О сталинских репрессиях он не мог слышать, так ему становилось плохо. Он кричал на нас: «Антисоветчи-

цы!» Но как человек мудрый, окруженный нашими известными и талантливыми друзьями, то есть людьми уже другого поколения, он мучительно понимал, что происходит, стал впитывать иные взгляды. Он всегда много читал. Его любимый писатель — Чехов. Кажется странным, что у такого человека, как мой отец, любимый писатель — ироничный, негромкий Чехов? Разное в папе сочеталось, но при этом человеком он был удивительно цельным. И хотя со временем он не обзывал нас антисоветчицами, но всегда хотел работать только здесь, на Родине.

И лечила-то я его на свои, немножко помогал Спорткомитет. Помогала Федерация хоккея — тогдашний ее президент Валентин Лукич Сыч, царствие ему небесное, но почти все, что я в то время заработала, ушло на лечение и на похороны.

Этот день, этот ужас, когда умер папа, в ЦСКА — тихо. Бывший старший тренер сборной СССР, которого на этот пост рекомендовал мой отец, сумел отличиться. Я понимаю — он не крупная фигура, хотя и хороший тренер, я встречалась с ним на Олимпиадах. Не папиного масштаба человек, хороший профессионал и не более того. Не глыба, не явление, не открытие, таких тренеров у нас много в разных видах спорта. А уж в мире я вообще считать не буду... Лена Боброва, вдова Всеволода Боброва, работающая заместителем директора во Дворце ЦСКА, мне позвонила: «Как похороны?» Я ей говорю: «С отцом прощаться будем только на льду, там, где он полжизни отработал». Лена мне отвечает: «Таня, приходил Тихонов, это же теперь его Дворец (он как-то сумел сделать за гроши для себя аренду огромного сооружения на 50 лет), и сказал, что Тарасов в его Дворце лежать не будет». Я понеслась в ЦСКА, и это просто мое и его счастье, что мы не встретились, поэтому он сейчас живой и справляет юбилей. Какое счастье, что я его не нашла, иначе я бы уже сидела в тюрьме, а что было бы с ним — не знаю, но инвалидом я бы его сделала. Такая мерзость, мелочность и гадость. Для меня с того дня он не существует.

Я настояла — прощаться с отцом все-таки в ЦСКА. Работники Дворца подключились, Лена контролировала. Она и Сыч.

Как же страшно с любимым человеком на родной земле прощаться: знаменитым, незнаменитым... Я заказала цветы и, хотя после разборок с ЦСКА была почти в невменяемом состоянии, пришла в морг папу забирать. Вокруг него собралась вся больница, все, кто его лечил. Девчонки, которые его крутили и переворачивали каждый день и не допустили воспаления легких у такого тяжелейшего больного. Врачи Карпов и Сыркин, чудный доктор Майя Борисовна Печерская, все пришли. Он был их больной, трудный, очень трудный, но их. В этот день все цветы от мамы, от меня, от Гали украли нелюди — по-другому их назвать нельзя, — которые в морге работают. Не буду описывать, что я с ними сделала. Остался только веночек из двенадцати или пятнадцати гвоздик, и я его надела одному из работников морга в восемь утра прямо на голову. Так натянула на голову, что он кричал, чтобы я его больше не трогала, что через пять минут все будет готово. Все было украдено... это и есть состояние страны, в которой мы живем. Эти люди, которых она выродила за пятьдесят последних лет. Страшно. Мы так любим Москву, мы так хотим жить дома, работать дома, но страшно.

Прилетел из Германии Вова. Он поддерживал нашу маму, потому что ей с ним было легче. Я заказала ресторан, организовала прощальный церемониал. Вечером я почему-то заволновалась. ЦСКА выделило солдат, и те должны были сделать на льду настил. Мы заранее нарисовали план, как все должно выглядеть, где народ должен сидеть, где он должен проходить. Что-то мучило меня, после истории с Тихоновым и в армейском клубе я сомневалась. Но сперва поехала проверить, что сделано на кладбище. Надо сказать, что когда вопрос встал о захоронении, Лужков подписал бумаги в одну минуту, спросил только у меня: «Новодевичье или Ваганьковское?» Мы выбрали Ваганьковское. Я поехала на кладбище, шел десятый час вечера, июнь, светло. Никто меня не видел, как я вошла и вышла, и убедилась,

что могила вырыта. С Ваганьковского поехала с Галей в ЦСКА посмотреть, что там происходит. Мы вошли во Дворец и увидели, что не сделано вообще ничего... В итоге Лена Боброва, я и Галя сами таскали тяжелые деревянные настилы, таскали ковры, потом пришли помогать двое ребят из охраны Дворца, и к часу ночи мы подготовили зал. Теперь на настилах лежали ковры, все как положено. ЦСКА, таким образом, кроме как выделил зал, ни в чем больше не участвовал. Правильно Юра Рост написал: «Когда вынесли из ЦСКА Тарасова, там больше никого не осталось».

Собрались только папины друзья, но народу, получилось много. Прилетел откуда-то Саша Гомельский. Пришло много артистов: и Иосиф Кобзон, и Гена Хазанов. Папу любили, он же миллионам людей скрашивал жизнь, потому что хоккеей — национальное увлечение, а он своим трудом, своими фантазиями, своей любовью к этой игре добивался побед и поддерживал в народе то славное, что делает народ людьми. Жалко его, недоделал, недоделал. Семьдесят шесть. Если б он родился, работал и жил в цивилизованной стране, а не в той, где цветы воруют из гроба, он бы жил до ста лет. Здоровье у отца было огромное, единственное, что ему неудачно сделали — операцию по замене сустава, поэтому он с трудом ходил. Не свалился бы на нашу голову этот известный врач со своим синегнойным сепсисом, папа приехал бы с чемпионата мира и сел бы за свою рукопись. Он писал книгу, но не успел дописать. Папа мог, — если бы они его привлекали, — тренировать, консультировать хоккеистов и тренеров, которые, кстати сказать, многому у него бы научились.

И вдруг я почувствовала что-то неладное, нервы ведь оголены, и я ощутила в атмосфере что-то такое, на что раньше и не среагировала бы, какое-то легкое замешательство среди людей. Вот пришли мои ученики. Все-все, кто был в это время в Москве, все стояли рядом: и Наташа Бестемьянова, и Андрюша Букин, и Игорь Бобрин, и весь мой театр. Папины ученики собрались, пришел народ, который любил хоккеей, поэтому любил Тарасова. Но я ощущала ка-

кую-то тревогу, после речей Гомельского, Сыча, после того, как выступил председатель НОК России Смирнов, я кожей чувствовала: что-то не так! Подходит Лена Боброва: «Таня, не знаю, как тебе сказать, но сейчас звонили с кладбища и просили передать, что если ты не пришлешь пять тысяч долларов, то могилу рыть не будут». А я же ночью видела, что могила вырыта. Пяти тысяч у меня с собой нет, деньги почти закончились. Все, что осталось — шесть-восемь тысяч, — заплатили за ресторан, они ушли на поминки. Тогда я говорю: «Передай им, пусть не роют». Она: «Таня, это страшно». Я: «Все, едем». Но я-то знаю, что могила готова, правда, кроме меня и Гали, никто ее не видел, поэтому все нервничают. А я решила: если я не разглядела поздно вечером из-за своего тяжелого состояния, что глубины не хватает, значит, будем рыть сами. У меня здесь мои ученики, спортсмены, выроем и при папе. Возьмут лопаты и справятся за полчаса.

Когда мы приехали на Ваганьковское, могила была готова. Что за звонок, кто звонил?

Мне очень отца не хватает. Я теперь часто на Ваганьковское хожу. 23 июня, в третью годовщину, открыли памятник, автор — скульптор Александр Рукавишников. Я очень хотела, чтобы именно Саша памятник отцу создал, мне нравилось его надгробие Высоцкому. Мы бы поставили памятник раньше, в Федерации хоккея обещали помочь, памятники сейчас очень дорогие, но после убийства Сыча все заглохло. Только-только я выплатила наконец все долги за памятник и Спорткомитет мне частично расходы возместил, дал кое-какие деньги. Правда, подписали они бумаги после моего «шантажа». Мы шли, вернувшись из Нагано, на награждение в Кремль, и я у них спросила: «Вы помочь моей маме обещали, — мама проработала почти сорок лет в Спорткомитете, — вы же не мне на жизнь деньги даете». Мама — человек пожилой, она знает, что я зарабатываю тяжелым трудом, но она не сомневалась, что бы ни случилось, пусть уйдут все мои деньги, но памятник я поставлю.

Я счастлива, оттого что смогла за эти годы заработать так, что не только достойно похоронила отца, но и сделала ему памятник. Но как же выглядит Спорткомитет, как он смеет противопоставлять себя Президенту? Ельцин прислал маме и семье теплую телеграмму и велел «все должное воздать Тарасову...». И буквально в Кремле перед награждением за Олимпийские игры, где у моих спортсменов две золотых медали из девяти завоеванных олимпийцами России, я спросила о памятнике. Мне сказали: «Подпишем, подпишем». Я ответила: «Нет, или вы сейчас подпишете, или я обращусь за помощью к Ельцину». — «Ты что, с ума сошла? Там вообще об этом нельзя говорить». — «А я специально для вас это спрошу». В конце концов, эти десять тысяч долларов я бы сама заплатила, но совесть же надо людям иметь, я же видела, как они живут на Олимпиаде. Десять тысяч — четвертая часть нужной суммы, памятник стоил сорок тысяч долларов. Но я требую, чтобы люди отвечали за свои слова. Участия Спорткомитета хотела наша мама. Мне они сказали: «Ты только там вопросов не задавай, мы тебя очень просим. Мы тебе обещаем, как только прием у Президента кончится, сразу подпишем бумаги, выделим на памятник четвертую часть». «Четвертая часть» человеку, благодаря победам которого они и занимают свои места, пусть останется на их совести. Четвертая часть, конечно, это страшный урон для миллионов долларов, лежащих в далеких заморских банках.

Я прочла написанное раньше и поняла, что неправильно выразилась. Операцию нельзя назвать неудачной, думаю, что папа как следует не разработал ногу. Он ленился, он тучный человек, ему упражнения давались с большим трудом, вот он и запустил ногу. Тяжелая операция по замене сустава шейки бедра у отца проходила в Канаде. Его пригласили канадцы по собственной инициативе и за свой счет, они сделали эту операцию, потому что видели, как на их глазах человек погибает. Еще отцветала советская власть, я ходила в Спорткомитет СССР, тогда его возглавлял товарищ Грамов, и умоляла спортивного министра. Я сказала, что у меня есть какие-то деньги, я очень вас прошу,

можно я поеду с отцом или пусть мама с ним поедет, мы боимся его одного отправлять. Тогда прошли какие-то Олимпийские игры и мне дали премию за учеников — четыре тысячи долларов. Но существовал запрет на поездки за рубеж семьями. Наверное, боялись, что если я поеду с папой, мы вдвоем так с ним в Канаде и останемся, организуем школу Тарасовых и практически весь мир будем тренировать — и хоккейный, и фигурного катания. Мне выехать так и не разрешили, не дали возможности и матери поехать с отцом, а папа боялся в больнице, тем более за рубежом, долго оставаться один.

Мы страшно нервничали, ему первый раз в жизни кололи после операции наркотики. Он мало что понимал, находился в состоянии опьянения, а никогда подобного не испытывал. И не любил, когда у других язык заплетался. Отец мог выпить в компании, но пьяным его не видели, он был сильный, могучий человек. Когда мы стали ему названивать из Москвы, он просил, чтобы кто-нибудь к нему приехал. Но ни под каким соусом нас не отпускали. Я не только на коленях в Спорткомитете валялась, я и в ЦК партии ходила. Не выпускают, и ничего тут не поделаешь... А как он там один? Кто за ним ухаживает в послеоперационный период? Он же ни слова по-английски не знает. Канадцы и так сделали большое дело: взяли его, привезли к себе, провели операцию, никто за нее не платит, но тут своих прошу: дайте мне за свои деньги к отцу выехать. Нет, не разрешили.

Мы ему звоним, он мне жалуется: «Таня, мне что-то колют, голова кругом идет, я какой-то сам не свой, забирай меня скорее отсюда». Из-за этих лекарств он растерялся, ощущал себя брошенным. Поэтому на десятый день и попросил, чтобы его из госпиталя выписали. Его посадили на самолет и привезли обратно в Москву. Даже Гале не разрешили за ним поехать в Канаду. Просто злодеи.

Я всегда говорила, что начальники одинаковы во все времена. Когда я вхожу на таможню, хотя я в жизни не провезла ничего запрещенного, я даже не знаю, чего я не имею права провозить, все равно меня точно так же, будто я вхо-

жу в кабинет к любому начальнику, начинает бить дрожь. Мне дурно, я не могу долго находиться ни в кабинете, ни на таможне. Я не могу слепо подчиняться, я не могу общаться с начальниками любого ранга. Они замешаны на одной крови, они все бессовестные. Все, абсолютно. А человек, у которого нет совести, может совершить все, что угодно. Самый простой пример: так отнестись к моему отцу, великому тренеру, по чьим книгам учились лучшие специалисты в мире.

Отец никогда не жил так, как жили и живут они. Он с мамой и с двумя дочерьми — в двухкомнатной квартире всю свою жизнь, пока мы не выросли. У нас дача — слезы, а не дача. Несчастный финский домик, который родители выбрали в 1973 году, домику уже тогда перевалило за двадцать лет. Приобрели, когда папу «ушли» с работы и ему надо было чем-то заниматься. Он решил переключиться на дачу. Купил развалюху и никогда не имел средств, чтобы вместо нее построить нормальный дом. Вся красивая жизнь заключалась только в том, что у папы всегда была «Волга», это его ноги. Но когда он последний раз собрался взять новую машину, тут поменялись деньги. Он считал, что ему не должны продавать по новой цене, то есть в десять раз дороже. Я пыталась остановить его: «Папа, уже все». Он шумел: «Как они могут такое сделать со мной?» Я ему: «Папа, они сделали это с тысячами, с миллионами людей. Ты уже сам купить машину не сможешь. Возьми у меня деньги». Но разве его уговоришь: «Я работал всю жизнь, и у меня самого есть деньги на машину». Я опять: «Папа, она уже не стоит столько, сколько раньше, а в несколько раз дороже». Он: «Нет, я у тебя денег не возьму, они со мной такого не сделают». Он страшно оскорбился, звонил в Министерство обороны, был просто вне себя, никак не мог понять, почему деньги, которые он столько лет откладывал, вдруг ничего не стоят.

Все, что делалось в последние годы, начиная с отлучения его от хоккея, все это выбило его из колеи, но больше всего — нога. Он охромел, но ходил, заставлял себя ходить. Мама все время: «Толя, ходи. Толя, ходи. Толя, не садись».

Он полюбил долгое чтение, он полюбил то, чего не признавал раньше — постель, я ему купила мягкую широкую хорошую кровать.

Счастливы, наверное, люди, с которыми он соприкасался. Хотя папа был конфликтным человеком. А конфликтный человек если уходит, то уносит с собой свою профессию, потому что он в своем деле понимает больше всех на свете. И не позволяет туда вмешиваться никому: ни журналистам, ни коллегам, ни спортсменам. Отец знал, куда он ведет свою команду и почему он именно так их ведет. Он был, конечно, советский человек до мозга костей. Верил в советскую власть, в непогрешимость системы, при том, что ничего от нее не имел, впрочем, ничего у нее и не просил. Но в конце концов он сказал моему Вове: «Забирай Татьяну и уезжайте».

В 1998 году ему бы исполнилось 80 лет. Мы позвонили в федерацию, там уже новые президенты, они сказали: «Восьмидесятилетием Тарасова мы заниматься не будем». Им и не пришлось заниматься. Все телевизионные компании так или иначе, но откликнулись на это событие — 80 лет со дня рождения великого русского тренера. Это они там, в своих федерациях, временные, эти ничтожества с профессией «начальник». А отец — на все века. Остались от папы книги, осталось честное имя, остался его хоккей. Тарасов был, есть и будет. Что останется от них? Украденные деньги? И они заранее говорят, чтобы их не утруждали с восьмидесятилетием Тарасова. Они утрудились, а я не устала. Я позвонила во все компании, и все, включая «Времечко», ответили, что с удовольствием скажут несколько слов об отце, точнее, не о моем папе, а о выдающемся Анатолии Тарасове. И люди, которые любят хоккей, две минуты вспомнят о его успехах, от которых идет дрожь по всему телу, и еще раз порадуются, что жил такой замечательный тренер, отец русского хоккея, великий его создатель и организатор. Бессребреник, не лгун, честный до полусмерти и очень сильный. Честный и сильный — два понятия, которые никогда не были в цене в родном государстве.

Они все возникают одинаково. Сперва звонят, когда им тяжело. Они почему-то не сомневаются: я им помогу, я умею. Они клянутся, что только в меня и верят. В какой-то момент, безусловно, это так, скорее всего в критический, для них в последний.

Жизнь действительно доказывает, что я всегда исхитрюсь и что-то придумаю. Но только на пределе человеческих возможностей получается результат в спорте. Я врубаюсь со всей своей дурацкой мощью в них, въезжаю, тараню и тяну за собой...

Я работала в Москве с Куликом. Ноябрь, 1996 год. Сидим дома, готовимся к чемпионату России. И в один из этих ноябрьских вечеров раздался звонок, мне звонил Женя Платов...

С Женей я знакома буквально с самого его детства и своей молодости. Когда-то со своими орденоносными учениками: Родниной, Зайцевым, Моисеевой и Миненковым я торжественно открывала каток в Одессе. Тогда Женя Платов, совсем карапуз, только вставший на коньки, вручал нам цветы, а я почему-то запомнила этого мальчика. Потом я в течение многих лет приезжала в Одессу на этот каток и сидела там на сборах по девяносто дней в году. Естественно, в Одессе у меня завелись близкие друзья, через них я познакомилась с Жениными родителями. Работал с маленьким Платовым такой Боря Рублев, царствие ему небесное, хороший тренер, который создал пару Крыканова — Платов, ставшую чемпионами у юношей. Я по возможности старалась Рублеву помогать, пускала к себе на лед, чтобы его ребята с моими подкатывались. Брала их с собой то на сбор в Запорожье, то на показательные выступления куда-нибудь по стране. Брала их еще совсем маленькими. Мы с Борей дружили, и я была рада ему хоть чем-нибудь услужить. Вот почему я Женю знала не только с самого детства, но и наблюдала за всеми его победами. Потом он выпал у меня из виду, я ушла из спорта, он перешел тренироваться к Наташе Линичук, его дуэт с Крыкановой распался, Женя

начал кататься с Оксаной Грищук. В то время я была занята театром и не помню этих подробностей.

Я, естественно, видела становление Платова с Крыкановой, как они достигли звания юниорских чемпионов мира. Их любила Одесса так, как, мне кажется, Америка любит баскетболиста Майкла Джордана. Гордо шел по трибуне одесского Дворца спорта красивый папа-моряк Платов — он капитаном плавал за границу, а рядом с ним шла красавица-мама. Весь зал глазел на них, и эта картинка у меня перед глазами.

Когда Климова с Пономаренко пригласили меня работать с ними в олимпийский, 1992 год, я впервые за много лет увидела Женю уже на Олимпиаде. В Альбервиле он вместе с Оксаной занял четвертое место, и катались они очень хорошо. Но я была поглощена своими питомцами, только отметила, что пара Грищук — Платов совсем не дурна. Начинали они у Наташи Дубовой, а уже потом перешли к Линичук. Оксана, ставшая потом Пашей (объясню, как это произошло, позже), выросла в группе у Линичук, Платов же долгое время тренировался под руководством Дубовой, которая их и объединила в пару. Потом у них что-то в дуэте произошло, они на какое-то время расстались. Потом они оба не поехали с Дубовой в Америку, остались дома и тогда же очутились у Линичук. Самое интересное, что я узнала в то время о Платове, что он женился на Маше Аникановой, дочке моей подруги Иры Люляковой. На той самой Маше, о которой я уже рассказывала в главе, посвященной Илюше Кулику.

В 1994 году в Лиллихаммере пришла к Грищук — Платову первая олимпийская победа. Я тогда тоже оказалась в Норвегии и помню, как сейчас, их выход на тренировку. Вся такая славная точеная Грищук с большой грудью и с умением себя показать. И элегантнейший, умнейший, тончайший Платов, которому в силу перечисленных достоинств трудно было подобрать достойную партнершу, Женины мастерство и элегантность казались безграничными. Всегда специалисты говорили: «Платов, Платов, Платов», не упоминая партнерши. И может, впоследствии этот комп-

лекс, который невольно выработался у Оксаны, заставлял ее твердить без конца: «Гришук, Гришук, Гришук». Не сомневаюсь, что это невольное принижение сыграло определенную роль при становлении ее и характера, и ощущения себя. Она без протеста пыталась всем доказать и в первую очередь, по-моему, ему, что она «Гришук!», что она не менее заметная фигура, а если точнее, что именно она — лучшая в дуэте. Надо отдать ей должное, действительно у нее фантастическая поворотная техника. Хотя я уже не застала ее в том периоде, когда она хотела работать жадно, много и самозабвенно.

...Но вот раздался звонок, Женя Платов звонил из Америки, что явилось для меня совершеннейшим сюрпризом, я крутилась на кухне, готовила мужу обед. Он сказал традиционную фразу: «Татьяна Анатольевна, мы пропадаем». Тогда впервые прошли новые соревнования, где профессионалы встречались вместе с любителями, и они их выиграли. Или звонок был еще до соревнований, которые, по-моему, проводились в Бостоне. Женя продолжает: «Нам тяжело, мы в одной группе с Овсянниковым и Крыловой, Линичук все свое внимание отдает только им, нас не замечает...» Мне не очень нравится такое слушать: «Женя, а мне ты зачем звонишь?» — «У нас нет никакого выхода, тренер говорит, чтобы мы закончили, а мы хотим еще выступить. У нас хорошая программа, но не сверстана, и оригинальная с нарушениями. Мы пропустили массу стартов, в нас не верят. А мы хотим выступить на третьей Олимпиаде, возьмите нас, пожалуйста». Я в ужасе: «Женя, господь с тобой, я же взялась за одиночное катание, и у меня Илюша забирает все время. Я не представляю, как я вас возьму. Потом, я не хочу тренировать танцы, я от них устала». — «Татьяна Анатольевна, я вас прошу, подумайте». Я ему обещаю, что подумаю. «Вам позвонит Гришук через полчаса, она тоже будет вас уговаривать. Вы не отказывайте нам, ради Бога, на нас поставили крест, а мы очень хотим кататься дальше». Им объявили, что пора уходить в профессионалы. А они не хотят в профессионалы, они хотят еще два года выступить на чемпионатах мира, они хотят выиграть вто-

рую Олимпиаду. А вторые золотые олимпийские медали никому еще из танцоров не удавалось выиграть, даже легендарной Пахомовой.

Не каждый день бывает, чтобы такие выдающиеся спортсмены, — а они доказали, что безусловно выдающиеся, пройдя три Олимпиады (одно это уже уникальный результат), став двукратными олимпийскими чемпионами, такого результата нет ни у кого — просят к тебе... Через двадцать минут позвонила Грищук, клялась, что будет меня всегда слушаться: «Все говорят, что у меня ужасный характер, но я буду стараться. Ради Бога, возьмите нас, чтобы мы не бросили спорт. Линичук любит другую пару». Что, наверное, чистая правда, ревность всегда существует в группе. И я понимаю и тех и других. И тренеров понимаю, которые влюбляются во вторую молодую пару, понимаю и тех, кто лишился тренерской любви, пройдя огромный путь вместе. Я знаю эти чувства, я их пережила сама.

В Цегербурге шел турнир серии Гран-при, я позвонила туда Чайковской, чтобы посоветоваться с ней. Лена тогда занимала пост гостренера. Чайковская мне сказала, что у Линичук отношения с парой очень плохие. Оксана — тяжелая девочка, но она и он настоящие таланты и нельзя допускать, чтобы они заканчивали карьеру в любительском спорте. Лена говорила с позиций государственных. У нее точный расчет: если допустить внезапный уход лидеров, то канадцы съедят нашу вторую пару, а в интересах сборной страны, чтобы Грищук и Платов катались дальше. «И как этого не понимать, уму не постижимо, — возмущалась Чайковская, — какая нужна от меня помощь, я всегда помогу, берись». Слово свое Чайковская держала, были тяжелые минуты, я к ней обращалась, она помогала. Не говоря уже о том, что мы начали работать с этой парой с ней вместе, она приходила ко мне на тренировки, и в четыре руки мы доводили Платова и Грищук до чемпионата Европы.

Я повесила трубку, поговорив с Чайковской, наверное, часа два. И решила, все равно надо подумать, но не успела отойти от телефона, как он начал тут же разрываться. Они, оказывается, звонили мне каждые десять минут, ждали,

когда освободится телефон. Звонили, плакали. Я совершенно не могу вынести, когда выдающиеся спортсмены плачут и просят решить их судьбу, не выгонять их из любимого дела, а оказать им ту помощь, которую я призвана оказывать, поскольку у меня есть для этого знания. Так они звонили мне двое суток подряд. И я сказала «да».

Но все же выдержала назначенные двое суток и им сказала: «Вы можете приехать. Можете приехать, я вас посмотрю». Стоял уже декабрь, а в декабре месяце брать людей — это смерти подобно. Согласиться на новую пару — серьезный шаг. Во-первых, я прибавляла себе ежедневно четыре часа работы, а из-за этих четырех часов голова раскалывается пополам, а сердце просто разрывается.

Потом я не раз жалела, что взяла их, я не представляла, с кем связываюсь. Истерики у Оксаны оказались регулярные, каждый день без перерыва. Они могли измотать любого здорового человека, я к таким; прямо скажем, не отношусь. Но я уже их взяла и обязана была за это отвечать.

Я не подписала с ними никакого контракта, никакого договора. Теперь я вспоминаю, что они должны были уезжать на соревнования профессионалов с любителями. Откуда в Москву они, олимпийские чемпионы, чуть не приехали вторыми, но все-таки зацепились и в результате стали первыми.

Было ясно, что на чемпионате страны их решили менять, убирать с первого места. Перед чемпионатом России они послали в Спорткомитет письмо, где известили, что возвращаются домой и будут тренироваться у меня, а Чайковскую как сотрудника Спорткомитета они просят им помочь сохранить их для Олимпийских игр.

Наконец они приехали в Москву показываться. Ксанка очень нервничала: «Ой, я вас боюсь». Я ей: «Да ты не бойся, ты же не на льду». Льда действительно не было, но и зала тоже нет. Знакомство проходило в «Олимпийском», а там нет балетного зала. И на полу в коридоре олимпийские чемпионы показали свой произвольный танец. Мне он понравился. Они сказали, что положили на него много труда, с ними в Америке работал балетмейстер. Показали ориги-

нальный танец, недоделанный и с серьезными нарушениями. Тренировались они, по их словам, одни. Впрочем, и по программе было видно, что она делалась самостоятельно. У Жени прооперированная ранее нога опухла до такой степени, что он не мог на нее ступить. Они рвались в бой, хотели выступать на чемпионате. Но первым делом я послала Женю к нашему врачу. Как потом выяснилось, Платову всегда нужны были сутки, а то и двое для того, чтобы колено восстановилось после перелета. Он брал себе авиабилет в бизнес-класс, доплачивал только для того, чтобы держать ногу в прямом положении. И все равно требовалось двое суток для того, чтобы она стала рабочей. Впрочем, ему в тот раз с ногой повезло, что они из-за нее не выступали, потому что Чайковская потом нашла в их оригинальном танце еще два тяжелейших нарушения. Я не понимала, как такой потрясающий танец можно неправильно разложить по рисунку, тем более с грубейшими нарушениями? Как Линичук собиралась выпускать их на соревнования? То есть их заведомо и сознательно готовили на проигрыш.

Времени оставалось немного, я сама дергалась, что если мне не понравится их произвольный танец или он будет еще хуже — неинтересен, взяв их, я могу их только погубить. Слова Оксаны: «Я так волнуюсь, вы на меня так смотрите внимательно, что я вся трясусь», у меня до сих пор в ушах. «Я боюсь, что вы меня не возьмете».

Но вернусь вновь в коридор «Олимпийского», где они под музыку нам с Володией Ульяновым показывали свой произвольный танец. Ничего сверхъестественного в таком показе нет. Нормальная работа танцоров, во всяком случае для меня.

И вдруг чуть ли не с первого же такта я поняла, что мне нравится их танец, что в нем найдены новые пластические возможности, необычная хореография. Мне сразу стало интересно. Я всегда органично веду себя, никогда не хитрю (дипломат из меня никакой), прямо там же в коридоре я заорала: «Ой, мне нравится, мне нравится!» Они тут же приободрились, но она все равно меня пугалась и шарахалась от меня немножко в сторону. Потом мы отправились на лед

смотреть их оригинальный танец. И когда я увидела эти злополучные петли, то позвала Чайковскую. Лена хорошо знает правила, я последние годы от танцев отдыхала. Спрашиваю: «Лена, мне кажется, что это нельзя, за это будут снимать баллы». Чайковская: «Надо срочно переделывать».

В это время всюду идет чемпионат России, а у меня на нем выступает Кулик. Времени свободного нет. Я им объясняю: «Нужно тут поменять, а тут по-другому разложить элементы». Объявила, что буду занята день, потому что у Кулика произвольная программа, вы сами, пожалуйста, разложите элементы по другому рисунку, вот здесь сделайте остановку, вот здесь поворот. Они отправились самостоятельно работать. По два раза в день тренировались на СЮПе. Я не появлялась два дня. Наконец Кулик выиграл, и я договорилась с администрацией катка в Сокольниках, что займу его на ночь. Попросила остаться радистов, сказала, что сама их отвезу домой. Они ко мне относились с большим уважением, и замечу, что у меня с рядовыми работниками, в отличие от начальников, всегда складывались хорошие отношения. Они мне расчистили лед, включили за полночь музыку, а это в наших условиях может быть только от большой любви или большого уважения. И всю ночь, с десяти до четырех утра, мы переделывали оригинальный танец. Той ночью в Сокольниках мы вместе начали путь к Олимпиаде.

Пока доводили танец до ума, мы с Наташей Ульяновой потеряли счет времени. Они катались потрясающе, с азартом, на лету ловили наши замечания. Танго они показывали изумительно: строго, зло, классно. Настоящее аргентинское танго.

Танго они готовили, пригласив профессионального танцора-аргентинца, и это оценили не только специалисты, но и обычные зрители. Но специалисты еще могли отметить, что только этот дуэт имеет такую филигранную феноменальную технику.

В ту же ночь мы начали работать и над произвольным танцем. Конечно, ничего не успели, но все же как-то его раскачали. Люди над произвольной программой работают

по полгода перед тем, как ее вынести на суд зрителей, а тут какой-то мгновенный эксперимент. Через несколько дней мы всей компанией отправились в Японию: и они, и Илюша — наши первые общие соревнования. Елена Анатольевна Чайковская тоже полетела в Японию. Илюха там всех победил. Гришук с Платовым, еще на тренировках поразили изысканностью своего произвольного танца. Катались они в Японии здорово, но на оригинальном танце Женя упал, уж очень много они насовали в свое танго витиеватых элементов, вот и зацепились коньками. Но для оценок падение не имело значения, они все равно стояли первыми.

А в Москве, в Спорткомитете, в это время стали поговаривать, что Гришук и Платова надо лишить права участия на чемпионатах Европы и мира, за то что они ушли посреди сезона от своего тренера. К тому же они не прошли отбор в команду на чемпионате России. И подобное в адрес действующих чемпионов мира и олимпийских чемпионов!

Да, я чуть не забыла, что по дороге в Японию они еще заехали в Гармиш-Патрихен, там по контракту им полагалось участвовать в показательных выступлениях. Заодно мы договорились, что в Германии они впервые продемонстрируют произвольную программу, что Женя и Оксана честно и сделали. В Японии нам устроили первую подсечку. Кюнцу — главному судье по танцам, показалось, что их танго совсем даже и не танго. Как в кошмарном сне, он считал ритм, а они танцевали самое трудное танго — танго-пьеццоло. Мы с Чайковской сидели рядом и тоже отсчитывали ритм. Кюнцу, правда, поотбивал, поотбивал и извинился. Не случился такой идиотизм, как с полькой Климовой — Пономаренко.

Мы приехали из Японии с победой и начали готовиться к чемпионату Европы, на который никто не собирался нас посылать. Хотя Овсянников с Крыловой, главные соперники Платова с Гришук, тоже не участвовали в чемпионате страны, причем в отличие от них Женя снялся по болезни. Платов прилетел из Америки со спортивными сумками с коньками, все это видели, так как на каток он явился с самолета. Но вопрос о санкциях за неучастие касался только их.

По всем показателям наступало тяжелое время, и подготовка не обещала быть легкой. Первый год с этой парой для меня получился потрясающим в прямом смысле этого слова, потому что я впервые в жизни увидела человека, который без конца плакал. Я говорю об Оксане Гришук. Адская девочка.

Оксана подозревала всех людей, некоторых, надо сказать, не без оснований, в разных ужасных поступках. Довольно быстро я разобралась, что девочка психически не совсем здорова, и я ее жалела. Больной ребенок, он же еще дороже.

Они отвыкли жить в Москве, они уже много лет как обосновались в Америке, да и в Москве у них не было никаких условий. У Жени где-то на окраине крошечная однокомнатная квартира, Оксана поселилась у бабушки. Я наняла машину, для того чтобы их возили, от морозов они тоже отвыкли и легко могли простудиться. Оксана принялась плакать, потому что перед чемпионатом большую часть их программы надо было еще доводить до ума. Стала приходиться к нам на тренировки Алла Шаховцова, российский наш судья, жена Писеева и приятельница Линичук, мешала нам работать. Тренировки получились настолько беспокойные, их так дергали, что мы стояли с Чайковской у бортика и двумя нашими нехилыми спинами буквально их заслоняли.

Появился на наших тренировках Кабанов. Чайковскую уже сняли с должности гостренера, на ее место назначили Кабанова — человека, который руководил фигурным катанием еще во времена моей далекой молодости. Теперь он отвечал в сборной России за танцы. Поначалу ему приходилось очень нелегко. Наверное, чем слабее спортсмены, тем начальству проще. А вот с выдающимися — трудно. Тяжело их учить, тяжело им делать замечания, потому что они сами уже много знают. Я во время набегов руководства стояла на коньках на льду около Чайковской, которая оставалась за бортиком. Мы с Леной неплохо разложили элементы в обязательных танцах, и как-то потихоньку у нас крепла уверенность, что наша авантюра — за пару недель

вывести танцевальную пару на уровень чемпионского старта — закончится успешно.

По поводу участия или неучастия Грищук и Платова в чемпионате Европы провели кучу заседаний. Совещались в Спорткомитете, собиралась несколько раз федерация. Главный аргумент сводился к тому, что уже отосланы списки участников, к тому же у нас нет авиабилетов. Мне показали списки, какие-то ребята из Свердловска едут на европейское первенство вместо олимпийских чемпионов, потому что выдающиеся спортсмены не участвовали в первенстве страны. Какая-то глупость, мышьяная возня, хамство несусветное. Никто не извинился потом перед ними за это безобразие, подлог и вранье. Руководство вдруг вспомнило, что оно ни разу не видело целиком проката. Я ответила: гарантирую, что мои спортсмены готовы, я профессиональный тренер и знаю, как подводить людей к старту. Мы с Чайковской стояли плечом к плечу, как коммунисты на расстреле по известной картине.

Наконец мы заставили их принять единственно правильное решение, нам уезжать завтра, а у нас действительно нет еще билетов, без конца приходят эти горе-специалисты нас смотреть. Если тебя контролируют каждый день, невозможно нормально тренироваться. Как могли себе позволить эти бессовестные люди нагло приходить в последний день на тренировку, мешать тренировочному процессу? Оксане подорвали, возможно, последние оставшиеся у нее нервы и Жене, кстати, их тоже крепко подпортили. Мы ее как могли берегли, старались создать какую-то скорлупу вокруг. Я не отходила от ребят ни на шаг, тут уже было не до замечаний, важнее им психику сберечь. Я же еще с утра с Куликом работала — это тоже надо учитывать, почему и мои нервы оказались совершенно размотанными.

Грищук и Платов ушли от тренера, к которому благоволит Спорткомитет. Значит, их надо наказывать. А наказывать он может чем? Соревнованиями.

Был и такой эпизод. В один прекрасный день я позвонила на телевидение... Президиум федерации собирался в очередной раз, теперь прямо на катке, чтобы решать, посы-

лать Грищук и Платова или не посылать? Вопиющее издательство. Я сообщила на НТВ, Первый и Второй каналы, во «Времечко» — чтобы с утра все пришли и засняли для истории этот торжественный момент, что за люди пришли определять уровень и качество моей работы и олимпийских чемпионов, запечатлеть для истории эти лица, а то ведь потом никто этих «оценщиков» не узнает. Когда президиум федерации вошел на каток и увидел камеры российского телевидения, начальственный зуд у него немножечко утих. Кому же хочется вечером светиться в передаче, где я буду говорить, безусловно, далеко не лестные слова в их адрес. Так под камерами и состоялся президиум, кое-кто выступал «за», кое-кто — «против», задавали какие-то вопросы. Билетов по-прежнему на самолет для нас никто не заказывал, два с половиной часа олимпийские чемпионы стояли за дверью, мерзли в холодном коридоре. Мы с Чайковской бились насмерть. Спустя год, когда Грищук и Платов второй раз выиграли Олимпиаду, я думала: а что мы отстаивали и перед кем? Но отстояли. Дали этому президиуму и его председателю возможность через год записать в свои достижения еще одну золотую олимпийскую медаль. Рассказывать об этом сейчас смешно, но такая мелкая травля не прекращается всю мою сознательную жизнь. Сейчас, когда я пишу эти строки, у меня каждый божий день отбирают лед, который за мной закрепили подписью Лужкова. Я что, на льду торгую? Или сдаю его в аренду? Я на нем выращиваю чемпионов для России. Но когда это чиновников волновало?

На следующий день мы все же улетели. Но эта дикая ситуация нас объединила, они поняли, что я их в обиду не дам и буду всегда рядом с ними. Журналисты брали у них интервью, они потихоньку начали отходить. Но когда ребята понесли сдавать радистам на чемпионате музыку, то ее не брали, поскольку их не включили в заявку российского Спорткомитета. Это все чистая правда. Грищук и Платову, чемпионам мира и Олимпийских игр, не нашлось места в российской заявке на чемпионат Европы. Теперь я боялась, что из-за этого дурацкого случая мы сейчас пролетим мимо

тренировки. Наконец и эту проблему удалось решить. Чемпионат Европы в части танцев прошел без борьбы на удивление всего отдела фигурного катания Спорткомитета и федерации. Грищук и Платов победили. Овсянников с Крыловой заняли второе место, тут уж степень удивления Спорткомитета и федерации описать невозможно. Весь чемпионат, я говорю о специалистах, не о зрителях, с большим интересом следил, чем закончится очередной скандал в российской команде. За произвольный танец Оксана и Женя получили «шестерки». Мы с Чайковской были абсолютно счастливы. Оксана безумно радовалась, вот радоваться она как раз любит. И тут же переключилась на какие-то свои дела, без конца позировала, видимо, уже готовилась к покорению Голливуда.

На табло горели оценки — все 6,0. И люди, которые долго выясняли, ехать нам на этот турнир или не ехать, тихо подходили и еще тише говорили: «Поздравляем». Это такой цирк, дальше ехать некуда. Им вроде стало стыдно. Я б на их месте уволилась. Приехал же с Олимпиады хоккейный тренер Владимир Юрзинов и написал заявление об отставке, потому что команда не стала первой. Люди, у которых есть честь и совесть, раньше стрелялись. Правда, этого от президиума федерации я совсем не требовала. И Сергей Конаныхин кузнечиком так и прыгал, и прыгал вокруг. Зато Писеев нормально поздравлял, потому что он как бы не принимал участия в этой травле, пришел только на последний президиум, не произнес ни одного слова, а в конце веско сказал, что эта пара едет. Возможно, все, что происходило, происходило по его заданию, но у меня не было времени ничего выяснять, на моих руках и на моих плечах висел слишком большой груз ответственности, мне предстояло ехать дальше и готовиться к новым стартам.

Итак, на чемпионате Европы конкуренции никакой не получилось. Выступлением Грищук и Платова Париж был покорен. Не могу сказать, что моя работа с этой парой в тот момент оказалась столь значительной, но, как мне кажется, именно она переменяла их судьбу — моя работа и помощь Елены Чайковской. Без нас им не дали бы выступить или в

лучшем случае сделали бы вторыми, а то и третьими. То же относится и к Олимпийским играм. Всех же настроили на то, что они должны закончить. Всех, кроме тех, кто занимался с ними и любил их независимо от того, у кого, как и когда они тренировались.

Из Парижа мы полетели в Америку — готовиться к чемпионату мира. Сидели в Мальборо безвылазно, тренировки проходили тяжело, эмоциональные силы растранили на чемпионате Европы, но прежде всего в борьбе за собственное выживание. Работать с чужой парой, со сложившимися спортсменами, пришедшими к тебе в зрелом возрасте, всегда непросто. Складывается впечатление, будто ты примазываешься к чужой славе, хотя мне своей за глаза хватает. О том, что их можно заставить, надо забыть раз и навсегда, им можно только предложить что-то новое, доселе не виданное и не слышанное. Заинтересовать сложившуюся пару очень трудно, они привыкли к одному стилю работы, а у тебя он совершенно другой. Я сама добровольно влезла в эту страшную мясорубку только из-за того, что мне их стало по-человечески жаль, но совсем не ожидала, что столкнусь с совершенно разрушенной психикой у Грищук, тем более подорванной бесконечными болезнями и тяжелейшими травмами. Вместо того чтобы ее как-то поддерживать, люди, которые понимают, что такое большой спорт, наоборот, постепенно и методически разрушали душу этой девочки. Я старалась ее полюбить, старалась каким-то образом ее понять, коли я взялась, дорога назад для меня была уже отрезана, позором было бы отказаться. Но слезы Оксаны-Паши лились без конца. Конечно, к такой ситуации я не была готова. Но, пожалуй, ни с кем и никогда я так тяжело не работала, как с ними.

Так мы и готовились к чемпионату мира. Оксана, смешная девочка, никогда не приходит в назначенный час. Честно признавалась: «Вы меня хоть убейте, но я вовремя никогда не приду». Я не собиралась ее ни убивать, ни бить (хотя иногда хотелось), она взрослый, талантливый человек. Но меня ее опоздания, конечно, выводили из себя, потому что я видела — на ожидания ее стало не хватать уже

Жениных нервов, а вот Женю я очень любила и люблю, и что такое его нервы, я понимала. Впрочем, у любого, кто десятилетие провел в большом спорте, они превращаются в полный утиль. Я старалась не влезать в их внутренние конфликты, которые, похоже, только усугублялись с каждым годом. Женя просил меня не обращать внимания на ее слезы, рассказывал, что когда она пришла к нему на первую тренировку, все прошло чудесно, а после раздался такой плач и крик, что они решили в своей мужской раздевалке, что в соседней, женской, кого-то зарезали. Они туда всем кагалом ворвались, а Гришук сидела одна и плакала. У нее, видимо, такая разрядка. Она разряжает свои нервы, но чужие она, ясное дело, не жалеет.

Я старалась утихомирить ее уговорами или, как я умею, смешить и веселить ее в тот самый момент, когда она собирается закричать и заплакать. Правда, чаще всего она вспыхивала так мгновенно, что не только пошутить, рта раскрыть не успеваешь. Но когда Оксана не выходила из себя, она каталась гениально. И за одно такое катание ей многое можно было простить.

Чемпионат мира они выиграли, вновь ни с кем толком не соревнуясь. Однако бесконечные пропуски в тренировках и прежде всего страшная нервотрепка не давали ощущения полного удовлетворения и счастья. Пропуски начались, потому что они вдруг сами заговорили о том, что, наверное, пришла пора заканчивать. Они и на чемпионате мира выступали не так эмоционально, как на Европе. Хотя это не имело никакого значения, все равно их не с кем было сравнивать. Порой один судья, реже двое их ставили вторыми. Но в фигурном катании редко единогласно присуждают первое место на чемпионате мира.

Сразу же хочу сказать, что спортсмены, с которыми они соревновались последние два года, очень хороший дуэт. Овсянников — мальчик из моей группы. Я нежно и трогательно к нему отношусь, он катался когда-то с Леной Гусаровой, и я с ними серьезно поработала. А девочка, его нынешняя партнерша, Крылова, очень красивая, даже эффектная. Но, на мой взгляд, на Играх у них не получилась победная

программа. Забегая вперед, вспоминаю, что она была построена на вальсе, а, как мне показалось, вальс не совсем их танец.

После чемпионата я ходила в плохом настроении из-за поражения Илюши, подстроенного «хитростью» руководителей команды. Как бы мы не промахнулись, он никак не должен был оказаться на пятом месте. Мы с ним грустные поехали домой, а у Оксаны и Жени с перерывом, вызванным хирургической операцией, начиналось традиционное турне Коллинза по городам и весям Америки. Я приезжала к ребятам в Нью-Йорк и в близлежащие от Нью-Йорка города, пробыла с ними неделю. Мы не успели, естественно, подготовить показательные номера, потому что я была поставлена в такие условия, что отвлекаться на второстепенное не приходилось.

Еще во время чемпионата решились на операцию — Женя не мог больше терпеть. Боль его терзала страшная, я не представляла не то, как он с ней катается — как он с ней ходит, и не раз потом говорила ему с горьким смехом: «Женька, предупредить надо». Он вдруг падал на льду, как подкошенный, и лицо его чернело от боли. Боль постоянная, все двадцать четыре часа в сутки. Колено уже в таком плачевном состоянии, что он не мог больше терпеть. Если, не дай бог, получался на ноге определенный угол сгибания, то колено его не держало, он тут же падал. Мог упасть в любую секунду, что и нередко случалось. Наверное, ему неудачно сделали операцию, и там, в колене, защемлялся нерв. И что только с ним не вытворяли, как не лечили — все совершенно бесполезно. Он терпел. Он просто герой. Выдающийся спортсмен. Они все, выдающиеся, поломаны и избиты, но такого терпения, какое я видела у него, наверное, уже не встречу. Он стискивал зубы так, что глаза у него буквально выпадали. Никогда ни за кем я не замечала такого мужества. Он сам ногой занимался, сам себе без конца делал процедуры. Старался не показывать вида, что помнит о ноге, но смотреть на его мучения я без слез не могла. Оксана выступала против операции, я — категорически за. Жене полагалось успеть с операцией, пропустив двадцать

пять выступлений в туре. Так он договорился с Томом Коллинзом. Я считала, если не оперироваться, олимпийский сезон становился бессмысленным. Мне казалось, что на лечение уйдет не менее, чем два месяца. Доктор обозначил меньшие сроки, но мы посчитали, что все же двадцать пять — двадцать восемь выступлений вылетят. И с чемпионата мира, прямым рейсом — она еще задерживалась в Швейцарии — он полетел на операцию. Через два дня после победы ему разрезали колено. Мы беспрерывно созванивались, Оксана к нему туда приехала. Операцию сделали в Делавэрэ — это штат Колорадо, там жил доктор, который его наблюдал.

Только зашили колено, сразу посадили его на велоэргонометр, тут же начали ему ногу разрабатывать. Он терпел, звонил мне, настроение у него падало. Сроки восстановления, как я и предполагала, удлинялись, хотя он старался, как мог. Они стали пробовать свои старые номера, делать то, что ноге было привычно. Не пробовать что-то новое, а пользоваться уже испытанным, чтобы каким-то образом выйти из положения, чтобы тур не пропустить. Тур — не только большая реклама, но и неплохие деньги за тяжелый труд, за пролитые пот и кровь прошедшего года.

Она ждала его после операции, она помогала ему раскачиваться, наконец они принялись за новый номер. Мы заранее договорились, какие в нем будут элементы. Женя пробовал, что он может сделать на заживающей ноге. Я прилетела, посмотрела, как он катается. Выглядело все вполне прилично. Конечно, не то что раньше, но точно, как я и сказала, через два месяца после операции он уже выступал в туре. После тура выпадало всего две недели на отпуск — начинался олимпийский сезон.

Начался невыносимый олимпийский год. Она кричала и скандалила. Каждый день весь каток трясся от напряжения, заливыщики льда плакали — жалели Женю. Я не могу сейчас объяснить, как мы сумели подготовить программу. Случилось чудо, но я ничего не помню. За полчаса до ее тренировки я выпивала сильную успокаивающую таблетку только для того, чтобы не взять и не оторвать ее уши от ее го-

ловы или не выдернуть ей все ее зубы по одному. При всем при этом она очень трогательно ко мне относилась: хулиганила и хамила, но всегда к моей двери приносила букеты цветов, а в них оставляла всякие записки, у меня некоторые сохранились. В них она чаще всего писала: «Я люблю вас на всю жизнь», и называла меня своей мамой или мамкой.

У нее развивался страшный психоз. В Голливуде, где она успела показаться, ей посоветовали поменять имя. Я считала, что и прежнее неплохое, но ей казалось, что оно мешает будущей звездной кинокарьере. Она находилась в состоянии страшного соперничества с Оксаной Баюл, а их американцы все время путали, при этом репутация у Баюл в Штатах, мягко говоря, подмоченная. Но из-за того, что одевались они в одних и тех же магазинах, будто специально созданных для новых русских, они действительно друг на друга походили, как близнецы. Она давала автографы, американцы на нее смотрели и говорили: «О, Баюл!» К тому же если цвет волос в этом году объявят белый, то они обе тут же выкрасятся в белый цвет, а потом будут кричать, что одна у другой эту гениальную идею украла, к тому же, не стовариваясь, они еще одинаково постригутся. Войдешь в отдел «Шанель» и сразу узнаешь, как Оксана будет выглядеть в следующем сезоне.

Пока они ездили по туру, я искала музыку, пытаюсь найти что-то кардинально новое, потому что все, что на слуху, уже перекатали. И до них перекатали, и они перекатали, жизнь-то длинная. Почему-то мне очень хотелось сделать на Оксану «Кармен». Мне казалось, что из нее получится фантастически современная Кармен, совершенно другая, чем Бестемьянова. Я чувствовала, что имею право продолжать эту тему. Конечно же, их произвольный танец я поставлю по-другому, покажу Кармен этакой босячкой и хулиганкой, какой, собственно, и была красавица-цыганка, — Оксане это, безусловно, близко по характеру, — а такое решение потянет за собой иную хореографию и иные выразительные средства.

Но пока я искала другую музыку, ходила в Москве по магазинам, благо в них теперь приличный выбор, и без конца

покупала диски и записи. Когда я уже истратила на музыку кучу денег, продавец в магазине сжалился надо мной: «Татьяна Анатольевна, что вы ищете? Я не могу смотреть, как вы тратитесь, скупая все подряд». У нас в стране не перевелись потрясающие музыкальные фанаты, которые в свое время копировали современную западную музыку, переписывая ее на рентгеновских снимках, на «ребрах», как тогда говорили. Некоторые из них работают в музыкальных магазинах, это уникальные профессионалы. Я объясняю, что ищу музыку для моих спортсменов, что я ищу такую мелодию, которая раскручивалась бы как пружина, так, как это происходит в «Болеро» Равеля, но в то же время абсолютно современную, веселую, волнующую. Он предлагает: «Вот это направление послушайте и вот это». Я купила пластинок шесть, побежала домой слушать. Интересная музыка, но не то, не то. А он на прощанье говорит: «Есть еще один автор, но у меня сейчас нет его диска, я завтра принесу его из дома, вот она вам точно подойдет».

Я всегда старалась работать с профессионалами, у меня на них чутье, как у собаки. И на следующий день я не прибежала, а прилетела в этот магазин, как сумасшедшая. И он действительно ждал меня с пластинкой Майкла Мура «Набат». Вещь очень серьезная и сложная, долгая по времени... Я поставила ее прослушать — и с первого такта поняла — это то, что я искала. Как только я перестала сомневаться в музыке, сразу появилась тема. «Набат» был написан как посвящение футбольному матчу, во время которого рухнула трибуна стадиона, унося за собой множество жертв. А я захотела сделать посвящение всем тем, кто выходил на лед до нас и с нами, всем тем, кто ушел от нас, прожив длинную или короткую жизнь, всем, кто получил на льду травмы, всем, кто оставлял на льду свое здоровье и силы. Впрочем, нет, не только фигурному катанию он станет посвящением. Посвящением вообще безумному спорту, где многие остаются живы, но кто-то умирает и сотни превращаются в инвалидов. Я вновь и вновь нажимала клавишу «пуск» и не могла оторваться. Мне уже виделось, какая это будет великая программа, программа о тех, кто отдал жизнь в борьбе

за олимпийские идеалы. Мой «Набат» станет гимном всем спортсменам.

Я очень боялась показывать Жене и Оксане музыку. Я вообще боялась ее кому-то показывать. Сперва я прослушала все диски, которые вышли у этого композитора, и его музыка меня потрясла. Но выбранное мною произведение все равно оставалось вне конкуренции. Я поехала к своему музыкальному редактору, Геннадию Папину, он сидел за компьютером не разгибаясь двое суток, для того чтобы скомпоновать мелодию для произвольного танца. Я боялась, что в первоизданном виде они ее не поймут и не примут. Теперь я со спокойной душой отправилась в Германию к Вове, везя с собой драгоценный груз — готовую музыку. Умиротворенная, я даже начала отдыхать, потому что, если честно, у меня были в запасе и другие варианты, на крайний случай.

Из Ганновера по почте я послала в Америку музыку — и затряслась, нервничая, что им не понравится. Первым мне позвонил Женя и сказал, что, конечно, вещь тяжелая и очень серьезная, но для олимпийского сезона это потрясающая идея. Потом и Оксана позвонила, ей тоже музыка понравилась. Я пришла в страшный восторг. В упоении я рассказала, какую задумала идею. Показать в танце весь их долгий спортивный путь, Женнины травмы, операции. О том невероятном моральном и физическом прессе, который не только они — все спортсмены несут на себе столько лет. Оксана, естественно, хотела, чтобы этот гимн стал гимном ей самой. Я объясняла: «Ты выдающаяся спортсменка, и он так или иначе будет и твоим хотя бы потому, что тебе предстоит выступать на третьей Олимпиаде».

Я вернулась из Ганновера обратно, в Москву. Гена Папин вызвал барабанщика, и на семи звуковых дорожках в тон-студии «Мосфильм» мы в течение шести часов записывали барабаны, добавляя в мелодию ритм, усиливая ее. Вставили в нее биение сердца, против этой идеи Гена вначале возражал, потому что лишние звуки, по его мнению, портили музыкальную структуру. Но мне хотелось, чтобы сердце в мелодии билось с самого начала и только в финале на последних звуках оно остановилось.

И когда я все подготовила и перешла к постановке олимпийского танца, работа, прямо скажу, получилась адская. Оксана, как всегда, устраивала истерики, Женина нога болела, отношения у них портились на глазах. Но зато стали появляться в танце интересные элементы, работали мы вместе, втроем. Мы научились многое понимать с полуслова. Но у нее периодически наступал эмоциональный срыв, она принималась плакать, объясняя, что не чувствует музыку, ей тяжело под эту музыку, музыка давит, она не видит себя в этой музыке большой драматической артисткой, какой является на самом деле. Ах, если бы она пораньше столкнулась с какими-нибудь серьезными вещами, кроме рок-н-ролла, и читала бы побольше книг, то, наверное, ей пришлось бы легче. И не было бы этих «не могу, не могу, не слышу, не чувствую».

В тот период Оксана настаивала, чтобы мы ее называли Паша. Женя долго находился в большом недоумении. Мне же не хотелось ее нервировать, я взрослый человек и, ради Бога, пусть она хоть в чем-то чувствует себя уверенно. Если ей нравится жить с именем Паша, то почему бы и нет? Паша так Паша. Я вообще старалась поддерживать Оксану во всех ее начинаниях. Почему-то русские журналисты решили, что имя Паша возникло от Прасковьи, Оксаниной бабушки. На самом деле взятое ею новое имя от английского слова «пэшн» — сладострастная, чувственная. А как ее еще называть? В те редкие минуты, когда она не плакала, не била Женю, не оскорбляла его, не стучала ему по больным коленям зубцами своих коньков, не унижала его человеческое достоинство, и дотерпела до Олимпиады, на которую ей так хотелось попасть, но на которую мне уже ни за какие коврижки не хотелось с ней отправляться. Но нельзя же бросить начатое дело, хотя так и подмывает сказать: «Я сегодня от вас ухожу». Наверное, не помешало бы такое объявить, но люди уже переехали, живут теперь в Мальборо, рядом со мною. Паша лежит у меня в комнате на диване и зовет меня «мамка». Куда тут денешься? Больной ребенок. «Мамка, мамка!»

Если закончить историю с изменением имени, то на всякий случай я сказала: «Оксана, ты посоветуйся с серьезными людьми, это же непростая история». Она всех измучила, звонила и в ИСУ, звонила и в Спорткомитет. Не так это просто — переделать имя, тем более, когда живешь в Америке. Она всех достала, получила тысячу справок, потеряла уйму времени, угрохала на эту ерунду драгоценные тренировочные часы, приходила на занятия чуть живая, потому что занималась бумагами. Но добилась своего. И, надо признать, ей новое имя идет. Хотя бы потому, что все сразу к нему привыкли. И в Интернете есть ее новое имя. Она действительно чувственная, эта Паша-Оксана. Получился вообще-то неглупый трюк, потому что люди говорили о том, что она поменяла имя. А любая реклама — ей на пользу.

Что касается ее надежд на Голливуд, то дай Бог, чтобы они оправдались, хотя, прямо скажем, я их не разделяю. В свое время лишь сказала, что хочу увидеть своими глазами хотя бы первый доллар, который она заработает на съёмочной площадке. А что до Жени — то я так за него была рада, что он смог дотерпеть.

Паша очень подозрительна. На самом деле она сама неплохо надувает людей и в основном только этим и занимается. Правильно сделала Наталья Владимировна Линичук, подав после Олимпийских игр на свою бывшую пару в суд. И Паше пришлось заплатить приличную неустойку за то, что она ушла от тренера, по мнению Линичук, нарушив контракт. Я Пашу предупреждала, я ей говорила, что Линичук все делает правильно, это я с ними цацкаюсь.

Когда она умоляла взять их к себе, то сказала: «Мамка, мы будем за все вам платить, как полагается». И я по доброте душевной не подписала с ними никакого соглашения, что с моей стороны оказалось чистой дикостью, и я себя за эту слабость ненавижу. Контракт надо было с ней подписывать тогда, когда она стояла передо мной на коленях и плакала. Вот в те минуты нормальные тренеры выкладывают на стол контракт, по которому она была бы обязана платить за каждый день нашей работы и рассчитаться с тренером по ее окончании. Тренировки отнимают мою жизнь, за них

платится моя зарплата, никто другой и ни за что другое денег мне не платит. Я сохраняю чек, по которому от Оксаны-Паши Грищук за олимпийский сезон — за весь сезон! — я получила несколько тысяч долларов. Вряд ли я смогла бы за эту сумму не то что снимать в Мальборо квартиру и прожить в Америке год, а даже записать музыку. За те деньги, что она мне дала, может быть, и согласилась бы носить ей музыку на каток.

Ох, что же она мне устроила с этой музыкой! Две трети программы уже готовы, как вдруг она вновь зарыдала, забилась об ковер в раздевалке и сказала, что катать ее не будет... Я-то видела, как она потрясающе выглядит в те редкие минуты тренировок, которые она все же выкраивала из своей истерии, она же человек талантливый, катальщица замечательная и в этом необычном для нее направлении производила сильное впечатление. Но Паша себя в такой музыке не чувствовала. Она себя видела только в шлягерах. Я поняла, что такую выдающуюся спортсменку мне не заставить кататься под музыку, которую я считала для нее абсолютно победной.

Я оставляю их и Илюшу и лечу в Нью-Йорк делать другую музыку. Если она не слышит музыки, это все-таки большой риск, когда человек не чувствует, что танцует. Хотя уже готова большая часть произвольной программы. И все, что сделано, получается замечательно, она, сама не зная того, прекрасно чувствует мелодию. Она не чувствует другого, что в этой музыке она живет и что в ней раскрывается и ее драматизм, и многое из того, что я бы хотела в ней увидеть.

В Нью-Йорке я провожу двое суток с Аликом Гольдштейном, тем самым, который когда-то делал аранжировки для программ Пахомовой и Горшкова. Алик мой товарищ, он меня любит, он бросает свою работу и показывает мне самые разные варианты. И вдруг я слышу «Болеро» великого Равеля, причем в такой обработке, что и на Равеля не похоже. Но музыка феноменальная — вся сделана на гитаре. Я недавно ее показывала мужу, он был в восторге. Без сомнений, когда-нибудь я этой музыкой воспользуюсь.

Я хватаю ее у Алика, хватаю еще одну — «Караван» Дюка Эллингтона и возвращаюсь в Мальборо. По дороге размышляю, что любой из вариантов мне придется рассматривать исключительно в контексте, как выиграть у Крыловой с Овсянниковым, за которыми стоит федерация, следовательно, и российский судья. Все очень опасно, все очень сложно. Ходишь, как по минному полю. И надо выбирать, куда шагнуть, чтобы не подорваться.

Приезжаю на каток, а у меня Илюша в тот день, пока я ездила к Гольдштейну, пробивает себе коньком ногу, и ему ставят на палец штифт. Считаю, что я его упустила, раз он катался без меня на тренировке. Я проклинала их, проклинала себя, проклинала тот день, когда я их взяла, проклинала всех и вся. Такой ценой заработанную музыку я отдаю им слушать, они слушают всю ночь, утром приходят ко мне и говорят: «Нет, мы оставляем прежнюю, потому что она у нас как бы уже в сердце». Теперь она говорит, что все поняла, наверное, и Женя ее уговаривал кататься под «Набат» Мура, потому что Платову эта музыка очень нравилась. И то, что уже сделано, ему тоже было по душе. Я про себя чертыхаюсь, потому что из-за этого потеряла Илюшу со сломанным пальцем на ноге, я вообще не имела права отвлекаться от него.

Продолжаем тренировать программу, потому что там очень много новых элементов, не похожих ни на какие прежние. Абсолютно каждый шаг — это шаг наоборот, он весь состоит из нового движения. Теперь мы опаздываем со сроками. Я нервничаю, она нервничает, все время плачет и оскорбляет Женю, устраивает ему бесконечные скандалы. Женька уже белый, с тяжелой аритмией, потому что терпеть это можно день, два, но когда тебе постоянно говорят, что ты будешь стоять около Голливуда (она сильно вбила себе в голову Голливуд) и ждать на выходе, когда ее отпустят со съемок, то тут не аритмию, а инфаркт получишь. Но все же как-то работаем, тянем воз дальше. Договорились пригласить англичанина, чемпиона мира по рок-н-роллу на паркете, чтобы с ним ставить этот танец, выбранный как оригинальный на Олимпиаде.

Тяжело работали. Как тяжело — не описать, и не то что описывать, вспоминать не хочется, такая мука наваливалась, такой ужас. Как в страшном сне, снова с побоями, с оскорблениями, с драками, со слезами... Таких, как Паша, у меня за тридцать с лишним лет трудовой деятельности не было никогда. С Голливудом в голове, возможно, даже с какой-то предполагаемой там ролью. Забегая вперед, скажу, что олимпийский сезон для них складывался неудачно. На всех соревнованиях они падали. Или в оригинальном, или в произвольном танце, но обязательно валились, и совсем не потому, что не были готовы, их сталкивал с коньков адский психоз, который она вносила. Женя не мог под него не попасть, катался неточно, у него нарушилась координация. Она меня спрашивала примерно раз по двадцать в день: «Мы выиграем Олимпийские игры?» Я практически ежедневно кровью перед ней расписывалась. Но благодаря ей я поняла, что нельзя так жечь нервы, иначе я закончу свой путь значительно быстрее, чем мне отмерил Господь. В Мальборо напротив катка расположилось кладбище. По всем показателям я должна была там лежать. Если бы она меня тогда похоронила, как бы она меня любила! Она бы ко мне приходила, плакала, рассказывала бы над моей могилой всякие истории. Но в связи с тем, что ей не удалось меня похоронить, большой любви не получилось. А ее взаимоотношения с другими людьми меня не касаются, она взрослый человек, это, как говорится, факт ее биографии.

Я боялась, что они себя не преодолеют. И функционально программа очень сложная. Если любая пара себе не откачивает в двух минутах медленной части и таким образом отдыхает, восстанавливает дыхание, то у Платова с Грищук не получалось и секунды передышки. От начала и до конца программа, как рулетка, раскручивается все быстрее и быстрее. И конечно, для уже не совсем молодых спортсменов, какими они были, это в некотором роде авантюра, но все-таки мы на нее замахнулись. Шьются костюмы, получают неудачно, а она не дает ничего переделывать. Все хочет контролировать сама, но не знает, как это делать. Собира-

емя в Париж на турнир серии Гран-при. У Жени начинается тяжелая аритмия. Советуюсь с врачами, мне говорят: «Ты сошла с ума», но мы все-таки едем на соревнования, они не имели права пропускать этап серии. Впервые демонстрируем программу на тренировке. На Оксане лопаются костюм и спадают брюки. Без штанов еще никто не показывался в произвольном танце, они пугаются и падают. Соревнования выигрывают, но впечатления никакого. Кюнц высказывает, а ИСУ поддерживает его возмущение по поводу их костюмов и по поводу нарушений, которые есть в программе. Я, кстати, ему очень благодарна за указку, мы быстро все нарушения устранили.

Переезжаем в Москву, готовимся теперь к турниру в Японии. В Японии они выступают немного лучше, но там в оригинальном танце падает Женя. Я перед этим улетаю в Москву, шью без них, без примерки, костюмы, которые сделала Нателла Абдулаева, сделала такие, какие я и хотела. На все про все уходит неделя. Как подарок, привожу им костюмы в Германию на очередной старт Гран-при. Там Женя цепляется за ее конек. Она кричит, что виноват он, но виноваты оба, потому что она невольно подшибает его из-за того, что неконцентрированно исполняет элемент. Правда, рок-н-ролл у них такой, что на каждую минуту — 250 движений. Настоящий рок-н-ролл.

Перед соревнованиями зову их к себе в номер, вывешиваю костюмы. Они входят и обмирают, костюмы им как раз, буквально по каждой косточке, они им нравятся, сразу хорошее настроение — и тут же падают в оригинальном. Но в произвольном танце выглядят хорошо. Ясно, что они никак не могут войти в форму. У них и прежде, я интересовалась, с пиком формы существовали проблемы, поэтому они выступали только на чемпионате мира, пропуская все остальные соревнования. А плохо они входят в форму потому, что тренируются тяжело. Нельзя же без конца то хандрить, то скандалить. Обычно они успевали вкататься в программу только к марту. Так происходило много раз в их жизни, но со мной это не пройдет. Мы сезон начали вовремя.

К нам приезжали в Америку посланцы родной федерации, просматривать программы еще до первого старта. Посланцы — это президент федерации Писеев, его жена, она же судья, с ними Кабанов. Смотрели напряженно, программа эмоциональная и сложная. Не похожая ни на одну из тех, что были доселе. «Вы не боитесь такой трудной темы, могут ведь сказать — это не танцевальная программа?» Я возражаю, сказать и так могут все, что угодно. Понимаю, что мне с ними придется на Играх нелегко, они же задумали поменять чемпионов. Так оно и получилось, русский судья показал на Олимпийских играх оценку первой пары на оригинальном танце ниже, чем второй, при том, что в нем не было ни одной помарки. Тем самым давали понять остальным арбитрам, кто ценнее для страны. Забавно, но в Нагано впервые в сезоне они чисто прокатали оригинальный танец. До этого побеждали с падениями, а тут первый раз ни одной ошибки, а судьи разделились четыре к пяти.

Программу я показала, как всегда, Лоуренсу Деми, хотела узнать его мнение. Подобной похвалы я за всю свою жизнь не услышала. Он сказал следующее: «Не меняйте ни одного шага, ни одного жеста, весь танец — как одно слово». Лоуренс говорит, что ничего похожего он в своей жизни не видел, он не понимает, как они вообще держатся на льду, а не падают с каждого движения. То, что они вытворяют, сделать коньком невозможно. Все действительно на грани, спасает их высочайшее мастерство. Но она по-прежнему бьется в падучей.

Мы все равно что-то переделываем, что-то добавляем, что-то снимаем. Короче говоря, готовимся к Олимпийским играм. Илюшу выпроваживаем в Нагано, я остаюсь с ними, вылетаю через два дня. Ему раньше надо акклиматизироваться, им выступать позже. Наконец доехали до Олимпийских игр. Тренировки они проводят блестяще, ни у кого нет вопросов. И вдруг в первом же обязательном танце она начинает нервничать, и поворот, который она делает с закрытыми глазами — она вообще мастерица в поворотах, — срывает. В первом же обязательном танце! Но Грищук и

Платов все равно остаются первыми, несмотря на ухищрения нашего судьи, потому что вторая пара — Крылова и Овсянников — тоже срывает поворот. Но теперь всей бригаде арбитров ясно, что можно менять русских местами, раз их же судья готов подобное сделать. Это сильный удар. Но он не достигает цели, нужного количества голосов собрать не удается.

Никто не обсуждает в одиночном катании, сколько, предположим, у Кулика было первых мест, когда он выиграл короткую программу, а сколько у Стойко? Но в танцах такие вопросы муссируются, травля продолжается. Я говорю своим олимпийцам: «У вас никакого выхода, вы должны показать всем, кто вы есть. В противном случае вас завтра будут убирать».

Стартовый номер у них перед второй парой. Они вышли на лед. Перед стартом Чайковская сидела с Пашей, я — с Женей. Он все время говорил: «Готов, готов, готов», накачивал себя. Мне стало страшно, он перевозбудил себя перед стартом, начал молиться. Я стою у борта и вижу, что у него дыхание уже остановилось, так он себя перекачал. Как-то надо его привести в чувство... У меня в руках бутылка минеральной воды. И я со всего маха обливаю его этой водой за пятнадцать секунд до старта. Он в ужасе: «Ой, я рубашку гладил весь день!» Стоит абсолютно мокрый. Она сразу плакать. Я ее дергаю, кричу: «Он готов, катайтесь, катайтесь».

С первого такта музыки я поняла — они победят. Хотя у меня потом все руки посинели, так странно выразилось мое напряжение. Я никогда столько не плакала после выступления своих учеников. Как стояла с Чайковской рядом, так прямо на нее и повалилась. Плакала оттого, что они смогли, оттого, что я смогла.

Они показали фантастическое катание. Выразили и сказали все, что слышали в этой музыке. Но главное — они выжили и я выжила. От этого и плакала. Никто, кроме меня, не знал, как тяжело мне досталась их золотая медаль, как до боли жутко было каждый день настраиваться на их тренировки. Как надо было прощать, молчать, любить. Как

приходилось их ободрять, как приходилось быть им опорой. Тысячу раз за год она спрашивала меня: «Мы выиграем Олимпийские или нет?» Они их выиграли. И от этого я плакала.

После того как они стали чемпионами, скажу честно, больше ее судьба меня не интересовала. Мне хватало удовлетворения от того, что я выполнила свои обязательства. И когда я вышла из ледового дворца после их победы, я ощущала себя совершенно пустой, сил не осталось. Илюша выиграл, они выиграли, я была счастлива, у меня две золотые медали. Счастлива, но без всяких сил радоваться счастью.

Паша сразу, еще в Нагано, начала поднимать ставки. Похоже, что она думала, сейчас к ней выстроится очередь и все ее будут приглашать в знаменитые шоу, может, даже подерутся из-за нее. Но танцы — такой вид фигурного катания, на который очереди не выстраиваются. Нигде, ни в Америке, ни в Канаде. Это не парное катание, тем более не одиночное. А у нее, бедняжки, головку занесло, как у человека, в общем-то, недалекого, изодренного лишь в хитрости. После Олимпийских игр она отказалась ехать в тур, где платят большие деньги, но главное — чемпионы обязаны в нем участвовать. Потом сказала, что поедет, только деньги ей нужно выдать заранее и в конверте. Я что-то не слышала о том, чтобы сто тысяч долларов в конверте выдавались, во всяком случае официально. Но я также не знаю и случая, чтобы в туре обманывали. Серьезные люди их проводят, весь мир в этом участвует. Она так достала организаторов, что они ей четыре раза меняли билеты. Ей хотелось привлечь к себе особое внимание. Но, к счастью, я уже к этому сумасшествию не имела отношения. В туре они катали мою программу. Заплатить за эти показательные выступления она мне не соизволила. Видимо, искренне считала, что работа с нею и есть высшее наслаждение, которое излишне обременять финансовыми вопросами.

Однажды Женя пришел ко мне и заявил, что не может с ней больше кататься. Я только и сказала: «Женя, ты должен хорошенько подумать, потому что рискуешь славой. Вряд ли у тебя легко сложится жизнь с новой партнершей. Не хочу взять на себя ответственность что-то тебе советовать. Но хочу предупредить, тебе придется нелегко, тебя могут не брать в знаменитые ледовые шоу. А это означает, что ты не сможешь зарабатывать приличные деньги». Он ответил: «За эти незаработанные деньги я хочу купить себе свободу. Я или сейчас выпрыгну прямо от вас, вот с этого окна, или вы мне пообещаете, что будете помогать с той партнершей, которую я себе выберу». И пошел, правда, не к окну, а к двери. Вслед ему я сказала, что буду помогать, но пусть он еще немного подумает. Он звонил мне из разных городов в течение всего тура, и я снова и снова просила: «Подумай, подумай еще раз, подумай». Конечно, я понимала его, он не мог больше терпеть унижения. Ни один нормальный человек не мог бы больше терпеть такого.

В один прекрасный день Женя позвонил мне и сказал: «Татьяна Анатольевна, я начинаю кататься с Майей Усовой. У нас с Оксаной завтра последнее выступление в туре. Вы будете мне помогать?»

Я ответила «да».

Майя Усова и Женя Платов — это уже другая история. Начали они с полного нуля, потому что Майя не тренировалась четыре года. Она с бывшим мужем и партнером Жулиным решили не тренироваться, а только выступать. Здесь действует совершенно другой функциональный уровень. С Женей ей полагалось засучив рукава кататься по шесть часов в день. Они прошли этот нелегкий путь и выиграли чемпионат мира среди профессионалов. Потом выиграли все профессиональные соревнования в сезон 1999 года, тем самым подтвердив свое право на место в элите. А альтернативная, как я понимаю, пара Грищук и Жулин перестала существовать после двух выступлений.

Я не знаю, как дальше сложилась судьба Паши, но мне кажется, что если б ее действительно заняли в Голливуде, она бы не звонила Жене, не оставляла бы ему на автоот-

ветчике предложения кататься снова вместе, не искала бы себе кого-то другого вместо него, одним словом, не металась бы. Ведь Голливуд — это профессия, а профессию не дарят, ее не покупают, ее добиваются годами. Когда она мне все время талдычила про Голливуд, я поверила, что ее пригласили туда, что она будет там сниматься. Я долго находилась в этом приятном заблуждении, потому что она без конца куда-то звонила, без конца готовилась к съемкам. Но пока снялся только Кулик. Про Пашу мне ничего не известно.

А Илюша сыграл в голливудском фильме балетного танцовщика, фильм вышел, и мне сказали, что Илюша в нем хорош, да и кино приличное. А про Пашу я знаю только по ее интервью в русских газетах в Америке, где она поливает грязью нас с Женей. По-моему, у нее совсем стало плохо с головой, судя по тому, что она несет. Самое смешное из ее откровений — будто я у нее отняла все, заработанное ею с таким трудом. Как будто можно где-то получить за нее деньги, не расписавшись? Впрочем, это из той же оперы, что и конверт со ста тысячами. Давно не живя в России, она своим менталитетом легко бы вписалась в российскую лихую жизнь. А может, все дело в том, что раньше, до ее высказываний, звонила мне ее мама, звонила ее тетя, и не один раз звонили, и не один раз просили, даже она соизволила со мной побеседовать, и все по одному вопросу: как вернуть Женю? Но Женя не вещь, я не могу его ей вернуть. Я не его мама, я специалист, который ему и сегодня помогает в работе. И буду помогать, буду ставить ему с Майей номера.

У Жени сложилась нелегкая личная судьба, но от этого я его еще больше люблю, и дело не только в том, что он выдающийся спортсмен и двукратный олимпийский чемпион. Пусть он себе и дальше катается вместе со своей замечательной партнершей Майей Усовой. Я раньше ее не знала, а сейчас считаю удачей то, что она мне повстречалась: работать с ней, общаться с ней — огромное удовольствие. Майя не только стопроцентный профессионал, но и хороший, добрый человек.

Со своим будущим мужем я познакомилась в доме композитора Марка Фрадкина. Его дочка Женя была моей подругой, а Марк Григорьевич и его жена Раиса Марковна меня обожали. Талантливого и уже очень известного пианиста, лауреата первой премии конкурса Чайковского Владимира Крайнева в доме Фрадкиных звали Вовой, и он там тоже ходил в любимцах и тоже дружил с Женей. Мы друг о друге знали, но никогда не встречались. Я жила одна, и Женя все время твердила: «Надо тебя познакомить с Крайневым, надо познакомить». То же самое она говорила и Вове: «Надо тебя с Тарасовой познакомить».

Так продолжалось довольно долго, но в один прекрасный день мы с подругами — Мариной Нееловой и Леной Матвеевой, поехали к гадалке, милой бабушке, которая жила на окраине Москвы. Никого из нас она прежде не знала и не встречала, нам через кого-то дали ее адрес. Бабушка гадала по утренней росе. Попали мы к ней чудом, собравшись то ли в семь, то ли в полседьмого утра, что для нас, раньше часа, а то и двух ночи не засыпающих, уже было подвигом. Покатились к бабушке бог знает в каком виде — невымыты-нечесаны. Понятно, что бабушка-гадалка не очень интересовалась искусством, еще меньше фигурным катанием, но нас в то утро не признали бы и близкие знакомые.

Старушка — божий одуванчик что-то рассказала Лене, что-то Марине, а потом взялась за меня и напомнила о том страшном, что случилось в моей жизни. Два года, как умер мой муж, именно про это она и завела разговор. Я попросила: «Не надо, не надо мне больше ничего говорить. Я не хочу больше ничего слушать». Но она приказала: «Нужно дослушать». Она объяснялась какими-то своими, непередаваемыми выражениями, например: «А ты очень скоро выйдешь замуж, ты познакомишься с человеком, который пляшет и поет, у него профессия на одной ножке». Мы все засмеялись, подумали вслух: хромой, наверное, или, почему-то была мысль о военном, а может, пожилой человек... Она

нас поправила: «Нет, нет, это у него работа такая: вроде как артист, но не артист. Не тот, что по телевизору выступает, но очень известный. Не бойся, что он роста будет маленького, выходи за него замуж, сразу будешь жить с ним хорошо, он будет тебя понимать». Выйдя от старушки мы хохотали до умопомрачения. Но кончилось дело тем, что запомнила я ее на всю жизнь. Звали бабушку — Прасковья.

Мы вернулись в центр, предстояло разъезжаться на работу, время у всех расписано. Но поскольку встали ни свет ни заря, высвободилась лишняя пара часов, домой мне возвращаться бессмысленно, а на работе никого, уж очень рано. А кто живет в самом центре? Женя Фрадкина. У нее мы решили попить чайку, съесть творожка, немножко поболтать и разъехаться. Заскочили на базар, купили творога и прикатили к Фрадкиной. Когда мы ввалились в квартиру, то на кухне с Жениной мамой уже сидел Крайнев. Я как вошла, так и сказала со смехом: «Вот он, мое счастье». Напомню, что пребывали мы в таком виде, что буквально шапку нельзя с головы снимать, мы еще собирались у Жени намыться и накраситься.

Крайнев мне: «Привёт». — «Привет». Так и познакомились. Он спрашивает: «Куда вам, девки?», и мне тихо: «Я тебя отвезу». Я объясняю: «Мне туда-то надо», а про себя думаю, вот наглость какая, сразу на «ты». Через час он повез меня на работу. И вот мы с ним рядом едем через Каменный мост, и когда спускались к «Ударнику», за нами поднялись на небе две радуги прямо над Кремлем, клянусь. Вова запомнил это навсегда, помню это и я. Я ему: «Две радуги, я никогда в жизни такого не видела». Он мне: «Это к большому счастью». Через девять дней мы поженились.

Мама Володи Иля Моисеевна тогда выхаживала бабушку в Кишиневе, предстояло к ним туда ехать, показываться. Но сначала я познакомила Володю с моей мамой и сестрой Галей. Они стояли, смотрели с балкона, кого я к ним привезу? Мы полетели в Кишинев на один день. Бабушка Вовина только-только отошла после инсульта, начинала говорить первые слова, но сразу у меня спросила, кто я и чем занимаюсь? Я сказала. Она очень медленно говорила: «А какое

у тебя образование?» Я ответила: «Татьяна Иосифовна, я так много работаю, чуть ли не с самого детства, с девятнадцати лет, и эта работа так меня захлестнула, что не успела получить образование, но зато стала заслуженным тренером». Я еще ей не сказала, что безобразно училась и меня неоднократно выгоняли из Института физкультуры, я была студенткой в течение многих-многих лет — четырнадцати или пятнадцати, не помню точно, а то и семнадцати. Она сделала паузу и сказала: «Человек без высшего образования — не человек, а скотина», повернулась к стене и больше не произнесла ни слова. Вся семья была в ужасе, я смеялась, как ненормальная. У меня совершенно никакой обиды не возникло, хотя моя мама всегда огорчается, когда я при друзьях вспоминаю свое первое знакомство с Вовиной родней.

Я уже писала, что сейчас Володя и Иля Моисеевна живут в Германии, в Ганновере, где у Володи профессорский контракт. Мы с ним в Москве долго обсуждали наше будущее. Начинаясь 92-й год. В стране стало тяжело жить, и профессорам, и концертирующим музыкантам почти ничего не платили, да и сейчас не платят. А Володя, надо сказать, уже тогда был профессором Московской консерватории. Он мечтал, что будет поднимать талантливых детей, как его учителя Генрих Густавович Нейгауз и Анаит Степановна Сумбатьян. Но надо же содержать семью, мы не одни, есть мои родные, есть его, мы им помогаем, и Володя принял решение уехать на Запад и там преподавать. В Ганновер собралась и его мама, тогда семидесяти четырех лет, она делала последнее, что могла сделать для своего сына, — поддерживать его, создав в чужой стране домашнюю обстановку. Я работала, ездила с театром, не могла заниматься Вовой все время, а он как выдающийся музыкант нуждался в опеке. Мы оба понимали, что в Германии я не смогу жить постоянно, а буду только приезжать в свободное время. В Ганновере у меня никакой работы нет, а я не могу полностью переключиться на стрижку травы или готовку обеда. Хотя я очень люблю и стричь, и готовить, но это все-таки не основное мое призвание в жизни.

Как я уже писала, мы приехали в Германию не одни, Вова привез с собой четырех учеников из Москвы, а потом подъехал и пятый. Муж, конечно, их взял на свое полное обеспечение. Он не только забрал их из Московской консерватории, но сделал для их будущей жизни все возможное и невозможное и, похоже, собирается делать это пожизненно для любого своего питомца. Сейчас класс Крайнева — тридцать человек, хотя по нормам ему достаточно двенадцати. Володя работает по двадцать четыре часа. И продолжает концерттировать, правда, значительно реже. Зато совершенно потрясающе ведет своих учеников — он прирожденный педагог. Я не сомневаюсь, что школа Крайнева будет в Европе одной из самых знаменитых. И концерты его, пусть не частые, приводят зал в восторг. Даже непосвященные понимают, что выходит к роялю истинный маэстро. Каждое его выступление заканчивается тем, что люди встают. Каждое.

Вот так и получилось, что первое время жизни в Германии Вова часто оставался один, я большую часть времени находилась в Англии. Иля (так все называют мою свекровь) внимательно относилась к детям, она всегда все делала так, как надо, не говоря уже о том, что проработала всю жизнь педиатром. Как надо — это как минимум три раза в день питание, которое кто-то должен готовить на всех, когда меня нет. Она, конечно, подорвала свое здоровье этой Германией, потому что уже непосильна и забота о детях, и забота о Вове. А внимание к нашему немаленькому дому ее уже просто подкосило. Илечка, прошедшая войну военврачом в полевом госпитале, как на фронте, исполняла свой долг перед Вовой и этими мальчишками, которые оказались здесь без родителей. Главное, что кастрюли привезли из Москвы. Огромные жбаны, где готовились обеды. Кастрюли у нас в доме, в Москве, только пятилитровые, у нас меньше нет, потому что если делался обед, он делался всегда с учетом на друзей, которые или уже сидят за столом, или вот-вот подойдут.

Выросли, оперились первые ребята, приехали другие ученики, так это и продолжается уже скоро десять лет без

перерыва. У нас живут ученики, которые к Володе приезжают со всего бывшего Советского Союза. Они у нас растут, встают на ноги, продолжают у мужа учиться, но уже обеспечивают потихоньку себя сами: выигрывают конкурсы, подрабатывают, преподают. Игорь Четугев победил на конкурсе Рубинштейна в Израиле, крупнейшем в мире конкурсе пианистов. У Володи почти все ученики — лауреаты, но Игорь в чем-то повторяет путь учителя: конкурс Рубинштейна считается равноценным московскому конкурсу Чайковского.

Наш дом в Германии, как и в Москве, получился абсолютно открытый. Но теперь это, увы, не то место, где собирается молодая компания, как это было раньше, а профессорский дом, куда приходят и ученики, приходят не только, когда им хорошо, но и когда им плохо, и когда нужно заниматься, и когда не нужно. Рояли в доме расписаны по часам. Один рояль стоит внизу, два — наверху, в кабинете, одновременно в доме всегда двое ребят занимаются. Для Володи не существует выходных, мы с ним постоянно скандалим по этому поводу. Человек не должен работать без выходных и праздников. Приезжаю я или уезжаю, муж всегда одинаково занят. Режим нон-стоп.

Мой муж делает огромное дело для музыкально одаренных детей. Существует еще и конкурс его имени, который проводится один раз в два года в Харькове — городе, где Вова вырос. Конкурс Крайнева уже набрал приличные обороты, но призы в нем обеспечиваются его деньгами и деньгами его друзей: Спивакова, Жванецкого, Дмитриева, Фридмана, Строяковского, Шумахера. Володя создал собственный фонд и уже много лет все средства, что зарабатывает на своих концертах, перечисляет в него. Он абсолютный бессребреник. Много вы знаете людей, которые зарабатывают деньги, для того чтобы проводить конкурсы, в поисках талантливых детей? Конкурс Крайнева международный, на него приезжают дети со всего мира. Помогает Володя украинцам, русским, евреям, казахам — для него не существует наций и границ. Он один из последних народных артистов СССР, в полном смысле слова народный ар-

тист Советского Союза. Я уже говорила, что по немецкому закону для получения причитающейся зарплаты Володе достаточно двенадцати учеников — у него тридцать. Вот и получается, что с восемнадцатью он работает бесплатно. Дети его обожают, хотя Володя строгий педагог.

Если Илюша Кулик называл меня суровым тренером, то по сравнению с тем, как преподает Володя, как и сколько он требует от своих учеников, я мягкая, как пастила. Он любит каждого из своих молодых музыкантов, но без скидок, у него благородная задача — дать им профессию. Такое не сразу понимается смолоду, потом, безусловно, благодарность придет, и Илюша это поймет, и остальные поймут, и Володины ученики признают, что он для них сделал. Цена педагога, с которым ты прошел какую-то часть своей жизни, с которым ты приобрел профессию, — огромна. Но она неизмерима, если ты еще и испытал с ним восторг победы. В любом случае тебя поставили на рельсы, по которым ты дальше по жизни покатишься уже самостоятельно.

У нас в доме всегда и весело, и грустно. У нас в доме всегда живут дети — со своими радостями, со своими детскими горестями. У нас в доме всегда всех принимают, всем оказывают одинаковое внимание, любому, если есть необходимость, помогают. Многие наши друзья в потрясении от того, что Володя на себя взвалил. И уже совсем не понимают, почему он тащит такую ношу абсолютно безвозмездно. Мало на свете таких людей, как мой муж.

У Володи нет никаких контрактов с учениками, никаких соглашений типа: «когда вы будете зарабатывать, вы мне вернете то, что на вас потрачено». Нет никаких юридических документов, без чего западный профессор и не посмотрит в сторону ученика. Есть у Володи помощница — Катя Ширман, которая занимается всеми его делами в Москве. Катю уже знают во всех московских банках, она их по десять раз обходила своими уже не девичьими ногами, машины у Кати нет и не предвидится. Катя добывает деньги для фонда, для того чтобы устраивать концерты талантливых детей. Она понимает, что Володя поднимает огромное дело, и помогает ему за мизерную зарплату.

Вопрос о том, что я уеду работать в Америку с Илюшей, решался в Ганновере, решался в семье. Конечно, моя мама и особенно папа, если б он был жив, счастливы были бы видеть триумф Илюши. Отец был бы в восторге только от того, что я взяла мальчишку. Маме досталась вся родительская гордость: обо мне пишут, меня показывают... Но обсуждала я вопрос, заняться мне Куликом или нет, конечно, в Ганновере, потому что все дела по дому ложились на плечи Илечки. Я это хорошо понимала, но другого пути не видела — нет в Ганновере катка. Работать можно только в той стране, которая культивирует фигурное катание и где оно на очень высоком уровне.

Поэтому дом в Германии живет большей частью года без меня. Живет заботами Володи, жизнью его учеников, концертами, с которыми Володя вместе с детьми объездил, и не один раз, страну. Здесь, в Германии, Крайнев уже популярная личность, его знают, его принимают, его уважают. Он по натуре очень вынослив и такую же способность старается развить в своих учениках. У меня сложились с его ребятами свои, доверительные, отношения. Собственно говоря, все Володины друзья, которые появились уже здесь, и в первую очередь Фридманы, все как один включились в эту безумную жизнь. Леня Фридман, известный в Ганновере врач-стоматолог, один раз в неделю готовит обеды ученикам Крайнева, и я, как приезжаю, сразу к плите, готовлю и отправляю в консерваторию домашние обеды. Стараюсь что-то успеть по мере моих сил. Отвезти, привезти, купить и наладить ребятам жизнь, потому что они еще дети, оказавшиеся вдали от родителей. Я считаю, что обязана участвовать в заведенном распорядке. Это Володина жизнь, а следовательно, и моя.

Не очень-то все это и легко, тем не менее мы вместе уже двадцать лет. Что делать? Нас разбросала не столько судьба, сколько профессия. Прежде всего разлучил нас отъезд за границу. Мы не хотели уезжать из России. Мы не хотели, но уехали, а теперь постоянно возвращаемся. У нас в Москве дом, родные и друзья. Мы уехали для того, чтобы реализовать себя и помогать это сделать другим. Если б я осталась

в Москве, я никому из своих учеников не смогла бы обещать даже третьего места на чемпионате России. Жили бы по-нищенски, только думали, где бы достать денег на различные костюмы, на поездку в Европу, даже на то, чтобы дети правильно питались. Но зато, в отличие от многих, мы не оторваны от родной страны, от ее проблем и забот. Надо сказать, что так давно заведено во всем мире: там квартира, здесь дом, а где-то в третьей стране может оказаться и вилла. Мы с мужем ничего не продаем, кроме своего собственного времени, сил и способностей. И такую жизнь, я считаю, мы, учитывая наши нетихие имена, заслужили. Правда, виллы у нас нет и, наверное, уже не будет.

Особо я хочу сказать о концертах Володи. В этот день в Московской консерватории собираются все наши друзья. Они же скучают по нему, по его музыке. А исполнительский дар у Володи особый, не похожий ни на кого. И с каждым годом его музыка, не теряя мощи, становится все глубже, все умнее. Слов нет, как я обожаю слушать его. И так приятно, что можно сказать: мой муж — Владимир Крайнев, а про себя добавить — лучший в мире пианист.

Моя сестра Галя — уникальный человек. Она жила и живет интересами других людей. На ней держится семья Тарасовых, основа нашего московского дома — Галя. Именно Галя выполняет всю семейную работу: магазины, уборка, готовка, дача, больницы, врачи, друзья. Она всегда в режиме «скорой помощи», на ней не только собственная семья, но еще и семья сына Леши с внучкой Настей, а теперь еще и внуком Гришей. Но прежде всего на Галиных руках — мама. Заодно и Вова, и его ученики, когда они приезжают в Москву играть концерты и носятся по ней с такой же скоростью, как и их учитель, а Галке приходится за ними поспевать. К тому же приезжают они по нескольку раз в год. У нас по традиции и живут, а квартира, в общем-то, маленькая, не приспособленная для общежития, но они все равно в ней размещаются. В некотором роде получается филиал, московское общежитие ганноверской «хохшулле». Они музыканты, следовательно, большей частью не при-

способленные к тому, чтобы готовить обеды. Но всегда стараниями Гали накормлены и напоены. А это незаметная, но на самом деле огромная работа — пойти, принести, купить, приготовить, убрать, вымыть. Галя не только все это делает, но еще и ездит иногда на несколько дней с ними и с Володей на гастроли. Чаще всего в Петербург, который обожают. Ездит Галя и на папину «Золотую шайбу», ее туда обязательно приглашают — она член правления. Проработав всю жизнь до папиной болезни в школе учительницей русского языка и литературы, будучи всегда классным руководителем, она таскалась со своими учениками каждые каникулы по литературным местам — от Ясной Поляны до Михайловского, — Галя всегда стояла за честность и справедливость, она понятия не имеет, что есть «какие-то структуры», которые детям могут не давать, а, наоборот, отнимать.

Галя — совершеннейшая подвижница. Я спокойно могу работать хоть в Америке, хоть в Австралии, зная, что в Москве есть Галя. Галя не только моя старшая сестра, она еще и человек, который всегда меня понимает, единственная, которая всегда меня пожалеет. У меня же такой вид, что всем кажется, что не то что приласкать, пожалеть нельзя — обидишь, а я довольно неуверенный в себе человек и часто испытываю большие страхи, тяжело переживаю порой самые обычные события. Галя всегда рядом, когда мне трудно; я боюсь при ней заплакать, потому что, если я плачу, это всегда конец света. А жизнь так складывается, что иногда не то что заплачешь — завоешь. Я боюсь таким состоянием ее волновать, знаю, что и без моих жалоб она меня понимает, знает, как свою, мою душу, мое нутро, делает все, что может, чтобы мне стало хорошо... и поцелует меня, как бабушка, в плечико. Галя необыкновенный человек, живущий множеством интересов, очень образованна. По-настоящему интеллигентна.

Если нужна помощь, идут к Гале, знают ее доброту. Она любого может успокоить, любого может подлечить. Помогать старикам — нелегкая миссия, дай бог Гале сил и здоровья, которого у нее не так-то много.

В нашем дворе* живет и Галин сын Леша — единственный внук и племянник в нашей семье. Мы все его обожаем, балуем и без конца учим уму-разуму. Отец Алешку очень любил и в отличии от нас осуществлял его трудовое воспитание не на словах, а на деле, прежде всего на даче. Похоже, что ради внука папа собрал во дворе детскую команду, стал тренером-общественником. Заливал с мальчишками лед, гонял их на зарядку. Лешка вместе со всеми учился выносливости и коллективизму. Но спортсменом Леха не стал, его способности в ином. Он закончил Институт иностранных языков, переводчик, блестяще знает итальянский и английский.

Когда Галя увезла на «скорой» отца с заражением крови и инсультом, Лешка примчался в больницу, чтобы проводить деда до реанимации. Увидев внука, папа обрадовался и вдруг смог выдохнуть: «Леха!» Это было последнее слово, сказанное отцом.

Галя для меня — свет в окошке, на который идешь в ночи.

Мама наша — ангел. Мама, Вова, Галя и Иля — четверо, ради кого я вообще, наверное, существую. Мама наша должна держаться, — ей уже за восемьдесят, потому что я не представляю своей жизни без нее. Это такое счастье, что мама есть. Она прожила с папой длинную и интересную жизнь, и очень тяжелую, потому что с талантливым человеком всегда тяжело жить. У мамы очень сильный характер, а сейчас пришла мудрость пожилого человека. И хотя все мои подруги зовут ее по имени-отчеству, Нина Григорьевна, но относятся как к своей маме. После ухода отца мама сильно переболела, ей крепко досталось. Мы все сходили с ума, такой выпал для нее тяжелый год. Но она из болезней выбралась, она на ногах, она красавица, ее опять можно наряжать в розовое и голубое — любимые ее цвета. Когда она идет по нашему двору, ей все улыбаются. Какая-то нео-

* Мы все живем в одном дворе, но в разных подъездах в большом доме у метро «Сокол». Мы с Володией, мама, Галя, Леша. Илечка жила с мамой в одном подъезде, но ее квартиру пришлось продать, иначе мы бы не «подняли» дом в Ганновере.

быкновенная красивая старость. Мамино лицо с каждым годом становится все светлее и светлее, мне кажется, ее вообще в ранг святых полагается записать, потому что ни одного поганого и подлого дела в своей жизни моя мама не сделала. Все жены хоккеистов, еще из того, советского женсовета, до сих пор ей звонят, а многие и приезжают. Она вместе с ними переживает их семейные проблемы.

Мама с трудом перенесла смерть отца, с которым прожила пятьдесят пять лет. Она всегда была строгой с нами, всегда сохраняла в доме культ отца, но теперь она живет нашими интересами — моими, Галиными, Алешкиными, Володиными, интересами наших друзей. Она рада, когда ей кажется, что не так тяжело мне досталась победа. Но в глубине души она знает, она же жена Тарасова, что победы легко доставаться не могут. Она волнуется за мою нервную систему, за мой вес, за мой сон. Хочет, чтобы ученики попадались покладистее, а такого у меня не бывает.

Мне всегда казалось, что у мамы характер сильнее папиного. Папа был занят одним делом, а мама занималась всеми остальными: и с нами, и работой, и папой. Именно она была стержнем в семье. Отец в последние годы говорил: «Как же я, девчонки, люблю, когда вы рядом». Он лежал, читал, а мы за стеной болтали с мамой, наряжали ее или что-то ей рассказывали... «Как я люблю, когда вы в соседней комнате воркуете». Друзьям признавался: «Это счастье — иметь такую семью».

Этим счастьем он был обязан только одному человеку — маме.

Мама обожает Володю, не пропускает в Москве ни одного его концерта, они дружны с Илей. Обе они мне докладывают о всех событиях в семье, а я решаю, что делать. В какой-то момент незаметно ответственность перешла с мамы на меня. Это случилось не сразу, но в один прекрасный день обе мамы спросили у меня, что делать. Я больше кручусь в мире, может быть, понимаю его как-то по-другому. Они не видят в нем зла — неисправимые оптимистки. Я с детства росла самостоятельная, я всегда принимала решения сама, я же рано начала работать тренером. А когда

тебе девятнадцать, и ты уже отвечаешь за чужие судьбы, то должна вдвойне ответственно подходить к своему делу, ибо родители доверили тебе своих детей. Наверное, поэтому я быстро повзрослела. Я всегда сама знала, как мне поступить.

Алексей Ягудин

В начале мая 1998 года, спустя пару месяцев после Нагано, я в Ганновере, в кругу семьи, приходила в себя после разрыва с Илюшей. Разговаривала, жила неторопливо, стала надиктовывать первые главы этой книги. Я находилась в непростом положении, было над чем подумать. Я все чаще приходила к мысли, что не собираюсь продолжать в столь интенсивной степени свою трудовую деятельность. Думала, отдохну, огляжусь, может быть, детей тренировать начну или еще что-нибудь придумаю. И хотя не очень-то я и задаюсь, но не было у меня сомнений в своей востребованности. Пусть тренеров хватает, зато не много тех, к кому спортсмен может обратиться с таким специфическим вопросом, что надо сделать, чтобы стать олимпийским чемпионом? Ни больше ни меньше. Таких специалистов — раз, два и обчелся. Мы — штучный товар.

Я знала, что рано или поздно, но кто-то обязательно объявится. Безработной я никогда не была, да и в тот момент у меня уже тренировалась итальянская танцевальная пара. Но тем не менее я собиралась славно отдохнуть летом. У меня намечались чудесные планы — привести себя морально и физически в порядок. Перво-наперво — во что бы то ни стало похудеть. А это становится реальным только в том случае, если есть время на себя. Но в один прекрасный день, когда я рассказывала диктофону то ли про чудачества Паши, то ли про мою работу с Торвилл и Дином, плавное течение воспоминаний прервал телефонный звонок. Звонил мне Леша Ягудин. Звонил из тура: «Татьяна Анатольевна, возьмите меня к себе!» Я спросила, почему он собирается таким безобразным образом уйти от Алексея

Николаевича Мишина, только что выиграв чемпионат мира? Леша ответил: «Я не собирался уходить от Алексея Николаевича, я его очень люблю и считаю его своим единственным учителем, даже больше — отцом. Но сейчас наши взаимоотношения, можно сказать, разорваны. Алексей Николаевич любит Плющенко и Урманова, а меня почти не замечает. Помогите мне, у вас же сейчас никого нет. Я вас не огорчу, буду много тренироваться, буду стараться...» Имея уже собственный печальный опыт, я поинтересовалась, рассчитался ли он с тренером и поговорил ли с ним. Он сказал, что финансовых проблем у них нет и Алексея Николаевича он уже предупредил об уходе. Я его спросила, как же он мог его предупреждать до разговора со мной. Тут Леша меня сразил: «Это было бы нечестно, — сказал он, — если бы я сначала с кем-то договорился, а потом объявил о своем уходе». До этого дня я не слышала, чтобы кто-то из спортсменов задумывался о том, честно ли это или не честно. Всегда начинают с того, что тайком договариваются с новым тренером. Осуждать ребят не хочу, для каждого из них смена тренера — безумно трудный и очень ответственный поступок. Я подвела черту под нашим разговором: «Леша, я не могу тебе ничего обещать, перезвони через неделю». Он меня разочарованно переспрашивает: «Через неделю?», я твердо: «Да, через неделю, не раньше». На неделю он остался уже без Алексея Николаевича, но еще и без меня. Наверное, его тоже посетили тяжелые минуты раздумья, он же сидел на фоне природы чужой страны, совершенно один. Я понимала, что такое уйти от Мишина. Алексей Николаевич потрясающе работает со своими учениками, и лично я могу только высказать всяческое уважение к его работе. Хотя у меня с ним и был инцидент, я рассказывала об этом, как от меня и Кулика утаили, что Урманов снимается с соревнований. Даже если такое решение расценивать как хитрую тактику, все равно это стыдно, поскольку подобный маневр происходил в своей собственной команде, защищающей честь страны на мировой арене. Не могу сказать, чтобы после того случая я испытывала перед Мишиным какие-то, даже самые мизер-

ные, моральные обязательства. Вот учеников Москвиной, если бы она меня сама об этом не попросила, никогда бы не взяла. Никогда. В каком бы контексте это ни происходило.

Через неделю, когда Ягудин позвонил вновь, я сказала «да». Он сразу: «Когда приехать?» Все мои планы морального и физического самосовершенства тут же оказались забыты. Мы договорились — первое свидание в Москве.

Вскоре он появился у меня дома, уже отдохнувший, толстенький, хорошенький. У меня к тому времени уже были на него готовы некоторые расчеты. Я отправлялась в Италию, там, в среднегорье, должна была работать со своим итальянским дуэтом Барбарой Фузар-Поли и Маурицио Маргальо*, и уже договорилась с местной федерацией, что привезу с собой Ягудина. Они обещали обеспечить меня дополнительно льдом, чтобы я с ним спокойно трудилась. Итальянцам пришлось переделать свои планы, потому что лед не стоит и не ждет, когда мы приедем на нем покататься. Тем не менее они не подвели, создали для меня хорошие условия. В Москве Алексея уже ждал хореограф Володя Ульянов, с которым мы слушали музыку, пока Леша отдыхал. Кое-что я приготовила заранее: Альфреда Шнитке — «Ревизские сказки», вариант «Вестсайдской истории» Бернстайна.

Но первое, что он спросил, вернувшись из тура, когда впервые пришел ко мне домой на Сокол: «Сколько я могу поспать?», он же приехал издалека, из Америки. Я сказала, ты можешь спать до завтрашних двенадцати часов дня. Время только перевалило за десять вечера, он лег и через четырнадцать часов, ровно в двенадцать на следующий день, как было объявлено, встал. Я поняла — он богатырь, его таким родила мама. Получил задание спать — спит. А заснуть на четырнадцать часов, невзирая на акклиматизацию, не каждому удается, люди встают посреди ночи, потом угомониться не в состоянии. Мы поговорили втроем с хореографом, определили, что будем делать. После чего

* В 2000 году Барбара и Маурицио стали серебряными призерами чемпионата мира, в 2001-м выиграли первенство Европы и мира.

Леша уехал на две недели с мамой в Испанию. Ему уже исполнилось восемнадцать лет, и он уже был чемпионом мира. В тяжелой борьбе выиграл это звание, сразу же после Олимпиады. Соперники наделали массу ошибок, он тоже их не миновал, но сумел остаться первым.

Второй раз мы увиделись уже в аэропорту, в Италии, где назначили наш первый сбор. Эти три недели прошли плодотворно, хотя я начала с общефизической подготовки. Потом я пробовала ставить ему короткую программу, он потихонечку по ней двигался. Мне показалось, что Леша интересный парень, а все мои друзья звонили и говорили, кого же я взяла, я с ума сошла, он же кривой, косой, маленький, одним словом, — никакой. А «никакой» стал раскрываться и в актерском плане. Но сперва он тяжело работал в Италии, бегал кроссы по горам до умопомрачения, очень хотел мне понравиться. В глубине души я боялась его перетренировать, потому что навалилась на него со всей своей дурацкой мощью. В Италии мы знакомились все ближе и ближе, я расспрашивала, о его семье. Оказалось, он живет с мамой и бабушкой. Для меня стало большой неожиданностью, что он закончил школу с серебряной медалью. Внешне Леша не производил впечатления человека, интересующегося какими-то науками, более того, казалось, что он не в состоянии и вовсе закончить школу не то чтобы с какой-то медалью, а просто дойти до выпускных экзаменов и получить аттестат. Веселый разгильдяй, да и только. Но в то же время его наполняла какая-то большая сила, и это сразу чувствовалось. Он из тех, кто может терпеть. Дернул себе паховую мышцу, но терпел, я видела, как ему больно, а он держится, работает.

Спустя, наверное, год, а то и два Леша признался, что в туре, когда он вел переговоры со мной, к нему подошел Кулик и спросил: «Ты что, правда к ней уходишь?» Лешка подтвердил. Кулик ему: «Да ты у нее умрешь». Проводил, что называется, товарища добрым напутствием.

Леша оказался необыкновенно общительным парнем, за ним в Италии чуть ли не с первого дня ходило по десять — пятнадцать человек. Большой шутник и весельчак. Правда,

по мере того как он уставал, веселье пропадало, все больше и больше он спал. Но когда гулял, вся группа фигуристов за ним — как привязанные, выяснилось, что он не только добрый, но и очень широкий молодой человек. Мальчик нормальный, не заносчивый, он пользовался необыкновенной популярностью, его буквально разрывали на части. На всех языках во время этого международного сбора только и слышно: «Леш, Леша, Алекс». Его имя так и неслоь отовсюду, как эхо, по горам. Мы же расположились у Монблана, в чудном месте. Я по эху знала, где он находится в любую минуту.

Мы начали с короткой программы, той, что принесла ему потом большой успех. «Цирк», в котором я придумала показать его как жонглера с шариками и с предметами. Мне очень хотелось изобрести для него что-то совсем необычное, и как-то в Москве, когда я сидела дома одна, меня осенило — он будет кататься как бы с предметами. Я аж закричала от восторга!

Купила ему всяких шариков и требовала, чтобы он без конца ими жонглировал. Как человек очень способный, он, конечно, быстро научился ловить их и подбрасывать. Жонглирование вообще вещь полезная, развивает координацию и пластику. А ему это дело еще и нравилось, он расплывался от удовольствия на тренировках, все у него получалось легко. Из Италии мы перебрались в Америку. В штате Нью-Джерси сняли кондоминиум, и он стал на катке рядом с домом тренироваться. Именно там, в Нью-Джерси, началась серьезная работа над произвольной программой — «Вестсайдская история». Первые ее элементы он попробовал еще в Италии. Подтянулся к нам и Володя Ульянов... Что я никогда не забуду, так это то, что у Леши все время ломались ботинки, примерно в три недели раз. Что означало: три раза за два месяца он переходил на новые ботинки. За наш первый сезон он сменил пять пар. Наверное, это своеобразный мировой рекорд, но в то же время ужасная мука, я не представляла прежде, что такое возможно. Когда у него ботинок сломался накануне первенства Европы, я думала, что он не сможет на

соревнованиях кататься. А он выиграл этот чемпионат — и я им горжусь.

В знаменитых ботинках «Граф» у него пять раз выскакивала пятка. Один и тот же дефект. Без перерыва он с натертыми в кровь ногами от только что разношенных ботинок, одевал новую пару. И снова ноги — в кровь. Ботинки же нужно раскатывать, неделю терпеть. К тому же мы жили в Америке, а «Граф» — швейцарские ботинки, они доходили до Штатов по три недели. И однажды из-за этого получилась вынужденная пауза, три недели он не катался, а занимался атлетизмом.

В Америке он начал серию показательных выступлений, потом профессиональных соревнований. Так складывалось, что Леша один за другим все турниры выигрывал. В нашем первом совместном сезоне он принял участие в тринадцати турнирах и на одиннадцати из них победил! Одиннадцать! Немыслимая цифра для восемнадцатилетнего парня. Ягудин проиграл только чемпионат России и турнир в Японии. Каждый день я в нем открывала что-то новое. А работать мне с ним было, как никогда, легко, Леша выдерживал любые нагрузки, мог прокатывать на одной тренировке целиком программу по нескольку раз, что до него у меня никто и никогда не делал. Жили мы с ним в одном доме, а это дополнительная сложность — все время вместе. Вместе в машину, вместе из машины, вместе разминаться, вместе кататься, вместе садились обедать, я ему готовила. Правда, у него была своя комната, он там от меня передыхал. Передыхал, казалось, нормально, но вдруг взмолился нечеловеческим голосом: давайте купим собаку! Собаку купили. И жили уже втроем, с собакой. К тому времени мы решили, что произвольную композицию, которую не только поставили, но уже и обкатали, надо забыть и сделать новую. Алик Гольдштейн предложил мне музыку, а из нее и получилась программа, с которой он в 1999 году выиграл второй раз чемпионат мира — «Лоуренс Аравийский». Прекрасная мелодия, благодаря ей я программу поставила за неделю, а он ее сразу стал обкатывать на соревнованиях.

Лешу пригласили на чемпионат мира среди профессионалов — это случилось первый раз. Все, о чём я рассказываю, происходило в первой половине сезона. Он выигрывает у Браунинга, фигуриста, считавшегося непобедимым. Причем Браунинг тоже выходит с цирковой композицией — «Клоун». Демонстрирует ее на таком уровне, что зал встает. А Лешка его обыгрывает. Немыслимо, Браунинг — фигура в мировом фигурном катании уникальная по таланту, такой мастер рождается раз в двадцать лет. Подобного сочетания актерского дарования и спортивного мастерства нет ни у кого. А Леша вырывает у него звание чемпиона мира среди профессионалов.

Приезжаем в Москву, декабрь, первенство России. Он все время нудит: «Не хочу на чемпионат страны, не могу, я устал». Его организм начал немножко разлаживаться, слишком много стартов. Чемпионат страны он сдает, просто сдает Плющенко. Нет никакой энергии, он не хочет кататься, все ему, как говорится, по барабану. И следующие соревнования, которые проводятся в Токио, он тоже проигрывает Плющенко. Проигрывает, потому что не соблюдает режим. Январь. Подходит чемпионат Европы. За шесть дней до старта ломается очередной ботинок. Воспринимаю это событие, как личное горе. Я уже полюбила этого Лешу, полюбила за то, что он человек открытый и бесхитрый, не врет. Мне, во всяком случае.

А между тем собака в Америке съела весь дом. С утра луж на ковре не меньше пятнадцати. Назвал он пса Лоуренс, в честь своей произвольной программы. Лорик — совершенно замечательное существо, коккер-спаниель, все, живущие в доме, его обожали. Лорика к нам принесли, когда ему исполнилось только три недели. Он спал с Лешкой, потом прибежал будить меня, для того чтобы я за ним убрала. Оказывается, по ночам наш коккер-спаниель выходил от хозяина и делал свои дела исключительно на белом ковре, которым была устелена вся гостиная. Владельцы дома, похоже, не рассчитывали, что в нем может жить собака типа Лорика. Лешка покупал все имеющиеся в наличии в США средства оттирки-протирки, и этими лужами занима-

лись все, кто попадал в дом. А попадали туда многие. Так, в Америку были вызваны: Лена-пошивщица, Нателла-художница, Володя Ульянов. Потом ко мне приехала итальянская пара. Буквально терем-теремок, все валялись на раскладушках, кто где, а Лорик перемещался от одного к другому, прыгая и каждого целуя. Честно говоря, в доме творилось черт-те что, но все домочадцы занимались Лешей и убирали за Лориком все, что он нам преподносил. К собаке все искренне привязались, и, надо сказать, песик оказался отдушиной, потому что в Америке нам было нелегко: бесконечные соревнования и, в общем, не родина. А когда вдвоем, да еще тренировки за тренировками, то тяжело вдвойне. Но собака нас как-то отвлекала.

У меня в Америке соскочил позвонок и почти отнялись ноги. Лешка меня таскал на тренировки, я не могла ни сесть, ни встать. И если б не знаменитая массажистка Тамара, которая ко мне приехала, то, думаю, по сей день лежала бы недвижимая в больнице. Тамара мне буквально вырвала этот позвонок и вставила на место. Потом серия уколов, так я приходила в порядок. Собака — единственная, кто меня поднимал, я просыпалась в шесть утра, сползала на пол, сперва сама добиралась до туалета, а потом заставляла себя как-то встать на ноги, надо же было и ее выводить. Не могу сказать, что я собаку по утрам выгуливала, скорее, она выгуливала меня. Лорик тянул поводок, и я каким-то образом, с криком и болью, переставляла ноги. Так Лорик и Тамара меня спасли от полной неподвижности. За свой подвиг Лорик сгрыз абсолютно все, что находилось на полу, включая все плинтуса. Как положено нормальной собаке, он перегрыз ножки у стола, стол упал. Он пережевал все ботинки. Писал, где хотел. Хотел — писал в постели, хотел — писал на гостей, только успевали за ним стирать и убирать. Собака в доме росла как на свободе, в джунглях.

Лорик — точная копия характера Лешки, тот до сих пор такой же вольный стрелок. И ходить Лорик стал, как Лешка, походка — один к одному. Собаку потом привезли в Петербург к маме. Мама пришла в ужас, мало того, что какая-то тетя взяла сына тренировать, она еще купила ему собаку.

Понятно, что свалить Лорика на Лешину маму, в общем, был с моей стороны довольно хамский поступок, но Лешка так ныл, что я не выдержала и ему сказала: «Прыгнешь четверной, я тебе куплю собаку». А он взял и сразу прыгнул и требовал от меня держать слово, все-таки он был еще мальчишка. Из Америки мы уехали, когда повсюду звучало его имя: «Ягудин, Ягудин, Ягудин». Тут не стоит обольщаться. В нашем деле так всегда, один год: Ягудин-Ягудин, на следующий — уже на кого-то другого молятся. Но мальчик этот рос и убедительно побеждал. Единственное, что он отказывался понимать, — зачем участвовать в показательных выступлениях? До него не доходило, как это кататься, не соревнуясь? Я твердила ему: тебе все равно придется их полюбить потом, когда ты начнешь сходить, а сейчас ты в них открываешь свое лицо, свое отношение к фигурному катанию. А он, как маленький, обожал «кто кого», обожал соревновательный кураж.

Но вернусь к тому, что перед чемпионатом Европы в Праге у него... ну, конечно же, ломается ботинок. Через шесть дней — старт. Немыслимая ситуация. Он говорит мне: «Не приходите на каток два дня. Я за два дня сам все налажу». Действительно, смотреть, как чемпион мира вновь учится кататься, — зрелище не для слабонервных, моя бы психика не выдержала, пусть это и звучит непрофессионально.

«Поставить» ботинки — дело сложное, это все равно что настроить скрипку. Миллиметр влево конька, миллиметр вправо — любителю хоть бы что, а мастеру кататься невозможно, срываются все прыжки. Ноги все равно всегда в крови, их сразу натираешь, хоть и варят ботинки, и парят, и что только с ними не делают, лишь бы они не были каменными. Короче говоря, встает он на новые коньки и после четырех дней раскатки вроде бы все элементы получают. Но ему пока неудобно, он их не затягивает до конца, ботинки еще слишком жесткие.

В Праге на тренировке видно — он лучший. Главное — он лучше Плющенко, потому что тот его единственный конкурент в Европе. Леша показывает идеальную трени-

ровку, не срывает ни один прыжок. Однако стресс с переменной коньков сказывается на пресловутой «квалификации», он ее сделал практически по нулям. То есть не прыгнул просто ничего. Совершенно случайно задерживается на третьем месте в своей подгруппе и имеет довольно хилый шанс, поскольку результаты «квалификации» идут в финал. Мне до сих пор непонятно, почему. Дурацкое правило, ради того чтобы сделать у мужчин троеборье. Во время короткой программы Леша делает все прыжки, но по сумме баллов проигрывает Урманову. Тот — первый, Леша — второй, а Плющенко — третий. От Урманова он отстает на один голос. Но, с блеском выступив в произвольной программе, в итоге выигрывает чемпионат. Зрителям нравятся и его программа, и его катание. А катается он в решающий вечер идеально. Как вообще за три дня человек может от нулевого состояния подняться до стопроцентного? Остальные допускают ошибки, и вовсе не оттого, что они не готовы к старту, а потому, что такие соревнования друг с другом, ноздря в ноздю, психически невероятно напряженные, и у большинства не выдерживают нервы. И вот у Лешки-то они как раз не дрогнули. Счастье! Леша падает на колени и издалека, чуть ли не с середины катка, подъезжает ко мне, так и не поднявшись с колен. Я думаю, этот трогательный жест скорее всего от радости, а не от поклонения. На пьедестале три мальчика из России, три достойных мальчика, но он — первый. Наверняка Алексей Николаевич Мишин на это не рассчитывал.

У меня среди арбитров поддержки нет, как никогда и не было. Я не беседую с судьями, я их ни о чем не прошу. Леша выигрывает соревнования без всякой подпорки, даже со стороны российского арбитра. К нам все подходят, поздравляют, но когда он плохо выступил в «квалификации», никто из своей команды не посочувствовал, ни один человек. Для чего приехали руководители сборной, если они даже не подошли, не спросили, в чем дело, что случилось. Как будто Ягудина на чемпионате нет или он выступает не за Россию. Как откатал, так и откатал, ну и черт с ним. Начальство бегаёт, нервничает: будут ли медали в танцах или

нет? а что до мужского одиночного катания — не один, значит, второй, не второй, так третий. Это, конечно, удобная позиция, когда есть три выдающихся спортсмена.

В Москве готовимся к чемпионату мира. Потом уезжаем в Финляндию, там пройдет это первенство, там накануне мы проводим двухнедельный сбор. Вдруг у Леши начинаст болеть нога, причем сильно, и никто — ни врачи, ни тренеры, ни я — не может понять, что у него с ногой происходит. Почему она вдруг подкашивается? Я совершенно растеряна, боюсь, что у него порвется мышца. Периодические спазмы, будто судорогой сводит ногу. Боль ужасная, но он ее преодолевает. Не дает себе покоя, прыгает на больной ноге. Тренировки я провожу короткие, но очень интенсивные. Я чувствую, что, если нога его не подведет, на первенстве мира он будет рвать и метать. Но боль не отступает. Он уже хромает, уже ее подтягивает, уже перебежки без боли не может сделать. Но как он тренировался! Не давал себе никаких поблажек — так тренировались только самые выдающиеся спортсмены.

Нам очень помог маленький тихий городок в Финляндии, весь в соснах. Выхожу гулять, вроде нормальное настроение, но в голове как колокольчик: нога, нога, нога. Нogu он кутает, пьет какие-то лекарства, а она его не отпускает, как выходит на лед, начинаются эти ужасные спазмы. Вольтарен, уколы — ничего не помогает. Он заявляет: «Никаких лекарств пить больше не буду, никаких уколов делать тоже не буду. Как есть, так и буду кататься. Натурально».

Вот в каком состоянии мы заявляемся на чемпионат мира, вот в каком состоянии он выходит на «квалификацию»... но прокатывает ее нормально. Со всех сторон я слышу только имя Плющенко: Женя, Женя, Женя! Вся команда за Женю Плющенко. Другок, говорю я ему, нас с тобой тут, похоже, совсем не ждали. А если и ждали, то только для того, чтобы не давать тебе никаких поблажек. Леша немножко хромает, журналисты начинают об этом писать. Больному же фигуристу на чемпионате делать нечего. Ему предложили, чтобы он снялся с соревнований. Ведь не скроешь, с каким трудом он на тренировке прыгает, а по-

том еле-эле доезжает до борта. За ним пресса ходит, спрашивает, когда снимется. Он отвечает: «Я не собираюсь сниматься». Но нога-то... А диагноза нет. Тамара его массирует, доктор наш Аниканов его лечит. Но нога не работает так, как надо, а он терпит. Во время короткой программы он не чисто делает каскад. Взлетает со всей мощью, но с большим наклоном, на такую высоту люди не выпрыгивают. Правда, все допускают небольшие ошибки, кроме Плющенко, он и занимает первую строчку в протоколе. Алеша — второй. У него от шока, что он сорвал элементы, проходит нога! Боль исчезает. Боль вернулась потом, после соревнования, а пока, на следующий день, все в полном порядке. На чемпионате у одиночников выходной, он немножечко катается на тренировке.

Через день — старт произвольной. На площадке во время разминки абсолютная тишина, только звук разрезанного коньком льда. Все нынешние лидеры собрались: Урманов, Стойко, Хонда, Вайс. Тишина гробовая все шесть минут разминки. Зрители гениально себя вели, но было пугающе тихо. Ему везет — первый стартовый номер. Я люблю, когда мои начинают. Перед выходом он мне говорит: «Не волнуйтесь, я сейчас их всех порву». Они действительно как звери выходят на арену — это похоже на вольер со львами. Он не катается, а и впрямь рвет всех. Не оставляет никому возможности его обойти. В конце он кричит от восторга, что все сделал. Овация. Зал стоит, а он падает на колени и целует лед. Он безумствует, так не бывает, чтобы с больной ногой победить на чемпионате мира. Проката с такой фантастической энергетикой в одиночном катании, наверное, за последние десять лет не происходило. Одновременно и с холодной головой, и в страшном кураже. У него все получалось, он будто предлагал: «А вот еще, а вот так хотите, нет, могу по-другому». Меня не покидало ощущение, что он может разбежаться и ни с того ни с сего вытворить какой-нибудь такой невероятный прыжок. Судьи не имеют права первому участнику ставить 6,0, но один арбитр все-таки ставит по технике ему «шестерку». Понятно, что больше никто так откататься не сможет. Это звездный час.

Возможно, кто-то прокатается очень хорошо, может быть, даже замечательно, кто-то больше прыгнет, но так, как он, — никто! В зале сплошной крик. Подряд выходят сильнейшие, и каждый немножечко срывает хоть один элемент, он их всех «убил» своим катанием.

Когда Плющенко выиграл первенство страны, Ягудин подошел к Мишину и поздравил того. Все же он его воспитанник, это был корректный поступок. Учителя полагается уважать. Я в свое время, встретив Мишина перед первым нашим с Ягудиным совместным турниром, сказала: «Леша, извини, я не собиралась забирать у тебя ученика». Это не мой вопрос и не моя проблема.

Так заканчивается чемпионат, на который мы все вместе отправились на Лешиной машине. А накануне броска в Финляндию мы с Наташей Ульяновой переночевали у моей подруги Оли Овчинниковой. Остановились в доме, куда я первый раз пришла чуть ли не тридцать лет назад... В Финляндии произошла смешная история. Я очень нервничала перед произвольной программой, да и Лешка дергался, поэтому решил погулять часа полтора. Выходит он из гостиницы с нашей массажисткой Тамарой и видит, как я сажусь в автобус с надписью «Аэропорт». Двери автобуса закрываются и я уезжаю...

...А дело происходило следующим образом. Ко мне подходил не один судья с традиционным вопросом: «Почему все российское начальство за Плющенко? Почему никогда не за тебя?» На эти вопросы мне нечего ответить, я знаю одно: мне приходится быть намного лучше других. Если я вровень, никогда моему спортсмену ничего не дадут. Объективный вид спорта, субъективный — разницы никакой. Оттого я и нервничала ужасно. У меня тоже болела нога, и боль меня не оставляла весь сезон. Спина и нога — до сих пор они болят. Я лежала в гостинице, я всегда днем отдыхаю. Но вдруг почувствовала в себе силы и встала. У меня ничего не болело, боль меня отпустила. Я отправилась во Дворец, шла, подпрыгивая, такие легкие у меня были ноги. И на этих легких ногах я сажусь у гостиницы в автобус, уверенная, что он идет на стадион (не

посмотрев, что на нем написано «Аэропорт»), и отъезжаю у Лешки на глазах. На прощание поймала его взгляд, он смотрел на меня с большим удивлением, наверное, подумал, приеду ли я к произвольной программе или улетать домой собралась? Автобус завернул за угол, и я поняла, что еду в противоположную от стадиона сторону. Давай автобус останавливать, пересаживаться на такси. Бежала, кричала, руками махала. Везде же пропускная система. Специальный транспорт прямо ко Дворцу пускают, а такси задолго до него останавливают. Но к произвольной программе успела...

Я сидела без сил в коридоре около раздевалки. Подошел Робин Казинс и бухнулся передо мной на колени. Робин Казинс — великий олимпийский чемпион. Я тоже сползла на пол, на колени, так мы с ним беседовали с полчаса. Иностранцам Лешка нравился за мужество, силу и чувственность, нравился, конечно, за хороший английский язык, за то, что он открытый, общительный парень. За то, что он всегда охотно дает интервью. В итоге из-за его общительности у нас начались хождения по мукам, но это особая история.

После победы на чемпионате он отправился в тур Коллинза и был оттуда выслан, причем совершенно незаслуженно. Надо признать, что Лешку из тура выгоняли два раза. Как это случилось в первый раз? Все наши ужинали в русском ресторане в Нью-Йорке, это у них уже традиция, после шоу — ужин в русском ресторане. Я его предупреждала: «Не ходи, Леша». Он мне: «Ну что особенного, поужинаю и приеду». А в ресторане за соседним столиком сидела хорошенькая американка, афроамериканка, так теперь в США принято говорить. Слово «негр» — оскорбительное. Но мы же выучили американскую жизнь по «Хижине дяди Тома», а там другого слова, чем «негр», и нет, причем оскорбительного оттенка оно не носит. Так вот, Лешка, проходя мимо, умудрился ей сказать: «Как дела, негр?», естественно по-английски. Будучи в чудесном расположении духа, он еще и шлепнул ее, как бы приободряю-

ще. Мало того, на обратном пути он еще раз ее спросил: «Как у тебя дела, негр, ты что не отвечаешь?» Женщина эта оказалась ведущей какой-то известной телевизионной программы. Она позвонила Тому Коллинзу и сказала, что у него в туре выступают расисты. На прием к этой чернокожей телезвезде Лешка, чтобы извиниться, никак не мог попасть. Ему предстояло ей объяснить, что он не расист, он не хотел ее обидеть, поскольку Том не хотел иметь скандал в туре. При этом все отлично знают, что Ягудин — добродушный человек и никак не тянет на расиста. Но его язык девятнадцатилетнего юноши и отсутствие не то что мозгов, а такта и ощущения опасности, сыграли с ним злую шутку. Наконец он добрался до этой телеведущей, принес ей свои извинения, она позвонила Коллинзу и сообщила, что приняла объяснения Ягудина.

Конечно, Том такой глупости Ягудину простить не мог..

Любой из наших ребят, спортсмен он или не спортсмен, может выпить. Одиночника, который не выпивает после победы в конце сезона, я не знаю. Леша не хуже и не лучше других. Только бесхитростный. Но благодаря тому, что он заводила, если кому суждено попасться, то ему первому. Плюс еще огромный «недостаток» — говорит то, что думает. Для начала, в первые же дни тура, у него украли паспорт. Ему пришлось возвращаться в Москву, чтобы получить и новую визу, и новый паспорт. Пару выступлений он пропустил. Наконец отъехал обратно. Я сижу в Ганновере, пью утром чай у телевизора и вдруг вижу — Лешку показывают, как он катается на чемпионате мира. Я только: «Ой, Леха!», но тут же текст: он выслан с тура за пьянку.

Долго я занималась расследованием этого инцидента. Я очень уважительно отношусь к Тому Коллинзу, с другой стороны, мои ученики украшали его тур на протяжении многих лет. Лешу выслали, сославшись на то, что в Америке нельзя пить спиртные напитки до двадцати одного года. Наверное, это правильно, потому что в двадцать один человек все-таки лучше понимает, сколько, а главное — где ему можно выпить. Леша зашел в бар, там сидели его старшие товарищи, которым двадцать один год уже исполнился, а

некоторым гораздо больше. Он у кого-то из стакана отхлебнул, бармен не только заметил такую вольность, но и вызвал полицию. Это — начало.

Последней каплей послужило то, что сын Тома, Майкл, упрекнул Лешку, что тот накануне не исполнил какой-то прыжок... А они в туре то прыгают, то не прыгают, не потому, что ленятся или берегутся — другие условия. Прежде всего там отсутствует привычный свет. В туре он компьютерный, для представлений, а не для спорта, он светит в глаза, а это фигуристам непривычно: или должна быть большая концентрация внимания, или просто нужно к такому освещению привыкнуть. Но когда человек только входит в новое дело, когда у него всего лишь первые три-четыре выступления, он обязательно что-то срывает. И Лешка по простоте душевной говорит (вот она, главная его ошибка...): «Понимаешь, Майкл, я на соревнованиях собираюсь, там же я в бой иду. А здесь отдыхаю». Любой бы обиделся, тем более Коллинз, потому что его тур — знаменитое шоу, которое делает фигуристам в Америке большое имя. Не надо забывать и того (тем более сам Коллинз об этом прекрасно помнит), что в его туре они зарабатывают большие деньги. Я убеждена, что Лешка, когда ляпнул такую глупость, совсем не имел в виду, что он приехал к Коллинзу отдыхать. Просто невозможно каждый день собираться, как на войну. Но профессионализма, благодаря которому можно каждый вечер выглядеть наилучшим образом, у него еще нет. Нет, в конце концов, и умения приспособиться к другому свету. Тем более что весь подготовительный период, пока тур готовится, когда лучшие из лучших собираются и репетируют, он пропустил из-за того, что мотался в Москву за паспортом.

После такого высказывания Ягудина Том не стал закрывать дело с полицией, и Лешу отправили домой. Правда, Том на прощание с ним поговорил и сказал, что он его наказывает на несколько шоу. А когда Леша приехал домой, вдогонку сообщил, что отправил его навсегда. Леша, как ребенок, считает, что его обманули, зачем ему сказали «я отправляю тебя на несколько шоу в наказание»?

«Ягудина сняли с тура» — такое количество газет с этим сообщением вышло, столько об этом говорили по телевидению, будто мировая война началась. Но самое интересное, мне, тренеру Ягудина, никто не позвонил.

Журналисты забыли про то, что из тринадцати соревнований в сезоне он выиграл одиннадцать, писали, что Леша — алкоголик и нет ему никакого прощения. Между строк читалось, что он чуть ли не кого-то убил, избил, ограбил. Почему такая неадекватная реакция? Почему все они забыли, что он с октября каждую неделю выступал? И если он из бара не выходит, то отчего все ему проигрывают? Он что, машина, что ли, может пить все ночи напролет и выигрывать? Или соперники у него такие бесталанные собрались? Травля закончилась дисквалификацией со стороны русской федерации, хотя Ягудин не совершил проступка, попадающего под дисквалификацию. Нет ни одного протокола или донесения, свидетельствующего о том, что он где-то шатался пьяный или совершил аморальный поступок. За что его дисквалифицировали на год? Я не понимаю. В российскую федерацию не поступило даже письма от Коллинза. Все «документы» — это заметки в газетах.

Тем не менее его дисквалифицировали. Условно. И все равно такая несправедливость сильно ударила по его психике, тем более он хороший мальчик, не злой, но простак. Не могу сказать, что уж совсем простак, но очень добрый, а это уже близкие понятия. Его подкосило то, что ни один из его друзей, даже тот, кто ему дал отхлебнуть из своего стакана, старший товарищ, которого он обожает, слова в его защиту не вымолвили. Девочки только сделали попытку восстановить справедливость. И он потерял веру в друзей. Он их любил «так искренно, так нежно», но ни один человек за него не заступился. Никто не написал, никто не встал, никто не сказал единственного, что от них требовалось: «Ягудин не был пьян». И Марина Анисина мне говорила, и Казаков говорил, что Лешка ни в чем не виноват.

Я же знаю, что его отослали из-за этих злосчастных слов «здесь я отдыхаю». Когда-то Маша Бутырская проиграла на каких-то соревнованиях, и после первенства Евро-

пы встал вопрос, брать ее на чемпионат мира или нет. Леша сам пошел к Валентину Писееву просить за Бутырскую. Пошел к президенту федерации, к которому, как к Карабасу-Барабасу, никто не ходит, потому что все его боятся. У Писеева он заплакал. Он может заплакать, а я люблю людей, которые могут заплакать. Он просил за Машу, считая, что она великая спортсменка, у нее неудачно что-то сложилось в жизни и Писеев должен это понять.

Но за него никто не пошел просить, никто.

Сезон 2000 года начался с большими сложностями. Понятно, что Леша был совершенно раздавлен. Но тут пошли соревнования, мы отправились колесить от старта к старту, он стал взрослеть. Молодой человек всегда быстрее взрослеет, испытав горечь предательства. Парень он талантливый, но не будет у Леши легко складываться жизнь, пока он не очертит для себя какие-то границы. Куда он может ступить, а где для него запретная зона? Тренер, без него, сам ничего не сможет изменить. Ясно, что «колода» из двух-трех человек в мужском одиночном катании будет тасоваться до Олимпийских игр.

Леша хороший мальчик и в то же время очень сложный. Он ужасный непоседа. Не знает, когда ему спать, когда гулять, энергии — через край. Сильный мальчик, но сотый раз повторю — очень добрый. У таких людей тяжело складывается жизнь. Он реально смотрит на себя не только когда выиграл, но и когда проиграл, сам разбирается — почему? Никогда никого не обвиняет, так воспитан. Мама — милая, интеллигентная женщина, работает с английским языком. И бабушка чудная. Очень ласковая семья, но в спорт, в отличие от многих родителей, не вмешиваются. Мама сделала все возможное, чтобы ее сын катался. Он у нее один, и растила она его одна. Вместе с бабушкой они его поднимали. Когда у Леши появились первые деньги (а они жили в коммунальной квартире), он сразу купил им квартиру. На все деньги, которые заработал. Не стал ждать, пока ему власти дадут как чемпиону мира. Им, кстати, потом предлагали квартиру, а они отказались, такие люди!

Честная, хорошая семья. Мама-красавица. Когда они вместе, она выглядит, как его подруга. Маленькая красивая женщина, родившая и воспитавшая такого богатыря.

После третьей Лешиной победы на чемпионате мира, кажется, что нам уже просто и легко дается это первое место. В чем-то действительно стало свободнее, все же не первый и тем более не второй наш совместный год, когда никто про Ягудина и слышать не хотел. После условной дисквалификации началось странное время: он выигрывал соревнования, но так и не вернул ту идеальную форму, в какой находился в прошлом своем чемпионском году. Но у одиночников такого и не бывает — два года подряд держать лучшую форму. К домашнему состязанию Плющенко — Ягудин Женя набрал полную силу, а Алеша заболел. Я попросила, чтобы ему разрешили не выступать. Но бесполезно, мне доходчиво объяснили, что в Сокольниках идет чемпионат страны! Отборочный в сборную! Они сначала отбирают, потом нарушают свои же собственные правила. Леша стал вторым, он неважно катался. Потом он пропустил один из финалов Гран-при, у него опять сломались ботинки. Но если быть честными до конца, я не хотела, чтобы он выступал на этом турнире. Это уже 2000 год, финал Гран-при проходил в Лионе. Леша вновь менял ботинки. Я считала, что хорошо бы взять паузу, тем более пропал, как будто испарился его четверной прыжок, следовательно, тут же появился страх. Я хотела устроить перерыв, начиная с первенства страны, чтобы иметь месяц для нормальной подготовки, но двукратному чемпиону мира ее не дали.

Он не поехал на Гран-при, зато пошла серьезная подготовка, тем более к тренировкам подключился Леонид Моисеевич Райцин. Не устану повторять, Леня мой верный друг, выдающийся специалист в части физической подготовки выдающихся спортсменов. Леонид Моисеевич знает биомеханику, наверное, лучше всех, во всяком случае в нашей стране. Начали с Леонидом Моисеевичем готовить Лешу к чемпионату Европы. Он постепенно приходил в себя. Накануне стартов я определяла его готовность на семьдесят — восемьдесят процентов. Сто процентов, я счи-

таю, есть тогда, когда появляется стабильность, но она еще к нему не пришла. На чемпионате Европы Леша хорошо выступал, выиграл «квалификацию». По окончании чемпионата России Мишин сказал, что Плющенко не победил, а превзошел. Но я ничего подобного не наблюдала. Потом Леша выиграл короткую программу, катался замечательно, говорили, что такого проката короткой программы, как у Ягудина, уже не помнят. На чемпионате мира Леша этого высказывания не подтвердил, а тут превзошел себя. В произвольной ему уже сил не хватило. Он после четверного не сделал каскад и этим дал возможность выиграть Плющенко. Одним каскадом. Музыкальная часть программы у Леша получилась нелегкой на слух. Но эту музыку он принес сам — Жан Мишель Жарр «Сломанная стрела», — и мне хотелось поддержать его выбор. Хотя у меня с ней долго не ладилась постановка, я замучилась искать хореографию к этой музыке.

В Москве мы серьезно поговорили. Я не была уверена, что даже при таком варианте, что он произвольную программу откатает стопроцентно, то выиграет второй оценкой, оценкой за артистизм. Хотя программа главного соперника Ягудина — Плющенко — «Цыганочка» меня не приводила в восторг. Другое дело, что сама по себе музыка известная, зрители под нее невольно оживляются, и на судей, следовательно, она точно так же влияет. Женя Плющенко, безусловно, очень способный человек и, тренируясь у Мишина, свои способности умножает на мастерство своего тренера. Но, на мой взгляд, катание Ягудина интереснее.

Сразу после приезда, не давая себе ни дня отдыха, я поехала к музыкальному редактору и двое суток просидела с ним, выбирая иную музыку для произвольной программы. Я нашла то, что хотела, и сразу взялась за новую программу. Надо и ему, и мне отдать должное, буквально за два-три дня совершенно другая произвольная композиция вчерне оказалась готова. Мы пошли на большой риск, потому что программа может не попасть, что называется, «в конек», ведь с ней он ни разу не выступал за весь долгий сезон. А с другой стороны, эмоционально он себя чувствовал пре-

красно, с прежней программой уже распрощался, уже полностью откатал ее. Произошел не то чтобы редкий случай, когда за месяц до чемпионата мира меняют произвольную программу. Это — небывалый случай! И мое решение оказалось той самой вовремя отлитой пулей, которая попала в цель.

Я мучительно подбирала музыку для новой произвольной и нашла ее у музыкального редактора Славы. Он предложил мне «Тоску», но она никак у него «не склеивалась». Не получилось музыки на пять минут. Потом с Геной Папиным, замечательным моим товарищем, мы сидели двое суток, он «склеивал» музыку, в конце концов получилась изумительная композиция. Началась кропотливая работа. Незаметно пришли четверные прыжки, появилась стабильность, но тут Леша заболел гриппом, температура никак не снижалась после болезни и мучила нас пять недель. Нормальной она стала спустя две недели после чемпионата мира. На старт Леша вышел с температурой тридцать семь с половиной градусов. Игнорировать это, проводя по две тренировки в день, представлялось довольно опасной затеей. Леонид Моисеевич не рисковал давать ему большую функциональную нагрузку, мы понимали, этим можем загнать Алеше сердце. Он работал: повторял программу, делал прыжки и новые каскады. Я знала, основная задача — вставить в программу второй четверной прыжок, при успешном исполнении он снимал все вопросы по первой оценке за технику. И второй четверной вошел в программу. И Леша прыгал их оба, один из первых в мире фигурист с двумя четверными прыжками в произвольной программе: один в каскаде и один чистый. До Леши только у американца Тимоти тоже было два четверных прыжка в программе.

Он говорил, что чувствует себя нормально, не обращал внимания на температуру, только зрачки расширились и щеки розовели. Никто, конечно, не ждал, что он победит Плющенко, тот в сезоне выигрывал все, что можно, и напоминал машину, которая работает в автоматическом режиме и никогда не дает сбоев. Но борьба есть борьба, и она вносит изменения в психику каждого. Она задает вопросы, но

она и дает ответы. Мне с первой же тренировки показалось, что Женя не в лучшей форме. Леше, напротив, удавалось все, что он хотел. Соревнования у фигуристов, повтoрю, зачастую выигрываются уже на тренировках.

Леша впервые показал программу на людях в «квалификационном» старте. Ему скандировали, его поддерживали, каждый понимает, как сложно за месяц все поменять. Короткую программу Леша откатал на «шестерку». Но поскольку он мой ученик, любви ему от родной федерации уже не достается, заодно и объяснений судьям: кого федерация считает номером один в своей команде и просит учитывать ее мнение. Мне сообщили, что разговоры такие велись. Но только один судья, без стыда и совести, поставил его на второе место. Если закулисные игры коснутся одиночного катания, то пиши пропало, пока что интриги — удел танцевальных пар.

В решающий день с утра Ягудин находился с Леонидом Моисеевичем, у меня еще должны были выступать танцоры, три пары: израильская, итальянская и японская, все в разных группах, и мне полагалось присутствовать на их тренировках. Я все время проводила на катке, а Леонид Моисеевич не только Лешу разминал, он вообще не оставлял его ни на минуту. Утром на коротком прокате мне стало страшно, потому что ему удавалось абсолютно все. Он хотел еще и еще прыгать, но мы его с трудом сдержали и отправили домой. Строго говоря, мне полагалось запретить тренировку, поскольку пик пришелся на нее. Вечером он немножечко качался. Но самое главное — сделал свои два четверных. Потом его разок крутануло, в конце он упал с лутца. Но остальные после его утренней разминки просто не могли кататься. Падали, как подкошенные. Плющенко гонялся за четверным, так его и не поймал, прыгнул и упал. И места распределились следующим образом: Стойко — второй, он выстоял, не пытаясь прыгать четверной, третьим стал Вайс, четвертым оказался Плющенко.

А Леша Ягудин — трехкратный чемпион мира!

Таких людей в мире по пальцам одной руки можно пересчитать, одиночников, которые подряд бы выигрывали

три высших звания. При теперешнем уровне развития одиночного катания Лешка скорее всего установил абсолютный рекорд. Мне кажется, что перекрыть Лешино достижение в обозримом будущем невозможно. Уже все прыгают четверные прыжки, у всех они есть даже в короткой программе. Причем не в каскаде, а с шагов, это трудней. У всех в короткой элементы такой сложности, что даже с незначительной ошибкой ты с первого места сразу улетаешь на четвертое-пятое и там отдыхаешь.

Что я еще могу вспомнить о чемпионате мира 2000 года? Барбара Фузар-Поли и Маурицио Маргальо, моя итальянская танцевальная пара, первый раз поднялись на вторую ступеньку пьедестала. Они прежде никогда не попадали в призеры, и для меня, и для них это большой успех. Не говоря уже об итальянской федерации. В оригинальном танце они выиграли у ставших чемпионами Марины Анисиной и Гвендаля Пейзера. Те в течение года три раза меняли оригинальный танец, он им никак не удавался, но и тот, что они выбрали, оставлял желать лучшего. А у итальянцев оригинальный танец с первого же соревнования сезона, со «Скейт Америки», стал своего рода эталоном.

Пять лет назад итальянская федерация обратилась ко мне с просьбой, чтобы я помогла этому дуэту. В то время они могли рассчитывать на звание самой тихходной пары в мире. Никак у них не получалось разбежаться, скорость отсутствовала полностью. Зато сейчас итальянцы показали самый высокий темп на чемпионате. Первое, что я сделала, — посоветовала им взять тренера по физической подготовке. Они нашли своего земляка, работавшего с легкоатлетами. Изо дня в день они с ним набирали приличные нагрузки в силовой и скоростной подготовке. И отсюда появилась скорость, впрочем, после таких занятий она бы пришла к любому. Другое дело, что итальянцы превзошли все мои ожидания. А это уже благодаря тому, что они редкостные работяги.

Заговорила о танцах и вспомнила, что Марина Анисина — это мой родной ребенок, а точнее, внучка. Я же тре-

нировала ее маму Иру Черняеву. Знаю чемпионку в танцах практически с момента ее рождения. На моих глазах она выросла, на моих глазах мама ее водила на каток. Ира много сделала, чтобы дочка состоялась как большая спортсменка. Когда Марину выгнала Линичук и отобрала у нее партнера Илюшу Авербуха, то они с мамой пребывали в большой тоске. Я ее позвала к себе в театр, чтобы как-то девчонка забылась и успокоилась. Но мать сказала твердо: «Нет, Татьяна Анатольевна, Марина останется в спорте, партнера мы найдем». Они и нашли Пейзера, не близко, правда, во Франции.

За скобками этого чемпионата остались двукратные мировые чемпионы Анжелика Крылова и Олег Овсянников. В принципе, это событие не касается меня непосредственно. Но я все еще не перестаю удивляться, как после того, что так долго с людьми прожито и так много сделано, они остаются совершенно никому не нужными: ни родной федерации, ни своим тренерам? Ко мне приходила Крылова, просила помочь ей хотя бы советом: бросать кататься или продолжать? Как такое может случиться, чтобы чемпионы остались одни? Великие — и никому не нужные. А потом, мягко говоря, удивляются: почему они уезжают? Да потому, что никто к ним больше не подходит и не спрашивает, как они живут, на что они живут, хотя до этого с большим удовольствием печатали сведения об их доходах, подсчитывали, что таких денег на всю жизнь хватит, забывая, что помимо доходов есть еще и расходы. Одно лечение Крыловой сколько сейчас стоит? Олег Овсянников, он тоже мой мальчик, он из моей группы. Так же, как и другие, которые были и есть сейчас в группе Линичук. Когда я ушла из спорта, то оставила своих детей Свете Алексеевой, моей помощнице, но их у нее забрали. И Рому Костомарова, и Илюшу Авербуха. Это к разговору, что я беру только готовых фигуристов. Овсянников на следующий год у нового тренера стал третьим в мире, чудес же не бывает. Олег долго катался с дочкой Светы Алексеевой — Леной Костомаровой. Пары разбивались, для того чтобы освободить партнеров. А пары были хорошие.

Весной 2000 года мне позвонили из Нью-Йорка и сказали, что меня включили в число двадцати пяти людей, которые за столетие внесли самый большой вклад в развитие фигурного катания. Русских в этом списке трое: Катя Гордеева, Тамара Москвина и я. В нем много американцев, что неудивительно — опрос проводился американским журналом. О каждом из двадцати пяти они собираются напечатать по большой статье. Наверное, они отметят, что в трех из четырех видов фигурного катания мои ученики становились олимпийскими чемпионами и чемпионами мира.

Никогда не работала я только с одиночницами, но два года назад взяла себе 16-летнюю девочку — Иру Николаеву. Ира сама пришла ко мне: «Хочу у вас кататься. Пожалуйста, возьмите меня». Я решила, она не помешает ни Леше, ни мне. В сезоне 2000 года моя девочка стала пятой на чемпионате страны. А четвертое место досталось Юлии Солдатовой, а она за год до этого дошла до бронзовой медали на чемпионате мира. Шестой оказалась воспитанница Вити Кудрявцева — Лена Соколова. Лена ходила и в чемпионках, и в призерах, и выигрывала массу международных соревнований, и Гран-при. Так что для первого нашего года Ира показала хороший результат, учитывая, что чемпионат страны у нас — главное соревнование для тех, кто только пробивает себе путь на мировые площадки. Девочка со мной собирается и дальше работать, да и я с ней расставаться не намерена. Я буду ставить новые танцы Жене Платову и Майе Усовой. Я в ответе за Женину судьбу и сделаю все, чтобы эта пара продержалась как можно дольше. У них уже есть своя публика, свои фаны. Они завоевали себе право на участие в туре Коллинза, ведь они сразу лишились там места, как только Усова с Жулиным, но прежде всего Гришук — Платов, олимпийские чемпионы, распались. У меня с ними потрясающие отношения, из тех, что называют доверительными. У Майки уже все болит, и спина «сломана», да и у Жени не все ладно со здоровьем. Невероятно, но за

два года они создали свое направление, свой стиль в танцах на льду. Были бы они чуть-чуть крепче физически, я бы их подготовила к олимпийскому сезону 2002 года. А все остальное у этих ребят есть: и талант, и душа, и рвение, и терпение. Сколько же на них грязи лила и продолжает лить Паша, бывшая Оксана, ненавидя Майю. За что? За то, что сама так бездарно распорядилась своей судьбой. Мы воспринимали серьезно то, что она вбила себе в голову Голливуд. А я еще по глупости Женю уговаривала: «Ты должен серьезно относиться к ее мечте». Я искренне верила, что она туда попадет, будет учиться, так во всяком случае она говорила. И где теперь ее Голливуд? Как сказал Женя: «За эти потерянные деньги (а он много потерял, потому что долго не работал, причем на самом пике славы, ушел не один месяц, пока я Майю ставила вместе с ним) я купил себе свободу». Вот и все.

Есть такая аксиома, что исключительно люди с невыносимым характером становятся чемпионами. Но я бы ее поправила, эту аксиому — не с невыносимым, а со сложным, пусть даже очень сложным характером. Конечно, успех такого доброго и мягкого человека, как Женя Платов, наверное, исключение. Но зато в этом дуэте Паша по части сложного характера заменяла собой не двоих, а троих. Но у Жени такой талант, такая красота в ногах, в теле, в движениях, что ему не очень-то и нужен сложный характер. Сейчас, когда у него нервы успокоились, он стал другим человеком, получает удовольствие от жизни, ему не приходится терпеть унижения и свою судьбу превращать в ад. Время вспять не течет, люди становятся старше и старше, придет и их пора покинуть лед. Майя, мне кажется, в будущем сможет стать хорошим тренером, предпосылки к этому у нее есть. Умеет придумывать. Она — украшение пары, и не только благодаря своей красоте.

Заканчивается моя книга. Пора подводить итоги этому, уже ушедшему непонятно куда, в память человеческую на-верное, времени.

В 1984 году мы с Володей, придумав ледовый театр, дали толчок новому делу в Советском Союзе. Устроили жизнь десяткам спортсменов, будто подгадав новое время, когда их таланты будут востребованы на Западе. Пусть нет сейчас театра, но мое дело продолжается, ведь все они работают, чем я очень горжусь, в лучших шоу мира. И почти все на главных ролях. Алеша Тихонов вернулся в спорт и стал чемпионом мира. Он только подтвердил мои слова, что из моего театра можно вернуться обратно в спорт, чего нельзя повторить ни в одном ледовом шоу в мире. Когда он выиграл в 2000 году чемпионат, то подошел ко мне, поблагодарил. И те, кто ушел, и те, кто остался со мной, я всех их считаю, пусть в разной степени, но своими воспитанниками. Я помогла всем им обрести себя, дала профессию. Родители родили, учитель определил жизнь ученика. И Игорю Бобрину я дала профессию, потому что, закончив со спортом, он сидел у Наташи Бестемьяновой в Чертаново и не знал, чем ему заняться. А тут образовался театр, он в него пошел и получил не только профессию, но и свое дело. Я горжусь, что у них с Наташей свой театр, они здорово работают, они большие молодцы. Такая плеяда, не знаю, не подсчитывала, но не меньше сотни, наверное, тех, кому я помогала выйти в жизнь. Столкнувшись со мной, они поняли, как нужно трудиться, и этому я очень рада. Я не хвалю себя, но знаю точно, что они меня вспоминают добрым словом.

Мне звонит Воложинская, и всегда ее первые слова: «Моя любимая». А Валянская сейчас прима-балерина в Америке, под нее готовят постановки у Диснея, и люди плачут на ее спектаклях. Марина Пестова с мужем Маратом Акбаровым тоже в Америке. На них труппа держится, они тоже у Диснея, только в другом шоу. Илона Мельниченко с Темой Торгашевым поженились, работают тренерами. Она звонит мне каждую неделю, интересуется моей жизнью, ее пытливый ум впитывает любые нюансы. Она очень старается, и дети ее любят. Саша Свиньин до сих пор катается с Ирой Жук. У них ведущие роли в английском шоу. Лена Гарилина с Валерой Спиридоновым живут в Америке и тре-

нируют. Как видите, никто не пропал, не спился, не умер под забором, все работают. И от этого я счастлива. Высшее счастье — дать человеку профессию.

Я уже несколько лет перед началом очередного сезона живу в Америке. Живу там ради того, чтобы работать здесь. Потому что именно там можно заработать достойные твоего уровня деньги. Не миллионы — я же не хоккеистов из НХЛ тренирую, — но на приличную жизнь хватает. Правда, у меня в группе американцев нет. Тамара Москвина с ними занимается, Галя Змиевская тренирует. Но это не потому, что я американцев не люблю и страшная патриотка, работаю только со своими. У меня на льду израильтяне, итальянцы, японцы. Мне же платят деньги не за то, что я там живу, а за то, что я там делаю. В Москве не платят, зато в Америке можно заработать так, что на эти деньги я полгода в Москве способна продержаться. В любых учеников приходится вкладывать деньги. Иначе получится, что только богатые могут брать уроки фигурного катания, а талантливые нет. Очень часто эти понятия не совпадают, а за фигурку и в России полагается сейчас платить. Поэтому зарабатываешь там, а тратишь здесь. Вкладываешь деньги в свою же профессию. Потому что, кроме этой профессии, в жизни ничего важнее не осталось. Она и первая любовь, и первая страсть, и наркотик, который держит и не отпускает. На свое дело, как морфинист на укол, ничего не жалеешь, тренируешь и за деньги, и бесплатно, как угодно.

В Америке любят звезд. А у нас — нет. Особенно не любят своих. Иностранцев — еще черт с ними, вроде так у них принято. Да, звезды живут лучше, чем остальные трудящиеся, но, слава богу, живут большей частью там, отсюда не видно. А наши если начинают хорошо жить — беда. Большая беда.

А должен в Москве стоять красивый каток, и на нем большими буквами: «Школа Виктора Кудрявцева», «Школа Елены Чайковской», «Школа Татьяны Тарасовой». И такая

возможность есть, вон сколько в столице катков понастроили. Я работаю сейчас на катке «Серебряный», по нему прогуливаются какие-то странные люди. Администраторов штук двадцать, все в темных очках, накачанные мальчишки. Мне страшно. Атмосфера недоброжелательности, непонятно почему. Пару раз меня пытались оттуда выставить за дверь вместе с чемпионом мира.

Такая несусветная глупость, эти вечные призывы и вопросы: «А когда вы вернетесь обратно?», а зачем надо возвращаться обратно? Мы теперь открыты всему миру, мы можем работать и жить в любой стране. И тот, кто задает эти вопросы, тоже может выбирать, где ему трудиться, где отдыхать. Правда, я без конца слышу от руководителей нашей федерации: уехали туда и готовят нам соперников. А вы нам дайте приличную зарплату, а спортсменам условия, мы будем только своих готовить. Кстати, успеваем и со своими заниматься. И не просто заниматься, а довести их до золотых медалей.

Наверное, выглядело бы странно, если бы Тарасова вела детские группы. Один умеет вести, другой доводить. Конечно, жалко, что столько специалистов уехало туда. Но мы же старые, мы еще держимся, пусть даже частично, но здесь. Если б не ученики, которые должны выступать за Россию, то человеку лучше находиться там, где он востребован. Да, я могу и проиграть, но это ничего не меняет. Вместе с другими мои ученики обрекли нашу школу фигурного катания на славу. Мы много сделали для развития этого вида в стране. А хоронить нас будут скорее всего под флагом ИСУ. Они к нам относятся уважительно.

Несмотря ни на что, я нахожусь в прекрасном состоянии любви к своей Родине. Для меня — это не просто слова. Я не раз испытывала не многими изведенное чувство, когда в честь твоей победы поднимают флаг твоей страны. Оно переполняет мне душу и сердце.

Да, я хочу, чтобы все время поднимался флаг, но не желаю умереть в нищете и помоях, постоянно обрушиваемых на меня. Сколько еще сил хватит, на сколько поколений? И за свою работу пусть не деньгами, ими страна небогата,

то хотя бы каким-то человеческим отношением быть согретой. Только и всего.

Нет, конечно, я не могу пожаловаться на отсутствие любви народной. Я вышла из Останкино, где в прямом эфире сказала, то, что сейчас написала, только жестче. Сперва в коридорах мне аплодировал, по-моему, весь первый канал. Так, под овации и крики «браво», меня до остановки троллейбуса и проводили. Люди мне потому хлопали, что они меня тридцать пять лет знают и понимают, как я работаю, чтобы доставить им минуты радости. Все же большая редкость у нас, глядя в телевизор, получать удовольствие.

Нет в жизни большего счастья, чем поднять зал. В Ницце, на чемпионате-2000, после выступления Леша Ягудина зал стоял. Кто-нибудь знает, как французов поднять?! а они вскочили его приветствовать и благодарить.

Точно так же и я после спектакля Бориса Эйфмана «Красная Жизель» плакала и кричала «браво!» до хрипоты. За то, что я увидела, за счастье прикоснуться к удивительному таланту. Люди в зале встают только в том случае, если ты сумел достучаться до их сердца.

Здесь я хотела поместить длинный список всех близких для меня людей и поблагодарить их за то, что они были всегда рядом. Кто больше, кто меньше, но они всегда переживали за меня и поддерживали как могли. Но потом поняла, что со своей дурацкой памятью кого-то забуду — и буду из-за этого мучаться всю оставшуюся жизнь.

Какие последние слова полагается писать в автобиографической книге? Автор, как вы понимаете, жив и продолжает трудовую деятельность. Потому и последних слов не ждите. Ожидайте продолжения...

Ваша Татьяна Тарасова

Москва — Ганновер — Москва

1984—2001 гг.

העמותה לקליטת עליה בחיפה

רח"י ל. פרץ 20 חיפה 33041

ספריה

6484

מס'

5 К моему читателю

Часть I

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА

- 9 Мой талисман — черепаха
12 Стадион Юных пионеров
16 Мои родители
35 Лейк-Плэсид: последняя
Олимпиада Родниной
41 Ира и Саша
50 Костюм для чемпионов
55 Моисеева и Миненков
71 Пять минут у льда
74 Бестемьянова и Букин
88 Великие имена
94 Выдающиеся тренеры
115 Музыка в моей жизни
122 День тренера

Часть II

КРАСАВИЦА И ЧУДОВИЩЕ

- 133 Отлучение
139 Ледовый театр
157 День постановщика
161 Ледовый театр-2
184 Взгляд из зала
186 Ледовый театр-3
203 Наташа и Володя Ульяновы
208 Ледовый театр-4

Часть III

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

- 245 Наташа и Андрей
260 Торвилл и Дин
269 Екатерина Гордеева
и Сергей Гриньков
272 Ирина Роднина и Александр
Зайцев
275 Ирина Моисеева и Андрей
Миненков
276 Анна Ильинична
282 Ганновер
289 Климова — Пономаренко
305 Илья Кулик
312 Турне Тома Коллинза
359 Прощание с папой
372 Грищук и Платов
402 Моя семья
413 Алексей Ягудин
437 Заключение

Татьяна Анатольевна Тарасова
Красавица и чудовище

РЕДАКТОР
И.С. Гайдамович
ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР
Е.Г. Таран
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
С.А. Виноградова
ТЕХНОЛОГ
С.С. Басипова
КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА ОБЛОЖКИ И БЛОКОВ ИЛЛЮСТРАЦИЙ
С.Б. Мжелский
ОПЕРАТОР КОМПЬЮТЕРНОЙ ВЕРСТКИ
А.В. Волков
п. КОРРЕКТОРЫ
В.А. Жечков, С.Ф. Лисовский

Оптовая торговля:

Эксклюзивный дистрибьютор издательства «Клуб 36'6»
г. Москва, Рязанский пер., д. 3, этаж 3
Тел./факс: (095) 265-13-05, 267-29-69, 267-28-33, 261-24-90
E-mail: club366@aha.ru
107078, г. Москва, а/я 245 «Клуб 36'6»

КОРФ «У Сытина»:

125008, Москва, пр-д Черепановых, д. 56
Тел.: (095) 156-86-70. Факс: (095) 154-30-40
Интернет: <http://www.kvest.com>
Электронная почта: shop@kvest.com

Фирменный магазин «36'6 — Книжный двор»:

Тел.: (095) 265-86-56, 265-81-93
Тел.: 523-92-63, 523-25-56. Факс: 523-11-10

Интернет-магазин:

<http://www.24x7.ru>

Получить подробную информацию о наших книгах и планах, авторах и художниках, истории издательства, ознакомиться с фрагментами книг, высказать свои пожелания и задать интересующие Вас вопросы Вы можете, посетив сайт издательства в сети

Интернет: <http://www.vagrius.com>

<http://www.vagrius.ru>

Новости «ВАГРИУСа» на сайте <http://www.ONLINE.ru>

Издательская лицензия
№ 065676
от 13 февраля 1998 г.
Налоговая льгота –
общероссийский
классификатор продукции
ОК-005-93, том 2:953000 –
книги, брошюры
Подписано в печать 08.08.2001
Формат 60x90/16
Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Объем 28 печ. л.
Тираж 7000 экз.
Изд. № 1147. Заказ № 1915

Издательство «ВАГРИУС»
129090, Москва, ул. Троицкая, 7/1
Электронная почта (E-Mail) —
vagrius@vagrius.com

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14
OCR Давид Титневский, апрель 2021 г., Хайфа

В СЕРИИ

*Мой 20
век*

ВЫШЛИ КНИГИ

Жоржи Амаду
КАБОТАЖНОЕ ПЛАВАНЬЕ

Николай Амосов
ГОЛОСА ВРЕМЕН

Ирина Архипова
МУЗЫКА ЖИЗНИ

Григорий Бакланов
ЖИЗНЬ, ПОДАРЕННАЯ ДВАЖДЫ

Брижит Бардо
ИНИЦИАЛЫ Б.Б.

Георгий Бурков
ХРОНИКА СЕРДЦА

Константин Ваншенкин
ПИСАТЕЛЬСКИЙ КЛУБ

Евгений Весник
ДАРЮ, ЧТО ПОМНЮ

Андрей Вознесенский
НА ВИРТУАЛЬНОМ ВЕТРУ

Олег Волков
ПОГРУЖЕНИЕ ВО ТЬМУ

Егор Гайдар
ДНИ ПОРАЖЕНИЙ И ПОБЕД

Александр Городницкий
И ЖИТЬ ЕЩЕ НАДЕЖДЕ...

Максим Горький
КНИГА О РУССКИХ ЛЮДЯХ

Марлен Дитрих
АЗБУКА МОЕЙ ЖИЗНИ

Татьяна Доронина
ДНЕВНИК АКТРИСЫ

Дон-Аминадо
ПОЕЗД НА ТРЕТЬЕМ ПУТИ

Евгений Евтушенко
ВОЛЧИЙ ПАСПОРТ

Борис Ефимов
ДЕСЯТЬ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

Марк Захаров
СУПЕРПРОФЕССИЯ

Илья Збарский
ОБЪЕКТ №1

Лазарь Каганович
ПАМЯТНЫЕ ЗАПИСКИ

Клаудия Кардинале
МНЕ ПОВЕЗЛО

Валентин Катаев
ТРАВА ЗАБВЕНЬЯ

Василий Катаня
ПРИКОСНОВЕНИЕ
К ИДОЛАМ

Игорь Кио
ИЛЛЮЗИИ БЕЗ ИЛЛЮЗИЙ

Михаил Козаков
АКТЕРСКАЯ КНИГА

Алексей Козлов
«КОЗЕЛ НА САКСЕ»

Агата Кристи
АВТОБИОГРАФИЯ

Муслим Магомаев
ЛЮБОВЬ МОЯ – МЕЛОДИЯ

Карл Густав Маннергейм
МЕМУАРЫ

Анатолий Марленгоф
«БЕССМЕРТНАЯ ТРИЛОГИЯ»

Евгений Матвеев
СУДЬБА ПО-РУССКИ

Анастас Микоян
ТАК БЫЛО

Павел Милюков
ВОСПОМИНАНИЯ

Андре Моруа
МЕМУАРЫ

Родион Нахапетов
ВЛЮБЛЕННЫЙ

Вацлав Нижинский
ЧУВСТВО

Юрий Никулин
ПОЧТИ СЕРЬЕЗНО...

Татьяна Окуневская
ТАТЬЯНИН ДЕНЬ

Юрий Олеша
КНИГА ПРОЩАНИЯ

Лучано Паваротти
МОЙ МИР

Софья Пилявская
ГРУСТНАЯ КНИГА

Иосиф Прут
НЕПОДДАЮЩИЙСЯ

Виктор Розов
УДИВЛЕНИЕ ПЕРЕД ЖИЗНЬЮ

Анатолий Рыбаков
РОМАН-ВОСПОМИНАНИЕ

Эльдар Рязанов
НЕПОДВЕДЕННЫЕ ИТОГИ

Давид Самойлов
ПЕРЕБИРАЯ НАШИ ДАТЫ

Юрий Сенкевич
ПУТЕШЕСТВИЕ
ДЛИННОЮ В ЖИЗНЬ

Веннамин Смахов
ТЕАТР МОЕЙ ПАМЯТИ

Лидия Смирнова
МОЯ ЛЮБОВЬ

Константин Станиславский
МОЯ ЖИЗНЬ
В ИСКУССТВЕ

Микаэл Таривердиев
Я ПРОСТО ЖИВУ

Александра Толстая
ДОЧЬ

Лев Троцкий
МОЯ ЖИЗНЬ

Олег Трояновский
ЧЕРЕЗ ГОДЫ И
РАССТОЯНИЯ

Леонид Утесов
СПАСИБО, СЕРДЦЕ!

Константин Феокистов
ТРАЕКТОРИЯ ЖИЗНИ

Вячеслав Фетисов
ОВЕРТАЙМ

Фредерик Филипс
ФОРМУЛА УСПЕХА

Милош Форман
КРУГОВОРОТ

Кэтрин Хелперн
Я. ИСТОРИИ ИЗ МОЕЙ
ЖИЗНИ

Тур Хейердал
ПО СЛЕДАМ АДАМА

Владислав Ходасевич
НЕКРОПОЛЬ

Никита Хрущев
ВОСПОМИНАНИЯ

Марина Цветаева
ГОСПОДИН МОЙ — ВРЕМЯ

Чарльз Чаплин
МОЯ БИОГРАФИЯ

Ольга Чехова
МОИ ЧАСЫ ИДУТ ИНАЧЕ

Федор Шаляпин
МАСКА И ДУША

Георгий Шахназаров
С ВОЖДЯМИ И БЕЗ НИХ

Анатолий Эфрос
ПРОФЕССИЯ: РЕЖИССЕР

Александр Яковлев
ОМУТ ПАМЯТИ

ГОТОВЯТСЯ К ИЗДАНИЮ

Владимир Семичастный
БЕСПОКОЙНОЕ СЕРДЦЕ

Алла Сурикова
СУЕТА СУЕТ

Федерико Феллини
Я, ФЕЛЛИНИ

Сергей Юрский
ЗАПАДНЫЙ ЭКСПРЕСС

Татьяна Тарасова

КРАСАВИЦА и чудовище

Мой 20 век

Татьяна Тарасова

КРАСАВИЦА
и чудовище

Татьяна Тарасова

Мой 20 век

Фигурное катание –
красивейший вид спорта.
Но за обворожительным лицом
этой «красавицы» прячется
настоящее «чудовище» –
строжайший режим
для фигуристов, жесткая
(порой даже жестокая)
система тренировок, тяжелые травмы...
И задача тренера – проведя своих
подопечных по тернистому пути,
вывести их на лед.
Иначе чемпионами не становятся.
В своей книге легендарный тренер
Татьяна Тарасова рассказывает
о нелегком труде, о сложных
взаимоотношениях со спортивными
чиновниками, о радости побед
на чемпионатах. А еще – о детстве
в семье великого Анатолия Тарасова –
одного из создателей советского хоккея,
о собственной спортивной карьере,
протившей ей блестящее будущее...
И о первом в нашей стране
театре на льду «Все звезды»,
который Татьяна Тарасова создала,
не прерывая тренерской работы
(кстати, один из лучших спектаклей
в этом театре называется
«Красавица и Чудовище»).

Любой поклонник фигурного катания
в России знает имя Татьяны Тарасовой –
ведь почти все ее ученики стали
звездами мирового класса.

Количество золотых медалей,
завоеванных ими на чемпионатах мира
и Олимпийских играх, дает ей место
в Книге рекордов Гиннеса,
причем с огромным отрывом от коллег.
Достаточно вспомнить вдохновенных
Ирину Моисееву и Андрея Миненкова,
легендарную пару
Ирина Роднина – Александр Зайцев,
уникальных фигуристов
Илью Кулика и Алексея Ягудина, дуэт
Наталья Бестемьянова – Андрей Букин,
совершивший революцию
в танцах на льду...

ВАГРИУС

ВАГРИУС

ISBN 5-264-00194-4

9 785264 001949

ВАГРИУС